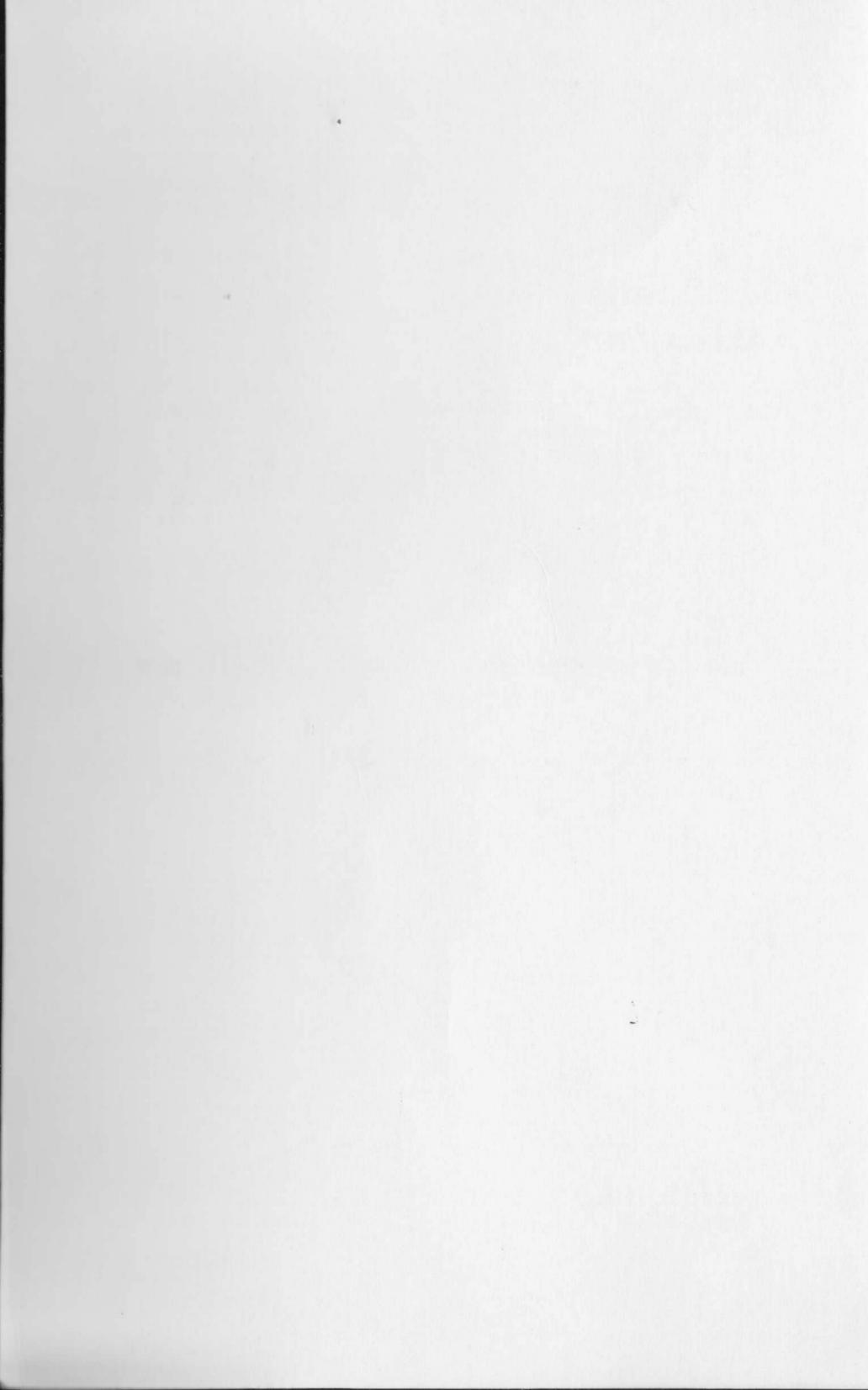

РЕПРЕССИРОВАННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

Ф.Д.Ашнин
В.М.Алпатов
Д.М.Насилов

РЕПРЕССИРОВАННАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ане Дубо
от автора
из автора

14/III 2013

Ф.Д.Ашнин
В.М.Алпатов
Д.М.Насилов

РЕПРЕССИРОВАННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2002

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)615-4
А98

Редактор издательства

С. В. ВЕСНИНА

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насилов Д. М.

А98 Репрессированная тюркология / Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов, Д. М. Насилов. — М. : Вост. лит., 2002. — 296 с. : ил. — ISBN 5-02-018338-5 (в обл.).

Книга «Репрессированная тюркология» посвящена мрачному периоду истории советской тюркологии. На основе архивных материалов органов безопасности России, Азербайджана, Казахстана и Киргизии впервые вводятся в научный оборот следственные дела 1937–1939 гг., а иногда и более ранних лет. Выясняются точные обстоятельства гибели многих выдающихся деятелей науки и культуры разных народов: А. Н. Самойловича, Е. Д. Поливанова, Б. В. Чобанзаде, Г. С. Губайдуллина, Х.-С. Ходжаева, Ахмеда Джавада, Михаила Мушфика, Гусейна Джавида, А. Байтурсунова, М. Жумабаева, К. Тыныстанова и других. Рассматривается общественно-политическая ситуация в нашей стране в 20–30-е годы, сначала способствовавшая активной деятельности этих людей, но затем приведшая к их гибели.

ББК 63.3(2)615-4

© Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов, Д. М. Насилов, 2002
© Институт востоковедения РАН, 2002
© Российская академия наук
Издательская фирма
«Восточная литература», 2002

ISBN 5-02-018338-5

ПРЕДИСЛОВИЕ 2002 г.

Настоящая работа была задумана и начата Федором Дмитриевичем Ашниным (1922–2000) еще в 80-е годы.

Федор Дмитриевич, тюрколог по образованию и первоначальной специализации, посвятил большую часть своей творческой деятельности изучению истории отечественной науки, в том числе тюркологии. Еще в начале 60-х годов, когда доброе имя А.Н.Самойловича и Б.В.Чобан-заде только-только было восстановлено, он первым опубликовал статьи, посвященные их научной деятельности; продолжал он заниматься их наследием и в 70-е. Однако в этих публикациях был пробел, на который указал из Сиэтла Н.Поппе, писавший И.В.Стеблевой о статье, посвященной А.Н.Самойловичу [Ашнин 1978]: «Биография не плоха, лишь опущены последние годы его жизни. Для полноты необходимо и указание причин смерти: умер от рака, так от рака, от сердечного припадка, так припадка» (цит. по [Алпатов 1996: 132]). Но писать об этом в те времена было нельзя, и не только по цензурным причинам: никто ничего об этом достоверно не знал. Архивы КГБ были закрыты. Лишь в годы перестройки они начали приоткрываться и Федор Дмитриевич одним из первых стал работать в них. Именно он установил, что в случае А.Н.Самойловича не было «последних лет», а были четыре с половиной месяца, что он не умер от рака или сердечного приступа, а был расстрелян.

Еще в 80-е годы Ф.Д.Ашнин смог ознакомиться со следственными делами А.Н.Самойловича, Е.Д.Поливанова и ряда других ученых. Кое-что было опубликовано. Однако с конца 80-х он сосредоточился на другом архивном материале, связанном с так называемым «делом славистов» 1933–1934 гг.; итогом этого изучения, занявшего несколько лет, стала книга «„Дело славистов“: 30-е годы», опубликованная совместно с В.М.Алпатовым в 1994 г.

После окончания работы над «делом славистов» Федор Дмитриевич вернулся к изучению дел репрессированных тюркологов. Он считал своим долгом выполнить эту работу. К этому времени он уже часто болел и потому себе в помощь привлек В.М.Алпатова, а затем, с 1997 г., и Д.М.Насилова. Но мотором по-прежнему оставался Федор Дмитриевич. Из последних сил он ездил в Азербайджан, Казахстан и Киргизию. На исследования в 1996–1998 гг. был получен грант Российского гуманитарного научного фонда, позволивший совершить поездки в эти республики. Азербайджанские

дела затем удалось получить и в Москве. Из Киргизии в 1999 г. прислали ряд документов. К концу трехлетнего срока рукопись была готова, однако имела существенные пробелы. Не по всем тюркским республикам удалось собрать нужные материалы. Поэтому Федор Дмитриевич не спешил с публикацией, надеясь, что в дальнейшем обстоятельства позволят дополнить архивную часть исследования. Однако этого не произошло, а 12 октября 2000 г. Федора Дмитриевича Ашнина не стало.

Сейчас стало очевидно, что надеяться на улучшение обстановки с архивами не приходится, тогда как время идет. Ряд фрагментов данной работы публиковался в виде статей (см. «Список публикаций»), но это не снимает вопроса об издании книги. Поэтому мы решили после небольшой доработки предложить на суд читателя текст, подготовленный в 1998 г. Ф.Д.Ашным и нами, хотя далеко не обо всем мы смогли рассказать.

В.М.Алпатов, Д.М.Насилов

ПРЕДИСЛОВИЕ

О страшных репрессиях конца 30-х годов в нашей стране написано много, и тема эта, к сожалению, неисчерпаема. Нам хотелось показать, какие потери понесла тогда тюркология (изучение тюркских языков, культур, истории), а также сами культуры тюркских народов, входивших в СССР.

Термин «тюрколог» понимается нами в широком смысле. Мы относим к тюркологам, с одной стороны, специалистов по тюркским языкам, культурам, литературам, истории тюркских народов независимо от национальности, включая и тех (Е.Д.Поливанов), чья деятельность далеко не исчерпывалась одной только тюркологией. С другой стороны, к тюркологам мы относим и просветителей, педагогов, писателей, политических деятелей, так или иначе связанных с изучением национальных культур тюркских народов.

К сожалению, по ряду причин нам не удалось охватить весь тюркский ареал бывшего СССР. В Центральном архиве ФСБ России мы смогли ознакомиться с делами крупнейших русских тюркологов А.Н.Самойловича и Е.Д.Поливанова. Нам удалось также работать в Центральном архиве Министерства национальной безопасности Азербайджана, а затем получить оттуда ряд дел для временного пользования в Москве. Таким образом, мы рассмотрели 18 следственных дел из бакинских архивов. Надо иметь в виду, что в Баку работали не только азербайджанские ученые, но и тюркологи-представители разных тюркских народов, и почти все они в 1937 г. погибли. Во время командировки в Казахстан и Киргизию Ф.Д.Ашнин изучил ряд следственных дел в Комитете национальной безопасности Казахстана и в Министерстве национальной безопасности Киргизии. Авторы приносят большую благодарность всем сотрудникам перечисленных ведомств, которые очень помогли нам, а также академику-секретарю Отделения литературы и языка РАН Е.П.Чельшеву, много сделавшему для того, чтобы авторы могли получить разрешение для работы в архивах служб безопасности новых государств тюркских народов. К архивным документам в Узбекистане нам не удалось получить доступ.

Собранный материал в разных случаях представлен по-разному. Научная деятельность А.Н.Самойловича и Е.Д.Поливанова уже хорошо изучена, поэтому нет необходимости описывать ее подробно. Наша первостепенная задача — опубликовать документы об их аресте, заключении и гибели, поэтому в двух первых главах книги,

посвященных этим выдающимся ученым, авторский комментарий минимален. В главах, посвященных Азербайджану, Казахстану и Киргизии, мы пошли по иному пути. О большинстве людей, чьи следственные дела мы изучали, в России известно очень мало. Нам хотелось рассказать о их жизни и деятельности, тем более что часто следственные дела дают информацию, выходящую за пределы собственно следствия (конечно, она не всегда достоверна и требует критического осмысления). Иногда для полноты картины мы говорим и о тех ученых или писателях, чьи дела нам изучить не удалось. В этих главах мы, как правило, публикуем изученные документы не целиком, а лишь в выдержках или пересказе.

То, что получилось в итоге, вероятно, можно будет критиковать за недостаточную цельность, однако, как нам кажется, введение в научный оборот ранее неизвестных документов важнее.

Документы печатаются, как правило, в том виде, в котором они составлены, включая стиль и написание прописных и строчных букв; однако орфография и пунктуация приводятся в соответствие с принятыми нормами. В ряде специально оговоренных случаев, однако, сохраняются подлинные орфография и пунктуация, чтобы показать вопиющую безграмотность многих сотрудников НКВД 30-х и МГБ 40-х годов.

Особую проблему составляет написание азербайджанских, казахских, киргизских, узбекских имен и фамилий, где вариативность очень велика. Мы решили ориентироваться на наиболее принятые в русскоязычной литературе написания, отраженные, например, в последнем издании Большой советской энциклопедии, хотя в новых независимых государствах часто эти имена и фамилии теперь пишут иначе. Мы пишем, например, Байтурсунов (не Байтырсынов и не Байтурсун), Жубанов (а не Джубанов) и т.д.

Ф.Д.Ашнин, В.М.Алпатов, Д.М.Насилов

Глава 1

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ГИБЕЛИ А.Н.САМОЙЛОВИЧА

Этот скорбный список мы начнем с крупнейшего отечественного тюрколога, академика с 1929 г., директора Института востоковедения АН СССР в 1934–1937 гг. Александра Николаевича Самойловича. Имя этого ученого хорошо известно, его жизни и деятельности посвящен ряд публикаций, в том числе и одного из авторов данной книги [Ашнин 1963; 1978]. В последние годы наследием А.Н.Самойловича много занимается Г.Ф.Благова.

Однако долгое время ничего не было известно о последнем, самом трагическом периоде жизни ученого. К тому же много лет его датой смерти считалась вымышленная дата 29 декабря 1940 г., создававшая иллюзию того, что будто бы существовали «последние годы жизни» Александра Николаевича. На самом деле были не годы, а четыре с небольшим месяца, а причиной смерти стал расстрел.

Лишь в годы перестройки один из нас (Ф.Д.Ашнин) смог ознакомиться со следственным делом № Р-9502, хранящимся в Центральном архиве ФСБ в Москве (далее ссылки лишь на номера листов). Дело невелико: один том из 197 листов. Оно похоже на другие своей страшной обыденностью. Те же стандартные документы, с которыми мы столкнемся в книге еще не раз: постановление об аресте, ордер на арест, протокол обыска, анкета арестованного, постановление «об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения», занимающие больше всего места протоколы допросов, затем обвинительное заключение, документы суда и приговор, а в конце папки — материалы, связанные с процедурой реабилитации (именно они занимают большую часть дела). Все как везде. И еще документ, присутствующий не во всех, но многих делах: справка о приведении смертного приговора в исполнение.

Прежде чем перейти к публикации девяти документов следственного дела с нашими комментариями, хочется рассмотреть один вопрос, окончательного ответа на который мы в материалах дела не нашли. Даже в 1937 г. арест академика был событием экстраординарным, это звание было в СССР одним из немногих, дававших некоторые гарантии. Набиравшие силы вели-

кодержавные тенденции требовали укрепления таких сохранившихся с дореволюционных времен институтов, как Академия наук. Играла роль и международная известность ее членов. Нередко бывало, что целая научная школа, созданная тем или иным академиком, уничтожалась, но его самого не трогали: так получилось с Ф.И.Щербатским, П.К.Коковцовым, отчасти была уничтожена и школа В.М.Алексеева. К тому же арест академика, как следует из материалов ранее изученного нами «дела славистов», требовал личного согласования со Сталиным (такая процедура для ареста члена-корреспондента уже не требовалась). Нередко генеральный секретарь не давал санкцию на арест, считая того или иного ученого нужным для государства; по-видимому, по этой причине не были арестованы по «делу славистов» академики В.И.Вернадский и Н.С.Курнаков, следственные дела на которых были уже заведены.

В 1937 г. еще сохранялось противопоставление академиком-коммунистов и беспартийных, последних было намного больше. Члены партии в академии делились на две категории: ученые, вступившие в партию в советское время, в основном в 30-е годы, и государственные и партийные деятели, обычно с большим партстажем, «переброшенные» на науку, что часто бывало для них понижением. На начало 1937 г. в АН СССР состояли 89 действительных членов; к ним еще можно приплюсовать трех бывших академиков, лишенных по политическим причинам этого звания (Д.Б.Рязанов, М.Н.Сперанский и Е.В.Тарле, который впоследствии был восстановлен в звании). Из них в 1937–1938 гг. были репрессированы восемь (и еще один — Н.И.Вавилов — в 1940 г.). Шестеро были академиками-коммунистами (включая ранее исключенных из партии), из них пятеро принадлежали к категории старых революционеров, позднее по тем или иным причинам оказавшихся в научной сфере: Н.И.Бухарин, Н.П.Горбунов, Н.М.Лукин, В.В.Осинский и Д.Б.Рязанов. Лишь три человека принадлежали к иным категориям: вступивший в партию лишь в 1930 г. агроном Н.М.Тулайков и беспартийные микробиолог Г.А.Надсон и востоквед А.Н.Самойлович. Все перечисленные погибли. А 80 человек из 89 не были репрессированы ни тогда, ни позже (хотя кое-кто подвергался аресту раньше).

Почему Александр Николаевич был уничтожен? Об этом можно лишь гадать. В отличие от упомянутых выше Ф.И.Щербатского и П.К.Коковцова, бравировавших своей оппозиционностью к власти, Самойлович был к ней очень лоялен и даже пытался освоить учение Н.Я.Марра. Ни с какими партийными

оппозициями связан не был. Ходившие в академических кругах слухи о том, что он пострадал как дворянин и потомок украинского гетмана, не подтверждаются следственными материалами; к тому же людей дворянского происхождения среди академиков было немало. Ни о каком «украинском национализме» в деле речи нет. Более правдоподобен «турецкий след»: Самойлович поддерживал тесные связи с турецкими учеными и посещал Турцию. Однако, как мы увидим, эти вопросы были упомянуты в деле, но займут в нем периферийное место. К тому же до смерти Кемалья Ататюрка (ноябрь 1938 г.) советско-турецкие отношения оставались достаточно хорошими.

В то же время в следственном деле академик именуется «японским шпионом», а все его немногочисленные связи с Японией и японцами выставлены на передний план. В августе-октябре 1937 г. пострадала большая группа сотрудников Института востоковедения АН СССР, в основном специалистов по Дальнему Востоку: Японии, Китаю, Корее, Монголии, Маньчжурии, Тибету (тюркологи пострадали количественно меньше). Видимо, сочли нужным «обнаружить разветвленную агентурную сеть» востоковедов, якобы работавших на Японию. Крупный масштаб дела требовал «увенчать здание» фигурой высокого ранга, директор института подходил для этого больше всего. Наверное, поэтому решили пожертвовать академиком, к чему прибегали очень редко. Но это, конечно, лишь предположения.

Мы приводим лишь девять документов из дела, которые, однако, как нам кажется, дают материал о том, как оно проходило.

Документ 1 (л. 2)

«Утверждаю»

Нач. Кисловодского ГО НКВД
капитан госбезопасности *Саламов*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1937 г. октября м-ца 2 дня гор. Кисловодск

Я, оперуполномоченный 1 отделения УГБ Кисловодского ГО НКВД сержант Государственной Безопасности Погребняк сего числа рассмотрел телеграмму № 979 от 27/IX, полученную из УНКВД Орджоникидзевского края.

Нашел:

Указанной телеграммой предложено находящегося в Кисловодске Самойловича Александра Николаевича арестовать и спецконвоем направить в 3 Отдел НКВД СССР в г. Москву. Санкция на арест имеется.

Постановил:

Самойловича Александра Николаевича арестовать и спецконвоем направить в 3 Отдел НКВД СССР в г. Москву.

Оперуполномоченный 1 отделения
сержант госбезопасности *Погребняк*

В сентябре 1937 г. директор Института востоковедения АН СССР, тогда целиком находившегося в Ленинграде, уехал отдыхать в Кисловодск, и с тех пор никто из сотрудников института его не видел. К этому времени аресты в институте уже шли: еще до лета 1937 г. были арестованы А.И.Востриков и Д.П.Жуков, в начале августа — Ю.К.Щуцкий, в сентябре — Б.А.Васильев и П.И.Воробьев (последний в момент ареста в штате института не числился), а Н.А.Невский будет арестован почти одновременно с А.Н.Самойловичем, 3 октября. Мы называем лишь наиболее известные имена. Тем не менее следствие в отношении всех этих востоковедов шло в Ленинграде, где они и были расстреляны, а Самойловича с самого начала, как видно из документа, собирались отправить в Москву. Дело его не было групповым.

Еще несколько пояснений. С декабря 1936 г. отделы НКВД потеряли содержательные наименования и стали нумероваться, например Секретно-политический отдел, занимавшийся следствием, стал 3-м отделом. В отношении воинских званий сотрудников НКВД следует учитывать, что в те времена и вплоть до смерти Сталина они фактически были на три звания выше, например, званию капитана НКВД соответствовал полковник. Поэтому сержант госбезопасности — на самом деле офицерское звание. Орджоникидзевский край — тогдашнее название Ставропольского края.

Документ 2 (л. 7)

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО
(в извлечениях)

5. Место жительства: Ленинград, Ропшинская ул., д. 23, кв. 17.
6. Специальность: лингвист (востоковед).
7. Место работы и должность: АН СССР, действительный член Академии.
11. Национальность: украинец.
12. Каким репрессиям подвергался: нет.

8/Х 1937 Кисловодское УНКВД

Мы приводим лишь существенные данные из содержащихся в анкете. Из нее видно, что 8 октября арестованный еще не был доставлен в Москву. Однако следующий документ составлен уже в Москве.

Документ 3 (л. 8)

«Утверждаю» 20/X 1937
(подпись неразборчива)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город Москва

1937 г. октября 21 дня

Я, уполномоченный 2 отделения 3 отдела Главного Управления Государственной Безопасности НКВД Мальцев, рассмотрев следственный материал по делу № 4 и приняв во внимание, что гр. Самойлович Александр Николаевич достаточно изобличается в том, что был завербован иностранной разведкой и по ее заданию занимался шпионской и подрывной деятельностью,

постановил:

гр. Самойловича А.Н. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58-1, п. «а» УК, мерой пресечения способов уклониться от следствия и суда избрать содержание под стражей в тюрьме.

Уполномоченный *Мальцев*

«Согласен»

Зам. нач. 2 отделения

(подписи нет)

Настоящее постановление мне объявлено. *Самойлович*

27 октября 1937 г.

Статья 58-1 — измена родине, пункт «а» — шпионаж. Очевидно, что с самого начала дело Самойловича, как и дела на его подчиненных в Ленинграде, было ориентировано на «шпионаж в пользу Японии».

Документ 4 (л. 40-42)

«Утверждаю»

Нач. 3 отделения ГУГБ НКВД
комиссар гос. безопасности 3 ранга *Минаев*
20 января 1938

«Утверждаю»

прокурор Союза СССР
Вышинский
31 января 1938

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 14242
по обвинению Самойловича Александра Николаевича
по ст. 58-1 п. «а» и 58-8, 11 УК РСФСР

Самойлович А.Н., будучи студентом факультета восточных языков Петербургского университета (1899–1903 гг.), познакомился с вольнослушателем того же университета японцем Уэда.

С 1906 г. Уэда был чиновником японского генконсульства в Петербурге, он использовал свою прежнюю связь с Самойловичем, обработал последнего и в 1907 году завербовал его в агентуру японской разведки.

Самойлович, работая над изучением тюркских языков под влиянием пантюркистов Радлова и др., развивал идеи пантюркизма. Это использовал Уэда и дал ему задание проводить определенную работу в пользу японцев на идеологическом фронте.

Самойлович это задание выполнил.

После Октябрьской революции 1917 года Самойлович продолжал сотрудничать с японской разведкой, установил контрреволюционную шпионскую связь с резидентом японской разведки Воробьевым.

Совместно с Воробьевым Самойлович производил контрреволюционную работу по развертыванию буржуазно-националистического движения среди тюркских народов.

Всю научно-исследовательскую работу по изучению тюркских народов Самойлович организовал с целью подготовки кадров контрреволюционеров буржуазных националистов.

В 1935–36 гг. Самойлович создал контрреволюционную буржуазно-националистическую организацию. Создавая эту организацию, он ставил задачу объединить все буржуазно-националистические элементы для организованной борьбы с существующим строем за отторжение национальных окраин от СССР и подчинения их влиянию японского империализма.

Для осуществления поставленных контрреволюционных задач одним из методов контрреволюционной организации был террор.

Самойлович также передавал японцам шпионские сведения.

Виновным себя признал.

На основании изложенного Самойлович Александр Николаевич, 1880 года рождения, уроженец гор. Горького, украинец, гражданин СССР, беспартийный, лингвист (востоковед), действительный член Академии наук СССР, обвиняется в том, что:

1. В 1907 г. был завербован в японскую разведку.
2. В царское время по заданию на идеологическом фронте проводил определенную работу в пользу японцев.
3. После Октябрьской революции 1917 года в своей научной деятельности воспитывал буржуазных националистов.
4. В 1935–36 гг. создал контрреволюционную буржуазно-националистическую террористическую организацию.
5. Передавал японцам шпионские сведения, т.е. участвовал в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58-1 п. «а» и 58-8, 11 УК РСФСР.

В соответствии с изложенным Самойлович Александр Николаевич подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР с применением закона от 1-го декабря 1934 г.

Оперуполномоченный 2 отделения
сержант государственной безопасности *Мальцев*

«Согласен»

Пом. нач. 3 отдела ГУГБ НКВД
капитан государственной безопасности *Григорьев*

СПРАВКА

Самойлович арестован 2.X.37 г. и содержится во внутренней тюрьме НКВД.

Оперуполномоченный 2 отделения
сержант государственной безопасности *Мальцев*

Заключение, как было положено, суммировало данные протоколов допросов, а также показаний других лиц. Видно, что первоначальное обвинение в шпионаже дополнено обвинениями в терроризме (58-8) и участии в контрреволюционной организации (58-11). Хотя ученый реально был связан с Турцией, а не с Японией, следствие ориентировалось на «японский след». Академика заставили рассказать обо всех японцах, которых он когда-либо знал или видел. Он мог вспомнить лишь упомянутого выше Уэда, с которым общался еще до революции, и неизвестных ему даже по фамилии сотрудников японского консульства в Ленинграде, которых он в 30-е годы встречал на приемах. Этого было достаточно для сочинения версии о «передаче шпионских сведений» в Японию.

Отметим еще два пункта обвинений: в шпионаже с 1907 г. и «идеологической работе» среди тюркских народов против царской России. Как мы увидим в следующей главе, сходные обвинения почти одновременно предъявлялись и Е.Д.Поливанову. Тремя-четырьмя годами раньше такие обвинения были бы немислимы: Россия до 1917 г. оценивалась как «тюрьма народов». Но в 1937–1938 гг. Сталин все больше восстанавливал идею преемственности государства, а реставраторские тенденции в его политике становились все ощутимее. Поэтому такие обвинения уже не были удивительны.

В заключении упоминается крупнейший российский тюрколог, учитель Самойловича, академик В.В.Радлов. «Пантюркистом» он не мог быть уже потому, что был немцем по происхождению. На его счастье, он умер еще в 1918 г. Другая упомянутая фамилия — Воробьев Павел Иванович (1892–1937). Это был видный ленинградский востоковед — маньчжуровед, китаист, монголист; среди ленинградских востоковедов 20–30-х годов он одним из немногих был членом партии, в связи с чем занимал руководящие посты, в том числе ректора Ленинградского института живых восточных языков и директора Русского музея. В середине 30-х годов некоторое время был заместителем Самойловича по академическому Институту востоковедения, но в 1936 г. был послан в Монголию в качестве секретаря Ученого совета, т.е. фактически руководителя монгольской науки (на сме-

ну вернувшемуся в институт М.И.Тубьянскому, который вскоре также будет расстрелян). Летом 1937 г. П.И.Воробьев был отозван и вскоре после возвращения в Ленинград, 11 сентября 1937 г., арестован, а 24 ноября того же года расстрелян как «японский шпион» одновременно с крупнейшим японоведом Н.А.Невским. См. о нем специальную биографическую статью [Решетов 1995].

Закон ВЦИК от 1 декабря 1934 г. (дня убийства С.М.Кирова), с которым мы еще не раз столкнемся, — страшный закон, предусматривавший упрощенную процедуру осуждения по политическим статьям: без выступлений обвинителя и адвоката, вызова свидетелей и права на кассацию. В те годы указание на применение этого закона почти всегда означало вынесение смертного приговора с немедленным его исполнением (осуждение к заключению в лагере производилось обычно специальным органом — Особым совещанием или местными военными трибуналами). Внутренняя тюрьма НКВД находилась непосредственно в здании наркомата в Москве на улице Дзержинского (Лубянке).

Документ 5 (л. 43)

ПРОТОКОЛ подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда Союза ССР

12 февраля 1938 г.

гор. Москва

Председатель Диввоенюрист т. *Никитченко*

Члены: Военные юристы 1 ранга тт. *Климин* и *Кандыбин*

Секретарь Военный юрист 3 ранга т. *Козлов*

Участствует Зам. прокурора СССР т. *Рогинский*

Слушали:

Дело с обвинительным заключением ГУГБ НКВД СССР, утвержденным Зам. прокурора СССР тов. Рогинским, о предании суду Военной коллегии Верховного суда СССР Самойловича по ст. ст. 58-1-а, 58-8 УК РСФСР в порядке закона от 1 декабря 1934 г.

Определили:

1. С обвинительным заключением, утвержденным Зам. прокурора СССР тов. Рогинским, согласиться и дело принять к производству Военной коллегии Верховного суда СССР.

2. Предать суду Самойловича по ст. ст. 58-1-а, 58-8 УК РСФСР.

3. Дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, в порядке закона от 1 декабря 1934 г.

4. Мера пресечения обвиняемому оставить прежнюю, т.е. содержание под стражей.

Председательствующий Диввоенюрист *Никитченко*
Секретарь Военный юрист 3 ранга *Козлов*

Почему-то исчезла статья 58-11 — участие в «контрреволюционной организации». Произошло это, видимо, потому, что дело не было оформлено как групповое. Впрочем, это значения не имело: из трех статей как раз статья 58-11 была единственной, не предопределявшей в 1937 г. обязательного смертного приговора. Далее в деле, на л. 44, содержится расписка Самойловича о вручении ему копии обвинительного заключения.

Документ 6 (л. 45)

ПРОТОКОЛ

закрытого судебного заседания выездной сессии
Военной коллегии Верховного суда Союза СССР

13 февраля 1938

Город Москва

Председательствующий Диввоенюрист т. *Никитченко*
Члены: Военные юристы 1 ранга тт. *Кандыбин* и *Климин*
Секретарь Военный юрист 3 ранга т. *Козлов*
Заседание открыто в 12 час. 45 мин.

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Самойловича Александра Николаевича в предусмотренных ст. ст. 58-1-а, 58-8 УК РСФСР.

Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил, что копию обвинительного заключения получил. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый ходатайств и отвода суду не давал.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным. На что подсудимый ответил, что виновным себя признает. Свои показания на предварительном следствии подтвердил полностью и показал, что агентом японской разведки он был с 1907 г.

Больше дополнить судебное следствие ничем не имеет.

Председательствующий объявил судебное следствие законченным и предоставил подсудимому последнее слово, в котором он просил суд отнестись к нему снисходительно.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда с совещания Председательствующий огласил приговор.

В 13 ч. 00 м. заседание закрыто.

Председательствующий Диввоенюрист *Никитченко*

Секретарь Военный юрист 3 ранга *Козлов*

Документ 7 (л. 46–47)

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе:

Председательствующего Диввоенюриста т. *Никитченко*

Членов: Военных юристов 1 ранга тт. *Кандыбина* и *Климина*

При секретаре Военном юристе 3 ранга т. *Козлове*

В закрытом судебном заседании в городе Москве 13 февраля 1938 года рассмотрела дело по обвинению: Самойловича Александра Николаевича, 1880 г.р., быв. Действительного Члена Академии Наук СССР — в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1-а, 58-8 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Самойлович А.Н. начиная с 1907 года являлся агентом японских разведывательных органов, а после Октябрьской социалистической революции в 1917 году в России Самойлович продолжал сотрудничать с японской разведкой и имел контрреволюционную связь с резидентом японской разведки Воробьевым и на территории Советского Союза проводил контрреволюционную работу по созданию антисоветского движения среди тюркских народов. В 1935–36 гг. Самойлович создал контрреволюционную националистическую организацию, которая ставила своей задачей отторжение национальных окраин от СССР и подчинение их влиянию Японии. Выполнение изложенного выше имело в виду путем применения террористических методов борьбы (так в тексте. — Авт.) в отношении руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Таким образом установлена виновность Самойловича в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

Приговорила:

Самойловича Александра Николаевича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1/XII 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий *Никитченко*

Члены *Кандыбин*, *Климин*

Страшный смысл происходившего при соблюдении всех ритуалов (кроме всего прочего, обсуждали вопрос о том, по каким статьям следует осудить, и в конце концов статью 58-11 добавили вторично) комментарий не требует. Отметим лишь, что члены «тройки» Военной коллегии нам еще встретятся в повествовании: эта коллегия из девяти человек, заседавшая в переменном составе по трое, штамповала приговоры и в Москве, и во время своих приездов в другие города. В отличие от ряда лиц, упомянутых в деле (Минаева, Рогинского), которые сами стали жертвами новых витков репрессий, члены коллегии состава 1937–1938 гг. не пострадали. А председательствующий Никитченко (человек, по свидетельству знавших его, ничем, кроме редкого имени Иона, не примечательный), осуждая очередного «японского шпиона», не мог тогда предполагать, что жизнь его через десяток лет окажется связана с Японией: в 1946–1948 гг. он в составе советской делегации будет участвовать в международном суде на Токийском процессе над главными японскими военными преступниками.

В приговоре Самойлович назван «бывшим действительным членом Академии наук», что формально не соответствовало действительности: его исключение состоялось лишь посмертно в апреле 1938 г. В 1957 г. это решение было отменено.

Документ 8 (л. 48)

СПРАВКА

Приговор о расстреле Самойловича Александра Николаевича приведен в исполнение 13 февраля 1938 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го Спецотдела НКВД, том № 3, лист № 72.

Нач. 12 отделения 1 Спецотдела НКВД СССР
лейтенант госбезопасности *Шевелев*

Фамилия этого Шевелева встречается в 1937–1938 гг. во всех изученных нами делах, где приговор выносился московскими судами (включая выездные) и речь идет о расстреле. Что касается даты убийства ученого, то, несмотря на наличие фиктивной даты, она также известна давно, например в упомянутых выше наших статьях и в статье о Самойловиче в 3-м издании БСЭ (т. 22, 1975: 537, автор статьи – Ф.Д.Ашнин). Место захоронения А.Н.Самойловича точно неизвестно: в справке, выданной нам в 1996 г. ФСБ, сказано, что им может быть район поселка Бутово или совхоза «Коммунарка».

Верховный суд Союза ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ №4-н-07125/56

Военная коллегия Верховного суда Союза ССР
в составе: Председательствующего полковника юстиции *Лихачева*
и членов: подполковника юстиции *Равич-Щербо*
и подполковника юстиции *Киселева*,

рассмотрела в заседании от 25 августа 1956 г. в порядке ст. 378 УПК РСФСР заключение Главного военного прокурора по уголовному суду по обвинению Самойловича Александра Николаевича, 1880 года рождения, уроженца города Горького, осужденного приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 февраля 1938 года по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 58-1 а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР, к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Заслушав доклад тов. Равич-Щербо и заключение пом. Главного военного прокурора капитана юстиции Петрова,

Установила:

По приговору суда Самойлович признан виновным в том, что он с 1907 года являлся агентом японской разведки и состоял на связи у резидента этой разведки Воробьева. В 1935–1936 годах Самойлович создал контрреволюционную организацию, ставившую своей целью отторжение национальных окраин СССР и подчинение их влиянию Японии.

Методом работы этой организации являлась террористическая борьба против руководителей партии и Советского Правительства.

В своем заключении Главный военный прокурор просит приговор в отношении Самойловича отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления прекратить по следующим основаниям.

Обвинение Самойловича основано на его показаниях, в которых он признал свою вину, и на показаниях осужденных Вознесенского Арсения Николаевича, Бреммана и Чобан-заде, из коих первые двое утверждали, что, со слов японских разведчиков Уэда и Маруямы, им стало известно о принадлежности Самойловича к агентуре японской разведки, а Чобан-заде подтвердил, что Самойлович был в курсе всей контрреволюционной деятельности пантюкистской организации.

Однако никто из них: ни Вознесенский, ни Бремман, ни Чобан-заде — не дали показаний, в чем конкретно состояла преступная деятельность осужденного.

Во время произведенной дополнительной проверки были изучены уголовные дела по обвинению Воробьева, Забирова, Асфендиарова и других лиц, которых якобы Самойлович (по его показаниям) завербовал в контрреволюционную организацию, но никто из этих осужденных не дал показаний о том, что он был завербован Самойловичем.

Осужденный Вознесенский отказался в суде от предъявленного ему обвинения, а в материалах дела по обвинению Бреммана не имеется

никаких доказательств, свидетельствующих о преступной деятельности Самойловича.

Невиновность Самойловича также подтверждается поступившими из архивов документами, относящимися к его личности.

В заключении отмечается, что в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области имеется характеристика на Самойловича, в которой он характеризуется с положительной стороны, и что также дает о нем положительный отзыв и свидетель Ржевин, знавший его на протяжении длительного времени.

По трудам академика Самойловича была проведена экспертиза, в заключении которой сказано, что в его произведениях не имеется никаких туркофильских и японофильских тенденций.

Кроме того, в заключении указывается, что Самойлович был арестован без санкции прокурора.

При таких обстоятельствах, говорится в заключении, обвинительный приговор в отношении Самойловича за неосновательностью его осуждения не может быть оставлен в силе.

Рассмотрев материалы дела и дополнительной проверки по нему и находя заключение обоснованным, Военная коллегия Верховного суда СССР

О п р е д е л и л а :

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 февраля 1938 года в отношении Самойловича Александра Николаевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР производством прекратить.

Председательствующий *Лихачев*
Члены *Равич-Щербо, Киселев*

Прокурорский протест также имеется в деле (л. 193). Следует сказать об упоминаемых в реабилитационном постановлении людях.

Арсений Николаевич Вознесенский (1881–1937) — дипломат царского времени, специализировавшийся по Китаю и Японии. В 1917 г. — один из немногих дипломатов, перешедших на сторону революции, в 1917–1918 гг. работал в Наркомате иностранных дел вместе с Е. Д. Поливановым. Позже был отстранен от дипломатической деятельности и работал как китаевед. Расстрелян в декабре 1937 г.

Ян Петрович Бремман — японист, в 30-е годы сотрудник ЦК ВКП(б), занимавшийся отношениями СССР с Японией. Расстрелян.

И Вознесенский, и Бремман погибли в связи с обвинениями в «шпионаже в пользу Японии», с которой в отличие от Самойловича были связаны по роду своей деятельности. Нам неизвестно, насколько они были знакомы с Самойловичем. Их дела

шли параллельно, и, видимо, следователи заставили их дать показания в числе других и об Александре Николаевиче. О Б.В.Чобан-заде и его показаниях будет специально сказано в гл. 3.

Самого Самойловича заставили показать, что он «завербовал» П.И.Воробьева (о нем см. выше), В.А.Забилова и С.Асфендиарова.

Вали Абдурахманович Забилов (1897–1937) — татарский тюрколог, ученик А.Н.Самойловича, аспирант Института востоковедения АН СССР, преподаватель Ленинградского института живых восточных языков. В 1936 г. арестован, отправлен в Соловецкие лагеря, где в 1937 г. расстрелян.

О бывшем директоре Московского института востоковедения казахе **Санджаре Джафаровиче Асфендиарове** будет сказано в гл. 4.

Отметим, что Самойлович дал показания лишь против тех, кто был арестован раньше его и о чем аресте он безусловно знал.

Свидетель **Борис Васильевич Ржевин** (1904–1976) — востоковед-тюрколог, до войны работал в Ленинграде, после войны — в Москве, в 50–70-е годы был заместителем главного редактора журнала «Советское востоковедение», а затем «Народы Азии и Африки».

Глава 2

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО Е.Д.ПОЛИВАНОВА

Жизнь и деятельность крупнейшего лингвиста первой половины XX в. Евгения Дмитриевича Поливанова уже описывались неоднократно; назовем лишь самые значительные работы [Иванов 1957; Леонтьев, Ройзензон, Хаютин 1968; Леонтьев 1983; Ларцев 1988]. Там, однако, по понятным причинам ничего или почти ничего не сказано о трагическом финале жизни ученого.

Сам факт гибели Е.Д.Поливанова в годы репрессий известен давно, а по крайней мере с момента его реабилитации в 1963 г. известна и дата его расстрела, подтверждаемая материалами следственного дела. Однако до недавнего времени исследователи не имели каких-либо документов об обстоятельствах гибели ученого, кроме короткой реабилитационной справки. Если что-то и указывалось в литературе, то все это основывалось на неточных рассказах и слухах. Указывались неверные даты его ареста, например март 1937 г. (вместо августа) [Леонтьев, Ройзензон, Хаютин 1968: 29]. Уже не раз писали о том, что Поливанов будто бы после ареста был переведен в Ташкент и там погиб [Ларцев 1988: 126; Икрамов 1991: 252]. Н.Поппе в воспоминаниях приводит версию о том, что будто бы Поливанов погиб в тюрьме от передозировки наркотиков [Рорре 1983: 54]; эта же версия попала, очевидно через рассказы того же Поппе, даже в японскую лингвистическую энциклопедию [Kokugogaku 1955: 877]. И совсем непонятно, откуда взята информация о том, что будто бы следователь напоминал Поливанову о знакомстве с Бухариным [Горбаневский 1988]. На самом деле в изученных нами документах неоднократно упоминается Л.Д.Троцкий, но имя Н.И.Бухарина отсутствует.

Следственное дело Е.Д.Поливанова № Р-27748 хранится в Центральном архиве ФСБ в Москве (мы изучали это дело, как и дело А.Н.Самойловича, еще в архиве КГБ); далее ссылки лишь на его листы. Его материалы мы частично публиковали дважды (см. № 1, 3 в «Списке публикаций»). Как и в случае с А.Н.Самойловичем, мы сосредоточимся прежде всего на публикации наиболее важных документов дела, добавляя к ним необходимые комментарии.

Евгений Дмитриевич Поливанов в 1934–1937 гг. жил в городе Фрунзе (ныне Бишкек). Как пишет его биограф, «там он работает в Киргизском институте культурного строительства, в Педагогическом институте, в издательствах. Кроме учебных пособий, программ курсов он создает и публикует (совместно с Яншансином) две части школьного учебника по дунганскому языку и четыре статьи, планирует создание учебных комплексов по русскому и дунганскому языкам, обосновывает новые методы в преподавании русского языка в киргизских школах» [Ларцев 1988: 114]. Кроме того, в эти годы ученый занимался киргизским эпосом «Манас» и написал важную книгу по общему языкознанию — «Словарь лингвистических терминов», изданный лишь спустя более чем полвека в составе тома [Поливанов 1991]. О фрунзенском периоде жизни ученого см. [Ларцев 1988: 114–131, 167–177].

Поливанов, несмотря на свое революционное прошлое, после выступления против Н.Я.Марра в 1929 г. обвинялся очень многими вплоть до Н.Н.Поппе в «протаскивании буржуазных идей и теорий» [Поппе 1933: 3]. Однако к 1937 г. борьба с «поливановщиной» стала утихать, во Фрунзе работать было спокойнее, чем перед этим в Самарканде и Ташкенте; за несколько месяцев до ареста удалось издать сборник [Вопросы 1937], где большинство статей принадлежало Поливанову; он успел отослать сборник в Прагу Р.Якобсону. Уже стали возможны положительные упоминания Поливанова в литературе (см., например, [Конрад 1937: 14]). Однако попытка ученого, с 1931 г. лишенного возможности печататься в Москве и Ленинграде, вернуться в большую науку не удалась. Рукопись «Словаря лингвистических терминов», отправленная в академический Институт языка и мышления в Ленинграде, была забракована видной последовательницей Н.Я.Марра С.Л.Быховской. Отрицательная рецензия датирована 22 сентября 1937 г.; судя по ее содержанию, рецензентке не было известно об аресте автора словаря.

А о дальнейшем говорит следственное дело. Мы будем приводить важнейшие его документы в хронологическом порядке, не всегда соответствующем тому, в каком они подшиты.

Документ 1 (л. 1)

Народный комиссариат внутренних дел Киргизской ССР.
Управление государственной безопасности
г. Фрунзе, Киргизская 43

ОРДЕР № 477

действителен на 2 суток 1 августа 1937 г.

Выдан сотруднику 3-го отд. НКВД КирССР т. Маргайтису на производство ареста и обыска Поливанова Евгения Дмитриевича по адресу: Дзержинская 37 [59], кв. 3.

Нач. УНКВД КирССР капитан госбезопасности *Четвертаков*
Секретарь (подпись неразборчива)
(Гербовая печать)

Этот документ открывает дело, но, как видно из следующего документа, реальная процедура началась не с него.

Документ 2 (л. 7-8)

«Утверждаю»
Нарком внутренних дел КирССР
капитан госбезопасности *Четвертаков*
1 августа 1937 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1937 года августа 1-го дня. Я, начальник 4 отделения 3 отдела НКВД КирССР лейтенант госбезопасности Маргайтис, рассмотрев материал в отношении Поливанова Е.Д., который материалами НКВД СССР изобличается в контрреволюционной троцкистской деятельности и подлежит аресту и направлению в распоряжение НКВД СССР, а потому

п о с т а н о в и л:

Поливанова Евгения Дмитриевича, 1892 года, служащий, профессор научно-исследовательского института, б/п, в прошлом дворянин, женат, проживает в гор. Фрунзе, Дзержинского 37 [59], кв. 3, арестовать и спецконвоем направить в Москву в распоряжение 3-го отдела НКВД СССР согласно распоряжению Замнаркома Внутренних Дел СССР за № 7156.

Копию настоящего постановления направить Прокурору КирССР и в 8-й отдел НКВД КирССР.

Начальник 4 отделения 3 отдела
лейтенант госбезопасности *Маргайтис*

«Согласен»
Пом. нач. 3 отдела НКВД СССР лейтенант госбезопасности *Титов*

«Согласен»
Прокурор КирССР (подпись неразборчива)

Дата 1/VIII 1937
(Гербовая печать)

Два этих документа составлены одновременно. Однако во втором из них упоминается о распоряжении заместителя наркома внутренних дел СССР за № 7156. Очевидно, что инициатива исходила не из Фрунзе, а из Москвы. А уже в реабилитационной части дела (л. 48) об этом сказано немного подробнее. Оказывается, еще 25 июля 1937 г. заместитель наркома М.П.Фриновский послал шифrogramму почему-то в Алма-Ату по адресу УНКВД Казахстана с требованием: «Немедленно арестуйте востоковеда Поливанова Евгения находящегося в Казахстане Спецконвоем направьте 3 отдел Москву», а через день требовал вторично: «Немедленно сообщите арестован ли Поливанов Евгений». В Москве не очень точно знали, где живет Поливанов, и потому послали шифровку в Алма-Ату вместо Фрунзе, что подарило ученому несколько дней свободы.

В шифrogramмах Фриновского нет указаний на то, что именно инкриминировалось Евгению Дмитриевичу с самого начала. Но показательно упоминание о «троцкистской деятельности». Как в одном из следующих документов укажет сам Поливанов, он в 1917–1918 гг. был одним из двух заместителей Л.Д.Троцкого по Наркомату иностранных дел. Пусть их сотрудничество закончилось конфликтом, а в воспоминаниях Троцкий ругал Поливанова, все же данный эпизод биографии был важен для фабрикации дела. Хотя, как увидим дальше, не он оказался в нем главным.

Из лиц, чьи имена стоят в двух документах, судьба Четвертакова известна: он упоминался в одном из расстрельных списков, опубликованных в «Вечерней Москве». В том же, 1937 г. он будет арестован, отправлен в Москву и затем расстрелян. В 1939 г. погибнет и М.П.Фриновский. О судьбе Маргайтиса и Титова мы не знаем.

И еще два вопроса, которые ставят и этот, и последующие документы. На основании архивной справки и паспорта отца Е.Д.Поливанова известно, что Евгений Дмитриевич родился в 1891 г. [Ларцев 1988: 201]. Однако во всех следственных документах стоит 1892 г. Тот же год указывался самим Поливановым в анкете 1931 г., опубликованной В.Г.Ларцевым [там же: 99]. Возможно, либо сам ученый по каким-то причинам ошибочно считал, что родился в 1892 г., либо он сознательно уменьшал возраст (при его склонности к мистификациям такое возможно). И везде Поливанов назван беспартийным, хотя в одной анкете, заполненной во Фрунзе в 1935 г., он называл себя кандидатом в члены ВКП(б) [там же: 201] (вопрос о его партийности будет особо рассмотрен ниже).

В деле имеются еще два документа, составленных во Фрунзе. Лист 2 — протокол обыска, датированный 2 июля, но безусловно относящийся ко 2 августа, подписанный Маргайтисом и женой ученого — Б.А.Поливановой (тогда еще не арестованной) в качестве свидетеля; там указано, что для представления в УНКВД отобраны паспорт и «разная переписка, книги, письма в одном рюкзаке». Какая там была часть наследия Евгения Дмитриевича, мы уже не сможем установить. А другой документ необходимо привести.

Документ 3 (л. 6)

МЕДЗАКЛЮЧЕНИЕ

З/к Поливанов, страдающий наркоманией, нуждается ежедневно в 2-х кратной инъекции героина.

5.VIII.37

Врач Зайцева

О наркомании Поливанова существует множество рассказов и свидетельств мемуаристов, в данном следственном деле о ней будут писать Н.К.Кузнецов, В.Б.Шкловский, К.К.Юдахин, Б.М.Юнусалиев. Но только здесь она упоминается в официальном документе. Когда он пристрастился к наркотикам, неизвестно: то ли во время командировок на Дальний Восток в 1914, 1915 и 1916 гг., то ли во время Гражданской войны, когда он стал организатором отрядов красных китайцев. А может быть, это произошло даже и раньше: жена Поливанова в письме на имя А.Я.Вышинского после ареста мужа писала: «Он уже 27 лет подряд [был] наркоманом-морфинистом» (сообщено нам В.М.Плоских). Отметим, однако, еще одно свидетельство, содержащееся уже в реабилитационной части данного дела, принадлежащее хорошо знавшему Поливанова видному тюркологу профессору К.К.Юдахину: «К сожалению, подвержен был наркотикам. Однако это, как ни удивительно, не влияло ни на работоспособность, ни на ясность исследовательской мысли» (л. 42-43).

Последующие документы составлены уже в Москве. Хронологически самые ранние из них — «анкета арестованного» от 16 августа (л. 3) и две датированные тем же числом квитанции о приеме от арестованного вещей и денег (л. 4 и 5). Очевидно, именно в этот день Поливанов был помещен в Бутырскую тюрьму.

Далее в разных местах дела имеются два документа, датированные одним и тем же числом — 22 августа. Первый из них — протокол допроса подследственного.

СССР. Народный комиссариат внутренних дел
 Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1937 г. августа мес. 22 дня. Я допросил в качестве

Фамилия	Поливанов
Имя и отчество	Евгений Дмитриевич
Дата рождения	1892
Место рождения	г. Смоленск
Место жительства	г. Фрунзе
Нац. и гражд. (подданство)	гр. СССР
Паспорт	есть
Род занятий	Профессор Института киргизского языка и письменности
Социальное происхождение	из дворян
Социальное положение (род занятий и имущественное положение)	
а) до революции	служащий
б) после революции	служащий
Состав семьи:	жена Бригитта Альфредовна Поливанова, ее сестра Аврелия — живут в г. Фрунзе
Образование (общее, специальное)	высшее
Партийность (в прошлом и в настоящем)	Состоял в ВКП(б) с 1919 по 1926 г. и выбыл механически
Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)	
а) до революции	нет
б) после революции	в 1918 г. был под следствием за растрату. Оправдан
Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти	нет
Категории воинского учета запаса и где состоит на учете	нет
Служба в Красной Армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого:	в 1919, 1920 и 1921 гг. в политотделе 9 армии и Балтфлоте — культ. работа
Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда, в качестве кого)	нет
Участие в бандах, в к.-р. организациях и восстаниях	нет
Сведения об общественно-политической деятельности	нет

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО
(СВИДЕТЕЛЯ)

Вопрос: Что Вы делали до Октябрьской революции 1917 года?

Ответ: В 1912 году окончил Петербургский университет по историко-филологическому факультету. До этого в 1911 году также окончил Восточную академию по японскому разряду. После окончания Университета я работал преподавателем в частной гимназии Иоозефовича и на женских педагогических курсах новых языков. Преподавал французский язык, общую фонетику, русский и латинский. В 1915 г. стал работать приват-доцентом в Петербургском университете по японскому языку. По командировке Академии наук и Университета выезжал в Японию в 1914, 1915 и 1916 годах для научных занятий. В 1916 году из Японии вернулся в октябре месяце и продолжал работать в Университете. После Февральской революции 1917 года я стал работать в газете «Новая жизнь», сотрудничал в кабинете военной печати при Всероссийском Совете Крестьянских Депутатов. Этим кабинетом был прикомандирован к Министерству Иностранных Дел.

Вопрос: Что Вы делали после Октябрьской революции 1917 года?

Ответ: В октябре 1917 года (26 или 27 числа) (по приглашению Урицкого) я стал работать в Наркоминделе уполномоченным, что равнозначит заместителю Наркома. Я работал по Германии и по Востоку и был председателем советской делегации по перемирию в Петрограде. Наркомом тогда был Троцкий, а с 1918 года Чичерин. В феврале 1918 года из Наркоминдела ушел, а в том же году начал работать зав. Восточным отделом Информационного бюро Северной области, а затем организатором китайской коммунистической секции при Петербургском (так в тексте, надо: Петроградском. — Авт.) комитете ВКП(б) (тогда РКП(б). — Авт.), одновременно работал в Петроградском университете.

В 1921 году я перебрался в Москву и начал работать заместителем начальника Дальневосточного Отдела Коминтерна и в КУТВе заведовал восточным сектором. В том же году я был послан в г. Ташкент для работы в законспирированном отделе Коминтерна по линии Синьцзяна и дунган. С конца 1921 года я остался в Ташкенте, где работал профессором Университета и заместителем председателя ГУС'а (Государственного ученого совета. — Авт.) Туркеспублики. С 1923 года стал заниматься научной работой по языкам Средней Азии. В 1924 и 1925 году работал в Ташкенте зав. Главлитом. В 1924 году по вызову Военной академии ездил в Москву для преподавания японского языка. Был в Москве одно лето.

В 1926 г. ездил во Владивосток, где работал профессором японского языка в Дальневосточном университете. Осенью переехал в Москву и стал работать в КУТВе и председателем лингвистической секции РАНИОН'а.

В 1929 году уехал в Самарканд для работы в Институте (Узбекском государственном научно-исследовательском институте культурного строительства. — Авт.), вместе с институтом в 1931 г. переехал в Ташкент. В 1934 г. перебрался в Киргизию, где стал работать профессором.

Вопрос: Какие Вы знаете языки?

Ответ: Я знаю 18 языков: французский, немецкий, английский, латинский, греческий, испанский, сербский, польский, китайский, японский, татарский, узбекский, туркменский, казахский (казахский. — Авт.), киргизский, таджикский, эстонский и русский.

Записано с моих слов верно. Мне прочитано *Поливанов*
Допросил пом. нач. 2 отд. (*подпись неразборчива*)

В данном протоколе представлена лишь биография Поливанова и нет речи о какой-либо «контрреволюционной деятельности». Большинство рассказанных им самим биографических сведений совпадает с тем, что мы знаем из других документов и что зафиксировано в книге В.Г.Ларцева и прочих публикациях о Евгении Дмитриевиче. Все изложенное здесь не вызывает сомнений в достоверности. Лишь в одном месте заметно некоторое лукавство: говоря о работе в Наркоминделе, Поливанов не мог не понимать, что всплывает его служба под руководством Троцкого, поэтому он несколько смягчает ситуацию, говоря, что наркомом был Троцкий, а потом Чичерин: к тому времени покойный Г.В.Чичерин (умер в 1936 г.) не считался «врагом народа». А ниже Поливанов называет подтверждаемую и другими источниками дату своего ухода из наркомата — февраль 1918 г., хотя Троцкий оставался на своей должности вплоть до мая. И уход был обусловлен конфликтом наркома и его заместителя. Именно с этим связано упомянутое в протоколе следствие за растрату: Троцкий пытался таким образом скомпрометировать Поливанова, но потерпел неудачу. Так что под руководством Чичерина на самом деле Поливанов не работал.

Ввиду общей достоверности данных показаний можно принять и те приводимые здесь факты, которые раньше не были известны (во всяком случае, не приводились в печати). Мы впервые узнаем, что Поливанов в Наркоминделе занимался не только Востоком, но и Германией, а несколько странная должность «председатель советской делегации по перемирию в Петрограде», видимо, связана с его деятельностью по подготовке Брестского мира, о чем речь пойдет и в другом протоколе допроса. Впервые упоминается такая его должность, как заведующий Восточным отделом Информационного бюро Северной области. Отметим и упоминание руководства Главлитом в Ташкенте (подтверждаемое и показаниями его жены). Впервые мы узнаем о его поездке в Москву в 1924 г. и о его преподавании в Военной академии (видимо, имеется в виду та академия, которая вскоре получила имя Фрунзе: в 20–30-е годы там постоянно

готовили японистов). И самое серьезное: впервые мы получаем информацию о причинах переезда Поливанова в 1921 г. из Москвы в Среднюю Азию и последующего перехода от политической деятельности к научно-преподавательской. «Законспирированный отдел Коминтерна по линии Синьцзяна и дунган» (речь, видимо, идет о китайских дунганах), вероятно, занимался подготовкой восстания в западных областях Китая, распространением там революции, уже победившей в соседней Средней Азии. Но задание выполнить не удалось, после чего Евгению Дмитриевичу пришлось на пять лет задержаться в Ташкенте.

Нельзя не отметить и пункт о знании Поливановым языков, также не вызывающий сомнений в достоверности (тем более что большинством из указанных языков он в той или иной степени занимался как лингвист). Им перечислены, не считая русского, 17 языков, в том числе пять тюркских.

Протокол составлен в самом начале следствия, когда Поливанову еще не было предъявлено четкого обвинения. Следствие, возможно, еще выискивало, за что выгоднее всего зацепиться. Вероятно, к 22 августа подследственного еще не пытали. Во всяком случае, его подпись на документе выглядит вполне обычной, позже она резко изменится.

И в тот же самый день составляется другой документ.

Документ 5 (л. 28–29)

1937 г. августа месяца 22 дня я, оперуполномоченный 2 отделения 3 Отдела ГУГБ Гончаров, допросил в качестве свидетеля:

Кузнецов Николай Кириллович, 1890 г. р., ур[оженец] г. Вильно, проживает: Москва, Кузнецкий мост, д. 5/21, гражданин СССР, пом. зав. Политархивом НКВД, из служащих, образование высшее, член ВКП(б) с 1918 г., в 1919–20 гг. военком отдела снабжения.

Вопрос: Знаете ли Вы Поливанова?

Ответ: Будучи в 1916 г. в Японии, слышал, что в Токио бывал какой-то Поливанов.

Вопрос: Когда Вы с ним познакомились?

Ответ: В 1917 г. я поступил работать в НКВД и там с ним познакомился, он работал замнаркома.

Вопрос: Что Вы знаете о его связях с японцами?

Ответ: В НКВД он работал замнаркома и ведал восточными делами, куда входили и японские вопросы, вокруг него вращались восточники и особенно японцы, образ жизни вел крайне безалаберный: пьянство, связь с публичными женщинами, кокаирист. Еще находясь в Японии в 1916 г., мне много приходилось слышать о его проделках, а именно: что он пьянствовал там, часто валялся в грязи, уезжал из гостиниц, не платя денег, все эти факты дают повод подозревать его не в простой связи,

а как человека, связанного с японцами по шпионажу, иначе японцы не допустили бы такого безобразия и могли поднять скандал. Его шпионская деятельность в пользу Японии не вызывает сомнений, об этом говорит все его поведение.

Вопрос: Где он сейчас?

Ответ: По слухам, он где-то в Средней Азии читает лекции по Востоку, я с ним не виделся примерно с 1922 г.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано *Кузнецов*
Допрос производил оперуполномоченный 3 Отдела ГУГБ *Гончаров*

Нам не удалось ничего узнать о Н.К.Кузнецове и его дальнейшей судьбе. Из допроса очевидно, что в это время наиболее перспективным направлением разработки дела было признано японское. Следствие начало искать свидетельства «шпионской» деятельности Е.Д.Поливанова, знавшего японский язык и несколько раз бывавшего в Японии (помимо информации о трех точно известных поездках до революции есть не вполне достоверные сведения о том, что Поливанов там недолго был и в 1926 г., когда в последний раз посетил Дальний Восток). Однако Кузнецов мог сообщить лишь об особенностях поведения Поливанова, о которых говорят многие мемуаристы, более всего Н.Поппе. Тем не менее Кузнецов легко сделал основанный лишь на косвенных данных вывод о том, что Поливанов несомненно был японским шпионом. При этом речь, по сути, идет лишь о 1916 г., т.е. не о какой-либо «контрреволюционной деятельности», а лишь о деятельности против царской России, что еще недавно в СССР считалось скорее доблестью. К этому вопросу мы еще вернемся. И важно отметить, что это единственные в деле показания против Поливанова, данные другим лицом.

Новый документ, по времени последний перед полуторамесячным перерывом.

Документ 6 (л. 10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения
и предъявлении обвинений

Город Москва 1937 августа 27 дня

Я, Владимиров, пом. нач. Отделения второго отдела Третьего Главного Управления Госбезопасности НКВД, рассмотрев следственный материал по делу 12064 и приняв во внимание, что Поливанов Евгений Дмитриевич, 1892 года рождения, уроженец г. Смоленска, б/п, гражданин СССР, достаточно изобличается в том, что был завербован иностранной разведкой и по заданию проводил шпионскую деятельность,

постановил:

гр. Поливанова Е.Д. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58-1а УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Бутырской тюрьме.

Пом. нач. 3 отделения 3 отдела ГУГБ НКВД *Владимиров*

«Согласен»

Зам. нач. 2 отделения 3 отдела ГУГБ НКВД *Яриков*

Настоящее постановление мне объявлено 4 сентября 1937 г.

Подпись обвиняемого *Поливанов*

Перед этим документом к делу подшит еще один, датированный 23 августа и подписанный теми же лицами, — о выделении следственного материала на Поливанова в отдельное производство (л. 9). Вероятно, сначала предполагалось включить Евгения Дмитриевича в какое-то групповое дело, а потом от этого отказались. И здесь уже очевидна переориентация по сравнению с первоначальным обвинением: ни слова о «контрреволюционной троцкистской деятельности», а речь идет о шпионаже; единственная статья, по которой Поливанов теперь обвиняется, 58-1а, — это как раз измена Родине в виде шпионажа. Хотя нет слова «Япония», уже из допроса Кузнецова ясно, что речь идет об этом.

А далее в деле нет ни одного документа, датированного периодом начиная с 27 августа и по 15 октября 1937 г. Может показаться, что о подследственном забыли и лишь 15 октября его снова вызвали на допрос. Но это не так: один важнейший по содержанию документ все-таки дошел до нас. Приводится он уже в реабилитационной части дела, в протесте Генерального прокурора СССР Р.А.Руденко от 1 марта 1963 г. (л. 48). Это фрагмент (по-видимому, начало) заявления Поливанова от 1 октября 1937 г. Мы не знаем, ни на чье имя написано заявление, ни его полного текста, ни его местонахождения. В остальном документ комментариев не требует.

Документ 7

ЗАЯВЛЕНИЕ

подследственного Е.Д.Поливанова,
содержащегося в Бутырской тюрьме,
от 1 октября 1937 г.

Я обвиняюсь в шпионаже в пользу Японии по ст. 58-1а. Прошу о прекращении тяжелых приемов допроса (физических насилий), так как эти приемы заставляют меня лгать и приведут только к запутыванию следствия.

Добавлю, что я близок к сумасшествию.

Как и в других аналогичных случаях, протоколы допросов, в которых подследственный не давал «признательных показаний», либо не составлялись вообще, либо в дело не подшивались. И протоколов за дни, предшествовавшие данному заявлению, также нет. Лишь 15 октября наконец подследственный сдался. Отметим, что, оговорив себя, он более не оговорил никого: кореец Ким «без особых примет» — личность явно мифическая, японцы Яманаси, Макусэ и Умеда — либо тоже вымышлены, либо находились вне зоны контроля НКВД, а среди упоминаемых им исторических личностей тогда не было в живых уже никого, кроме Л. Д. Троцкого.

Документ 8 (л. 14–27)

ПРОТОКОЛ

допроса обвиняемого Поливанова Е. Д.
от 15 октября 1937 г.

1892 г. р., ур. г. Смоленска, русский, гр. СССР, служащий, с высшим образованием, беспартийный. В 1911–12 гг. окончил Петербургский университет по историко-филологическому факультету и Восточную Академию по японскому языку. До революции несколько раз бывал в Японии. Владеет 18 иностранными языками. В 1917 году был заместителем Троцкого в Наркоминделе. В 1921 г. работал помощником заведующего Восточным Отделом ИККИ. В последующее время занимался научно-исследовательской деятельностью. В момент ареста — профессор Института киргизского языка и письменности.

Вопрос: Вы изобличены в шпионской деятельности в пользу японской разведки. Когда Вы были завербованы японцами? Где и кем?

Ответ: Я был завербован японской разведкой в 1916 году. Завербовал меня японский разведчик Яманаси в г. Владивостоке.

Вопрос: Изложите, при каких обстоятельствах Вы были завербованы Яманаси?

Ответ: В 1916 г. я возвращался из Японии после очередной поездки туда для научно-исследовательской деятельности. Остановившись на некоторое время во Владивостоке, я там тесно общался со священником Григорьевым, который ранее был в духовной миссии в Токио и владел японским языком. Встречаясь с Григорьевым во Владивостоке, я как-то однажды при его посредстве познакомился с Яманаси. После знакомства с Яманаси мы начали с ним систематически встречаться. Первые наши беседы с Яманаси носили характер воспоминаний об общих знакомых по Японии. Яманаси оказался человеком развитым, сведущим по целому ряду вопросов, интересовавших меня в то время как научного деятеля, это и послужило основанием к моему сближению с ним.

Я в то же время любил пожить на широкую ногу, и имевшихся у меня средств явно не хватало на расходы. Яманаси сразу заметил это и все расходы по совместным нашим с ним кутежам принимал на свой счет и

прямо одалживал мне денег. Яманаси приходил ко мне в гостиницу «Золотой рог», и мы подолгу беседовали с ним.

Вопрос: Какое официальное положение занимал Яманаси в то время?

Ответ: Он называл себя представителем известной мне японской фирмы «Ивасия».

Вопрос: Продолжайте Ваши показания.

Ответ: В процессе дальнейших бесед Яманаси как-то спросил меня, является ли моим однофамильцем или родственником бывший военный министр (в 1915–1916 гг. — Авт.) Поливанов. Я ответил, что это мой родственник. Яманаси стал спрашивать меня, бываю ли я и как часто в Петрограде у Поливанова и знаю ли я кого-либо из высокопоставленных лиц во Владивостоке и Петрограде. Я упомянул о знакомстве с комендантом Владивостокской крепости генералом Крыловым. После этого Яманаси стал спрашивать меня, не знаю ли я губернатора или вице-губернатора Приморской области. Яманаси стал особенно интересоваться генералом Крыловым, и я сообщил Яманаси, у кого бывает генерал Крылов. Продолжая посещать меня, Яманаси все время ссужал меня деньгами, и оказалось, что за довольно короткое время я получил от него около 600 рублей.

К этому времени я целиком подпал под влияние Яманаси, а он продолжал расспрашивать меня по интересующим вопросам. В конечном итоге в процессе повседневных общений я передал Яманаси целый ряд секретных сведений, которые позволили ему непосредственно произвести мою вербовку.

В одну из очередных встреч он потребовал от меня определенной негласной работы в пользу японцев, указав на то, что я уже оказал им определенные услуги. Увидев, что я нахожусь всецело в руках Яманаси, я дал ему согласие.

Вопрос: Разве только по боязни разоблачения Вы дали согласие вести разведывательную работу в пользу Японии?

Ответ: Конечно, дело не только в этом. Я должен был заявить прямо, что, принимая решение и давая согласие вести работу в пользу японцев, я общался длительное время с японцами, был определенно японофильски настроен.

Когда Яманаси начал со мной откровенный разговор, я полностью был настроен в пользу Японии и поэтому, не раздумывая, дал согласие на его предложение.

Вопрос: Как Вы условились о дальнейшей связи с Яманаси?

Ответ: При своем выезде в Петроград мы условились с Яманаси, что в Петрограде со мной свяжутся. Я дал ему свой домашний телефон.

Вопрос: Какие задания Вы получили от Яманаси перед Вашим отъездом в Петроград?

Ответ: Так как Яманаси в период моей с ним владивостокской связи все время интересовался ответственными военными работниками, а я давал ему по этим вопросам соответствующие ответы, то все наши беседы велись в плоскости необходимости завязывания связей с руководящими военными работниками. Перед самым моим отъездом из Владивостока я получил от Яманаси конкретное задание внедриться в царскую

разведку. При этом мне было указано, чтобы я использовал все свои связи среди военных. По указаниям Яманаси я должен был информировать влиятельных военных лиц о своих впечатлениях и некоторых данных общего характера о Японии с тем, чтобы посредством этой информации обратить на себя внимание с последующим внедрением в царскую разведку.

Вопрос: Удалось ли Вам внедриться в царскую разведку?

Ответ: Да, вскоре после моего приезда в Петроград я был завербован царской разведкой.

Вопрос: Как это произошло?

Ответ: Приехав в Петроград, я представил докладную записку с изложением в ней деятельности некоторых японских обществ, ставящих своей целью проникновение японского влияния на русский Дальний Восток.

Эту докладную записку я передал председателю Общества востоковедения генералу Шведову, с которым состоял в некоторых деловых отношениях как работавший в японском отделе вышеназванного общества.

Шведов был доволен собранными мною данными и передал их в разведку Генерального Штаба. Через некоторое время тот же Шведов направил меня в царскую разведку к генералу Рябикову. Посетив Рябикова, последний сказал мне (так в тексте. — Авт.), что, поскольку я уже самостоятельно собрал интересные данные, я принес бы пользу, если бы в дальнейшем работал в Японии уже непосредственно для русской разведки. Я дал свое принципиальное согласие, сказав, что поеду в Японию в 1917 году. Тогда Рябиков сказал мне, что при моем выезде в Японию мне надлежит во Владивостоке явиться к генералу Крылову, от которого я получу указания и средства на разведывательную работу. Однако моя поездка в Японию в 1917 году не состоялась в связи с Февральской революцией.

Вопрос: Когда Вы установили связь с японской разведкой в Петрограде?

Ответ: После того как я вернулся в Петроград, спустя два месяца ко мне на квартиру позвонил японец Макусэ и просил на следующий день придти к нему на квартиру на Николаевскую улицу.

Вопрос: Кто такой Макусэ?

Ответ: Макусэ был преемником Хасэгавы, представителя японской комиссии в Петрограде по поставке военного снаряжения Российскому Главному артиллерийскому управлению и интендантству.

Вопрос: Состоялась ли Ваша встреча с Макусэ?

Ответ: Да, я посетил квартиру Макусэ, где мы условились о поддержании дальнейшей связи.

Вопрос: В царскую разведку Вы были завербованы до установления Вашей связи с Макусэ?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы сообщили Макусэ о том, что Вам удалось внедриться в царскую разведку?

Ответ: Да, сообщил. Макусэ остался этим очень доволен и сказал мне, что, когда я поеду в Японию, он даст мне указания, что делать.

Вопрос: А какие задания Вы получали от Макусэ на [проведение] разведывательной деятельности в Петрограде?

Ответ: Состоя агентом царской разведки, я фактически в то время до моего отъезда в Японию не мог быть полезен японцам, и поэтому Макусэ старался использовать меня по линии разведывательной деятельности в армии. Он дал мне задание завязать знакомство с генералами Маниковским и Николаи.

Вопрос: Как Вы выполняли это задание Макусэ?

Ответ: Непосредственно с Маниковским (в то время начальник Главного артиллерийского управления. — Авт.) и Николаи я знаком не был, и для завязывания этого знакомства мне требовалось довольно длительное время. Это было в конце 1916 года. К этому времени у меня с Макусэ связь по неизвестным для меня причинам прервалась.

В сентябре 1917 года меня разыскал какой-то японец, назвавшийся переводчиком из японского посольства в Петербурге (так в тексте. — Авт.), который передал мне, что со мной хочет говорить служащий японского посольства Умеда. Я сказал, что смогу принять Умеду на службе, и рассказал, как меня разыскать.

Вопрос: Где Вы в то время служили?

Ответ: Я был прикомандирован от Всероссийского Совета крестьянских депутатов к Министерству иностранных дел Терещенко, где заведовал отделом печати.

Вопрос: Ваша встреча с Умедой состоялась?

Ответ: Да, он приезжал ко мне на службу, где мы в моем кабинете договорились о моей дальнейшей работе на японцев.

Вопрос: Что Вы делали по заданию Умеды в тот период?

Ответ: Это был период бурных событий в стране, и я по всем важнейшим событиям подробно информировал Умеду. Из наиболее важных событий я сообщил:

О работе Всероссийского Совета крестьянских депутатов, главным образом о том, что этот Совет крестьянских депутатов, управляемый правыми эсерами, ведет упорную работу против большевиков и против Совета рабочих депутатов.

О работе кабинета Военно-морской печати. Я подчеркивал, что благодаря предательской роли правозсеровского большинства кабинета французы фактически осуществляют цензуру над кабинетом, который обслуживал более 100 фронтовых и флотских газет.

О французском наказе Скобелеву (в то время министр труда Временного правительства. — Авт.). Это был второй наказ, направленный против наказа об условиях мира без аннексий и контрибуций, данного Скобелеву Всероссийским Советом рабочих депутатов. Этот же наказ, который проводился от имени Всероссийского совета крестьянских депутатов, требовал, наоборот, войны до победного конца.

О работе отдела печати в Министерстве иностранных дел при Терещенко.

О работе комиссии по подготовке к заключению мира в Генеральном Штабе, где я состоял членом этой комиссии. Комиссия эта выработывала предположительные условия мира с Германией.

Умеда мне дал тогда задание, чтобы я аргументировал безусловное оставление Циндао в руках Японии (Японии оккупировала этот китайский порт в 1914–1922 гг. — *Авт.*), что я и выполнил. Все это было в период, предшествующий Октябрьской революции.

Вопрос: Какова была Ваша служебная деятельность после Октябрьской революции?

Ответ: С первых дней после Октябрьской революции я был назначен заместителем наркома иностранных дел. Наркомом в то время был Троцкий.

Вопрос: А когда Вы последний раз встречались с Троцким?

Ответ: В последний раз я встретился с Троцким в феврале или марте 1918 года на заседании Всероссийского съезда Советов, на котором Троцкий делал доклад о Брестском мире (речь, вероятно, идет о 3-м Всероссийском съезде советов, проходившем в январе 1918 г. — *Авт.*).

Вопрос: В период Вашей работы с Троцким Вы были членом ВКП(б)?

Ответ: Нет, в партию я вступил в начале 1919 года.

Вопрос: Когда и по каким причинам Вы выбыли из партии?

Ответ: Выбыл из партии я механически в 1926 году как пассивный и увлекавшийся наркоманием.

Вопрос: Какие Вы лично проводили мероприятия в пользу японцев, работая заместителем Троцкого по Наркоминделу?

Ответ: Я принимал меры к тому, чтобы не допустить опубликования в прессе секретных пунктов русско-японского соглашения 1916 года, являвшихся, по существу, планом раздела влияния в Китае между Россией и Японией.

Вопрос: Документы Вы передавали японцам в то время?

Ответ: Да, передавал.

Вопрос: Какие документы?

Ответ: Я сообщал о всей деятельности Наркоминдела. Кроме того, я сообщил о деятельности Комиссии по перемирию в Петрограде, рассказав о том, что все соглашения, достигнутые в этой комиссии (о возвращении военнопленных, о цензуре, о почтовых отношениях и пр.), фактически были сорваны поведением делегации на Брестском мире.

Вскоре после моего ухода из Наркоминдела моя связь с Умедой на некоторое время прервалась.

Вопрос: Следовательно, занимая пост зам. наркоминдела, Вы заведомо пошли на предательство, состоя агентом японской разведки?

Ответ: Да, это было так.

Вопрос: Когда Вы вновь установили связь с Умедой?

Ответ: Вскоре Умеда вместе с посольством переехал в Москву. В 1921 году я получил назначение в Москву на должность помощника заведующего Дальневосточным отделом ИККИ (Исполком Коминтерна. — *Авт.*). И вот однажды, весной 1921 года, Умеда позвонил мне в гостиницу «Люкс» и назначил мне свидание у храма Христа Спасителя, куда я и явился. Там со слов Умеды я узнал, что ему сообщил о моем пребывании в Москве и о моей работе в ИККИ какой-то человек, кто именно — не назвал. Мы тут же условились с Умедой, что дальнейшие наши встречи будут происходить на том же месте у храма Христа Спасителя.

Вопрос: Какие сведения Вы сообщали Умеде за период Вашей работы в ИККИ?

Ответ: Я сообщал самые подробные данные о том, как Дальневосточный отдел ИККИ проводит определенную работу против Японии в Корее. Указывал, что ведется большая работа по организации революционного движения в Корее. В связи с этим сообщал о том, что готовились кадры, которые должны были быть переброшены в Корею. Я сообщал также о совещании, организованном в Дальневосточном отделе Коминтерна с участием Шумяцкого, по координации действий на Ближнем и Дальнем Востоке, где речь шла опять-таки о том, что революционное движение в Корее на первой очереди.

Наконец, я сообщил о подготовке к III Конгрессу Коминтерна (состоялся в июне-июле 1921 г. — Авт.), в частности, о данных, на которых должен был строиться доклад заведующего Дальневосточным отделом. В 1921 году моя непосредственная связь с Умедой опять прервалась.

Вопрос: Вследствие каких причин?

Ответ: Я получил от Коминтерна командировку в Ташкент, но вынужден был там задержаться в связи с болезнью жены. В Москву я вернулся только в 1926 году, где опять установил связь с Умедой.

Вопрос: При каких обстоятельствах это произошло?

Ответ: Узнав от одного из японцев, учившихся в КУТВе, Умеда связался со мной в начале 1927 года (так в тексте. — Авт.). Мы договорились с Умедой о дальнейшей связи. Встречи эти происходили у меня на квартире, о времени встреч мы созванивались по телефону.

Вопрос: Что Вы сообщали Умеде в то время?

Ответ: В связи с научным характером моей работы в то время я не мог давать Умеде более или менее ценных сведений политического характера. Я информировал о постановке преподавания в КУТВе, указав, что КУТВ готовит, кроме советского сектора, и зарубежные кадры. Указал количество учащихся различных национальностей.

Вопрос: Сколько времени Вы пробыли в Москве?

Ответ: В Москве я пробыл до 1929 года. В 1929 году я, по предложению Наркомпроса Узбекистана, выехал в Самарканд для работы в Узбекском исследовательском институте.

Вопрос: Выезжая в Самарканд, как Вы условились с Умедой о поддержании связи?

Ответ: Я должен был вернуться в Москву для ликвидации своих дел, поэтому решение вопроса о дальнейшей связи было отложено до моего приезда в Москву.

Вопрос: Когда Вы приехали в Москву и как договорились с Умедой?

Ответ: Я приехал в Москву в 1930 году. В этот мой приезд я получил указание от Умеды, что основной моей задачей будет изучить возможность проникновения японского влияния в Среднюю Азию.

Я сказал Умеде, что в ближайшее время я буду жить и работать в Ташкенте. Тогда же Умеда сказал, что за информацией ко мне будет приставлен кореец по фамилии Ким Николай Иванович, который, разыскав меня, должен будет на японском языке сказать, что он от Умеды. Ким должен был, как мы условились с Умедой, разыскать меня в наркомпросовских учреждениях.

Вопрос: Когда и где Вы с ним впервые встретились и как потом подерживали связь?

Ответ: Впервые Ким ко мне явился в 1932 году. Встретившись с Кимом, как это было обусловлено Умедой, он впоследствии приходил ко мне на квартиру (так. — Авт.). Приезжал Ким нерегулярно, не чаще одного раза в 3–4 месяца. Через Кима я переправлял в Москву в японское посольство ту информацию, которую удалось собрать по Средней Азии.

Вопрос: Опишите приметы Кима.

Ответ: Ким лет 35, среднего роста, плотный, корейский тип лица, черные коротко стриженные волосы, бороду бреет, носит небольшие усы. Особых примет не имеет.

Вопрос: Когда в последний раз был у Вас Ким?

Ответ: В начале 1937 года.

Вопрос: Какие материалы шпионского характера Вы передали японцам через Кима?

Ответ: Я выполнял основное задание Кима по изучению каналов возможного проникновения японского влияния в Среднюю Азию. Изучив этот вопрос, я дал свои развернутые соображения, в которых указал: основной почвой для возможного проникновения влияния в Среднюю Азию являются те японофильские настроения среди местных мелкобуржуазных элементов и среди джадидов интеллигентов, которые базируются на формуле: «Надо подражать Японии, которая, сумев создать собственную культуру и военную силу, сумела освободиться от европейского захвата». Этот лозунг получил распространение, особенно в Узбекистане, среди молодых кадров просвещенцев вследствие того, что в первые годы после Октябрьской революции дело просвещения в Узбекистане находилось в руках военнопленных турецких офицеров.

Аргументировал, что у националистов Узбекистана и у казахских националистов японофильские воззрения довольно сильно распространены. У киргизов же и дунган японофильство проявляется слабо.

Осветил также [вопрос] о расслоениях в узбекских кишлаках, где, несмотря на земельную реформу, продолжали существовать еще кулаки (баи), имеющие батраков под видом родственников.

В своих выводах я указал, что для проникновения японского влияния в Среднюю Азию могут служить прежде всего джадидские кадры Узбекистана, как наиболее многочисленные и наиболее сплоченные, ушедшие за последнее время в глубокое подполье.

Я передал сведения об амударьинском транспорте, указав, что с 1932 года на Амударье введен новый вид транспорта — введены глиссеры, которые очень ускорили сообщение, и началась постройка особого типа амударьинских пароходов, специально приспособленных к постоянному изменяющемуся фарватеру и новообразующимся мелям.

Я информировал также о строительстве важнейших дорог в Киргизии, главным образом о дороге Фрунзе–Рыбачье, сообщив о бетонированных барьерах и о значении этой дороги в смысле снабжения города Фрунзе и железной дороги. А также в смысле связи с Каракольским и Нарынским районами.

Вопрос: Таким образом, Вы, будучи завербованы японцами в 1916 году, до 1937 года вели активную шпионскую работу, используя то доверие, которое Вам оказывалось?

Ответ: Да, я признаю полностью себя в этом виновным.

Протокол с моих слов записан правильно и мне зачитан *Поливанов*

Допросили:

Пом. нач. 3 отдела и нач. 2 отделения

3 Отдела ГУГБ НКВД капитан государственной безопасности *Григорьев*

Оперуполномоченный 2 отделения

3 Отдела ГУГБ НКВД сержант государственной безопасности *Мальцев*

Этот протокол допроса, разумеется, вызывает гораздо меньше доверия, чем протокол допроса от 22 августа 1937 г. Даже неспециалисту видно, как изменился почерк Евгения Дмитриевича после чем более месяца пыток. «Признания в шпионаже», конечно, были вынужденными. В то же время очевидно, что многое здесь придумано и включено в реальный контекст самим Поливановым, который и на пороге смерти проявил свой талант мистификатора. Вспомним его многочисленные, не совпадающие друг с другом версии того, где и как он потерял руку, или явно фантастические рассказы о его поединке в Средней Азии с разбойниками, попавшие даже в переписку Н.Трубецкого с Р.Якобсоном (N.S.Trubetsky's Letters and Notes. The Hague-Paris, 1975). И здесь последний раз в жизни Поливанова проявились своеобразные черты его характера.

И мы видим, как фантастика вплетается в реальный контекст событий, многие из которых имеют подтверждения. Поэтому и здесь некоторые новые сведения заслуживают внимания. В частности, это рассказы о совершенно нам неизвестной ранее деятельности Поливанова в Комиссии по перемирию с Германией. Выясняется, что под его руководством были подготовлены первоначальные условия Брестского мира, затем измененные Троцким. Впервые мы узнаем что-то определенное о том, почему Поливанов вышел из партии, и приводимая информация выглядит вполне правдоподобной. Сложнее вопрос о его возможном сотрудничестве с царской военной разведкой, в частности о написании им докладной записки по поводу японского проникновения на Дальний Восток. Отрицать такую возможность, видимо, нельзя, но и верить здесь Поливанову полностью также не приходится.

Далее, с 15 октября и по 31 декабря 1937 г., в деле нет ни одного документа. Следствие получило все, что было нужно. Оставалась обычная рутина.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
от 31 декабря 1937 года

«Утверждаю»

Нач. 3 Отдела ГУГБ НКВД СССР
комиссар госбезопасности 3 ранга *Минаев*
23 октября 1937

«Утверждаю»

Прокурор Союза ССР
А.Я.Вышинский
31 декабря 1937

по следственному делу № 13599 по обвинению Поливанова Е.Д. по ст. 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР

Поливанов, в 1913 г. окончив в Петербурге университет и Восточную академию по японскому языку, выезжал несколько раз в Японию в научные командировки.

Вследствие длительного общения с японцами стал японофилом.

В 1916 г., возвращаясь из Японии, в г. Владивостоке Поливанов через своего знакомого Григорьева познакомился с японским разведчиком Яманаси.

Яманаси, используя японофильские убеждения Поливанова и купив его деньгами, завербовал Поливанова в японскую разведку.

По заданию Яманаси Поливанов, приехав в Петроград, поступил (зачеркнуто «внедрился». — *Авт.*) в царскую разведку для работы на японцев.

После внедрения в царскую разведку Поливанов установил в Петрограде шпионскую связь с японским разведчиком Макусэ, с которым был связан до Октябрьской революции.

После Октябрьской революции Поливанов был назначен заместителем Наркоминдела. Наркомом в то время был Троцкий.

С Троцким Поливанов работал до начала 1918 г. Работая в Наркоминделе, Поливанов связался с японским разведчиком Умедой.

Проводя свою шпионскую, предательскую деятельность, Поливанов сообщал японцам о своей деятельности в Наркоминделе.

В 1921 г. Поливанов получил назначение в Москву на должность помощника заведующего Дальневосточным отделом ИККИ. В это время он сообщал японцам самые подробные данные о том, как Дальневосточный отдел ИККИ проводит работу.

С 1930 г., находясь на работе в Средней Азии, Поливанов до момента его ареста поддерживал связь с представителями японской разведки в Москве через специального связиста, выполняя поручения японской разведки по шпионской и террористической работе.

За это время он изучил каналы возможности проникновения японского влияния в Средней Азии и передал японцам свои развернутые сообщения. Кроме этого, сообщал известные ему шпионские сведения по Средней Азии.

Виновным себя признал.

На основании изложенного Поливанов Евгений Дмитриевич... (нами опущены многократно повторяемые в деле краткие биографические данные. — *Авт.*) обвиняется в том, что он:

В 1916 г. японским разведчиком Яманаси был завербован в японскую разведку.

По заданию японцев поступил в царскую разведку.

После Октябрьской революции, занимая пост зам. Наркоминдела (наркомом был Троцкий), сообщал японцам о всей деятельности Наркоминдела.

Проводил определенную шпионскую и террористическую работу по заданию японской разведки.

Находясь на работе в Средней Азии, изучил каналы возможного проникновения японского влияния в Средней Азии и передавал японцам по этому вопросу свои развернутые соображения.

Т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Вследствие изложенного Поливанов Е.Д. подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР с применением закона от 1/XII 1934 г.

Оперуполномоченный 2 отделения 3 Отдела ГУГБ
сержант госбезопасности *Мальцев*

«Согласен»

Пом. нач. 3 Отдела и нач. 2 отделения 3 Отдела ГУГБ
капитан госбезопасности *Григорьев*

СПРАВКА

Поливанов Е.Д. арестован 1/VIII 37 г. и содержится под стражей в Бутырской тюрьме ГУГБ НКВД.

Вещественных доказательств нет.

Оперуполномоченный 2 отделения 3 Отдела ГУГБ
сержант госбезопасности *Мальцев*

Очевидно, что документ представляет собой выжимку из протокола допроса от 15 октября, иногда с мелкими ошибками, скажем в датах окончания Поливановым университета и Восточной академии. К первоначальной статье о шпионаже добавлены еще две: 58-8 (терроризм) и 58-11 (принадлежность к контрреволюционной организации). В то же время не предъявлены какие-либо обвинения в троцкистской пропаганде. Хотя дважды упомянут Троцкий как начальник Поливанова, но он парадоксальным для 1937 г. образом выступает лишь как жертва шпионской деятельности (данные о его комиссариате якобы передавались Поливановым в японскую разведку). Действительная совместная работа Поливанова с Троцким, видимо, повлияла на его арест, но потом, узнав, что Евгений Дмитриевич занимался Японией и бывал там, следствие сочло более выгодным приписать ему шпионаж в пользу этой страны. Очень похоже на дело

А.Н.Самойловича, где также «пантюркизм» отошел на второй план по сравнению со «связями с японской разведкой» (притом что в отличие от Поливанова Самойлович почти не имел к Японии отношения). Кстати, дела двух ученых шли в одно и то же время параллельно друг другу. Многие фамилии оказываются общими: Мальцев, Григорьев, Минаев, а также судьи Кандыбин и Козлов и регистратор исполнения приговоров Шевелев, которые встретятся нам чуть позже. Но ни фамилия Поливанова в деле Самойловича, ни фамилия Самойловича в деле Поливанова не упоминаются.

Сходство с делом А.Н.Самойловича видно еще в одном: обоим в числе прочего предъявлено официальное обвинение в деятельности против царской России (а если учесть сказанное Поливановым на допросе, то он признавал себя виновным и в деятельности против Временного правительства). Еще три-четыре года назад такие обвинения были немыслимы. Но теперь СССР уже рассматривался не как передовой отряд мировой революции, а как государство со своими национальными интересами, сохраняющее в этом отношении преемственность по отношению к старой России.

Отметим еще некоторые особенности обвинительного заключения. В нем не упомянуты показания Н.К.Кузнецова и отсутствует пункт о том, что подсудимый изобличается чьими-либо показаниями. Видимо, следствие ощущало, что рассказ Кузнецова мало что дает, но это было и неважно, поскольку имелось главное — признания самого подсудимого (впрочем, на суде этот рассказ будет использован). Вписаны слова о поручениях японской разведки не только по шпионской, но и по «террористической» работе, связанные с добавленной статьей 58-8, однако никакие факты не приводятся.

Сопоставление дат показывает, что обвинительное заключение было составлено почти сразу после итоговых «признательных показаний», но более двух месяцев дождалось очереди в Прокуратуре СССР. В эти месяцы страшная машина работала на максимальную мощность и иногда возникали бюрократические заторы. Видимо, только поэтому датой смерти Поливанова не стал 1937 год. Лишь накануне нового 1938 года наконец дошла очередь до данного дела и подпись за А.Я.Вышинского поставил его заместитель Г.К.Рогинский (впоследствии репрессированный). Текст заключения сразу определял исход дела: тот же закон от 1 декабря 1934 г., с которым мы уже сталкивались в связи с делом академика Самойловича, и статьи обвинения (две из трех — о шпионаже и терроризме — предусматривали высшую меру) не оставляли сомнений.

Очередь на судебное заседание заняла еще почти месяц, на этот срок была продлена жизнь ученого. А далее в деле идут стандартные документы, очень похожие на те, что находятся в деле А.Н.Самойловича и в сотнях тысяч ему подобных. Первые из них по времени — протокол подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 января 1938 г. (л. 33) и расписка Поливанова от того же дня о вручении ему копии обвинительного заключения (л. 34). Следующие мы публикуем полностью.

Документ 10 (л. 35)

ПРОТОКОЛ

закрытого судебного заседания выездной сессии
Военной коллегии Верховного суда
от 25 января 1938 г., г. Москва

Председательствующий диввоенюрист *Голяков*

Члены: бригавоенюрист *Зарянов*, военюрист 1 ранга *Кандыбин*

Секретарь военюрист 3 ранга *Козлов*

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Поливанова Е.Д. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверился в самоличности подсудимого и спрашивает, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил утвердительно. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый никаких ходатайств и отвода составу суда не заявил.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает. От своих показаний на предварительном следствии отказывается, считая их ложными.

Оглашаются показания Кузнецова.

Подсудимый заявил, что знакомства с японцами у него не было, так как он ездил в Японию и изучал их язык (так. — *Авт.*).

Он работал всегда честно и никогда шпионом не был.

Больше дополнить судебное заседание ничем не имеет.

Председательствующий объявил судебное заседание оконченным и предоставил подсудимому последнее слово, в котором он заявил, что его показания ложны.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда с совещания председательствующий огласил приговор.

Председательствующий *Голяков*

Секретарь *Козлов*

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе председательствующего диввоенюриста Голякова, членов бригавоенюриста Зарянова и военного юриста 1 ранга Кандыбина, при секретаре военном юристе 3 ранга Козлове.

В закрытом судебном заседании в городе Москве 25 января 1938 г. рассмотрела дело по обвинению Поливанова Евгения Дмитриевича, 1892 г. р. — бывший профессор Института киргизского языка и письменности — в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимый Поливанов являлся активным участником антисоветской диверсионно-террористической шпионской организации, созданной по заданию японской разведки.

Находясь на работе в Средней Азии, Поливанов в период 1930–1937 гг. вел шпионскую работу в пользу Японии, передавая представителю японской разведки в Москве сведения о Средней Азии, составляющие государственную тайну СССР. Кроме этого, установлено, что Поливанов агентом японской разведки состоял с 1916 года и с тех пор систематически собирал и передавал японской разведке шпионские сведения.

Таким образом, установлена виновность Поливанова в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда СССР

приговорила:

Поливанова Евгения Дмитриевича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и в силу Постановления ЦИК СССР от 1/XII 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий диввоенюрист *Голяков*

Члены: бригавоенюрист *Зарянов*, военюрист 1 ранга *Кандыбин*

Документ 12 (л. 37)

СПРАВКА

Приговор о расстреле Поливанова Евгения Дмитриевича приведен в исполнение 25 янв. 1938 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том 3, л. 44.

Нач. 12 отд. 1 Спецотдела НКВД СССР
лейтенант *Шевелев*

Отметим лишь одно: в отличие от А.Н.Самойловича Поливанов пытался на суде опровергнуть сделанные под пытками признания. Однако для суда 1937–1938 гг. это опровержение значения не имело: признавшись единственный раз в «шпионаже» или «терроризме», человек уже подписывал себе смертный приговор. Снова мы с этим столкнемся в следующих главах нашей книги.

Места расстрела и захоронения Поливанова неизвестны. Вероятнее всего, он, как и Самойлович, лежит во рвах поселка Бутово или совхоза «Коммунарка».

Остается сказать о судьбе жены ученого, Бригитты Альфредовны Нирк-Поливановой. Она не отражена в деле, но освещена в публикации [Плоских 1991]. Б.А.Нирк-Поливанова родилась в 1899 г. в городе Валга, ныне в Эстонии, и была эстонкой по национальности. Училась в Петроградском университете и в 1921 г. вышла замуж за Евгения Дмитриевича, после чего постоянно не работала, помогая мужу в его трудах. После ареста мужа выехала в Ташкент. 17 ноября 1937 г. во Фрунзе из Москвы пришло предписание о ее аресте. Однако в городе ее не было, и поэтому ее разыскали не сразу. Может быть, она бы смогла затеряться, если бы не привлекала к себе внимания. Но она пыталась добиться справедливости и писала то упоминавшемуся следователю Маргайтису, то новому наркому Лоцманову, сменившему арестованного Четвертакова, то, наконец, в Москву Вышинскому. Обратный адрес на последнем письме помог органам НКВД. 10 апреля 1938 г. ее арестовали в Ташкенте и этапировали во Фрунзе, где проходило следствие. 13 ноября 1938 г. она как «агент польской разведки» была осуждена на 10 лет лагерей. Умерла она в Каргопольлаге (Архангельская область) 1 июля 1946 г. Судьба ее сестры, жившей во Фрунзе с Поливановыми, нами не выяснена.

Дело Поливанова на этом не заканчивается: далее идет реабилитационная часть, которую мы приведем лишь частично. Она начинается письмом директора Института языкознания АН СССР чл.-кор. АН СССР Б.А.Серебренникова от 25 декабря 1962 г. на имя Генерального прокурора СССР Р.А.Руденко с просьбой о пересмотре дела (л. 38–40). В этом письме, в частности, говорится:

«Институт языкознания АН СССР обращается к Вам с просьбой пересмотреть дело выдающегося советского лингвиста, профессора Евгения Дмитриевича Поливанова, подвергнувшегося репрессиям в период культа личности... Все сотрудники Института

языкознания АН СССР и другие ученые и литераторы, лично знавшие Е.Д.Поливанова, отзываются о нем как о человеке, безусловно преданном Родине и делу Коммунистической партии, как об ученом, который выше всего ставил интересы истины и беззаветно боролся за нее». В письме перечислялись фамилии людей, которые могли бы дать свидетельства в пользу погибшего ученого.

Письмо стало формальным основанием для подготовки реабилитации. Далее подшиты показания людей, знавших Поливанова, все они также дают ему крайне положительную характеристику. Показания дали дунганский языковед Ю.Яншансин 14 февраля 1963 г. (л. 41), академик АН Киргизской ССР, видный тюрколог К.К.Юдахин 5 февраля 1963 г. (л. 42-43), киргизский ученый-тюрколог Б.М.Юнусалиев 6 февраля 1963 г. (л. 44), писатель В.А.Каверин (л. 47). Один из текстов приведем полностью.

Документ 13 (л. 45-46)

В ПРОКУРАТУРУ СОЮЗА ССР

тов. Васильеву

Уважаемый товарищ!

Я знал Евгения Дмитриевича ПОЛИВАНОВА по Петербургскому (Ленинградскому) университету с 1914 года. Профессура считала Евгения Дмитриевича человеком гениальных способностей, который должен стать славой русской науки.

Он кончил университет по кафедре сравнительного языкознания, служил в нашем посольстве в Японии, работал в Китае, вернулся в Петербург для научной работы.

Профессор Бодуэн де Куртенэ относился к Поливанову как к равному, восхищаясь широтой его знаний и обобщений.

Насколько я помню, Евгений Дмитриевич по происхождению аристократ, имел большие связи, про него говорили, что он потомок Лобачевского, и в то же время рассказывали, что он преподает на окраинах в рабочих школах.

В то же время я должен сказать, что на Дальнем Востоке Евгений Дмитриевич привык к опиуму и лечился от наркомании.

Способности его были феноменальны: он переводил с южно-китайского на северо-китайский, знал все европейские языки, иранский язык, индусский, все тюркские языки, финские языки.

Во время первой мировой войны Евгений Дмитриевич служил в Министерстве иностранных дел и имел отношение к хранению секретных документов.

Во время Февральской революции я вывел в город на стороне оставших броневые машины и встретился с Поливановым на Невском проспекте, угол Садовой.

Несмотря на то что у Евгения Дмитриевича была одна рука, он с группой людей строил баррикаду, перевернув трамвайный вагон и омнибус.

После Февральской революции Поливанов, к изумлению всех, оказался большевиком-ленинцем, что было тогда враждебно принято в академических кругах.

Я был связан с Евгением Дмитриевичем, так как мы вместе печатались в «Сборнике по теории поэтического языка». Я встречался с ним у Маяковского, мы много говорили, и я знаю его политические убеждения, он был марксистом, широко образованным.

Во время Октябрьской революции Поливанов, как мне говорили, помог достать и обнародовать тайные договоры царской России с империалистическими государствами.

Во время Кронштадтского восстания Поливанов водил на лед китайские и корейские отряды, а потом держал в нескольких районах города руководство охраной от контрреволюции.

Евгений Дмитриевич был противником академика Марра, считая его немарксистом; это вызвало тяжелое осложнение в жизни Поливанова, так как он выступал против теории Марра с печатными трудами, изданиями на правах рукописи, а Марр держал диктатуру в вопросах изучения языка.

Общественная репутация Евгения Дмитриевича была уязвима, так как он был наркоман; профессору пришлось покинуть Петербургский университет, где он уже получил кафедру, уехать в Среднюю Азию. Он начал преимущественно заниматься тюркскими языками, создал школу учеников, но был арестован и погиб в городе Фрунзе.

Его научные труды почти не изданы.

Считали, что он идет во главе мировой лингвистики, ища ее общие законы.

Прошло много десятков лет. Вероятно, многое открыто другими, но для славы советской науки, для истории марксистского языковедения и для исследования социальных вопросов литературы Востока, думаю, работы Евгения Дмитриевича не прошли [даром].

Младший друг Поливанова — писатель Венямин Каверин неоднократно выводил Поливанова в своих романах и повестях под именем Драгоманова.

В.Б.Шкловский

Этот яркий текст несет отпечаток своеобразного стиля его автора. О Поливанове Шкловский дает здесь немало информации, частично совпадающей с тем, что он писал о Евгении Дмитриевиче в воспоминаниях [Шкловский 1966] и в опубликованном [Ларцев 1988: 188–190] письме В.Г.Ларцеву, написанном за три месяца до смерти, 30 августа 1984 г. Многое здесь, разумеется, основано на слухах и легендах, иногда распространявшихся самим Поливановым. Отметим некоторые наиболее явные неточности. Поливанов не состоял в штате Министерства

иностранных дел до 1917 г., в российском посольстве в Японии не служил и был в этой стране в научных командировках; в Китае он был лишь проездом; против Н.Я.Марра он мог выступать только устно; перечень известных ему языков отчасти легендарен (например, «все тюркские»), ср. более достоверный список языков в следственных показаниях самого Поливанова; из сказанного нами выше ясно то, что ученый погиб не во Фрунзе. Два свидетельства Шкловского требуют особого внимания. Рассказ о том, что в годы Первой мировой войны Поливанов «имел отношение к хранению секретных документов», перекликается с показаниями последнего о работе на российскую разведку в те же годы. Вероятно, что-то он рассказывал Шкловскому. Мистификация это или отражение какой-то реальности? Данные о том, что в 1929 г. Поливанов уехал в Среднюю Азию из Ленинграда, явно неточны (в Ленинграде он после 1921 г. не жил, а уезжал в Самарканд из Москвы), но известно, что в это время он действительно вел переговоры с героем нашей предшествующей главы — А.Н.Самойловичем и речь шла именно о кафедре в ЛГУ, но марристы этому помешали. Фраза о том, что труды Поливанова «почти не изданы», и верна и неверна одновременно. Прижизненных публикаций ученого (особенно учитывая его раннюю гибель) не так мало — около 140, в том числе более 20 книг и брошюр. Но подготовленный Л.Р.Концевичем список его неизданных и в большинстве утраченных работ [Ларцев 1988: 296–325] насчитывает гораздо большее число названий.

1 марта 1963 г. Р.А.Руденко подписал протест по делу Е.Д.Поливанова, направленный в Верховный суд СССР (л. 48–49); мы уже упоминали об этом протесте в связи с тем, что там приводится заявление Евгения Дмитриевича о «физических насилиях». Дело завершается последним документом.

Документ 14 (л. 50–52)

3 апреля 1963 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Пленума Верховного суда СССР

Под председательством зам. председателя Верховного суда СССР — тов. Терехилова В.И. с участием зам. Генерального Прокурора СССР — тов. Мишутина А.Н. при секретаре — тов. Кузнецове А.Г.

Протест Генерального Прокурора СССР
по делу Поливанова Евгения Дмитриевича

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 января 1938 года профессор Киргизского научно-исследовательского института

языка и письменности ПОЛИВАНОВ Евгений Дмитриевич, 1892 года рождения, уроженец г. Смоленска, осужден на основании статей 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

Поливанов признан виновным в том, что с 1916 года являлся агентом японской разведки и передавал ее представителям шпионские сведения. В 1930–1937 годах, находясь в Средней Азии и будучи активным членом антисоветской диверсионной террористической шпионской организации, созданной по заданию японской разведки, передавал ее представителю в Москве сведения, составляющие государственную тайну.

Обсудив протест Генерального Прокурора СССР, который предлагает отменить приговор и дело в отношении Поливанова производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления, Пленум Верховного суда СССР находит, что протест подлежит удовлетворению.

Обвинение Поливанова основано лишь на его показаниях, полученных в стадии предварительного следствия путем применения незаконных методов допроса, о чем свидетельствует заявление Поливанова от 1 октября 1937 года.

В судебном заседании Поливанов заявил, что его показания на предварительном следствии не соответствуют действительности и что антисоветской деятельностью он не занимался.

Допрошенный на предварительном следствии свидетель Кузнецов высказывал лишь свое предположение о связях Поливанова с японской разведкой, не основанное на конкретных фактах.

В своих заявлениях видные языковеды Б.А.Серебренников, О.Яншансин, К.К.Юдахин, Б.М.Юнусалиев и известные писатели В.Б.Шкловский и В.Каверин, длительное время знавшие Поливанова, характеризуют его как выдающегося ученого-лингвиста, честного советского гражданина.

Находя осуждение Поливанова необоснованным, Пленум Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом и руководствуясь п. «а» ст. 9 Положения о Верховном суде СССР, постановляет:

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 января 1938 года в отношении Поливанова Евгения Дмитриевича отменить и дело о нем на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР производством прекратить.

Председатель *В.Теребилов*
Секретарь *А.Кузнецов*

В заключение главы, учитывая тюркологическую направленность нашей книги, перечислим основные работы Е.Д.Поливанова в этой области.

Среди изданных работ: книга «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» (Ташкент, 1933), книга «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» (Ташкент, 1935; переиздавалась в 1961 и 1968 гг.), брошюра «Проблема

латинского алфавита в турецких письменностях» (М., 1923), статья «Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР» («Новый Восток». Кн. 23–24. М., 1928), посмертно опубликованная статья «О принципах русского перевода эпоса „Манас“» (в книге: «Манас. Героический эпос киргизского народа». Фрунзе. 1968). Тюркский материал постоянно приводится в книге «Введение в языкознание для востоковедных вузов» (М., 1928; переиздана в томе: «Труды по восточному и общему языкознанию». М., 1991) и в статьях, частично собранных в томе «Статьи по общему языкознанию» (М., 1968). Среди сохранившихся неопубликованных трудов — перевод эпоса «Манас» (фрагменты напечатаны в упомянутом выше сборнике 1968 г.), тетради с записями по киргизскому языку, материалы диалектологических экспедиций в Узбекистане [Ларцев 1988: 302–304]. Но еще больше его сочинений пропало и скорее всего уничтожено. Среди них «Грамматика азербайджанского языка» (совместно с И.Гасановым, о котором см. специальный раздел в гл. 3), «Грамматика казахского языка», «Диалектологический словарь узбекского языка», «Историческая фонетика турецких языков», «Историческая фонетика чувашского языка», «История эволюции узбекского языка», «Казахский язык среди языков мира», «Краткий очерк узбекских говоров Хорезма», «Материалы по грамматике узбекского языка», «Материалы по узбекской диалектологии» (около 50 п.л.!), «Морфологические особенности опорных диалектов киргизского языка» (совместно с И.А.Батмановым), «Образцы фонетических систем современного уйгурского языка», вторая часть «Опыта частной методики преподавания русского языка узбекам», «Русско-узбекский словарь», «Туркмено-русский и русско-туркменский словарь», «Туркменская грамматика», «Фонетический словарь туркменского языка», «Генезис иранизированных узбекских говоров», «Вокализм ганджинского говора» (совместно с И.Гасановым), незавершенная узбекская грамматика, переводы киргизских поэтов, в том числе А.Токомбаева (о нем см. гл. 5). И многое, многое другое.

Глава 3

РАЗГРОМ ТЮРКСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Как уже мы говорили, наибольшее число материалов нам удалось получить из Министерства национальной безопасности Азербайджана, сотрудникам которого мы выражаем свою глубокую благодарность. Эти материалы дают представление о том погроме национальной интеллигенции в Баку, который был учинен в 1937 г. и длился и в последующие годы под руководством тогдашнего руководителя Азербайджанской ССР М.Д.Багирова. Погибли не только многие видные деятели азербайджанской культуры и науки. Баку в 20–30-е годы был центром культурной жизни всех тюркских народов, в нем жили и работали видные представители интеллигенции Татарстана, Узбекистана, тюркоязычного Крыма, Турции и др. И почти все они погибли. Развязанное с согласия Москвы Багировым и его подручными дело унесло много жизней. Бакинские материалы интересны и в своей реабилитационной части. В отличие от многих других лиц, виновных в массовых репрессиях, Багиров и часть его окружения понесли в 50-е годы наказание за свои преступления, поэтому при реабилитации их жертв был собран значительный материал о том, что творилось в Баку в 20, 30 и 40-е годы.

ДЕЛО РУХУЛЛЫ АХУНДОВА

Наш рассказ мы начнем с Рухуллы Али оглы (Алиевича) Ахундова. Этот человек не был ученым, хотя в круг его административных обязанностей входило и руководство азербайджанской наукой. Это был революционер, затем партийный деятель. Его личность заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, роль Ахундова в развитии азербайджанской культуры и науки в 20–30-е годы, далеко не однозначная, в целом все-таки была положительной: в том, что Баку, как указано выше, стал тогда общетюркским культурным центром, из всех азербайджанских руководителей, вероятно, наибольшая заслуга принадлежит именно ему. Во-вторых, он разделил трагическую судьбу ученых

и писателей, которым покровительствовал, а при фабрикации дела Багиров, считавший Ахундова своим главным соперником, отвел ему там центральное место.

Именно в деле Рухуллы Ахундова за № Пр 16229 в пяти томах (далее, как и в других случаях, приводятся только номера тома и листа) содержится наибольшее количество информации об обстановке в Азербайджане в 20–30-е годы, накануне и во время массовых репрессий.

Р.А.Ахундов родился 1 (13) января 1897 г. в Шувелянах около Баку и почти всю свою короткую жизнь (кроме периодов пребывания в Москве и за границей, о которых см. ниже) прожил в Баку. Как он сам указывал в протоколе допроса, его отец происходил из среды мусульманского духовенства, имел двухкомнатный дом в Баку и сад в Шувелянах (т. 1, л. 29). Рухулла учился в медресе; в статье о нем в БСЭ (3-е изд.) сказано также, что он окончил реальное училище и торговую школу (т. 2: 529). Однако если он и учился в реальном училище, то не окончил его: дважды в деле упомянуто, что Р.А.Ахундов, тогда уже секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, в 1925–1926 гг. сдавал экстерном экзамены за курс средней школы (т. 1, л. 29; т. 4, л. 40). Его образование названо во всех анкетах средним, при этом он в 30-е годы руководил азербайджанской наукой. Впрочем, в советское время он среди азербайджанских руководителей выделялся относительной образованностью, что признавали все, включая его главного врага Багирова (т. 4, л. 347). С детства Ахундов свободно владел русским языком и знал русскую культуру, которую он в последующие годы безусловно оценивал выше, чем традиционную мусульманскую.

С 1916 г. Ахундов начал трудиться в одной из бакинских типографий и продолжал эту работу при мусаватистах, правивших Азербайджаном в 1918–1920 гг. (т. 1, л. 29). Одновременно началась и его политическая деятельность. По показанию бывшего эсера Х.Зейналлы, они сблизились в эсеровской организации еще в 1916 г. (т. 2, л. 330), хотя формально членом левозсеровской партии «Анинчи» Ахундов стал после Февральской революции (т. 1, л. 1). При мусаватистах он вел подпольную работу, перейдя в 1919 г. от левых эсеров к большевикам; продолжая работать в типографии, он выпускал редактируемую им газету «Коммунист». Его товарищами по подполью были будущий троцкист Саркис и будущий «национал-уклонист» Г.Джабиев, вместе с ним перешедшие от эсеров к большевикам. В марте 1920 г. Ахундов нелегально на парусной лодке отправился из Баку в Красноводск, а затем в Москву как делегат IX съезда

РКП(б) (т. 4, л. 1). Вернулся в Баку он уже легально: там в апреле 1920 г. установилась советская власть.

После этого Ахундов занимал высокие партийные и государственные должности. В 1920–1921 гг. заведовал отделом ЦК КП(б) Азербайджана, был редактором газеты «Коммунист». В начале 1921 г. женился на Фриде Наумовне Шлёмовой (род. в 1901 г.), также активной коммунистке, занимавшей впоследствии руководящие должности. В 1922 г. у них родился сын Ферид (погиб в 1941 г. под Москвой).

Вскоре после победы азербайджанских коммунистов среди них возникли разногласия и начались выяснения отношений. Как свидетельствовала в период реабилитации Ахундова старая большевичка О.Г.Шатуновская, шла борьба двух группировок: первую составляли национально ориентированные коммунисты во главе с председателем Совнаркома, а затем ЦИК Азербайджана Нариманом Наримановым, а вторую — интернационалисты, борцы с прежними традициями; к последним примкнул Рухулла Ахундов (т. 4, л. 2). Такого рода борьба шла в те годы и в других мусульманских республиках («султан-галиевцы» и «саид-галеевцы» в Татарстане и др.).

На это накладывались и отголоски московской внутрипартийной борьбы. Азербайджанская парторганизация, как и все другие, оказалась втянутой в дискуссию о профсоюзах, проходившую перед X съездом РКП(б). Обстоятельства этой дискуссии в Баку детально описываются в деле. Формальным поводом для ареста Ахундова спустя более чем 15 лет послужил чей-то донос о том, что он в 1921 г. голосовал за платформу Троцкого и, следовательно, являлся «троцкистом»; по крайней мере, в открывающей дело справке на арест мотивировка именно такая (т. 1, л. 1). Как можно понять из следственных показаний самого Рухуллы Алиевича и из свидетельств современников при реабилитации, он на первом этапе дискуссии в Баку голосовал за платформу Троцкого (он подтверждал это и тогда, когда еще отказывался признать себя виновным), но в Москве изменил точку зрения и на съезде голосовал за ленинскую платформу (т. 1, л. 30; т. 4, л. 2); последний факт подтвердила при реабилитации и справка из Института марксизма-ленинизма (т. 5, л. 7).

После съезда Ахундов некоторое время оставался в Москве и преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) (т. 4, л. 27), где, кстати, тогда работал и Е.Д.Поливанов (нам ничего не известно об их связях). По словам О.Г.Шатуновской, Ахундов вынужден был остаться в Москве из-за разногласий с Н.Наримановым; она указывала и на то, что

тогда у Ахундова установились тесные отношения с И.В.Сталиным, который по крайней мере до конца 20-х годов ему покровительствовал (т. 4, л. 2).

В 1922 г. Ахундов вновь был откомандирован в Баку: по-видимому, к тому времени Москва решила поддержать ту группировку, к которой он принадлежал. Сначала он был секретарем Бакинского комитета партии, а на 1924 г. пришелся пик его карьеры: он становится вторым секретарем ЦК КП Азербайджана. В то время Азербайджан еще был частью Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР), подчиняясь Тбилиси, а азербайджанскую парторганизацию последовательно возглавляли неазербайджанцы: С.М.Киров, Л.И.Мирзоян, Н.Ф.Гикало, В.И.Полонский. Пост, занимаемый Ахундовым, был высшим в партийной иерархии, отводившимся азербайджанцу. Это было связано, видимо, с тем, что главной опорой партии в регионе считались нефтепромыслы, где, как и вообще в промышленности, тогда еще было мало азербайджанцев. Правда, вдова Ахундова позже упоминала, что после отъезда Кирова в 1926 г. в Ленинград ее мужу предлагали стать первым секретарем, но он отказался (т. 4, л. 31). В годы, когда Ахундов был вторым секретарем, он отвечал за два направления: идеологию и национальные азербайджанские проблемы.

Безусловно, Рухулла Алиевич был убежденным коммунистом-интернационалистом, ориентированным на русскую и мировую культуру. Отметим в связи с этим его длительную поездку вместе с женой за границу, занявшую большую часть 1924 г. Несколько месяцев он находился на лечении в Италии в связи с инфекционной болезнью глаз, а оттуда был направлен в командировку в США, куда, однако, его из-за той же болезни (а может быть, по политическим причинам) не пустили, задержав надолго в фильтрационном пункте для иммигрантов на острове Эллис. О поездке и «контрреволюционных связях» того времени Ахундова подробно допрашивали на следствии (т. 1, л. 121–134); впрочем, существенных показаний о «связях» он не дал.

О.Г.Шатуновская писала еще об одном: Ахундов «женился на еврейке, что никак не могло увязаться с представлением о возможном национализме», а все его окружение начала 20-х годов не было азербайджанским (т. 4, л. 7). Ф.Н.Шлёмова заявляла о том же: «Выбрав себе в жены партработника еврейку, т.е. русскую по культуре и привычкам, Ахундов уже определил этим строй своей семейной жизни, в котором не было никакой восточной специфики» (т. 4, л. 30). Его официально именовали

Рухуллой Алиевичем, но он любил, когда его называли Рудольфом Алексеевичем: переход на такое обращение означал дружеское сближение с русскоязычными (т. 1, л. 63).

Интернационализм Ахундова проявился, в частности, в вопросе об азербайджанском алфавите. Азербайджан стал первой мусульманской республикой СССР, где отказались от арабского алфавита и перешли на латинский. Здесь в 20-е годы совпали взгляды коммунистов-интернационалистов и той части национальной интеллигенции, которая ориентировалась на Турцию: там тогда тоже проводили латинизацию алфавита. Ахундов был одним из самых активных противников арабского алфавита и сторонников латинского (т. 4, л. 30). Его неудачная поездка в США была (по крайней мере официально) связана с закупкой латинских типографских шрифтов. Ахундов был не чужд и собственно лингвистических интересов: в период работы в ЦК, в 1927 г., он издал составленный им русско-азербайджанский словарь (т. 4, л. 26). Под его руководством и при его участии осуществлялся перевод сочинений классиков марксизма-ленинизма на азербайджанский язык, этой работой он занимался (с перерывами) вплоть до ареста.

И в то же время Ахундов считал необходимым использовать опыт и знания продолжавших работать азербайджанских интеллигентов старой формации и приглашать в Баку ученых-представителей других тюркских народов. Когда во время следствия надо было доказать «буржуазный национализм» и «пантюркизм» бывшего секретаря ЦК КП Азербайджана, то «фактов» оказалось достаточно. И в его деле, и в деле Б.В.Чобан-заде много говорится о том, как Ахундов поддерживал этого выдающегося ученого (см. о нем в следующем разделе) в течение более 10 лет. В 1923 г. вышла в свет книга мусаватиста Фридунбека Кочарлинского «Материалы по истории литературы Азербайджана», хотя ее автор к моменту издания книги был расстрелян; санкцию на публикацию дал Ахундов (т. 1, л. 103). Он разрешил издание книги работавшего в Баку турецкого ученого Исмаила Хикмета (т. 1, л. 102), пропустил в печать стихи обвинявшегося в «контрреволюционности» поэта Ахмеда Джавада (т. 2, л. 330).

Нельзя, разумеется, представлять Ахундова только как покровителя наук и искусств. Это был человек своего времени, жесткий, убежденный в своем праве выступать от имени народа. Вот пример, правда, из показаний подследственного, но не вызывающий сомнений в достоверности. Друг Ахундова еще с дореволюционных времен Х.Зейналлы жаловался на него за

вмешательство в выбор им профессии. После установления советской власти в Азербайджане Х. Зейналлы решил осуществить давнюю мечту и стать врачом. Когда он уже несколько лет проучился в мединституте, его в 1925 г. вызвал Ахундов и заявил, что ему надо ехать в Москву учиться в Институте красной профессуры, сказав: «Или партийный билет, или медицина. Мы в партийных врачах не нуждаемся, а ты нам нужен в литературе». Зейналлы не послушался и доучился в мединституте, но Ахундов так и не дал ему работать врачом (т. 2, л. 339). После 1925 г. Зейналлы все же сохранял партбилет, но в 1930 г., когда ранее изданная с разрешения Ахундова книга Исмаила Хикмета была объявлена «вредной», козлом отпущения сделали именно Зейналлы, редактировавшего книгу: он был исключен из партии (автор книги вовремя успел вернуться в Турцию).

На протяжении 20-х годов продолжалась борьба в азербайджанском руководстве. Сначала боролись с троцкизмом. После 1921 г. сам Ахундов в оппозиции не входил, но ему долго приходилось «отмежевываться» от Саркиса и других товарищей по подполью. Впоследствии на первых допросах после ареста он заявлял: «Я всегда считал и считаю, что партийный долг и обязанности члена ВКП(б) выше каких бы то ни было личных дружеских отношений. Саркис был моим другом, но когда он стал на позиции врага партии — он перестал быть моим другом». Когда в 1928 г. Ахундов временно перестал быть секретарем ЦК (об этом см. ниже), то исключенный из партии Саркис пришел к нему домой и предложил примкнуть к оппозиции. Ахундов заявил на допросе, что хотя он отклонил предложение, но «совершил грубейшую политическую ошибку, что не попросил его тогда же немедленно оставить мою квартиру и не отобрал от него нелегальную контрреволюционную троцкистскую платформу» (т. 1, л. 34).

Но в 20-е годы борьба с троцкизмом еще не принесла Ахундову серьезных неприятностей. Они возникли в связи с разногласиями по национальному вопросу. И здесь проблема заключалась в его взаимоотношениях со старым другом. Это был его товарищ по подполью Габиб Джабиев, с которым они вместе боролись с «наримановщиной» (т. 1, л. 44). Но в 1924–1925 гг. Джабиев был объявлен «скрытым мусаватистом», начались разбирательства, он попытался опереться на авторитет Ахундова, тот не стал поддерживать старого друга. Ф.Н. Шлёмова запомнила его слова: «Габиб всегда был упрямым и сумасбродом, а теперь становится сволочью» (т. 4, л. 29). От этого периода осталось «вещественное доказательство» — письмо Джабиева

Ахундову (т. 5, л. 64–66), где автор излагает суть своих расхождений с С.М.Кировым и другими, просит у Ахундова помощи и называет своим единомышленником. Это письмо Рухулла Алиевич хранил много лет дома, его изъяли при аресте, и оно стало для следствия важным документом, изобличающим бывшего секретаря ЦК КП Азербайджана в «контрреволюционных связях».

В 1924–1925 гг. кампания борьбы с «национализмом» еще не привела к кадровым изменениям, даже Г.Джабиев до конца 20-х годов занимал руководящие должности вплоть до заведующего Орготделом ЦК КП Азербайджана; потом его отстранят от этой должности и направят на работу за пределы Азербайджана. Но борьба партийных группировок продолжалась.

Как рассказывал в 1955 г. бывший третий секретарь ЦК КП Азербайджана Юсуф Ибад оглы Касимов, во второй половине 20-х годов в азербайджанском руководстве боролись две группировки. В одну входили Р.А.Ахундов, Г.Джабиев, У.Рахманов, М.Нариманов (однофамилец уже покойного Н.Нариманова), Г.С.Фарадж-заде; в другую — Г.М.Мусабеков, С.М.Эфендиев, М.Г.Караев и сам Ю.И.Касимов. В 1936–1937 гг. все они будут арестованы, и расстреляют всех, кроме Касимова, осужденного на 20 лет и дожившего до реабилитации. Как отмечал последний, между группировками не было политических разногласий (т. 4, л. 270). Шла борьба за власть.

Позиции Ахундова были прочны при Кирове, но когда того в 1926 г. отправили в Ленинград, а на смену ему пришел Л.И.Мирзоян, то первенство перешло к другой группировке. Отношения между старым вторым и новым первым секретарями не сложились. Сначала Ахундова стали прорабатывать за выступление на театральном совещании в марте 1928 г., где он ругал членов партии из руководства профсоюза работников искусств в присутствии беспартийных (т. 3, л. 13). А вскоре, 18 апреля 1928 г., произошло событие, подорвавшее авторитет Ахундова и использованное его противниками.

В поезде он повздорил с неким Хохловым, членом партии с 1917 г. О дальнейшем писал Михаил Кольцов в «Правде»: «Член ЦИКа тов. Рухулла Али оглы Ахундов ударил пассажира в вагоне-ресторане поезда Москва–Харьков за то, что пассажир отказался закрыть занавеску у окна. При составлении дознания тов. Ахундов выложил свой циковский билет» (Правда. 15.05.1928).

Заметка в «Правде» означала широчайшую огласку происшествия. Вскоре на нее откликнулся В.В.Маяковский, опублико-

вавший стихотворение «Помпадур» с эпитафией из газетной статьи. Он писал [Маяковский 1987: 529–531]:

...Выдающийся советский помпадур
выезжает отдыхать на воды...
Победу масс, позволивших ему
надеть незыблемых мандатов латы,
немедля приписал он своему уму,
почел пожизненной наградой за таланты...
Расселся, хоть на лбу теши дубовый кол, —
чего, мол, буду объясняться зря я?!
Величественно положил мандат на протокол:
«Прочеть и расхотиться, козыряя!»

Поэт не знал Ахундова и даже не представлял, как тот выглядел: в соответствии с типическими чертами «помпадура» он пишет о его «лысой голове», хотя Ахундов, судя по фотографиям, не был лыс. Надо было бить тревогу о действительно серьезном общественном явлении, и Маяковскому попался под руку человек, который был, может быть, в меньшей степени «помпадуром», чем другие. А потом много лет стихотворение было единственным свидетельством того, что Рухулла Ахундов существовал: его имя (как и имя автора газетной статьи о нем) находилось под запретом, но стихи вместе с эпитафией продолжали переиздаваться в сборниках Маяковского.

За происшествие в поезде Ахундов был снят с должности второго секретаря ЦК КП Азербайджана, а его дело 14 декабря 1928 г. разбирала Центральная контрольная комиссия (ЦКК); выписка из протокола заседания есть в деле (т. 3, л. 14–16). Ахундов пытался доказать, что не виноват, и даже требовал привлечь к ответственности Кольцова. Однако он получил строгий выговор с занесением в учетную карточку. Не беремся судить о том, что на самом деле произошло в поезде, но несомненно, что Мирзоян и другие противники Ахундова постарались использовать эту историю. Из следственного дела видно, что она тяготила Ахундова до конца жизни: «признавшись» под пытками в самых невероятных преступлениях, он так и не признал себя виновным в том, что избил Хохлова. Впрочем, этот эпизод, хотя и фиксируется в деле, вряд ли был очень важен для следователей.

На год Ахундов уехал в Москву, где был зачислен в Институт красной профессуры. В реабилитационной части дела есть справка о том, что он там действительно учился в течение года и, несмотря на плохой отзыв профессора философии Д.П.Марецкого (человек из окружения Н.И.Бухарина), был переведен на

второй курс (т. 5, л. 29–30). Но больше ему учиться не пришлось: снова отозвали в Баку.

К тому времени Л.И.Мирзояна сменил Н.Ф.Гикало, решивший вернуть опытного работника. В деле имеется документ о том, что ЦКК, несмотря на еще не снятый строгий выговор, не возражает против восстановления Ахундова в Президиуме ЦК КП Азербайджана и назначения редактором газеты «Бакинский рабочий» (т. 3, л. 17). Документ датирован 2–3 августа 1929 г., видимо, в эти дни Ахундов вернулся в Баку. Очень скоро он вновь становится вторым секретарем ЦК. Однако на этой должности он теперь пробыл недолго. При новой перестановке кадров в 1930 г. Ахундова переводят в Тбилиси на должность третьего секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) (напомним, что ему подчинялась и азербайджанская партийная организация). Но это назначение стало началом конца карьеры Рухуллы Алиевича. Первым секретарем крайкома был В.В.Ломинадзе, а в том же году началась борьба с «антипартийной группой Сырцова–Ломинадзе» и все окружение последнего подверглось гонениям.

В деле есть еще одна выписка из протокола заседания Президиума ЦКК от 15 ноября 1930 г. о «фракционной борьбе в Закавказской организации» (т. 3, л. 21–23): Ломинадзе был исключен из партии, Ахундов вновь получил строгий выговор. Судя по всему, тогда к нему еще был расположен Сталин. В третий раз пришлось временно переехать в Москву, на этот раз более чем на два года. Ахундов тогда не занимал никаких должностей, формально считалось, что он выполняет работу по переводу трудов классиков марксизма-ленинизма на азербайджанский язык (т. 4, л. 34).

В 1933 г. Ахундов вновь был откомандирован в Баку, как оказалось, в последний раз. К тому времени после нескольких смен руководителей парторганизации ее впервые возглавил представитель коренной национальности. Это был Мир Джафар Багиров, о котором нам придется много говорить в этой главе. Во главе Азербайджана он стоял два десятилетия: с 1933 по 1953 г. Об этом человеке, в конце концов уничтожившем Ахундова и многих других, в данном деле содержится не меньше сведений, чем о самом Рухулле Алиевиче.

Багиров был ровесником Ахундова и тоже появился среди азербайджанских руководителей в начале 20-х годов. Но занимался не идеологией, а безопасностью. Показания по его делу в 1954–1955 гг., включенные и в дело Рухуллы Ахундова, свидетельствовали о том, что Багиров, сын «крупнейшего духовного

лица Кубинского уезда», некоторое время был на стороне мусаватов и занимал в этот период должность помощника уездного начальника в Кубе (т. 4, л. 126). Однако вскоре после победы Красной Армии он стал председателем Азербайджанской ЧК, затем — Азербайджанского ГПУ, занимая эту должность до 1930 г. Среди его подчиненных был и Л.П.Берия, тесные связи между ними сохранялись три десятилетия. И их падение произойдет почти одновременно.

По свидетельству Ю.И.Касимова, в 20-е годы «Багиров никакого политического веса не имел и авторитетом не пользовался. Он занимал пост председателя Азербайджанской ЧК». Тогда этот пост многими партийными руководителями рассматривался как чисто служебный: карательные органы еще не имели той власти, которую они приобретут в 30-е годы. Однако уже тогда было известно, что Багиров собирает компромат на всех азербайджанских руководителей (т. 4, с. 271). В упомянутой выше борьбе двух группировок он, по-видимому, примыкал к той, в которой состоял и Ахундов; Касимов отмечал, что обоих руководителей одно время объединяла неприязнь к Л.И.Мирзояну (т. 4, л. 270). В период реабилитации свидетели единодушно отмечали, что отношения Ахундова и Багирова внешне выглядели хорошими вплоть до 1936 г., но со стороны Багирова всегда чувствовалась скрытая зависть и неприязнь к более образованному и авторитетному Ахундову. Пока их функции мало пересекались, это не было столь заметно, но в 30-е годы зависть Багирова станет, может быть, главной причиной гибели Рухуллы Алиевича. Ф.Н.Шлёмова отмечала, что Багиров всегда «ревновал к авторитету» ее мужа, и приводила такой эпизод, видимо относящийся уже к 30-м годам: «Сталин однажды потребовал написать книгу против ислама и мусавата, указав, что ее должны написать теоретически грамотные азербайджанцы — Р.Ахундов, Г.Мусабеков и др., а о Багирове не было сказано ни слова, что, конечно, не могло не задеть самолюбия Багирова» (т. 4, л. 19).

В свидетельских показаниях Ф.Н.Шлёмовой имеется и оценка культурных ориентаций Багирова, заслуживающая особого внимания. Она резко противопоставляет его своему мужу, далекому от «восточной специфики». Вспоминая, как Багиров однажды ночевал у них в Москве и рассказывал о своей семье, она подчеркивает, что слушала об этом «как о старом мире» (т. 4, л. 30). Выходец из среды мусульманского духовенства (об этом свидетельствовало само его имя с приставкой Мир), Багиров был традиционен в привычках и вкусах. Многие показания свидетелей в 1954–1955 гг. подтверждают, что он был

куда большим «помпадуром», чем заклеянный Маяковским Ахундов, причем «помпадуром с восточной спецификой».

Что касается порядков в азербайджанских ЧК и ГПУ при Багирове, то упомянем лишь показания свидетеля А.М.Тагиева, надзирателя Внутренней тюрьмы ЧК-ГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ Азербайджана с 1921 г. по день допроса, 17 мая 1954 г. Он рассказывал: подследственных «всегда били» (т. 4, л. 329); «били арестованных все начальники и следователи, которые вызывали арестованных на допросы» (т. 4, л. 330); при Багирове и Берии «воды в камерах было так много, что арестованные должны были там плавать», а один утонул (т. 4, л. 330); в 1921–1922 гг. Тагиев «лично сам привязывал камни к арестованным, которых увозили в море», что, впрочем, пришлось запретить, когда в Баку начались массовые отравления рыбой (т. 4, л. 334).

На какое-то время Багирова и Ахундова сблизил общие неприятности: в одном и том же 1930 г. их сняли с руководящих постов, обоим пришлось временно уехать в Москву, где они поддерживали отношения. Но в 1932 г. М.Д.Багиров был назначен председателем Совнаркома Азербайджана, а в следующем году — первым секретарем ЦК КП Азербайджана. Безусловно, ему помогал Л.П.Берия, возглавивший незадолго до этого Закрайком. В 20-е годы он был подчиненным Багирова, теперь стал его начальником.

Багирову надо было укреплять позиции в Баку, он решил использовать авторитетного там Ахундова и вызвал его из Москвы (в 1933 г.). Об этом вспоминала Ф.Н.Шлёмова: «Работать на оперативной работе он вообще не хотел, а вместе с Багировым в особенности. Он считал его организатором, очень дельным, но честолюбцем, самодуром и нести прямую политическую ответственность за его действия не мог» (т. 4, л. 37). По ее мнению, он даже был рад тому, что при Багирове больше занимался организацией науки и культуры, чем руководством республикой.

Формально Ахундов вновь занял место в высшем азербайджанском руководстве. Он снова был введен в Бюро ЦК, выступал на пленумах и партконференциях, ездил в Москву на съезды Советов и на XVII партсъезд (1934). Во время этого последнего в его жизни съезда его публично обнял Сталин (т. 4, л. 39). В 1935 г. Ахундов был награжден Орденом Ленина, тогда еще редкой наградой. Багиров внешне оказывал ему знаки расположения. Но скрытая неприязнь сохранилась. Ф.Н.Шлёмова вспоминала, как вскоре после их возвращения в Баку в 1933 г. тогдашний председатель Совнаркома Азербай-

джана Усейн Рахманов провозгласил в присутствии Багирова тост за Рухуллу Алиевича: «За лучшего большевика в Азербайджане!». И дальше она пишет: «Все приветствовали Рухуллу, а мне стало страшно от взгляда Багирова, но я решила, что мне показалось из-за очков» (т. 4, л. 36).

Впервые открытый конфликт между двумя руководителями произошел в 1934 г. на XIV съезде Компартии Азербайджана. По воспоминаниям Ф.Н.Шлёмовой, во время съезда «многие часто употребляли в выступлениях слова „под руководством т. Берии“, а Р.Ахундов был против этого возвеличивания Берии и, выступив на съезде, не употребил этого стандартного тогда выражения, что было замечено и обращено на это внимание (так. — *Авт.*), особенно Багировым» (т. 4, л. 18). Недовольство первого секретаря вызвало и то, что Ахундову после его выступления долго аплодировали. Началось разбирательство. Даже уже будучи арестованным, Багиров в показаниях вспоминал, что Ахундов на том съезде выступал «неправильно по национальному вопросу» (т. 4, л. 356). По мнению Ф.Н.Шлёмовой, в 1934 г. конфликт временно сгладил сам Берия, присутствовавший на съезде: он заявил, что не усматривает ничего плохого в выступлении Ахундова, и тот остался в Бюро ЦК (т. 4, л. 18).

Но после возвращения в Баку Ахундов занимал лишь второстепенные посты, формально не соответствовавшие рангу члена Бюро ЦК КП Азербайджана. С 1933 г. и до дня ареста он был председателем Комитета по делам искусств при Совнарком республики и заместителем председателя Азербайджанского филиала (АзФАН) Академии наук СССР (уже после его гибели филиал будет преобразован в Академию наук Азербайджанской ССР). Не имевший диплома о высшем образовании Ахундов руководил работой филиала: его председатель академик И.И.Мещанинов жил в Ленинграде и лишь изредка приезжал в Баку. Кроме того, Ахундов курировал процесс редактирования всех изданий классиков марксизма-ленинизма на азербайджанском языке, нередко он сам их и переводил. Позже Ф.Н.Шлёмова вспоминала, что даже после ареста ее мужа переводы не были изъяты из библиотек.

В следственном деле Ахундова практически нет упоминаний о естественнонаучной части филиала: там в те годы почти не было ученых-азербайджанцев и тюркских ученых вообще. Для фабрикации дела о «националистическом подполье» гораздо интереснее было сосредоточиться на двух гуманитарных институтах: Институте истории и археологии и Институте языка и литературы, тем более что первым по совместительству руково-

дил сам Ахундов (другой возглавлял А.Р.Зифельд-Симумяги, о котором см. ниже). В этих институтах ведущую роль играли азербайджанцы и представители других тюркских народов.

Деятельность АзФАН мало затронута в реабилитационной части дела, а в следственной представлена крайне тенденциозно, поэтому восстановить реальную картину на его основании трудно. Но правдоподобно выглядят постоянно фигурирующие в деле заявления о том, что Ахундов прежде всего ориентировался на тюркских ученых. Так, Х.Зейналлы на допросе приписывал ему заявление о том, что со временем в филиале русские кадры должны быть целиком заменены азербайджанскими (т. 2, л. 339). Сам же Ахундов в более достоверных показаниях, данных тогда, когда еще не был сломлен пытками, подчеркивал свой конфликт с неазербайджанской профессурой из числа высланных в Баку троцкистов (Б.Н.Тихомиров, Х.Г.Гарбер и другие). С их подачи член-корреспондент АН СССР С.Г.Томсинский, сам в прошлом связанный с оппозицией, написал в партком АН СССР жалобу на то, что «руководство АзФАН'а коммунистов не тюрков к работе в АзФАН'е не допускает» (т. 1, л. 69). Из Москвы для разбирательства жалобы приезжала специальная комиссия.

На одном из допросов Ахундов перечислял сотрудников двух данных институтов (т. 1, л. 73–74). Их тюркская часть делилась на две категории. К первой относились представители беспартийной тюркской интеллигенции, например Б.В.Чобанзаде или Г.С.Губайдуллин; ко второй — национально ориентированные азербайджанские коммунисты, например упомянутый выше Х.Зейналлы или заместитель Ахундова по Институту истории и археологии Вели Хулуфлу. Те и другие, хотя и в разной степени, имели плохую репутацию у Багирова и его окружения. Беспартийные интеллигенты давно были объявлены «буржуазными националистами» и подвергались травле еще с 20-х годов. Коммунисты, работавшие в АзФАН, также имели клеймо «национал-уклонистов», например, Зейналлы в 1930 г. был исключен из партии, но в 1932 г. восстановлен (т. 2, л. 331). Потом можно будет говорить о «засоренности» филиала «контрреволюционерами». До января 1937 г. их не трогали во многом благодаря авторитету Ахундова, но после его ареста они разделят его судьбу.

Работа АзФАН была связана с немалыми трудностями. И в деле Ахундова, и в делах других арестованных сотрудников филиала постоянно говорится о невыполнении научных планов, задержках со сдачей работ, их низком качестве. Судя по всему,

в этом есть доля правды, но причина была, разумеется, не во «вредительстве», а в нехватке кадров и плохой организации работы.

И несомненно, фактический руководитель АзФАН постоянно находился между двух огней. С одной стороны, он должен был поддерживать партийную линию. Например, побоялся взять на работу человека, о котором донесли, что тот ходит в иранское консульство (т. 2, л. 242); отказал в издании сочинений средневекового поэта Хатаи (Шах Исмаил), которые подготовил к печати Б.В.Чобан-заде (т. 2, л. 241). С другой стороны, он высоко ценил Бекира Вагаповича Чобан-заде, пытался направить его на Международный конгресс лингвистов в Копенгаген и помочь ему стать членом-корреспондентом АН СССР (т. 2, л. 241). Покровительство Ахундова распространялось лишь на европеизированных тюркских интеллигентов; к традиционной тюркской культуре, особенно исламу, он всегда относился резко отрицательно.

На допросах другие арестованные приписывали Ахундову высказывания вроде: «Готовят не специалистов, а агитаторов»; «Язык (азербайджанский. — *Авт.*) изуродован и является предметом издевательства» (т. 2, л. 242); «На Азербайджан смотрят (в Москве. — *Авт.*) как на базу нефти и хлопка»; развитие татского, лезгинского и прочих языков и письменностей национальных меньшинств Азербайджана — «политика расчленения единого азербайджанского народа» (т. 2, л. 422). Не раз упоминали выступление Ахундова на XIV съезде КП Азербайджана, о котором говорилось выше. Его близкому другу А.Триничу арестованный А.Керимов приписывал высказывание: «Это выступление Рухуллы программное. Он, конечно, не мог говорить всего, но ясно, что он выступил против русификации» (т. 2, л. 418). Конечно, высказывания, которые приписывались Ахундову, нельзя считать достоверными. Добывали у арестованных и такие показания: «Пока здесь Багиров, мы ничего не добьемся. Надо добиться, чтобы секретарем ЦК АКП(б) стал Рухулла Ахундов» (т. 2, л. 420), «Азербайджан неравноправен. Грузия живет за счет Азербайджана. Если Рухулла будет секретарем ЦК, то он кое-что сумеет сделать» (т. 2, л. 421).

Говорили так или нет, но недовольство поведением Багирова и проводимой им политикой зрело. В деле Ахундова зафиксированы относящиеся, правда, уже к маю-июню 1937 г. попытки некоторых азербайджанских коммунистов (бывшего наркома просвещения М.И.Джуварлинского, Г.Султанова) передать в Москву жалобу на Багирова, закончившиеся для этих людей трагически

(т. 5, л. 231–241). В Багирове раздражало многое, в том числе методы его деятельности. Когда надо было выполнять план по заготовке шерсти, он провел по всей республике «насильственное изъятие шерсти из подушек, одеял и тюфяков»; недовольным сразу же предъявлялись обвинения в «антисоветской агитации» (т. 5, л. 254). Раздражали его кадровые методы. Один из местных руководителей «был снят с работы секретаря РК партии за срыв выполнения плана по сбору хлопка и назначен директором консерватории» (т. 5, л. 250). Раздражало его барство, демонстративная роскошь быта. Раздражало поведение его родственников. Жившая в Кубе сестра Багирова в течение многих лет «буквально терроризировала руководящих работников района» (т. 4, л. 253). Раздражало его грубое и невежественное окружение. На пост руководителя карательных органов Азербайджана, который в прошлом занимал он сам, Багиров выдвинул хорошо знакомого и ему, и Берии Ювеналия Сумбатова. Этот практически неграмотный человек, даже не способный сам написать автобиографию (т. 4, л. 295), больше всего любил лично избивать подсудимых. Сумбатов был «своим человеком» для Багирова и часто бывал у него дома (т. 4, л. 122). Еще один близкий к Багирову работник карательных органов А.С.Атакишиев, столь же малограмотный, «еще в 1920–21 годах выполнял мусульманский обряд... и сам занимался пропагандой этого обряда» (т. 4, л. 321). Коммунистов-интернационалистов, воспитанных в традициях первых лет советской власти, раздражало то, что Багиров, по выражению одного из пострадавших в годы его правления, «старался окружить себя людьми прошлого» (т. 4, л. 127).

Как бы ни вел себя Ахундов, само существование в Баку авторитетного руководителя, более образованного, чем Багиров, и более соответствовавшего духу революционных традиций, было для последнего опасно. Отметим, что семья Ахундова жила гораздо скромнее, чем Багиров и его родственники. Член Бюро ЦК, его жена, в 1936 г. заведующая Отделом школ и науки Бакинского горкома, и двое детей (в 1933 г. родилась дочь Анелла) занимали три комнаты коммунальной квартиры (т. 4, л. 17). Но Тбилиси и Москва поддерживали Багирова.

Страна входила в полосу массовых репрессий. Аресты в Баку начались весной 1936 г. Они шли по двум направлениям. Арестовали группу бывших троцкистов, работавших в Баку в области гуманитарных наук. У Ахундова с ними были плохие отношения, но ему приходилось с ними общаться, а один из них, Х.Г.Гарбер, заведовал в АзФАН сектором языка. В троц-

кизме был обвинен и Рахметов, переводивший труды Ленина под руководством Ахундова. Но началось и преследование «националистов», что еще больше касалось Рухуллы Алиевича. Первым был арестован его старый знакомый, албанец по происхождению А.Тринич, напрямую ему подчинявшийся по линии Комитета по делам искусств (как директор издательства, затем директор театра). Тринич давно враждовал с Багировым, тот в апреле 1936 г. на заседании Бюро ЦК КП Азербайджана прочитал кем-то найденное (или сочиненное) заявление Тринича 1918 г. с просьбой принять в охрану мусаватистского парламента; заявление послужило основанием для немедленного исключения из партии и ареста Тринича (т. 4, л. 22). Тринич во время следствия покончил с собой, проглотив пуговицу.

Атмосфера вокруг Рухуллы Ахундова сгущалась. В ноябре 1936 г. впервые за 16 лет он не был избран делегатом съезда Советов, который должен был принять новую Конституцию (т. 4, л. 41). Это говорило о многом. К этому времени его уже прорабатывали за связи с Триничем, Гарбером и Рахметовым, впервые всплыл вопрос о голосовании в 1921 г. в дискуссии о профсоюзах. В 50-е годы бывший работник Наркомпроса Азербайджана Г.Нуриев вспоминал свой последний разговор с Ахундовым в первой половине декабря 1936 г.: «Он был расстроен и взволнован, рассказал, что разругался с Багировым по какому-то вопросу, причем он ругал Багирова за то, что последний хочет единолично управлять Азербайджаном и совершенно не считается ни с кем» (т. 1, л. 257).

По воспоминаниям Ф.Н.Шлёмовой, ее муж в эти дни «почти совершенно перестал заниматься текущей работой» (т. 4, л. 40). А Багиров, подвыпив, заявил ей незадолго до катастрофы: «Если есть несколько людей, кому верю, так ты — одна из них... Сердишься, еще не так будешь сердиться. Ты у меня заплачешь» (т. 4, л. 41). Чуть ли не за день до ареста Ахундов получил приглашение из Москвы занять пост директора учебного Московского института востоковедения. Он обрадовался и сказал жене: «Уедем, они (Багиров и другие)-бесчестные, нельзя с ними работать» (т. 4, л. 42). Но в это время уже составлялась справка на его арест.

Арестованный Багиров в показаниях 14 сентября 1954 г. заявлял, что санкцию на арест Ахундова он запрашивал у Сталина; тот будто бы лишь спросил: «Сможем ли мы его заменить как знатока азербайджанского языка?» (имелись в виду переводы, им редактировавшиеся); получив утвердительный ответ, Сталин санкционировал арест (т. 4, л. 348). Впрочем, в другом

месте того же допроса Багиров сказал иное: он не запрашивал у Сталина санкцию на арест и послал ему уже готовое следственное дело (т. 4, л. 363).

Р.А.Ахундов был арестован 17 декабря 1936 г. в подъезде своего дома при выходе на работу (т. 4, л. 42). Начатое в этот день дело открывается стандартными документами: справкой-основанием для ареста, санкцией прокуратуры, протоколами обысков в квартире и служебном кабинете, а также протоколом личного обыска, при котором изъяты «потяшки, галстук, три штуки маленьких ключей» (т. 1, л. 24), анкетой арестованного. Справка на арест составлена заместителем начальника 3-го отделения Секретно-политического (т.е. следственного) отдела НКВД Азербайджана Шером и утверждена В.Герасимовым, заместителем наркома Ю.Д.Сумбатова. В день ареста Ахундов был исключен из партии (т. 1, л. 26), а 29 декабря — из состава Азербайджанского ЦИКа (т. 1, л. 25) как «контрреволюционный троцкист».

Первый допрос датирован 23.12.1936. Он целиком посвящен связям арестованного с троцкистами, а также с членами «блока Сырцова-Ломинадзе» (т. 1, л. 29–35). Ахундов рассказал о том, как голосовал в 1921 г., признал бывшую дружбу с троцкистом Саркисом и контакты с В.В.Ломинадзе, сожалел о «грубейшей политической ошибке» по отношению к Саркису (цитату мы приводили выше), но отверг обвинения в участии в «уклонах». Далее у нас нет никаких сведений о ходе следствия в течение полутора месяцев (исключая уже начавшие собираться показания других арестованных против Ахундова). Затем следуют два протокола допросов от 9 и 11 февраля 1937 г., где речь идет в основном об упоминавшемся выше письме Г.Джабиева, отобранном при обыске (т. 1, л. 44–47). Ахундов кается в «преступлении перед партией», заключающемся в том, что он не разоблачил «двурушника», а спрятал письмо у себя (т. 1, л. 46). В то же время он подчеркивает, что никогда не был согласен со взглядами Джабиева и сам контрреволюционную деятельность не вел. Отметим, что «контрреволюционер» Г.Джабиев в дни этих допросов оставался членом партии и директором Купянского сахарного завода на Украине; арестуют его лишь 26 июня 1937 г. (т. 5, л. 50–53).

В протоколе допроса от 9 февраля 1937 г. есть весьма знаменательное заявление Ахундова: «Я вижу, что Вы не пишете того, что я говорю; Вы хотите обязательно добиться своего. Пишите что хотите» (т. 1, л. 45). После этих двух допросов снова перерыв на два месяца. Как мы уже отмечали в связи

с Е.Д.Поливановым, это вовсе не означает, что допросы не велись. Но, очевидно, старый подпольщик все это время выдерживал давление следствия, хотя его допрашивали «профессионалы» во главе с самим Сумбатовым.

Следующая серия допросов относится к 9, 10 и 11 апреля 1937 г. К тому времени были арестованы многие люди из окружения Ахундова по АзФАН и Комитету по делам искусств Б.В.Чобан-заде, Г.С.Губайдуллин, Х.Зейналлы, В.Хулуфлу, А.Керимов и другие. От многих были получены показания против Ахундова, где он именовался «руководителем подпольной контрреволюционной организации». Первоначальное обвинение в «троцкизме» отошло на второй план (ср. сходную ситуацию спустя несколько месяцев в деле Поливанова). Главным теперь стало разоблачение «националистического подполья». В деле появляется большое число новых фамилий. И впервые Ахундов начал поддаваться агрессивной силе следствия.

На допросе от 9 апреля (т. 1, л. 48–72) подследственный еще не признал себя «контрреволюционером», однако его заставили написать длинный список азербайджанских «националистов в партии и вне», состоящий из 54 человек. В него входили едва ли не все наиболее видные партийные деятели, писатели, художники, музыканты Азербайджана. Кто-то из списка уже был арестован. Кто-то был на очереди. А некоторые в итоге уцелели: партийный деятель Мир Башир Касумов, писатели М.С.Ордубады и Самед Вургун (о котором, однако, мы еще упомянем), композитор Узеир Гаджибеков. Ясно, что состав данного списка не играл роли в дальнейших событиях: всё определялось лично Багировым.

На допросе Ахундова спрашивали и о знакомых троцкистах, о которых он отозвался резко отрицательно. Следующий допрос, от 10 апреля (т. 1, л. 73–78), целиком посвящен деятельности филиала АН; Ахундов признал «потерю бдительности» в связи с «засоренностью» филиала, но «контрреволюционером» вновь себя не назвал.

Все изменилось на следующий день, 11 апреля (т. 1, л. 99–105). Вначале подследственный еще заявлял, что «ни к какой организации не принадлежал» (т. 1, л. 99), но к концу допроса уже был вынужден признать, что будто бы «стоял на позициях борьбы с советской властью с 1926 г.» (т. 1, л. 103). Он покался и в том, что «в практической своей работе в АзФАН'е проводил контрреволюционную националистическую деятельность, что в основном сводилось к неразоблачению периода господства мусаватистов в Азербайджане» (т. 1, л. 100), а также в борьбе

против русского языка и унификации азербайджанского алфавита с другими тюркскими (т. 1, л. 104).

После этого какие-либо документы отсутствуют вплоть до 5 июня. По-видимому, Ахундов взял свои признания обратно. А затем идут протоколы многих допросов за июнь, июль и август (т. 1, л. 121–231), где чередуются признания и отказы от показаний. 17 июня зафиксирован отказ допрашиваемого от подписи под протоколом, где он признает себя контрреволюционером (т. 1, л. 153). Но в тот же день Ахундов вновь оговаривает себя и ставит подпись (т. 1, л. 154–156). 18 июня он вновь отрицает вину, заявляя, что оговоривший его Б.В.Чобан-заде «говорит неправду» (т. 1, л. 159). 19 июня зафиксировано его извинение за сказанную в феврале фразу: «Прошу изобличать меня дальше» (т. 1, л. 177). 21 июня записано новое подтверждение вины (т. 1, л. 178–182), на следующий день Ахундов подписал показание: «Да, именно речь шла о свержении советской власти» (т. 1, л. 184). Но в тот же день, 22 июня, составлен акт, в котором говорится: «Составлен настоящий акт в том, что отв. Ахундов во время допросов не отвечал в течение 3 часов на поставленный ему вопрос, злобно саботируя следствие» (т. 1, л. 190); на следующем листе — акт об отказе от всех показаний, данных 21 и 22 июня (т. 1, л. 191). Далее, с 23 по 28 июня, еще два признания и два отказа. После отказа 28 июня от показаний (т. 1, л. 202–205) перерыв почти на месяц. Затем обширные «признательные показания» 24 и 27 июля (т. 1, л. 206–226), но далее зафиксирован отказ от них (т. 1, л. 227–228). 29 и 31 августа Ахундов еще дважды заявлял о невиновности (т. 1, л. 227, 230). Последний протокол, составленный в Баку, — допрос по поводу только что арестованного председателя Совнаркома Азербайджана У.Рахманова от 5 сентября; Ахундов признал, что вел с ним «антисоветские разговоры» (т. 1, л. 232–236).

В отличие от некоторых других пострадавших по тому же делу Ахундов пытался бороться и играть со следствием. Как будет зафиксировано в период реабилитации (т. 1, л. 254), аналогичным образом, многократно отказываясь от выбитых под пыткой показаний, вели себя и многие другие арестованные коммунисты.

Протоколы допросов свидетельствуют лишь о малой части того, что происходило на самом деле. Существенно более важная информация содержится в реабилитационной части дела. Так, 12 октября 1954 г. бывший оперуполномоченный Секретно-политического отдела НКВД Азербайджана В.М.Дудиев

показал, что в июле 1937 г. один из его начальников (либо заместитель наркома Герасимов, либо начальник отдела Лев Цинман) дал указание: «От хозяина (т.е. Багирова) поступило распоряжение любыми путями в течение суток добиться признания Рухуллы Ахундова в принадлежности к к.-р. организации» (т. 4, л. 134). Именно тогда появились обширные показания от 24 и 27 июля, от которых подследственный потом отказался. Затем, как зафиксировано в следственном заключении по делу от 05.12.1955, «работники НКВД в целях фальсификации дел, связанных с именем Р.Ахундова, размножили протоколы его допросов от 24 и 27 июля 1937 г., копии их приобщили к другим делам, а самый акт об отказе Ахундова от этих показаний скрыли» (т. 1, л. 250–251).

О том, что значило «добиться признания любыми путями», 28 августа 1954 г. рассказывал еще один бывший сотрудник НКВД Азербайджана И.А.Ханумов: «В кабинете Сумбатова систематически избивали Рухуллу Ахундова, которого допрашивали Сумбатов и Багиров. Багиров часто приезжал в КВД для допроса арестованных. Рухуллу Ахундова избивали до того, что после допросов его буквально выносили из кабинета Сумбатова на носилках. О том, что Рухуллу Ахундова зверски избивали у Сумбатова, знали многие оперативные работники. Мы даже удивлялись, как он, будучи человеком болезненным, выдерживал все испытания, которые над ним проделывались» (т. 4, л. 235).

Ахундов и другие азербайджанские коммунисты пытались доказать истину, отказываясь от того, что подписали под пытками. Они не знали, что для следствия было достаточно однократного признания, а последующие отказы, согласно традициям НКВД, «теоретически обоснованным» А.Я.Вышинским, никакого значения не имели. Такая ситуация сложилась и в деле Е.Д.Поливанова. Какой-то шанс на спасение могло дать лишь одно — полный отказ от всех обвинений; с такими примерами мы ниже еще встретимся. Но мало кто мог выдержать те «физические меры воздействия», которые испытали Рухулла Ахундов и его товарищи.

Но главным в сложившейся в Баку ситуации было даже не поведение заключенного на следствии. Всё решал Багиров. Он мог кого-то и помиловать, как Самеда Вургуна, о котором будет сказано ниже. Но в случае с Рухуллой Ахундовым пощады быть не могло: это был главный соперник первого секретаря.

Однако в некоторых случаях в ход следствия могла вмешаться и Москва. В сентябре 1937 г. дела Ахундова и ряда

других арестованных получили неожиданный поворот. К тому времени подследственных по делу о «контрреволюционной организации», получившему № 12493, насчитывалось уже более 100. Однако поступил приказ из Москвы рассортировать их на две группы. Заключенных менее высокого ранга — ученых, писателей, актеров и т.д., в том числе всех беспартийных, — оставили в Баку дожидаться приезда московской «тройки», о которой мы расскажем в следующих разделах. А партийно-государственных деятелей Азербайджана, включая Ахундова, было велено отправить в Москву, что продлило им жизнь на несколько месяцев. 13 сентября 1937 г. Ахундов был доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД (на Лубянке) (т. 5, л. 28).

В Москве дело пошло по новому кругу, им занимались московские следователи во главе с Л.С.Альтманом, ветераном ОГПУ-НКВД. С его фамилией двое из авторов (Ф.Д.Ашнин и В.М.Алпатов) сталкивались еще в связи с «делом славистов», фабриковавшимся на Лубянке в 1933–1934 гг. [Ашнин, Алпатов 1994]. В эпоху Ежова карьера Альтмана была на взлете. Он сам сидел в Баку за заключенными (т. 4, л. 74). Под его руководством допросы вели Б.В.Родос, К.А.Самохвалов, З.Н.Глебов, Я.Н.Матусов (т. 4, л. 304). К двум томам дела прибавился третий, московский. Он, однако, менее полон. По причинам, о которых мы скажем ниже, часть документов была уничтожена. К этапированным из Баку теперь были добавлены Г.М.Мусабеков, Г.Джабиев и прочие азербайджанские деятели, арестованные в других местах.

В чем причина поворота дела? К тому времени было арестовано все высшее руководство Азербайджана, кроме самого Багирова и его «правой руки» — Сумбатова. Вероятно, был поставлен вопрос и об их аресте. Не исключено, что затевалось дело и против Л.П.Берии, тесно с ними связанного. Хотя с декабря 1936 г. ЗСФСР была упразднена и Баку уже подчинялся не Тбилиси, а непосредственно Москве, контакты между этими людьми сохранялись. Для подготовки нового дела важны были показания Ахундова и других арестованных азербайджанских руководителей. И в Москве они начали дружно давать показания против Берии, Багирова и Сумбатова. В следственных материалах они отсутствуют, но выдержки из них приводятся в реабилитационной части дела. Например, У.Рахманов показывал 16.12.1937: «На допросах в Азербайджане я не называл Багирова, так как это означало давать показания на Багирова самому же Багирову» (т. 5, л. 9). В тот же день один из его предшественников по Совнаркому Азербайджана — Д.Х.Буниат-заде

говорил: «Багиров через Сумбатова принимает меры к ограждению к.-р. организации от разгрома» (т. 5, л. 9). Бывший секретарь Бакинского горкома М.А.Нариманов 23.11.1937 описывал «ряд сборищ, проводимых троцкистами, на квартире Багирова» (т. 5, л. 9). Сам же Ахундов в декабре 1937 г. упоминал Багирова «как лицо, возглавлявшее националистическую организацию» и утверждал, что «по директивам Багирова проводились вредительство и диверсионные акты... эта к.-р. деятельность проводилась в блоке с троцкистами, другими к.-р. организациями и организацией иранских националистов» (т. 5, л. 8). Зафиксировано и то, что в 1939 г. (когда Берия уже был наркомом) один из арестованных сотрудников НКВД говорил, что Ахундов «сеет клевету на т. Берия» (т. 5, л. 14). Стало быть, и такие показания были. Что заявлял Ахундов, мы не знаем, но именно тогда другой из арестованных в Баку, Сеф, дал те самые показания о связи Берии с мусаватистской разведкой, которые будут обнародованы в июле 1953 г. на Пленуме ЦК КПСС. По свидетельству Б.В.Родоса, в 1937 г. работавшего в 4-м (бывшем Секретно-политическом) отделе ГУГБ НКВД, он уже тогда слышал об этих показаниях против своего будущего начальника (т. 4, л. 74).

В Москве пытки практиковались не в меньшей степени, чем в Баку. В 1954 г. Я.Н.Матусов рассказывал, что «видел Родоса расхаживающим с черной резиновой дубинкой по Лефортову» (т. 4, л. 293). Сам Родос об участии в избиениях заявил: «У меня очень слабая память, это мой недуг» (т. 4, л. 81). Но конкретных свидетельств о пытках Р.А.Ахундова и других арестованных у нас нет.

Решающие события произошли, по-видимому, в конце января — начале февраля 1938 г. Во время проверки дела в 1955 г. в архиве Берии нашли документ, в котором приводились процитированные выше выдержки из показаний против Багирова. На документе резолюция тогдашнего наркома: «Всех передопрошу лично. Затем в ЦК. Ежов. 30/1» (т. 5, л. 10). Очевидно, что Ежов рассчитывал доложить Сталину об очередном успехе. В эти же дни Сумбатов был снят с должности и вызван в Москву, его подчиненные не сомневались в его предстоящем аресте (т. 4, л. 171). В Баку же выехала проверяющая комиссия НКВД во главе с начальником 4-го отдела М.И.Литвиным.

Но ситуация вдруг изменилась. Очевидно личное участие Сталина в этом. Не были арестованы не только Берия и Багиров, но и Сумбатов. В Москве он был назначен начальником Хозяйственного управления НКВД (затем МВД) СССР и занимал эту должность до 1947 г. А отыгрались на второстепенных

участниках. В Баку комиссия Литвина обнаружила «перегибы». Началась чистка кадров НКВД Азербайджана. Герасимов, Шер, Цинман, Клименчич, чьи фамилии нам еще не раз встретятся в связи с разными жертвами дела № 12493, были арестованы (хотя Клименчича только что перед этим наградили орденом за «образцовое выполнение заданий»). Герасимова в 1938 г. расстреляли, остальных приговорили к длительным срокам лагерей. Один из пострадавших, бывший инструктор Бакинского горкома Н. Бегларьян, позже встретил Цинмана в Норильске (т. 4, л. 146). До 1955 г. из них дожил, кажется, только Клименчич, которого нашли далеко в Сибири, где он был рабочим в сельпо (т. 4, л. 335).

В связи с изменением ситуации из следственного дела Ахундова и других дел многие документы были изъяты и, очевидно, уничтожены, что зафиксировано в период реабилитации (т. 5, л. 24). Документ, подготовленный для Ежова, Берия хранил на всякий случай в своем сейфе: вдруг придется пожертвовать Багировым. А причастные к его составлению работники НКВД пострадали. Уже в начале 1938 г. на Лубянке, по свидетельству следователя Самохвалова, говорили о «большой липе» по азербайджанскому делу (т. 5, л. 14). Альтман тогда же был арестован на три дня за то, что «незаконными методами добился у заключенных бакинцев компромат на Берия и Багирова» (т. 4, л. 307). В тот раз его отпустили, но, когда Берия воцарился в наркомате, произошла расправа. Альтмана и Глебова расстреляли, Самохвалова осудили на восемь лет. Каким-то образом тогда уцелели Родос и Матусов, но Родос будет арестован в 1953 г. и расстрелян в 1956 г. В 1955 г. к делу приобщили заявление арестованного З.Н.Глебова от 14 января 1939 г., где он называл дело Ахундова одним из звеньев в «цепи провокаций» (т. 5, л. 19–20).

Больше арестованные азербайджанские руководители не были нужны, началась рутинная подготовка к завершению дела. В апреле 1938 г. было составлено обвинительное заключение по делу Ахундова, подписанное начальником 6-го отделения 4-го отдела ГУГБ З.Н.Глебовым и его помощником Б.В.Родосом. 13 апреля 1938 г. его утвердил Прокурор СССР А.Я.Вышинский. В заключении (т. 1, л. 237–241) Ахундов признан виновным по пунктам 6, 7, 8, 9, 10 и 11 статьи 58 УК РСФСР, объявлен организатором и руководителем с 1929 г. «националистической организации», шпионом в пользу Англии, Германии и Турции, организатором «повстанческого штаба», руководителем неудавшегося покушения на К.Е.Ворошилова, проезжавшего через Баку в 1936 г., и пр.

20 апреля Ахундов был переведен на одни сутки в Лефортовскую тюрьму, а в 9 часов утра 21 апреля предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР (судьи Зарянов, Матулевич, Ждан, секретарь Батнер). Суд продолжался 15 минут (т. 1, л. 244). Далее в деле следуют приговор к высшей мере (т. 1, л. 245) и справка за подписью Шевелева о приведении приговора в исполнение в тот же день, 21 апреля 1938 г. (т. 1, л. 246).

В этот же день были осуждены и расстреляны другие азербайджанские руководители: Газанфар Махмуд оглы Мусабеков, Султан Меджид Меджид оглы Эфендиев, Дадаш Ходжа оглы Буниат-заде, Габиб Джабиев, Али Гейдар Ага Керим Караев, Аскар Мамед оглы Фарадж-заде, Усейн Паша оглы Рахманов, Музафар Акпер оглы Нариманов, Мирза Давуд Гусейнов, Гасан Гулам оглы Сафаров. Страшная машина работала: в тот же день вне всякой связи с данным делом уничтожили и группу писателей, среди которых были Б.А.Пильняк, И.И.Катаев, Б.А.Губер, Н.Зарудин.

Жена Рухуллы Алиевича Фрида Наумовна Шлёмова была арестована 10 июня 1937 г. и в июне 1938 г. осуждена на восемь лет, освобождена досрочно в 1944 г. (т. 4, л. 14–15). В 1954 г. она жила в Бухаре и работала начальником производственного отдела оросительной системы. Ее первое заявление, ставшее основанием для начала пересмотра дела, датировано 13 сентября 1954 г. К этому времени Берия уже был расстрелян, а Багиров арестован. В течение года шла проверка материалов дела, к трем томам добавились четвертый и пятый. 5 декабря 1955 г. заместителем Генерального прокурора СССР П.Барановым было утверждено заключение по делу, составленное военным прокурором полковником юстиции Струковым (т. 1, л. 247–257). В нем сказано: «Расследованием дела по обвинению Багирова, Сумбатова и др. ... установлено, что Р.Ахундов был осужден по сфальсифицированным следственным материалам» (т. 1, л. 248); «Свидетели подтвердили, что Багиров проявлял особую заинтересованность в деле Ахундова и связанных с ним лиц. Он лично руководил следствием, допрашивал арестованных, в том числе и Р.Ахундова, и давал указания о последующих арестах» (т. 1, л. 257).

К этому времени подследственный Ю.Д.Сумбатов умирал в тюрьме от рака, а следствие по делу остальных близилось к завершению. Видимо, именно в связи с этим реабилитация Ахундова теперь пошла быстро. Уже через два дня, 7 декабря 1955 г., Военная коллегия Верховного суда СССР в составе

полковников юстиции Лебедева (председатель), Боброва и подполковника юстиции Остапенко приняла решение о посмертной реабилитации Рухуллы Алиевича Ахундова.

А 27 мая 1956 г. было опубликовано сообщение о суде над Багировым и пятью лицами из его близкого окружения. Как было сказано в этом сообщении, «применяя строжайше запрещенные советским законом методы следствия, подсудимые вынуждали от арестованных важные признания в контрреволюционных преступлениях, которые в действительности ими не совершались, а также понуждали арестованных ложно оговаривать других, невиновных в преступлениях лиц» [Бакинский рабочий. 27.05.1956]. Среди лиц, погибших по их вине, упоминался и Рухулла Ахундов. По решению суда М.Д.Багиров, Т.М.Борщев, Х.И.Григорьян и Р.А.Маркарьян были приговорены к расстрелу, А.С.Атакишиев и С.Ф.Емельянов — к 25 годам заключения. В сообщении указывалось, что смертные приговоры приведены в исполнение.

ДЕЛО ПРОФЕССОРА ЧОБАН-ЗАДЕ

Среди погибших ученых (по делу № 12493) одним из самых крупных был выдающийся тюрколог Бекир Вагапович Чобанзаде. Его научную деятельность один из авторов уже подробно описывал [Ашнин 1967], и мы сейчас не будем детально о ней рассказывать. Кратко обозначим лишь основные вехи его биографии, многие из которых отражены в следственном деле № Пр 26926 в трех томах, также хранящемся в Центральном архиве Министерства национальной безопасности Азербайджана.

Б.В.Чобанзаде, родившийся в 1893 г., был человеком необычной судьбы. Сын крымского татарина-пастуха (отсюда его прозвище, затем превратившееся в фамилию), он по счастливому стечению обстоятельств попал в лицей в Стамбуле, а затем в 1914–1919 гг. учился в Будапештском университете, где получил хорошую тюркологическую подготовку. В год окончания университета он, как потом заявлял на следствии, стал организатором иностранного полка в Венгерской красной армии. В 1920 г. по чужому паспорту вернулся в Крым, где еще господствовал Врангель, запрещавший всякую национальную деятельность крымских татар. На следствии Б.В.Чобанзаде рассказывал о своем участии в нелегальной деятельности против белых. Во всяком случае, советскую власть он поначалу принял, поскольку она провозгласила национальную автономию крым-

ских татар. До 1924 г. Бекир Вагапович активно участвовал в общественной жизни Крыма. Он был членом Крымского ЦИКа, одним из руководителей национальной партии «Милли-фирка», поначалу действовавшей легально. Затем, однако, миллифиркатовцы начали подвергаться преследованиям. Впрочем, Чобанзаде разошелся с ними по ряду вопросов, в том числе по вопросу об алфавите для крымскотатарского языка: его коллеги по партии настаивали на сохранении арабского алфавита, а он был сторонником латинского. Все это привело его к отходу от политики, он целиком посвятил себя научно-педагогической деятельности. В 1925 г. он навсегда покинул Крым и переехал в Баку, где работал до ареста. Он был профессором Бакинского университета, а в 30-е годы — также сотрудником АзФАН СССР.

Научная деятельность Чобанзаде в Крыму, а затем в Баку была очень успешной. В тюрьме, накануне гибели, он так характеризовал ее (этот документ находится в 1-м томе следственного дела, но не пронумерован):

Я являюсь первым профессором на Советском Востоке по своей специальности, удостоенным этого звания советской же властью и читавшим первые лекции на родных языках народов этих стран. Мною впервые разработаны университетские курсы по своей специальности.

За весь период моей научной деятельности мною написано приблизительно сто пятьдесят (150) научных работ, из которых минимум сто (100) являются первыми попытками научного обоснования проблем азербайджанского языка и литературы на азербайджанском языке. Большинство этих работ и теперь не теряют своего научного значения.

Мною подготовлены сотни специалистов языковедов и литературоведов почти на пустом месте; среди этих моих учеников имеются десятки высококвалифицированных научных работников — доцентов и ассистентов, зарекомендовавших себя своими научными работами за пределами своей страны.

Об уровне знаний Чобанзаде свидетельствует такой вряд ли вымышленный факт, упомянутый в деле. По словам арестованного историка Вели Хулуфлу, при приеме в Баку делегации иностранных ученых в качестве переводчика пригласили работавшего там в те годы видного ботаника А.А.Гроссгейма (впоследствии академика). Тот, однако, не справился с задачей. Положение спас Чобанзаде, единственный из присутствующих свободно владевший французским языком. После этого ученые-азербайджанцы говорили: «Мы переоцениваем таких профессоров, как Гроссгейм и другие, и недооцениваем свои кадры» (т. 3, л. 773).

В первые годы после переезда в Баку Чобан-заде пользовался большим авторитетом и официальной поддержкой. Мы уже упоминали о том, что ему покровительствовал Р.Ахундов. Профессор Чобан-заде много печатался, готовил национальные кадры, активно участвовал в работе Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА), первоначально базировавшегося в Баку, был одним из руководителей 1-го Всесоюзного тюркологического съезда в Баку в 1926 г. Однако в конце 20-х — начале 30-х годов началась борьба с «буржуазным национализмом» и Чобан-заде одним из первых попал под огонь критики. На одном из допросов он впоследствии показывал, что в 1930–1931 гг. ждал ареста, о котором его предупреждали знакомые азербайджанские коммунисты (т. 2, л. 601). Тогда, однако, арест не последовал, и в следственных анкетах 1937 г. он назван «ранее несудимым». Может быть, действительно ему как-то помогал Р.Ахундов (которого, впрочем, в 1930–1932 гг. не было в Баку). Но безусловно он помогал профессору Чобан-заде позже, когда фактически заведовал АзФАН.

К середине 30-х годов положение Б.В.Чобан-заде казалось относительно благополучным. Однако борьба за власть в Азербайджане и начало волны массовых репрессий привели к его гибели. Вскоре после ареста Ахундова в декабре 1936 г. начались аресты в АзФАН, и одной из первых жертв стал Чобан-заде.

В начале января 1937 г. Б.В.Чобан-заде уехал в Кисловодск. А дело уже начинало готовиться: были получены показания от арестованных бывшего мусаватиста М.Г.Бахарлы и троцкиста Чичикалова (Ахундов, как упоминалось выше, тогда еще ни на кого не давал показаний). Этого было достаточно.

Дело открывается справкой-основанием для ареста (т. 1, л. 1) и постановлением об избрании меры пресечения (т. 1, л. 2). Оба документа составлены помощником начальника 4-го отделения 4-го отдела УГБ НКВД Азербайджана лейтенантом (т.е. фактически подполковником) Шером, уже упоминавшимся в предыдущем разделе, а постановление утверждено Сумбатовым 27 января 1937 г. В тот же день в бакинской квартире ученого произвели обыск, изъяли 38 книг и другие материалы (протокол обыска — т. 1, л. 8). А арестовали Чобан-заде в ночь с 27 на 28 января в кисловодском санатории «Горняк» (в литературе указывалась дата его ареста — 12 января 1937 г., но она не подтверждается делом). Постановление от 28 января об аресте (т. 1, л. 17) утверждено зам. начальника УНКВД Северо-Кавказского края Раевым; эта фамилия еще будет встречаться в этой книге. Спустя год именно он сменил Сумбатова на посту

наркома внутренних дел Азербайджана, пробудет в этой должности менее года, а в ноябре 1938 г. его арестуют в кабинете Багирова.

Как видно из материалов дела, Б.В.Чобан-заде до прибытия спецконвоя из Баку был помещен в пятигорскую тюрьму, а затем отправлен в Баку, куда его привезли не позднее 2 февраля. Дважды — в Пятигорске (т. 1, л. 15) и 2 февраля в Баку (т. 1, л. 12) — он заполнил анкету арестованного. Там указаны биографические данные, в том числе дата рождения — 15 мая 1893 г., которую, видимо, следует считать правильной, хотя в БСЭ (т. 29: 229) указана иная дата — 9 (21) января 1893 г. В графе «знание языков» перечислены: русский, французский, венгерский, персидский, арабский «и другие».

Основную часть дела (л. 18–771 общей пагинации), т.е. почти весь 1-й том, весь 2-й и часть 3-го, занимают протоколы допросов Б.В.Чобан-заде. Зафиксированы 32 допроса, первый из которых датирован 7–9 февраля 1937 г., последний — 1 сентября того же года. Далее (т. 3, л. 772–1004) следуют выдержки из протоколов допросов других подсудимых, в которых речь идет о Чобан-заде. Из всех изученных нами бакинских дел это самое пространное, несколько приближается к нему по объему дело Г.С.Губайдуллина (дело Р.Ахундова так же велико в основном из-за большой реабилитационной части). Никто не дал таких обширных показаний, как Бекир Вагапович. Если прошедший подполье и долго не имевший оснований чего-либо всерьез бояться Рухулла Ахундов пытался бороться, то запуганный интеллигент Чобан-заде был быстро сломлен. Вероятно, он надеялся, что пространными показаниями может спасти себя.

Видно, как подсудимый пытается остановиться на какой-то грани, а следователи вынуждают его идти все дальше. Уже с первых допросов ученый каялся в «контрреволюционной деятельности», но поначалу он говорил лишь о временах, когда состоял в партии «Милли-фирка». Однако его заставили говорить и о непрерывном участии в «националистических» и «пантюркистских» организациях в 1920–1937 гг., т.е. со дня возвращения на родину по день ареста. Еще 16 февраля 1937 г. он признавался лишь в «идейной контрреволюционной деятельности» (т. 1, л. 83), но 23 апреля речь уже идет о «повстанческом движении» и участии в разработке «планов вооруженного восстания» (т. 2, л. 333–347). Профессора заставляли признаваться в связях с миллифиркатовцами (в том числе и после переезда в Баку), мусаватистами, «султан-галиевцами», дашнаками, узбекскими «пантюркистами» и др. Подобные показания давали

на него и другие: Г.С.Губайдуллин, В.Хулуфлу, Х.Зейналлы и др.

Любой факт биографии ученого ставился ему в вину. Его приезд в 1920 г. в Крым трактовался как «выполнение задания лидера крымской эмиграции Джафара Сейдаметова» для «борьбы с советской властью» (т. 3, л. 768), хотя в момент «получения задания» Крым еще находился под властью Врангеля. Тюркологический съезд 1926 г. превратился в конспиративное совещание, где «мы договорились о блоке с представителями контрреволюционных и националистических формирований других республик» (т. 2, л. 412). Поездки Чобан-заде и других ученых из Баку в Среднюю Азию с научными целями якобы «были направлены к тому, чтобы установить связь с действующими контрреволюционными националистическими организациями, выяснить их реальные возможности и получить представление об их кадрах» (т. 2, л. 414). Последняя научная командировка Чобан-заде летом 1936 г. в сельские районы Азербайджана для сбора диалектологического и фольклорного материала представлена как «вербовка учителей, народных сказителей» (т. 1, л. 300) и «сбор вокруг себя крестьян под видом изучения фольклора» (т. 1, л. 303). Даже Союз безбожников Азербайджана назван в одном из протоколов «прикрытием для создания повстанческих формирований» (т. 2, л. 335).

В соответствии с традицией времен ОГПУ следователи в ряде протоколов включали «контрреволюционную деятельность» ученого в контекст его реальных знакомств, связей и путешествий. Таков, например, обширный протокол допроса от 7 мая 1937 г. (т. 2, л. 408–487), где речь идет о связях Чобан-заде с узбекскими «контрреволюционерами»: он содержит значительный материал о времени и маршрутах поездок ученого в Узбекистане, встречах с учеными и писателями — Фитратом, Гази Гулямом Юнусовым и другими, не вызывающий сомнений в достоверности. Но в 1937 г. чаще не утруждали себя поисками правдоподобия, а дело расширялось в связи с арестом все новых людей. И вот 25 июня Чобан-заде заявляет: им «действительно пока не назван ряд лиц — членов контрреволюционной пантюркистской организации, проводивших конкретно нелегальную контрреволюционную работу» (т. 2, л. 547). И далее (т. 2, л. 547–557) идут показания о якобы созданном в конце 1934 г. «Всесоюзном объединенном центре» во главе с заместителем председателя Совнаркома РСФСР Т.Р.Рыскуловым (он будет нами упомянут в гл. 4). В числе членов «центра» названы бывший директор учебного Института востоковедения в Москве

С.Асфендиаров (о нем см. также в гл. 4), председатель облизполкома Карачаево-Черкесии О.Алиев, дагестанский просветитель А.Тахо-Годи и другие, а также Г.С.Губайдуллин и сам Б.В.Чобан-заде (т. 2, л. 567–568). И тут же профессор говорит, что почти всех перечисленных, кроме Губайдуллина, он либо вообще не знал, либо встречал «в 1928 г.» или «до 1930 г.»; об их деятельности в период существования «центра» он узнавал лишь с чьих-то слов (т. 2, л. 553).

Иногда материалы дела опровергались даже другими документами Азербайджанского НКВД, что отмечалось в период реабилитации. В это время в деле Рухуллы Ахундова появился любопытный документ, не вызывающий сомнений в его надежности. Это справка, где говорится: «Чобан-заде Бекир с 1928 года по 1935 год включительно разрабатывался НКВД АзССР по агентурной разработке „Баши-Бузуки“ вместе с другими проживавшими в Азербайджане (крымскими татарами. — *Авт.*). В конце 1935 года в донесении Наркомвнудел АзССР Сумбатова в адрес НКВД СССР указывалось, что никаких антисоветских проявлений со стороны Чобан-заде не установлено, контрреволюционную связь с бывшими „милли-фирковцами“ он не поддерживает. В связи с этим агразработка (агентурная разработка. — *Авт.*) на Чобан-заде была прекращена» (т. 5, л. 218). Итак, Ю.Д.Сумбатов прекрасно знал, что Чобан-заде давно отошел от политики. Но именно он руководил следствием по делу ученого, его подпись имеется на ряде документов. Отметим, что Чобан-заде был вынужден еще 13.09.1929 печатно отречься от «Милли-фирка» в газете «Бакинский рабочий», о чем вспоминал на первом допросе (т. 1, л. 24). Но в дальнейшем его заставили говорить, что и в 30-е годы он получал от Дж.Сейдаметова «инструкции по подготовке вооруженного восстания» (т. 1, л. 186).

Отметим протокол от 13–14 июля 1937 г., где упоминается А.Н.Самойлович (т. 2, л. 608–642). Все, что там говорится о личных связях двух выдающихся тюркологов, не вызывает сомнений в достоверности: познакомились они в 1924 г. в Баку на Краеведческом съезде Азербайджана, потом встречались в 1925 г. в Ленинграде, в конце того же года — в Баку, куда Самойлович приезжал для подготовки 1-го Всесоюзного тюркологического съезда, в феврале 1926 г. — на самом съезде; зафиксированы также их контакты в 1928 г. в Баку на Орфографической конференции, в том же году в Ленинграде, в 1929 г. в Самарканде на конференции по вопросам языка и литературы и далее до последней встречи в Ленинграде в 1936 г. Соответствуют действительности и приводимые здесь благожелательные отзывы

Самойловича о Чобан-заде, рассказ о неудачной попытке Самойловича провести своего коллегу в члены-корреспонденты АН СССР. Могли иметь какую-то реальную основу и упоминаемые разговоры о «развале научного фронта, о загоне интеллигенции, об отсутствии внимания к науке и культуре» (т. 2, л. 620). Но это тонет в море голословных утверждений о «пантюркистских тезисах и установках» академика, его участия в «контрреволюционных организациях» под «прикрытием» Коллегии востоковедов при АН СССР и других организаций.

Данный протокол и близкие по времени протоколы аналогичных допросов Г.С.Губайдуллина показывают, что в это время целенаправленно собирался материал против еще не арестованного А.Н.Самойловича. Видимо, его арест уже готовили. Как мы помним, имя Чобан-заде фигурирует в деле Самойловича, хотя обвинение в «пантюркизме» там оказалось второстепенным по сравнению с обвинением в «шпионаже в пользу Японии».

Достаточно ясно, каким образом следователи добивались своих целей. Назовем их фамилии. Большую часть допросов вели уже упоминавшийся Шер и его непосредственный руководитель, начальник 4-го отделения 4-го (следственного) отдела УГБ НКВД Азербайджана Х.И.Григорьян. Иногда в допросах участвовал следователь С.С.Зыков, считавшийся «специалистом по интеллигенции», однако он в основном «обрабатывал» Г.С.Губайдуллина. Несколько допросов лично вел заместитель наркома В.Герасимов. Как мы уже упоминали, Герасимов был расстрелян в 1938 г., Шер тогда же отправлен в лагерь, а Григорьян продолжал работать до 1953 г., но в 1956 г. был расстрелян вместе с Багировым. Зыков уцелел при всех чистках: в материалах 1954–1955 гг. он фигурирует как свидетель.

Некоторые «методы» следствия зафиксированы во время подготовки реабилитации жертв Багирова. В деле Рухуллы Ахундова имеется протокол осмотра от 11 марта 1955 г., где сказано о протоколе очной ставки Чобан-заде и Ахундова от 22.08.1937: «При сличении протокола допроса Чобан-заде от 17–20.4.37 г. (т. 1) с протоколом указанной очной ставки (т. 3) оказалось, что показания Чобан-заде на очной ставке в основном текстуально переписаны из протокола допроса Чобан-заде» (т. 5, л. 196). Далее перечисляются отрывки текста, полностью совпадающие вплоть до пунктуации. Там же сказано: «Тексты протоколов допросов Чобан-заде, написанные чернилами, подписанные обвиняемым, зачеркивались, вносились изменения карандашом не обвиняемым и без его оговорок, а исправленные тексты перепечатывались и приобщались к делу» (т. 5, л. 197).

Но помимо фальсификаций у следователей имелись и менее «интеллигентные» способы получить необходимые показания. В отличие от Рухуллы Ахундова и других азербайджанских партийных и государственных деятелей, которых, по многим свидетельствам, многократно избивали до потери сознания, у нас нет подобных сведений о Чобан-заде. Более того, в реабилитационный период рассказывали о том, что его, как и Г.С.Губайдулина, не били в обмен на пространные показания.

На другой день после последнего официально оформленного допроса, 2 сентября 1937 г., было составлено Л.Цинманом и утверждено Ю.Д.Сумбатовым и прокурором (подпись неразборчива) обвинительное заключение (т. 3, л. 1006–1014). В нем утверждалось: «Следствием установлено, что обвиняемый Чобан-заде Бекир Вагапович является одним из активных руководителей всесоюзной контрреволюционной пантюркистской организации, входил в состав объединенного контрреволюционного пантюркистского центра и с 1920 года до дня своего ареста стоял на позициях активной борьбы с советской властью, проводя практическую контрреволюционную работу в национальных республиках СССР» (т. 3, л. 1006). Далее перечислены иллюстрируемые выдержками из показаний «этапы контрреволюционной деятельности», среди которых и переезд в Баку «во исполнение директивы Джафара Сейдаметова» (т. 3, л. 1007), и «работа по созданию контрреволюционных повстанческих групп в Азербайджане» под руководством Р.Ахундова (т. 3, л. 1012), и получение денег «за шпионскую работу» от немецкой, английской и японской разведок (т. 3, л. 1013). Вывод: «На основании изложенного обвиняется Чобан-заде Бекир Вагапович... в преступлениях, предусмотренных ст. 60, 63, 70, 73 УК АзССР» (т. 3, л. 1013–1014). И далее: «Настоящее следственно-арестантское дело подлежит направлению в Военную коллегия Верховного суда Союза ССР в порядке закона от 1 декабря 1934 года» (т. 3, л. 1014). Как мы помним, это означало осуждение к высшей мере.

Вскоре, как упоминалось выше, заключенных рассортировали на две группы. Чобан-заде, как и другие беспартийные, попал в число тех, кто остался в Баку. Процедура требовала ждать приезда выездной сессии Военной коллегии, так называемой тройки. Эта коллегия состояла всего из девяти человек, разбиравшихся на три группы. Одна или две заседали в Москве, а другая в это время выезжала по вызову в другие крупные города, где накапливались дела. В Баку следствие по делу № 12493 было закончено в начале сентября 1937 г., но на суд

тройки», как мы дальше увидим, были вынесены не все дела, только дела тех, кто хотя бы один раз дал «признательные показания». Приезда «тройки» ждали более месяца.

За этот период в деле имеется лишь один, но важный документ — заявление на имя Ю.Д.Сумбатова «от профессора, доктора филологии Б.В.Чобан-заде» от 21 сентября 1937 г. В начале раздела уже приводилась выдержка из него, где речь шла о научных заслугах. Заключение подтверждал свои показания на следствии и каялся в том, что «за весь период своей деятельности при Советской власти... был окружен национал-уклонистами и находился под их влиянием и руководством». Он лишь подчеркнул, что не играл в организациях руководящей роли и что «национал-уклонисты прибегали к угрозам и травле меня». Признаваясь в «контрреволюционной пантюркистской деятельности» и одновременно перечисляя свои реальные заслуги в науке и подготовке кадров, он заявлял: «Я со всей своей искренностью заявляю, что я полностью разоружился; решительно отказываюсь впредь от всякого рода контрреволюционной работы и готов с бесконечным энтузиазмом участвовать в строительстве социализма в нашей необъятной стране под руководством Великой Коммунистической Партии. Я решил окончательно и бесповоротно порвать со своим прошлым и со всеми организациями и лицами, с которыми я был связан по своей контрреволюционной пантюркистической работе в прошлом. С этой целью на следствии я пользовался доступными мне средствами как в отношении саморазоблачения, так и насчет разоблачения всех известных мне контрреволюционных организаций, групп и лиц. Поэтому я прошу Великую Коммунистическую Партию и Советскую Власть дать мне возможность работать по своей специальности и участвовать также в укреплении мощи Советского Союза и в дальнейшем разоблачении контрреволюционных националистов всех мастей» (т. 1, без нумерации).

Такой крик души уже не мог иметь какого-либо значения. Всё было давно решено. На заявлении имеется резолюция: «Т[ов.] Григорьяну. Вложить в дело. 9/X.1937» (подпись неразборчива).

Отметим, что среди тех, кого Б.В.Чобан-заде называл «членами организации», так же как и в случае Р.Ахундова, не все были арестованы. Помимо упоминавшихся и Ахундовым Узеира Гаджибекова и Абдуллы Шаика в данном деле речь идет о писателе Сулеймане Рустаме, специалистах по языку и литературе Али Султанлы, Микаиле Рафили, Касум-заде и других; это отмечалось в период реабилитации.

Наконец приехала «тройка» в составе корвоенюриста (корпусного военного юриста. — *Авт.*) И.О.Матулевича (председательствующий), бригавенюристов И.М.Зарянова и Я.К.Жигура вместе с секретарем, военным юристом 1-го класса А.Ф.Костюшко. Их сопровождал представитель Прокуратуры СССР корвоенюрист Р.С.Розовский. Поскольку обвиняемых было много, суд продолжался три дня: с 11 по 13 октября 1937 г. Почти все обвиняемые были приговорены к высшей мере. Об этом заседании нам придется упоминать еще несколько раз.

До Чобан-заде очередь дошла на второй день, 12 октября. Как видно из протокола (т. 3, л. 1017), судебное заседание открылось в 11.20 и закончилось в 11.40, Чобан-заде «виновным себя признал полностью» и «свои показания на предварительном следствии подтвердил» (т. 3, л. 1018). Ученого признали виновным по всем четырем статьям и приговорили к расстрелу. Последняя фраза приговора: «Приговор окончательный и в силу Постановления ЦИКа СССР от 1-го декабря 1934 года приводится немедленно в исполнение» (т. 3, л. 1020).

Жизнь Бекира Вагаповича, однако, была продлена еще на день. Удобнее было расстреливать сразу всех, а судебное заседание длилось еще более суток. Всех казнили в последний день суда — 13 октября 1937 г.; в отношении Чобан-заде эта дата зафиксирована в справке о приведении приговора в исполнение (т. 3, л. 1021). А как расстреливали в Баку при Сумбатове, показывал в 1954 г. упоминавшийся выше надзиратель Тагиев: «Перед тем как арестованных вывозили на расстрел, их очень часто избивали. В таких случаях арестованных избивали в специальных помещениях, где они ожидали, пока их повезут на расстрел» (дело Р.А.Ахундова, т. 4, л. 333). По свидетельству Тагиева, в этих зверствах участвовали Сумбатов и его заместитель Герасимов. Надзиратель отметил: «С какой целью избивали арестованных, приговоренных к расстрелу, я не знаю» (там же). Избиение перед казнь уже нельзя было объяснить никакой «целесообразностью», это садизм в чистом виде! Если Чобан-заде мог как-то избежать «физических мер воздействия» в период следствия, то тут вряд ли с кем-то церемонились.

Жена профессора Б.В.Чобан-заде, артистка Ругия Гиреевна Абдулина, была арестована на следующий день после расстрела мужа, 14 октября 1937 г. Как «члена семьи изменника Родины» ее приговорили к восьми годам лагерей. В 1955 г. она работала преподавателем музыкальной школы в городе Хачмасае в Азербайджане (жить в Баку ей было запрещено). 21 февраля 1955 г. она обратилась в МВД Азербайджана с просьбой разобраться

в ее деле и в деле ее мужа. Она писала: «Я сама специалист, работала самостоятельно, как я могла отвечать за его действия? До сего дня я ничего не знаю, несмотря на то что прошло много лет, я потеряла молодость, карьеру, имущество, а за что не знаю» (т. 3, л. 1028). 13 декабря 1955 г. Ругия Гиреевна была реабилитирована.

Реабилитация же самого Б.В.Чобан-заде затянулась и произошла много позже, чем Р.А.Ахундова и других партийных деятелей, расстрелянных в Москве. 19 октября 1955 г. Военная прокуратура СССР направила запрос в КГБ Азербайджанской ССР, в котором шла речь об отправке в Москву дела Чобан-заде. Вместе с этим делом были отправлены агентурные дела «Профессор» на 460 листах и «Баши-Бузуки» на 402 листах (т. 3, л. 1023). Из последних в данное дело попала лишь справка о прекращении агентурной разработки в 1935 г., упомянутая выше. А в деле Халид-Саида Ходжаева, о котором мы будем говорить ниже, также имеется справка на Б.В.Чобан-заде, Г.С.Губайдуллина и А.Т.Сагитова, датированная 27.03.1956, где сказано, что никто из них не принадлежал к турецкой разведке.

Лишь 18 сентября 1956 г. военный прокурор подполковник Б.Плеханов подготовил заключение для Военной коллегии Верховного суда СССР, утвержденное спустя четыре дня заместителем Главного военного прокурора СССР (т. 3, л. 1030–1032). Там сказано, что показания покойного «не соответствуют действительности», лица, оговорившие его, уже реабилитированы посмертно или реабилитируются, а «данных о связях Чобан-заде с иностранной разведкой нет». Упомянуто, что показания в пользу ученого дали знавшие его профессора и преподаватели М.Ш.Ширалиев, Касум-заде, М.Дадаш-заде, А.Султанлы и Пирумов. Вывод: необходима отмена приговора.

В заключении также отмечено: «проводившие расследование по делу бывшие работники АзНКВД Герасимов, Шер, Григорьян, Цинман осуждены, а Сумбатов арестован и привлекается к ответственности за фальсификацию следственных дел» (т. 3, л. 1031). Сумбатов не был осужден, так как умер до суда.

Последний этап реабилитации Б.В.Чобан-заде занял еще более полугодя (ср. дело Р.А.Ахундова, где он занял два дня). Лишь 6 июня 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в составе полковника юстиции А.Костромина (председатель) и подполковников юстиции А.Кошелева и Башкатова отменила приговор от 12 октября 1937 г. и прекратила дело «за отсутствием состава преступления».

Первым следственное дело ученого изучил и кратко описал ныне покойный академик Азербайджанской Академии наук З.М.Буниятов [Елм. 08.02.1990]. Отметим также изданную в Стамбуле объемистую книгу [Отар 1999], включающую биографию Чобан-заде, список его трудов, а также художественные произведения на крымскотатарском языке с турецким переводом: в книгу включен [там же: 283–288] перевод статьи [Ашнин, Алпатов 1998].

ГИБЕЛЬ ПРОФЕССОРА ГУБАЙДУЛЛИНА

По этому же делу № 12493 одновременно с Б.В.Чобан-заде был осужден Газиз Салихович Губайдуллин, первый татарский историк, автор фундаментальных исследований по истории тюркских народов. О его научной деятельности сейчас уже есть ряд публикаций. Его следственное дело за № Пр 25993 (в двух томах) также хранится в Центральном архиве Министерства национальной безопасности Азербайджана.

Как многие другие представители национальной интеллигенции тюркских народов, Губайдуллин в годы революции и гражданской войны активно участвовал в национальных движениях, входил в образованные в Казани и Уфе органы местной власти. По окончании гражданской войны он, вернувшись из Уфы в Казань, стал сотрудничать с победившей властью. И это также было типично: политика советской власти первых послереволюционных лет, направленная на установление равноправия народов и языков, была созвучна идеям и настроениям национальной интеллигенции тюркских народов СССР.

Однако нормальные условия для работы в Казани были у ученого лишь до 1924 или 1925 г. Затем в Татарстане началась борьба с «султангалиевщиной», одна из первых кампаний против «национал-уклонизма». Наряду с национально ориентированными коммунистами пострадали и пользовавшиеся их покровительством беспартийные интеллигенты, в том числе и Губайдуллин. Его подвергли кратковременному аресту по нелепому обвинению в краже, после которого ученому пришлось покинуть Казань. Сначала он колебался в выборе места работы между Баку и Самаркандом, куда ездил летом 1925 г. Но в конце концов предпочел Баку, куда его приглашало руководство Наркомата просвещения Азербайджана во главе с наркомом Мустафой Кулиевым (позже он также погиб по делу № 12493). С осени

1925 г. Губайдуллин стал приват-доцентом, затем профессором Азербайджанского государственного университета, одним из основателей восточного факультета.

В Баку в это время работали ученые-представители разных тюркских народов: профессор, крымский татарин, Б.В.Чобанзаде, турецкий профессор Исмаил Хикмет, татарский ученый, старый друг Г.С.Губайдуллина Нажиб Лятифович Халфин, узбекский тюрколог Халид-Саид Ходжаев (о нем см. ниже). В 1937 г. все они, кроме успевшего вернуться в Турцию Исмаила Хикмета, будут репрессированы. Но в 20-е годы обстановка в Баку была спокойнее, чем в Казани. Губайдуллина и других ученых поддерживали партийно-советские руководители: Р.А.Ахундов и Султан Меджид Эфендиев (последний был знаком с Губайдуллиным еще с 1909 г., когда учился в Казанском университете и оба состояли в одном кружке). В феврале 1926 г. в Баку состоялся Тюркологический съезд, в котором Губайдуллин также активно участвовал.

Но с конца 20-х годов борьба с «национал-уклонизмом» захватила Азербайджан. Судьба Губайдуллина в это время сходна с судьбой Чобанзаде: его также много прорабатывали, однако не арестовывали и он не терял работу. В отличие от Чобанзаде Г.С.Губайдуллин попытался найти работу в других городах: в 1930–1931 гг. некоторое время читал лекции в МГУ, а в 1933 г. совсем уехал из Баку сначала в Пятигорск, а затем в Казань. Но вторично закрепиться на родине ему не удалось. Уже в 1935 г. Губайдуллин возвратился в Баку и жил там до ареста. Как указано в следственном деле (т. 1, л. 383), на этот раз его пригласил новый нарком просвещения Мусаиб Шахбазов, также затем репрессированный по одному с ним делу. К моменту ареста Губайдуллин был профессором истории Азербайджанского государственного университета и сотрудником Института истории и археологии АзФАН, где под руководством Р.А.Ахундова он участвовал в написании коллективного труда «История Азербайджана».

Его положение резко изменилось после ареста Р.А.Ахундова в декабре 1936 г. Этот арест стал началом репрессивной кампании в АзФАН и университете. В следственном деле зафиксировано, что сразу после него люди из окружения Ахундова, включая самого Губайдуллина, ждали собственного ареста. По свидетельству сына Губайдуллина, отец говорил ему: «Скоро меня заберут, так уж сложилось» — и давал распоряжения беречь мать и брата, а библиотеку сдать в Бакинский университет [Гобайдуллин 2002: 57]. Вскоре их страхи подтвердились.

В январе 1937 г. были арестованы В.Хулуфлу, Х.Зейналлы и Б.В.Чобан-заде. Губайдуллин в эту группу не попал, но в конце февраля появилась статья, где о нем говорилось как о контрреволюционере. Наконец в ночь на 18 марта 1937 г. он был арестован. Уже после его ареста сам Багиров опубликовал в газетах «Бакинский рабочий» (на русском языке) и «Коммунист» (на азербайджанском языке) статью против Губайдуллина (т. 2, л. 522).

К моменту ареста против ученого уже были собраны показания Б.В.Чобан-заде, В.Хулуфлу, профессоров-троцкистов Б.Н.Тихомирова и А.С.Букшпана. При аресте у Губайдуллина изъяли книги и многочисленные рукописи научных работ (в том числе, вероятно, разделы «Истории Азербайджана»), что зафиксировано в протоколе обыска (т. 1, л. 5). В 1957 г. вдова Губайдуллина дважды обращалась в КГБ с просьбой вернуть изъятые рукописи, однако ей ответили, что ничего не сохранилось (т. 2, л. 532).

Г.С.Губайдуллина, как и Чобан-заде, допрашивали Герасимов, Цинман, Григорьян, Шер. Но большинство допросов проводил следователь С.С.Зыков, человек с незаконченным средним образованием, но считавшийся «специалистом по интеллигенции». Как уже упоминалось, в период реабилитации он проходил по делу лишь как свидетель. В 1954 г. он был подполковником, начальником следственного отделения Управления пожарной охраны МВД Азербайджанской ССР (дело Р.Ахундова, т. 4, л. 90).

Отметим, что среди следователей, работавших с Ахундовым, Чобан-заде, Губайдуллиным, мы встречаем русские, еврейские, армянские фамилии, но ни одной азербайджанской, хотя в НКВД работали и азербайджанцы, например уже упоминавшийся Атакишиев. Их фамилии встретятся лишь в делах менее важных участников «организации», что, видимо, не случайно.

В деле Губайдуллина содержится 17 протоколов допросов: первый — от 28 марта 1937 г., последний — от 7 сентября того же года. Часть допросов велась без перерыва по нескольку дней. Протоколы допросов (многие в двух вариантах: рукописном и машинописном) занимают большую часть 1-го тома дела (л. 10–398) и больше половины дела вообще. Безусловно, протоколы с обращениями к подследственному на «Вы» дают сильно приукрашенную картину. О том, как было на самом деле, свидетельствуют несколько строк в реабилитационном заключении Военной прокуратуры СССР: «Зыков показал, что в тех случаях, когда Губайдуллин не соглашался с формулировками,

записанными в протоколе, или отказывался давать показания, его, Губайдуллина, сажали в карцер или ставили на „стойки“. На допросах у Шера Губайдуллин несколько раз падал в обморок» (т. 2, л. 529).

Как и Чобан-заде, Губайдуллин, много лет живший в страхе, быстро сдался и начал давать «признательные показания». В марте-апреле 1937 г. речь в основном шла о связях его с национально ориентированной интеллигенцией разных тюркских народов. С июня круг лиц расширяется в различных направлениях. Это, во-первых, руководящие работники Азербайджана и Татарстана, во-вторых, люди, жившие или работавшие в районах нефтепромыслов и порта, в-третьих, бакинские троцкисты, в-четвертых, ведущие тюркологи и другие востоковеды Ленинграда, в-пятых, русская профессура Баку. Следователи конструировали разветвленную «организацию», в которой Губайдуллина предназначалось видное место.

Как и в случае с Чобан-заде, подследственному не давали остановиться на том или ином пункте. В каких бы невероятных преступлениях Губайдуллин ни сознавался, его обвиняли в неискренности и требовали все большего. Разумеется, формулировки, записанные в протоколах, сглаживали реальные слова следователей, которые наверняка были куда грубее: «Вы туманно показываете о диверсионных ячейках, созданных по Вашему указанию в нефтяной промышленности» (т. 1, л. 161); «Это все разговоры, а где практические шаги?» (т. 1, л. 166); «Вы хотите спрятать свои связи с японцами» (т. 1, л. 164) и т.д.

Губайдуллин сразу признал «контрреволюционный характер» своих связей с Юсуфом Акчуриным, Гаязом Исхаковым и другими национальными деятелями в тот период, когда те жили в России, но пытался отрицать какие-либо связи с ними после их эмиграции (т. 1, л. 28 и др.). Однако затем его заставили заявить о продолжении связи с ними, теперь уже нелегальной, и в 20–30-е годы (т. 1, л. 150 и др.). Несчастный ученый, признав что он получил от них «инструкции по подготовке вооруженного восстания», еще пытался отрицать хотя бы то, что поступали деньги из-за рубежа, но потом его заставили признать и это (т. 1, л. 229–230).

Ученому пришлось заявить о том, что он занимался «созданием повстанческих ячеек» (л. 229), в том числе для диверсий на нефтепромыслах (хотя какое отношение мог иметь к нефтяной промышленности профессор тюркологии?). Для этого и выясняли его связи с теми из его бывших студентов, кто жил в районе нефтепромыслов или работал в сельской местности.

Аналогичные связи выясняли и у других арестованных. Например, бывший инспектор татарских школ в Баку А.Т.Сагитов показывал: «Примерно в 1930 г. Губайдуллин Г. дал мне установку подобрать из рабочих-татар (на нефтепромыслах. — *Авт.*) лиц, способных на совершение диверсионных актов... Он (Губайдуллин) говорил, что деньги на диверсии получает от иноразведки» (т. 2, л. 495). Следствию было особенно важно показать, что Губайдуллин был платным агентом нескольких разведок. В отношении Германии и Турции были использованы родственные связи ученого: брат его жены жил в Германии, а другой родственник его жены работал в 20-е годы в турецком консульстве в Москве. Но в Японии у ученого не было никого. Тогда в показания добавили «факт» постоянных связей другого брата его жены, жившего в Москве и еще в 1936 г. арестованного, с каким-то уйгуром, жителем Синьцзяна, видимо вымышленным лицом. И выстраивалась цепочка: Губайдуллин — его московский родственник — Синьцзян — Китай — Япония.

Любое действие Губайдуллина, как и других его однодельцев, вменялось ему в вину. Речь шла не только о его реальном участии в политике в 1917–1919 гг. Попытка устроиться в Самарканде, переезд в Баку, научные командировки и поездки на конференции в тюркоязычные республики СССР, отъезд из Баку и возвращение туда, командировки в Москву и Ленинград, участие в Тюркологическом съезде, чтение тюркологических курсов в университете, участие в написании «Истории Азербайджана», помощь коллегам в работе — все оценивалось в его показаниях и в показаниях на него как «выполнение директив контрреволюционного центра», «вербовка участников террористических групп», «пантюркистская пропаганда» или хотя бы «маскировка». Любая тематика работ, связанная с историей тюркских народов или ислама, трактовалась в таком же духе.

Нет надобности доказывать ложность всех этих обвинений, среди которых есть и создание «диверсионных групп под видом литературных и драматических кружков» (т. 1, л. 161). Но где-то в показаниях могут быть отражены и какие-то реальные чувства и настроения татарского ученого. Вот показания Вели Хулуфлу от 10 мая 1937 г., где речь идет о разговорах с Г.С.Губайдуллиным после возвращения последнего из Татарстана в 1935 г.: «Выражал недовольство тем, что язык (татарский. — *Авт.*) продолжает засоряться русскими терминами, что язык совершенно видоизменился. Говорил он также о том, что очень много ценной научной литературы изъято из вузовских библиотек... Губайдуллин жаловался еще на то, что в Та-

тарии нет уже старых авторитетных национальных кадров, что всюду сидит молодежь, молодые комсомольцы и партийцы» (т. 2, л. 425). Аналогичные жалобы он высказывал, по словам Хулуфлу, и по отношению к Азербайджану: «Он ссылаясь на очень большое количество русских слов в разговорном языке азербайджанцев» (т. 2, л. 426). Такие высказывания могли иметь место, хотя, разумеется, видеть в них политический криминал можно было лишь в обстановке 1937 г.

В разработке данного дела была и субъективная сторона: соперничество Багирова с Ахундовым, месть Багирова, распространившаяся и на окружение его врага. Но все же гибель Чобан-заде, Губайдуллина и ряда других тюркских интеллигентов именно в 1937 г. не была случайной. Пока господствовала политика развития национальных культур и языков, пока наибольшим злом в национальных отношениях считался «великодержавный шовинизм», эти люди считались ценными специалистами, несмотря на их «националистическое» прошлое. В 30-е годы у них была плохая официальная репутация, из сферы общественной жизни их полностью оттеснили в область науки и образования, время от времени их травили и мешали работать. И все-таки они могли трудиться, а для национально ориентированных коммунистов (нередко — их учеников) сохраняли авторитет. Ситуация в разных республиках, впрочем, была не совсем одинаковой: в Азербайджане обстановка все-таки была более терпимой, чем в Казахстане, где многих репрессировали еще в начале 30-х годов. Но с середины 30-х годов национально-языковая политика государства становилась все более русификаторской (показательны вышеупомянутые высказывания Губайдуллина 1935 г.), и еще в большей степени это стало проявляться с 1937 г. (подробнее см. [Алпатов 2000: 87–101]). Если положение старой русской интеллигенции тогда в целом улучшилось (хотя кто-то и среди нее оказался в числе жертв репрессий), то от старшего и среднего поколений тюркской интеллигенции, имевших дореволюционное прошлое, мало кто уцелел (меньше пострадала молодежь, целиком сформировавшаяся в советское время, но и там, как мы увидим, были существенные потери).

Отметим одно из направлений дела, отраженное как раз в следственном деле Губайдуллина. Специальный допрос 27–28 августа 1937 г., уже в конце следствия, был посвящен «контрреволюционному формированию» среди бакинской русской, точнее русскоязычной, профессуры (в него входили не только русские и евреи, но и араб-христианин, видный востоковед П.К.Жузе). Губайдуллин дал показания о группе «конституцион-

ных монархистов» и другой группе, стоявшей на «буржуазно-демократических позициях». Упоминаются П.К.Жузе, крупный философ, впоследствии член-корреспондент АН СССР А.О.Максимальский, известный нумизмат Е.А.Пахомов (т. 1, л. 352–364). И как было отмечено в период реабилитации, из всех групп, которые разрабатывались при подготовке дела № 12493, именно эта группа арестована не была (т. 2, л. 528). Вообще, среди нетюркской профессуры Баку пострадали лишь участники оппозиций, что было естественно, а также тюркофил А.Р.Зифельд Симуяги, о котором речь впереди. Кстати, и они шли не по делу № 12493, а по другим делам. Делу была придана тюркская окраска, и русская профессура оказалась в нем лишней, что спасло жизни большей ее части. А еще несколькими годами ранее фабриковалось (правда, в Москве) «дело славистов», куда, наоборот, не включали людей с нерусскими фамилиями.

Кроме того, у Губайдуллина выбивали показания и против ряда видных ленинградских ученых. Если в следственном деле Чобан-заде речь идет лишь о А.Н.Самойловиче, то здесь есть и другие фамилии; в списке «контрреволюционеров», с которыми Губайдуллин имел связь (т. 1, без пагинации), упомянуты фамилии: Самойлович, Ольденбург, Малов и «Крючковский»; указано, что о них сообщено НКВД СССР и Ленинградскому УНКВД. Ясно, что речь идет об академике А.Н.Самойловиче, С.Ф.Ольденбурге, будущем члене-корреспонденте АН СССР С.Е.Малове, а «Крючковский», видимо, академик И.Ю.Крачковский. Ольденбург умер еще в 1934 г., Малов и Крачковский избежали репрессий. Впрочем, о них в деле больше ничего не сказано. Зато о Самойловиче Губайдуллина расспрашивали многократно.

Еще 9 апреля 1937 г. Губайдуллин сказал, что о жизни Ю.Акчурина в эмиграции ему рассказывал Самойлович (т. 1, л. 28). 19 мая он уже упоминал академика в числе тех, через кого устанавливал нелегальную связь с жившим в Турции Акчуриным (т. 1, л.145). Допрос от 13 июля (л. 297–302) был целиком посвящен Самойловичу (он проходил одновременно с аналогичным допросом Чобан-заде). Записано, что академик — ученик «известных реакционеров» В.В.Радлова и В.Д.Смирнова, до революции выполнял секретные царские поручения и в то же время был информатором турецкого правительства и дружил с хивинским ханом. Затем он «отрицательно принял» Октябрьскую революцию, имел немецкую ориентацию, а в 1920–1921 гг. был связан с бухарскими националистами. Вместе с В.В.Бартольдом Самойлович издал в трудах Академии наук статью Заки Валидова (Валиди) уже после его бегства за ру-

В 1924 г. Самойлович читал в Казани лекции пантюркистского характера, открыто рассказывал о своих встречах в Турции с Ю.Акчуриным и пригласил в СССР видного турецкого ученого Кёпрюлю-заде, именуемого в деле, разумеется, «агентом турецкой разведки». Сказано также о связях академика арестованными еще в 1936 г. троцкистами Томсинским и Моринным. Упоминаются кроме всего прочего слова в казанских лекциях о «прогрессивном влиянии Японии на тюркские народы Синьцзяне» и о «родстве тюркско-татарских народов с Японией» (т. 1, л. 300). В последнем случае, очевидно, речь идет о концепции, согласно которой тюркские языки, как и японский, входят в большую алтайскую языковую семью. В 20–30-е годы это была лишь гипотеза, но сейчас ее можно считать доказанной (см. [Старостин 1991]). А для НКВД в 1937 г. это могло быть лишь «националистической пропагандой».

В упомянутом протоколе Губайдуллину приписаны слова о том, что Самойлович связан с многими членами «организации», но он не знает, является ли сам академик ее «членом» (т. 1, л. 299). Такое на языке НКВД означало, что санкция на арест Самойловича еще не получена и его судьба еще не определена. Но 2 августа, когда имя академика упомянуто в последний раз, уже сказано, что они вместе с Томсинским «по линии Академии наук помогали в разведке» одному из членов «организации», татарину, работавшему в Ленинградском порту (т. 1, л. 303–305). Ровно через два месяца Самойлович был арестован. В его деле, однако, по каким-то причинам Губайдуллин в отличие от Чобан-заде не фигурирует.

По окончании следствия Губайдуллин также попал в группу, оставшуюся в Баку. 16 сентября Сумбатов утвердил обвинительное заключение (т. 2, л. 505–511), составленное Цинманом. Там ученый изображен как «один из идеологов пантюркизма на территории СССР, член всесоюзного пантюркистского центра с момента установления Советской власти в б. России до своего ареста», стоящий «на позициях борьбы с Советской властью» (т. 2, л. 505). В числе обвинений такие: «организовал ряд вредительских актов на промыслах Азербайджана» (т. 2, л. 511) (ни один конкретный «акт» не назван) и «являлся агентом турецкой, немецкой и японской разведок, ведя активную шпионскую деятельность» (т. 2, л. 511). Было также сказано, что Губайдуллин «в списках немецкой разведки... значился под псевдонимом Джафар Азиз» (т. 2, л. 510).

В тот же день, что и Чобан-заде, 12 октября 1937 г. Губайдуллин подтвердил свои показания в суде. Приговор стандартен.

Перечислены пункты обвинительного заключения, затем сказано: «На основании изложенного и руководствуясь ст. 316 и 317 УПК АзССР Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила: Губайдуллина Газиза Салиховича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, в силу постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. подлежит немедленному исполнению» (т. 2, л. 516 об–517). Приговор, однако, был исполнен, как и в отношении других приговоренных, 13 октября 1937 г., о чем сказано в имеющейся в деле справке (т. 2, л. 518).

Жена Губайдуллина Рабига Шакировна в течение нескольких месяцев после ареста пыталась выяснить судьбу мужа, в июне 1937 г. ее принял Зыков, но узнать ей ничего не удалось. Осенью 1937 г. она сама была арестована как «член семьи изменника родины» и отбыла пятилетний срок заключения в лагере. С июля 1955 г. она начала хлопотать о реабилитации мужа, судьба которого ей тогда не была известна. В деле имеются два ее заявления (т. 2, л. 522–527). Наконец 18 марта 1957 г. (ровно через 20 лет после ареста!) Г.С.Губайдуллин был реабилитирован.

Несмотря на реабилитацию ученого, его труды и позже долго не переиздавались и по-настоящему вошли в научный оборот лишь в наши дни. В Казани недавно вышла книга биографических материалов об ученом [Гобайдуллин 2002].

Авторы благодарят сына Г.С.Губайдуллина Салмана Губайдуллина, прочитавшего первый вариант данного раздела и высказавшего замечания, которые были учтены.

ХАЛИД-САИД ХОДЖАЕВ

Если имя Б.В.Чобан-заде в 50–80-е годы все же было известно, то сведения о жившем в Баку талантливом узбекском тюркологе Халид-Саиде Ходжаеве нам пришлось буквально собирать по крупицам.

Один из авторов этой книги, Ф.Д.Ашнин, заинтересовался деятельностью Ходжаева в связи с изучением истории тюркологии в России и СССР. Было известно, что он автор книги «Сравнительная грамматика османского, узбекского и казакского языков», изданной в 1926 г. в Баку на турецком языке Обществом обследования и изучения Азербайджана. И все. Много лет мы искали и саму книгу, и сведения о ее авторе. В московских библиотеках книга отсутствовала. Об авторе еще было известно, что он в 1926 г. участвовал в уже не раз здесь упоминавшемся Тюр-

ологическом съезде; его имя встречается в опубликованных материалах съезда. Из них следовало, что Х.-С.Ходжаев — узбек, в 1926 г. постоянно живший в Баку, что он был приглашен на съезд персонально, т.е., видимо, к тому времени уже зарекомендовал себя как тюрколог (книга, однако, в материалах съезда не упоминается: видимо, она вышла уже после него). На съезде он выступал три раза и только по-узбекски, русские резюме его выступлений отсутствуют, что означает недостаточное знание русского языка.

Еще это имя упоминалось в одной из статей академика А.Н.Кононова: «В середине 30-х годов Азербайджанский филиал Академии наук создал во главе с Х.-С.Ходжаевым комиссию по переводу „Дивана“ Махмуда Кашгарского на азербайджанский язык. К 1939 г. перевод был завершен и в том же году отредактирован С.Е.Маловым и А.Н.Кононовым» [Кононов 1973: 1]. Как мы увидим дальше, в этих данных не всё было точно. Последние достоверные сведения о существовании Ходжаева относились к 1936 г., когда была раскритикована его книга, опубликованная десятью годами раньше (см. об этом ниже). Из того, что писал А.Н.Кононов, не следовало, что Ходжаев в 1939 г. был жив. Позже — ничего. Можно было догадываться о трагической судьбе ученого, но информации не было.

Фамилия Х.-С.Ходжаева отсутствовала в известном «Библиографическом словаре отечественных тюркологов» А.Н.Кононова. В начале 80-х годов автор готовил словарь ко второму изданию, в связи с этим мы (Ф.Д.Ашнин) решили ему помочь. Неожиданно удалось найти книгу Ходжаева, изданную в 1926 г.: она оказалась в личной библиотеке одного из московских тюркологов. А об авторе по-прежнему ничего не известно. Мы начали писать знакомым тюркологам в Баку, Ташкент, Алма-Ату.

Откликнулся бакинский языковед Акрем Джафар. В ответ на наше письмо от 10 ноября 1983 г. он ответил 30 ноября, сообщив о том, что в Баку живет дочь Х.-С.Ходжаева Бехиджа, по мужу Мамедова. А вскоре, 25 декабря, сама Бехиджа-ханум, которой Акрем Джафар дал наш адрес, написала нам письмо и прислала копии документов, хранившихся в семье. Приведем отрывки из ее письма.

...Мы всей семьей благодарны Вам и считаем себя обязанными за то, что Вы хотите напомнить людям, в частности тюркологическому миру, о Халид-Саиде. Акрем-муаллим любезно познакомил меня о содержании Вашего второго письма к нему.

Далее Мамедова рассказывала о своей семье:

Вот кратко о тех, кто остался после покойного Халид-Саида, человека трагической судьбой, преждевременно ушедшего из жизни, вернее,

которого ушли из жизни. Он ушел 4-го июня 1937 года, а спустя 20 лет, т.е. в 1957 году, он был реабилитирован посмертно решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 мая 1957 года, «за отсутствием состава преступления» — это точная формулировка справки, которую нам выдали. Датой его смерти надо считать 12 октября 1937 года.

Рассказав все, что ей было известно о родственниках отца, Мамедова писала об отце:

Я встречалась и была хорошо знакома с людьми, которые были либо его студентами, аспирантами или знали его близко. Да и сама помню кое-что о нем. То, что не могло быть отражено в скупых справках и бумагах. Его знали как очень доброго и знающего человека. Лекции его бывали настолько интересными и содержательными, что запоминались надолго, и спустя десятки лет эти люди с волнением рассказывали, вспоминали о нем.

12 января 1984 г. дочь Ходжаева написала нам еще одно письмо, где сообщала дополнительные данные об отце. Письмо и документы содержали существенные данные, которые мы далее будем использовать, но многого все-таки не хватало, особенно сведений о трагической гибели ученого. В ходе нашей работы в 1998 г. мы ознакомились с его следственным делом № Пр 26762, хранящимся там же, где описанные выше бакинские дела. Все, что нам удалось собрать, дает в совокупности сведения о недолгой жизни ученого.

Халид-Саид Ходжаев (так имя ученого писала его дочь, в материалах следствия встречаются иные написания: Халедсаид, Халедсеид) родился в 1893 г. в кишлаке Кош-Курган в 25 км от Ташкента; месяц и число рождения не указаны в деле, а также неизвестны Б.Х.Мамедовой. Семья была крестьянской, и, по словам Б.Х.Мамедовой, «его родня всегда гордилась и гордится тем, что у них в роду был такой ученый человек». Она же указывала в 1983 г., что его племянники живут и в Кош-Кургане, и в Ташкенте, «и по-своему, довольно толковые люди, в основном относятся к сельской интеллигенции».

О детстве и юности Х.-С.Ходжаева сведений мало. Как пишет его дочь, он окончил медресе в Ташкенте. Но судьба Ходжаева сложилась так, что после 1911 г. он недолго жил на родине. Из протоколов допросов видно, что он мало общался с оставшимися в Кош-Кургане родственниками: знал, что родителей нет в живых, но дату смерти отца указывал неопределенно («в 1930–1931 году»), а год смерти матери назвать не смог (л. 7). Там же записано, что он был старшим из четырех братьев и сестер, а его два брата, родившихся с 1907 по 1910 г., живут в Узбекистане. По данным Б.Х.Мамедовой, никого из них к 1983 г. уже не было в живых.

В 1911 г. в судьбе Ходжаева произошел поворот, определивший его последующие жизнь и деятельность: его отправили учиться в Стамбульский университет. Позднее этот факт, разумеется, следствие использовало как доказательство «связей с турецкой разведкой». По его собственному свидетельству (л. 8), в Турции он находился в 1911–1913 и 1914–1918 гг., а университет (историко-литературный факультет) окончил в 1917 г. Мы не знаем, где он был в 1913–1914 гг. (возвращался на родину?) и что делал в Турции в 1917–1918 гг. (служил в армии?).

С 1918 г. связана самая неясная часть биографии ученого. Из Турции он возвращается не домой, а в Азербайджан. Возможно, в то время попасть в Азербайджан было легче, чем в Ташкент, тем более что в Азербайджан тогда на некоторое время были введены турецкие войска. Об этом периоде жизни на первом допросе Ходжаев говорил кратко: «С 1918 по 1920 г. преподавал в Кировабаде» (в те годы город назывался, как и сейчас, Гянджа). Позже, когда ученый уже был сломлен, он был вынужден сообщить: «В 1918 г. я совместно с группой студентов Стамбульского университета (из числа б. жителей Российской империи) по инициативе лидера пантюркизма Абдул Рашида Ибраимова был направлен в Азербайджан вместе с турецкой армией Нура Паши. Мы были назначены в специальный отдел турецкой армии „Шуба'и Махсуд'а“ (военная полицейская служба), руководимой Бахайдын Пашой, который одновременно с этим являлся начальником полицейского управления (контрразведка) мусаватского правительства в Азербайджане. Использовать нас по разведывательно-политической работе не удалось, т.к. вначале нас, после приезда в Азербайджан, отправили по сбору продналогов для турецкой армии, а затем, спустя 1–1½ месяца, турецкая армия была вынуждена эвакуироваться» (л. 19). В протоколе другого допроса добавлено: «Совместно с „Шуба'и Махсуд'и“ выехали в распоряжение Нура Паши в г. Ганджу около 30 человек в 2-х группах: туркестанская (9 чел.) и кавказская (21 чел.)» (л. 28).

В этих показаниях трудно отделить правду от неправды. Не стоит верить показаниям о службе в турецкой контрразведке: такое в 1937 г. полагалось писать. Кстати, если бы это действительно было, то Ходжаева арестовали бы гораздо раньше. Но вряд ли вызывает сомнение сам факт, что он приехал в Азербайджан вместе с турецкой армией в группе выпускников Стамбульского университета разных национальностей (он называет узбеков, казахов, туркмена, лезгина). Достоверно выглядит и участие в «сборе продналогов для турецкой армии».

Очевидно, что после эвакуации турецких войск Ходжаев оставался в Азербайджане, сначала в Гяндже, потом в 1920-1921 гг. в Баку. В 1921 г. он все-таки уехал в Ташкент, «где так же преподавал» (л. 8). Однако теперь он пробыл там только год. Может быть, были плохие условия для работы, но не исключено, что ему предъявлялись какие-то обвинения. Вспоминается загадочная фраза из следственных показаний Е. Д. Поливанова про то, что в те годы «дело просвещения в Узбекистане находилось в руках военнопленных турецких офицеров». Ходжаев как будто не был военнопленным, но, вероятно, был турецким офицером, и его могли причислить к этой категории, с чем могли быть связаны какие-то преследования. Во всяком случае, в 1922 г. Ходжаев покинул родину навсегда.

В анкете арестованного он писал, «с 1922 г. по день ареста постоянно преподавал в вузах г. Баку» (л. 8). Вскоре после возвращения он женился на азербайджанке, что еще больше связало его с этим городом. Дочь Бехиджа родилась в 1925 г.

В анкете 1935 г., присланной нам его дочерью, Ходжаев указывал, что в разные годы преподавал в Азербайджанском государственном университете, Педагогическом институте, Индустриальном техникуме, Гидротехникуме, на рабфаках. Его дочь пишет: «Он начинает свою педагогическую деятельность в одном из нефтяных районов Баку — рабочем поселке Балаханы, где обучал грамоте рабочих, преподавал в рабфаке... Свою преподавательскую деятельность он продолжал до конца — работал в техникуме (им. Агамали-оглы), вузах Баку и на аспирантских курсах».

В Баку тогда получали подготовку студенты не только местные, но и из других тюркских республик СССР, в том числе и из Узбекистана. И здесь Ходжаев играл роль связующего звена между азербайджанской и узбекской интеллигенцией. Как пишет его дочь, «его огромной заслугой было и то, что в 20-е годы по его инициативе большая группа молодых узбеков и узбечек в течение ряда лет направлялась на учебу в г. Баку, где они получали свое первоначальное, а некоторые позже и высшее образование. Он помогал многим из них и материально, некоторые даже подолгу проживали у него дома. Среди них были такие видные личности Узбекистана, как Халима Насырова — народная артистка СССР (первая узбечка — оперная певица. — Авт.), Хады Зарипов — видный ученый — филолог и фольклорист... и многие другие». В деле упомянуто о том, что в 1925-1926 гг. Ходжаев заведовал общежитием Узбекского представительства в Баку, где жили узбекские студенты (л. 9).

стуная горячим сторонником латинизации алфавита и тюркологических языков. С этим было связано его участие в Тюркологическом съезде в 1926 г. По вопросам письменностей ученый был тесно связан с председателем ВЦКНА, видным азербайджанским коммунистом С. Агамали-оглы (не был репрессирован, так как умер в 1930 г.). Как пишет Мамедова, «они были очень хорошими друзьями, сотрудничали вместе (вопрос алфавита), и Агамали-оглы очень ценил и уважал его как специалиста и человека». Вопросам латинизации азербайджанского письма была посвящена специальная книга Ходжаева.

Самой значительной публикацией ученого стала упомянутая выше книга «Сравнительная грамматика османского, узбекского и казакского языков», изданная на турецком языке. Еще ничего не зная о биографии автора, мы могли предполагать, что он учился в Турции: уровень владения турецким языком безупречен. Книга показывает эрудированность автора в тюркологии и владение сравнительно-историческим методом.

Ходжаев занимался не только языкознанием. Как указывает его дочь, у него были и работы по литературе, преимущественно азербайджанской. Она пишет: «Халид-Саид был прекрасным знатоком Физули, отличным толкователем его поэзии. Он и сам пробовал себя в поэзии, и некоторые его стихи выходили в журналах того времени... В списке его научных трудов отмечен перевод произведения узбекского писателя Джогунбая „Минувшие дни“ (так в письме; видимо, речь идет о романе с таким названием, написанном Абдуллой Кадыри, выступавшим под псевдонимом Джулкунбай; он был репрессирован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г. — *Авт.*)... Почему-то, однако, он не включил другой свой перевод турецкого писателя Решад Нури Гюнтекина „Чалы гушу“ — „Птичка певчая“. Первый перевод этого произведения принадлежит Халид-Саиду». В обоих случаях речь идет о переводах на азербайджанский язык.

До 1937 г. ученый, как видно из его анкет, не арестовывался и его не увольняли с работы. Самым серьезным прегрешением, зафиксированным в следственном деле, оказалось снятие с должности заведующего общежитием. Однако обвинений в «идейных ошибках» и проработок в пределах принятого в те годы хватало, хотя привлекал внимание к себе Ходжаев, по-видимому, меньше, чем Б.В. Чобан-заде и Г.С. Губайдуллин.

Вот статья, относящаяся уже к 1936 г.: «В 1926 г. была издана „Сравнительная грамматика османского, узбекского, казакского языков“ Х.С. Ходжаева. В этой книге автор, путем фор-

мально-сравнительного метода, ограничивается доказательством родства этих трех языков и тем самым поддерживает теорию „прародины и праязыка“» [Труды 1936: 186]. Напомним, что тогда догмой были идеи Н.Я.Марра о ненаучности и «буржуазности» самих понятий «родство языков» и «праязык».

Авторами этой статьи были не кто иные, как Б.В.Чобан-заде и языковед более молодого, уже советского поколения Гулам Багиров, также затем репрессированный (о нем см. ниже). Чобан-заде был вынужден здесь же критиковать не только других, но и прежде всего самого себя, заявляя о «враждебных методологических построениях» в собственных работах 20-х годов.

О том же, как Б.В.Чобан-заде на самом деле относился к узбекскому коллеге, показывает сохранившийся у Б.Х.Мамедовой его «Отзыв о научно-педагогической деятельности тов. Халид Саида Ходжаева», датированный 2 декабря 1935 г. Там сказано: «Тов. Х.С.Ходжаев является одним из квалифицированных лингвистов-востоковедов. Тов. Ходжаев в совершенстве владеет арабским, персидским, тюркским (азербайджанским. — *Авт.*), узбекским языками и хорошо знает русский язык. У тов. Ходжаева 124 научные работы, среди которых особенно следует отметить его последнюю работу о синтаксисе тюркского языка. В этой работе тов. Халид Саид использовал все основные труды восточных и русских лингвистов по теории синтаксиса и собранный им самим в течение многих лет богатый материал по синтаксическому строю тюркского языка». Чобан-заде ставил вопрос о присуждении Ходжаеву звания доцента и степени кандидата наук без защиты диссертации. Предложение, по-видимому, не было принято: в следственном деле нигде Ходжаев не назван доцентом или кандидатом наук.

Как пишет Б.Х.Мамедова, «в последние годы своей жизни Халид-Саид Ходжаев работал на должности научного сотрудника 1-го разряда сектора истории Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Одновременно он вел преподавание различных лингвистических дисциплин (стилистика и грамматика тюркских языков, чтение памятников и другие) на филологических факультетах ВУЗов и на аспирантских курсах города Баку». По документам, в АЗФАН он работал с 1 сентября 1934 г.

Сохранился отчет Ходжаева о научной работе, из которого видно, что в 30-е годы он написал несколько крупных по объему трудов, в большинстве не дошедших до нас. Из 14 перечисленных им работ помимо упомянутой выше сравнительной грамматики была издана в 1933 г. «Краткая стилистика» азербайджанского языка, да еще в 1928 г. в Крыму ВЦКНА были опубли-

нованы его «Воспоминания о работе по новому алфавиту». В отчете, датированном 19.11.1935, перечислены готовый к изданию «Подробный синтаксис» объемом 14 п. л. (см. выше отзыв о нем Чобан-заде), «Теория стилистики» объемом 14 п. л., «Лекции по джигатайской литературе» около 5–6 п. л. (курс лекций, прочитанных в АЗГУ), большая (18–20 п. л.) «Теория тюркской литературы», «Краткий обзор истории Туркестана» (6–7 п. л.), «Грамматика иранского (персидского. — *Авт.*) языка» (6–7 п. л.), «Комментированное исследование Орхонской надписи» с переводом на азербайджанский язык, художественные переводы. Как указывает Ходжаев, рукописи его книг использовались в преподавании в АЗГУ и в Педагогическом институте.

Но главной темой занятий ученого в последние годы жизни был знаменитый словарь Махмуда Кашгарского «Диван-и лугат ат-турк». Этот уникальный лингвистический памятник XI в., выполненный в традициях арабской грамматики, дает обширнейший материал по разным тюркским языкам и диалектам того времени. Рукопись словаря была найдена и впервые издана в Турции, в СССР в 30-е годы он еще не издавался и не комментировался. И первым им занялся Ходжаев. А.Н.Кононов допустил неточность, говоря о «комиссии во главе с Х.-С.Ходжаевым». Как разъясняла Б.Х.Мамедова, ее отец «разрабатывал эту проблему один, о чем свидетельствуют документы, а редакторами этого труда были академик Крачковский и профессор Малов, с которыми Халид-Саид не раз встречался (он ездил в Ленинград к ним)». В следственном деле зафиксирована по крайней мере одна такая поездка летом 1936 г.

О своей работе писал сам Ходжаев в упомянутом выше отчете от 19.11.1935: «Научное комментированное исследование с переводом (с арабского на тюркский язык) Словаря Махмуда Кашгарского. Работа приблизительно 70–80 п. листов... Кашгарский впервые вообще переводится на какой бы то ни было язык и исследуется тоже впервые по принципам современной востоковедческой науки. Означенный труд готовится к изданию по поручению Аз. Филиала Академии Наук СССР. Первый том уже готов, а остальные тома готовятся. Для характеристики исключительного значения книги Кашгарского мною предлагается специальная моя статья по вопросу о Кашгарском, характеризующая этот исторический документ со всех сторон».

Указанная статья объемом 11 машинописных страниц сохранилась и была прислана нам вместе с другими документами дочерью Ходжаева. Это единственное, что дошло до нас из

огромной работы, сделанной ученым по изучению знаменитого словаря.

В отчете указана и другая работа Х.-С.Ходжаева — «Историческая грамматика тюркского языка», о которой сказано «Рукопись — приближ[ительно] 12 п. лист[ов] — готовится к печати. Книга эта является исторической грамматикой общего тюркского языка до 11 века. Она составлена на основании известного труда Махмуда Кашгарского. Труд составляется по специальному поручению Аз. Филиала Академии Наук СССР».

Как видно из нескольких изученных нами дел, где постоянно упоминается труд Ходжаева по переводу словаря Махмуда Кашгарского, этой работе в академическом филиале придавалось большое значение. В апреле 1937 г. перевод с комментариями был готов (до какого этапа дошла работа над исторической грамматикой, мы не знаем). Об этом стало широко известно не только в Азербайджане, но и в других тюркских союзных и автономных республиках СССР. Об этом свидетельствует сохранившееся у дочери Ходжаева письмо ее отца секретарю Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Кумукову. Об истории письма рассказывала Мамедова: «Письмо... является ответом на просьбу согласиться разрабатывать проблему перевода словаря на кабардинский язык. Должна сказать, что аналогичные предложения поступали и из других мест, в частности из Алма-Ата и др. Объясняю это тем, что Халид-Саид не только в Советском Союзе, но и вообще был первым, кто работал над переводом этого словаря». Вероятно, однако, что речь шла о переводе не на кабардинский, а на балкарский язык: лишь он относится к тюркским.

Вот письмо Кумукову:

Письмо Ваше от 4/III 37 г. получил и с большим удовлетворением прочел его. Извиняясь за поздний ответ, сообщаю для Вашего сведения следующее:

Единственный экземпляр труда Махмуда Кашгарского найден в Стамбуле и там он размножен.

1. Я приступил к переводу и переработке этого труда с 1-го сентября 1935 года и закончил его в апреле месяце с.г.

2. В настоящее время я занят подготовкой к печати этого труда и к 1-му июля с.г. надеюсь препроводить редакторам в Ленинград академику Крачковскому и профессору Малову.

3. В АзФАН'е имеется только один экземпляр этого труда и поэтому не могу послать такового. Для ознакомления же Вас с характером и содержанием этого труда посылаю Вам свою статью по этому вопросу.

4. Проездом в Ленинград (25 июня) я с удовольствием могу сделать остановку в Нальчике и сделать подробное сообщение, если у Вас будет

желание и интерес поподробнее ознакомиться с содержанием этой книги в связи с отношением этой книги к кумыкскому и карачаево-балкарскому языкам. Заранее прошу известить меня об этом.

Заканчивая свое письмо, выражаю свою готовность быть всячески полезным Вам в этом деле.

Ходжаев Х.С.

Письмо датировано 1 июня 1937 г. и, по-видимому, отослано не было. Через два дня, 3 июня, был выписан ордер на арест Халид-Саида Ходжаева, а в ночь на 4 июня ученый был арестован.

В те месяцы, когда Ходжаев заканчивал перевод словаря, в Баку уже раскручивалось дело № 12493. В те группы арестованных, в которых оказались Б.В.Чобан-заде, Г.С.Губайдуллин и другие, он, однако, не попал. Но 4 июня, как мы увидим дальше, была проведена новая акция, в результате которой арестовали особенно большую группу азербайджанских и других турецких интеллигентов. В течение февраля-апреля 1937 г. на Ходжаева уже были собраны показания.

По сравнению со следственными делами, описанными выше, дело Ходжаева невелико: один том из 97 листов (ср. более 1000 страниц у Ахундова и Чобан-заде), причем 35 из них добавились в период реабилитации. Ученый не был отнесен к числу «руководителей организации». Состав дела стандартен, начиная с постановления об избрании меры пресечения (л. 1-2) и ордера на арест (л. 4) и кончая справкой о приведении смертного приговора в исполнение (л. 61). Всё, как в тысячах других дел.

В деле зафиксированы пять допросов от июня и июля 1937 г. (л. 8-38). Три первых допроса вел уже известный нам Зыков, два последних, продолжавшихся трое и двое суток, — он же вместе со сменявшим его следователем Петруниным.

Первый протокол от 05.06.1937 содержит лишь биографические данные (л. 8). На другой день на втором допросе следственный категорически отрицал все обвинения (л. 9-10). Перелом произошел между вторым и третьим отраженными в деле допросами. На допросе 21 июня Ходжаев заявил, что с 1916 г. по день ареста «стоял на пантюркистских позициях» (л. 10), вошел в «организацию» в 1926 г. после приезда в Баку Г.С.Губайдуллина, который дал ему задание вести работу среди узбекских студентов в Баку (л. 10-11). На требование перечислить всех, кого он «обработал», Ходжаев сказал: «Я прошу следствие дать мне возможность подумать об этом, т.к. я сейчас плохо себя чувствую» (л. 11). Возможно, Ходжаев к этому моменту был настолько избит, что уже не мог говорить.

Следующий допрос (л. 17–21) продолжался с 7 по 9 июля. Показания подследственного в протоколе чередуются с репликами сменявших друг друга Зыкова и Петрунина: «Прекратите сопротивление», «Опять говорите неправду», «Настаиваем на признании». Именно здесь ученого заставили дать уже упоминавшиеся показания о «работе в турецкой контрразведке» в 1918 г. Ему пришлось перечислять и стамбульских студентов, с которыми он в 1918 г. приехал в Азербайджан, и «обработанных» им бывших бакинских студентов-узбеков, уже вернувшихся на родину, и тех, с кем в Баку имелаась «контрреволюционная пантюркистская связь». О судьбе людей из двух первых групп у нас нет сведений, а среди бакинских «контрреволюционеров» есть и те, кто арестован не будет, например ученик Чобан-заде языковед А. Демирчи-заде.

Важно и такое сделанное на этом же допросе «признание»: «Я вел пропаганду пантюркизма в своих произведениях, в переведенной мною книге Махмуда Кашгарского» (л. 18). К тому времени заявления о «контрреволюционности» этого словаря XI в. уже заставили сделать нескольких подследственных. Например, Г.С. Губайдуллин, как отражено в его деле, показывал, что там «содержится пантюркистская концепция по этнографии и лингвистике тюркских народов» (т. 1, л. 68).

Последний отраженный в деле допрос (л. 28–31) проходил два дня: 14 и 15 июля. Он в основном посвящен связям Ходжаева с турецким консульством в Баку, через которое он получал «задания».

Больше у следствия не было интереса к Ходжаеву: арестовали его позже, чем Чобан-заде и Губайдуллина, но перестали допрашивать раньше. Далее следует обвинительное заключение, утвержденное Сумбатовым 13 сентября 1937 г. (л. 53–55). В нем Ходжаев назван членом «всесоюзной контрреволюционной пантюркистской организации» и «старым турецким разведчиком» одновременно (л. 53–54). Ему, как и многим другим, приписывалась подготовка «вооруженного отторжения национальных республик от СССР и создание единого тюркско-татарского государства» (л. 55).

Когда приехала «тройка», Ходжаева вызывали тоже во второй день, 12 октября, но позже, чем Чобан-заде: дело слушалось с 15.10. до 15.25. Б.Х. Мамедова считала днем смерти отца 12 октября, поскольку в реабилитационной справке указывалась лишь дата смертного приговора. Однако в следственном деле указано, что Х.-С. Ходжаева расстреляли вместе со всеми днем позже, 13 октября 1937 г. (л. 61).

В день казни мужа была арестована его жена Сара Рза кызы Ходжаева, учившаяся в 1937 г. в профсоюзной школе. Как позже она писала, ее досрочно освободили из лагеря 15 мая 1941 г., но потом она «12 лет скиталась по районам и деревням, так как ограничена в местожительстве» (л. 65). 12-летняя дочь после ареста родителей воспитывалась у бабушки по матери и теток. Как она вспоминала в 1983 г., при аресте матери конфисковали даже альбом с семейными фотографиями и случайно сохранилось лишь одно фото, которое после ареста Ходжаева сослуживцы нашли в ящике его рабочего стола и передали семье.

После амнистии 1953 г. Сара Рза кызы получила разрешение жить в Баку, но не жилплощадь и проживала с семьей сестры из трех человек в комнате в 11 кв. м (л. 65). Она дважды писала прокурору Азербайджана: 14.12.1954 (л. 63) и 08.04.1955 (л. 65–66), но лишь после второго заявления начался пересмотр дела ее мужа. Никто из перечисленных Ходжаевым в качестве «обработанных» им студентов, по данным КГБ Узбекистана, не значился среди осужденных (л. 85). Были допрошены азербайджанские ученые Али Абдулла оглы Султанлы, Файзулла Самед оглы Касум-заде, М.А.Ширалиев, Микаил Гасан оглы Рафили (еще в 1919 г. учившийся у Ходжаева в гимназии в Гяндже), все дали положительные отзывы (л. 87–91). Особо отметим одну справку. Сотни тысяч людей были уничтожены по сфабрикованным обвинениям в «шпионаже», но одновременно существовал Особый архив НКВД-МВД, где фиксировались данные о действительных шпионах. В январе 1956 г. туда был сделан запрос, в ответе на который говорилось, что о шпионской деятельности Х.-С.Ходжаева с 1918 г. по 1937 г. «сведений не обнаружено» (л. 85). Дело о реабилитации шло довольно медленно, и лишь 16.05.1957 Верховный суд СССР отменил приговор (л. 97). Эта же дата стоит и в справке, полученной семьей.

Вдова Ходжаева умерла в 1975 г. Судьба их дочери на 1983 г. сложилась вполне благополучно: она преподавала английский язык на кафедре иностранных языков АН Азербайджана, ее муж заведовал кафедрой экономики промышленности в Высшей партийной школе Азербайджана, их дочь Афруз, музыковед, кандидат наук, была научным сотрудником Института архитектуры и искусства АН Азербайджана.

Остается сказать о переводе словаря Махмуда Кашгарского. Весь труд Ходжаева погиб, уничтоженный в НКВД Азербайджана. Словарь объявлялся на следствии «контрреволюционным», однако в 1939 г. в АзФАН решили заново начать его перевод. Именно тогда и была создана комиссия, о которой упо-

минает А.Н.Кононов. Как свидетельствовал Акрем Джафар в письме Ф.Д.Ашнину от 25.12.1983, коллектив возглавил старейший бакинский востоковед профессор П.К.Жузе; среди переводчиков были Саид Низами, Исмиханов, А.Демирчи-заде, А.Алескер-заде, в редактировании участвовали Джалал Эфендиев и М.Р.Эскерли. Именно этот перевод, а не перевод Ходжаева и редактировал А.Н.Кононов вместе с С.Е.Маловым. Новый перевод был завершён в 1941 г., но, как писал Акрем Джафар, «печатание этой книги было сочтено нецелесообразным». В 1946–1947 гг. перевод вновь готовился к печати, но и тогда его не издали. Наконец в 1958 г., как сказано в том же письме, «вопрос об издании перевода „Дивана“ опять был выдвинут, и новая редакция с учетом норм современного азербайджанского литературного языка, его новой орфографии, терминологии и т.д., была поручена А.Демирчи-заде, Акрему Джафару, Дж.Эфендиеву. В основу новой редакции положена фотокопия рукописи „Дивана“». Новый вариант был закончен, но азербайджанскому переводу словаря фатально не везло: как писал Акрем Джафар, «почему он не был издан, об этом я должен написать целый роман». В итоге первым и единственным переводом словаря в СССР стал узбекский, изданный в 1960–1963 гг. А азербайджанского (как и русского) издания нет и по сей день.

БАКИНСКИЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

В изученных следственных делах содержатся материалы и о некоторых других языковедах, работавших в 20–30-е годы в Баку, в том числе азербайджанских. О них у нас нет дополнительных материалов, подобных тем, которые мы смогли получить от дочери Х.-С.Ходжаева, а их дела не столь обширны, как дела Б.В.Чобан-заде и Г.С.Губайдуллина. Тем не менее и о них хочется рассказать.

Абдулла Таги-заде

Об этом азербайджанском ученом и педагоге мы не можем сказать очень много.

Абдулла Мамед оглы (Мамедович) Таги-заде родился в 1897 г. в Гяндже в семье кустика (дело № Пр 28388, л. 5). В 1918 г. он был мобилизован в армию мусаватистов и прослужил рядовым полтора месяца (л. 1, 10). В ранних, в большей

степени вызывающих доверие показаниях он утверждал, что стоял на националистических позициях до 1921–1922 гг., затем от них отошел (л. 11, 15). В 1924 г. А.М.Таги-заде был послан учиться в Ленинград в Институт живых восточных языков (ИЖВЯ), который окончил в 1928 г. Его учителем был А.Н.Самойлович, который в 1925 г. познакомил его с Б.В.Чобан-заде, приехавшим в Ленинград. В 1926 г., будучи студентом, А.М.Таги-заде ездил в Баку на Тюркологический съезд, где познакомился со многими учеными, в том числе с Г.С.Губайдуллиным.

По окончании ИЖВЯ Таги-заде вернулся в Баку и жил там до ареста. Вел активную преподавательскую и научную работу, участвовал в языковом строительстве, в том числе в разработке орфографии азербайджанского языка. Он был сотрудником ИЖВЯ и ездил на пленум этой организации в Алма-Ату в 1931 г. вместе с Б.В.Чобан-заде, Вели Хулуфлу и А.Керимовым. Об «вредительстве» в вопросах орфографии и «контрреволюционных» разговорах во время поездки в Алма-Ату расспрашивали потом тюрколога следователи. К моменту ареста Таги-заде заведовал кафедрой языков Азербайджанского педагогического института и был ученым специалистом АзФАН СССР (л. 5). Он не был женат, на его иждивении находилась мать.

Арест его был связан с работой в АзФАН: его взяли в ночь на 18 марта 1937 г. вместе с Г.С.Губайдуллиным и Назимом Махмуд-заде, работавшими там же. Вслед за документами, связанными с арестом (где фигурируют все те же фамилии: Герасимов, Цинман, Григорьян, Шер), идет «акт об уничтожении рукописей» (л. 8), так что искать пропавшие работы ученого нет смысла.

Далее следуют протоколы восьми допросов (с 29 марта по 22 апреля), которые вел Григорьян, а затем Мустафаев. В это время Таги-заде не признавал себя виновным. Правда, его показания постепенно менялись. На первом допросе он сказал, что не знает никого из националистов, кроме тех, которые «изобличены в печати» (л. 11). Однако затем признал (л. 12), что знал некоторых националистов, включая тогда еще не арестованного Гусейна Джавида (о нем см. в следующем разделе). Сразу признав националистические настроения до 1921–1922 гг., он потом отрицал их (л. 11), но позднее согласился с тем, что в его работе и позже были «отдельные националистические ошибки» (л. 15), а также «отдельные контрреволюционные взгляды по вопросам языкового строительства», включая отстаивание «буржуазных арабо-иранских терминов» в азербайджанском языке

(л. 28), и что он стоял на контрреволюционных позициях «в отдельных вопросах орфографии» (л. 39). Однако Таги-заде отказывался от того, что вел какую-либо подпольную деятельность, а в ответ на предъявленные ему показания В.Хулуфлу заявил, что тот его оговорил, так как между ними были «неприятные отношения» (л. 39).

И еще документ того же времени — составленный Григорьяном и Шером акт от 5 апреля о том, что А.М.Таги-заде «на следствии ведет себя не искренно, ведет упорную борьбу со следствием и на все вопросы следствия дает голословные ответы» (л. 7). Подписи подследственного нет.

С 22 апреля по 12 сентября в деле нет ни одного документа. Очевидно, что все это время Таги-заде пытали. Во время сортировки заключенных и подготовки дела к заседанию «тройки», 12 сентября, его допросили еще раз (л. 43–46). Таги-заде и тут не сдался. И это оставляло ему тогда шанс на спасение. Вместе с другими не признавшимися его не включили в списки на рассмотрение октябрьской «тройки».

Впервые Таги-заде признал себя виновным и тем подписал себе смертный приговор в канун начала заседаний «тройки», 10 октября, на очной ставке с Б.В.Чобан-заде за три дня до казни последнего (л. 88–90). Впрочем, протоколы подобных очных ставок нередко бывали фиктивными и оформлялись задним числом. Однако на допросе, длившемся без перерыва с 15 по 19 октября (л. 47–57), Таги-заде безусловно признал то, что от него требовали. Он заявил, что уже во время занятий в семинаре А.Н.Самойловича в Ленинграде «программа, учебные дисциплины и литература, которыми пользовались в этом семинаре, постепенно вызывали у меня пантюркистские настроения» (л. 48) и что в «организацию» его завербовал в конце 1929 г. Г.С.Губайдуллин, который ему «говорил о единой тюркской нации, о том, что отдельные республики являются в данный момент искусственным созданием» (л. 30). Таги-заде, правда, пытался заявить о том, что лишь вел работу в культурно-просветительской области, но не участвовал в террористических актах, на что последовало: «Следствие не удовлетворено этими Вашими показаниями. Вы сказали не всё о своей практической к.-р. работе» (л. 64). Вряд ли проводивший допрос Мустафаев на самом деле изъяснялся столь вежливо.

Тюркологу приписывались противоположные, но равно «вредительские» действия. Губайдуллин якобы давал ему задание: «Составление единообразной орфографии и терминологии как подготовительной работы для создания единого общетюркского

литературного языка» (л. 53). А в других местах дела указано, что Таги-заде и его коллеги, наоборот, выступали против перехода азербайджанского языка на унифицированный тюркский алфавит (л. 32–33, 78). Второе, вероятно, было более достоверно: в конце 20-х годов языковеды во главе с Н.Ф.Яковлевым разработали единый тюркский алфавит на латинской основе, но как раз Азербайджан, раньше всех перешедший на латиницу, так и не ввел этот алфавит. Но следствию в 1937 г. было не до логики. Важно было одно: любыми методами получить как можно больше признаний.

Когда они появились, затянувшееся следствие можно было заканчивать. Уже в последний день допроса, 19 октября, появился протокол об окончании следствия (л. 91), а 22 октября — обвинительное заключение, составленное Цинманом и утвержденное Сумбатовым. В конце его сказано, что дело подлежит рассмотрению Военной коллегии Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 г. Фактически смертный приговор был уже вынесен, но октябрьская «тройка» уже уехала, надо было ждать следующей, которая добралась до Баку как раз под Новый год.

Состав второй «тройки» не повторял первый: председатель — диввоенюрист И.Никитченко (тот самый, который через полтора месяца осудит А.Н.Самойловича), члены — диввоенюрист Иевлев и бригадвоенюрист Ищенко, секретарь — военюрист 2-го класса Кудрявцев. А.М.Таги-заде судили 2 января 1938 г. с 20.20. до 20.40. Подсудимый признал себя виновным, но «просил снисхождения» (л. 98). Приговор — высшая мера (л. 99), он приведен в исполнение 3 января 1938 г. (л. 102).

Реабилитация Таги-заде началась лишь в конце 1956 г. после заявления его сестры Ягут Таги кызы Джафар-заде от 10 ноября того же года (л. 103). В заявлении она писала, в частности, что ничего не знает о судьбе брата после его ареста. Выяснилось, что все люди, дававшие против него показания, уже либо были посмертно реабилитированы, либо готовились к реабилитации (л. 104). Положительные показания дал коллега покойного по учебе, затем по работе Б.И.Пирумов (л. 105–106). Прокурорское заключение (л. 118–119) датировано 06.03.1957, заключение прокуратуры о передаче дела в суд (л. 120–121) — 06.06.1957, судебное постановление о прекращении дела (л. 122) — 19.11.1957.

А.Р.Зифельд-Симумяги

Самой яркой и необычной личностью среди живших тогда в Баку языковедов был Артур Рудольфович Зифельд-Симумяги эстонец по происхождению. И если работы его коллег, посвященные конкретным фактам тюркских языков, в той или иной степени сохранили свое значение, то широкие обобщения и глобальные построения А.Р.Зифельда-Симумяги оказались бесперспективными. И все-таки в научно-общественной жизни Азербайджана и в подготовке кадров он играл заметную роль. Нами исползовано его следственное дело № Пр 22326 (в одном томе).

Артур Рудольфович Зифельд (вторую часть фамилии он добавил позже) родился в 1889 г. в Ревеле (Таллинн). Его юность прошла в Одессе, где он, по собственным показаниям, «в 1912 г. прослушал курс историко-филологического факультета» (л. 21) в Новороссийском университете. Не ясно, был ли у него университетский диплом, хотя в советское время Зифельд-Симумяги имел звание профессора. Но главным его занятием в Одессе была подпольная революционная деятельность, причем, как он сам признавал, его политическая ориентация неоднократно менялась. В 1906 г. он вступил в партию эсеров, в 1907 г. перешел к «народным социалистам» (партия правее эсеров), но в 1908 г. оказался во главе отколовшейся от них группы «анархо-социалистов», т.е., по-видимому, снова приблизился к позициям левых (л. 21, 35–36). В 1912 г. Зифельд-Симумяги был выдан провокатором, перешел на нелегальное положение, затем выехал в Германию по подложному паспорту (л. 31, 39).

Спустя год из-за неясностей с паспортом Зифельд-Симумяги был выслан из Германии и переехал в Швейцарию, где, в основном в Цюрихе, прожил до 1917 г. По его словам, еще в Одессе под влиянием трудов Г.В.Плеханова он стал переходить на социал-демократические позиции и с 1911 г. считал себя марксистом. Приехав в Швейцарию, Артур Рудольфович познакомился с Плехановым, возглавлявшим небольшую группу меньшевиков-партийцев, и стал членом их Заграничного бюро (л. 37). После начала Первой мировой войны он разошелся с Плехановым, занявшим оборонческие позиции, и попытался наладить контакт с большевиками, которые отказались иметь с ним дело (л. 37–38). Вместе с бывшим депутатом Государственной думы 2-го созыва А.Г.Зурабовым Зифельд-Симумяги в конце 1914 г. создал в Цюрихе Объединение социал-демократов интернационалистов, стоявшее на антивоенных позициях; сам он впоследствии назовет это объединение «сбродом различных политических течений, политическим Ноевым ковчегом» (л. 39). В 1915 г. он

же перешел к большевикам, с этого года впоследствии числялся его партийный стаж.

Но еще в эмиграции Зифельд-Симуяги увлекся лингвистикой. Молодого революционера заинтересовала обсуждавшаяся в то время в науке урало-алтайская гипотеза, согласно которой финно-угорские, самодийские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки (иногда также корейский и японский) объединялись в большую урало-алтайскую семью. Современная наука [Старостин 1991] подтверждает эту гипотезу, хотя и в измененном виде: уральские (финно-угорские, самодийские) и алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский, японский) языки вместе с индоевропейскими и рядом других входят в гигантскую ностратическую макросемью, но отдельной урало-алтайской семьи не было. Однако в 10–30-е годы XX в. ни доказать, ни опровергнуть эту гипотезу было невозможно уже потому, что многие уральские и алтайские языки не были тогда описаны. Но начинающий ученый, вряд ли имевший хорошую лингвистическую подготовку, хотя в Одессе он мог слушать лекции крупного лингвиста А.И.Томсона, не отдавая себе отчета в сложности проблемы, в свободное от политической борьбы время строил смелые гипотезы. Он не боялся привлекать любой материал вплоть до шумерского, хотя брал его в основном из вторых и третьих рук.

В 1916 г. произошло событие, многое определившее в дальнейшей жизни Артура Рудольфовича. В качестве журналиста он присутствовал в Лозанне на Третьей конференции национальностей (так в деле. — *Авт.*). Российскую делегацию возглавлял видный тюркский ученый и политический деятель Юсуф Акчурин, впоследствии эмигрант. В это время он редактировал выходивший в Стамбуле журнал «Тюрк юрду». Зифельд-Симуяги предложил ему статью о связях тюрков с шумерами, которая была опубликована (л. 32). Так началось сотрудничество молодого энтузиаста с тюркологами.

И в это же время существовал еще один аспект деятельности Зифельда-Симуяги, о котором мы узнали из недавней публикации С.Н.Земляной в «Независимой газете». В ней говорится о внимании немецкой разведки к деятельности большевиков во главе с В.И.Лениным (что, разумеется, не значит, что Ленин был «немецким шпионом»). В статье упоминаются германский посланник в Швейцарии фон Ромберг и его осведомитель, эстонец Александр Кескюла. А далее Земляной пишет: «В качестве посредника между фон Ромбергом, Кескюлой и Лениным выступил большевик скандинавского происхождения Артур Зифельдт,

близкий к вождю большевиков. Кескюла снабжал полученными от немцев деньгами Зифельдта, а тот незаметно перекладывал их в кассу большевистской партии, где они обезличивались окончательным смешением с другими спонсорскими вливаниями. В свою очередь, Зифельдт осведомлял Кескюлу обо всем, что происходило в окружении Ленина и предпринималось последним» [Земляной 2001].

В следственной части дела имя Ленина нигде не упоминается. Оно, однако, появляется в его реабилитационной части: сотрудничество Зифельдта-Симумяги с Лениным выдвигалось в качестве аргумента в его пользу (л. 132). Из этого видно, что об этом сотрудничестве в Баку знали, вероятно, со слов самого Артура Рудольфовича, который, однако, обо многом не мог распространяться. Отметим, что все эти сюжеты не имели никакого отношения к аресту Зифельдта-Симумяги в 1938 г. и не рассматривались во время следствия.

Не все в этой истории ясно. Но из того, что мы знаем об этом человеке, трудно представить его в качестве профессионального разведчика. Прожектер, фантазер, всем интересующийся, но по сути не очень серьезный человек, он, сам того не сознавая, играл в конспиративную деятельность так же, как позже играл в научную. Он мог и не осознавать истинного характера деятельности своего земляка Кескюлы. Кстати, откуда версия о «скандинавском происхождении» Зифельдта? Не пустил ли он ее сам, что бы набить себе цену? Видимо, закономерно, что в советское время он, несмотря на революционное прошлое и близость к Ленину, особой карьеры не сделал.

Весной 1917 г. вслед за первой группой эмигрантов, в которую входил В.И. Ленин, в Россию прибыла из Швейцарии через Германию и Швецию вторая группа, в ее составе был и Артур Рудольфович (л. 40). Деятельность его в 1917–1923 гг. безусловно была активной, однако в следственном деле отражены лишь отдельные ее эпизоды: в 1919 г. воевал на Северном Кавказе в партизанском отряде Тонконогова (л. 21), в 1920 г. работал в полпредстве РСФСР в тогда еще меньшевистской Грузии (л. 26).

Не позже 1923 г. Зифельд-Симумяги был направлен на работу в Баку. Здесь он жил до начала 30-х годов, потом на некоторое время переехал в Тбилиси, а в 1935 г. вернулся в Баку и жил там до ареста (л. 75). Какое-то время он был на партийной работе, но уже в 20-е годы полностью перешел в сферу науки. В 20-е — начале 30-х годов Зифельд-Симумяги работал в Азербайджанском государственном университете и Обществе

по изучению Азербайджана. По возвращении в Баку основным местом его работы стал АзФАН, где он в 1935–1937 гг. был директором Института языка и литературы, а в 1937 г. — недолго директором объединенного Института истории, языка и литературы; одновременно он был членом президиума филиала и главным редактором издаваемых им «Известий».

В Баку Зифельд-Симумяги пользовался высоким авторитетом и благодаря революционному прошлому, и из-за обширных знаний и преданности науке. Однако на современного читателя его труды [Зифельд-Симумяги 1927; 1930] производят довольно странное впечатление. Начав с идеи об урало-алтайской семье, ученый затем подпал под влияние авторитетного тогда «нового учения о языке» уже не раз упоминавшегося нами академика И.Я.Марра. Приняв это учение, бакинский профессор не просто следовал за Марром, но пытался с ним соревноваться, сочетая заимствованные у него идеи с отвергавшейся Марром урало-алтайской концепцией, лично важной для него самого как для уральца-эстонца, жившего среди алтайцев-азербайджанцев.

В итоге он понимал урало-алтайские языки уже не как семью, а как «федерацию» языков, связанных экономической общностью [Зифельд-Симумяги 1927: 23]. К урало-алтайским он относил самые разные языки — от шумерского до латышского и некоторых славянских: «Великороссы являются в значительной мере ославяненными поволжскими финнами... дунайские болгары — лишь ославяненные потомки поволжских болгар (тюрков. — *Авт.*)» [там же: 29]. Он привлекал материал из гигантского количества языков, но брал их из недостоверных источников вроде «Стоязычного словаря» А.В.Старчевского. В целом труды профессора — пример научного дилетантизма. Вот одна цитата, на наш взгляд, не требующая комментариев: «В фонетике горских пастушеских сообществ имеется много общего, напр. сильное развитие задненебных гортанных звуков в языках швейцарских и кавказских горцев; в языках флегматичных народов северных стран — от Голландии до Якутии — развитие долгих гласных» [там же: 20]. О бескорыстии и несколько маниакальной преданности ученого своим идеям свидетельствует и такой факт: единственную дочь, родившуюся в 1927 г., он назвал Уралтаей (л. 13).

Человек жил в мире своих фантазий, мало обращая внимание на земные дела вроде административных обязанностей в руководимом им институте. Об этом в нескольких следственных делах мы встречаем единодушные свидетельства разных людей. Заместитель Зифельда-Симумяги Гулам Багиров (о нем см.

ниже): «Хороший ученый, плохой администратор и организатор» (дело № Пр 21729, л. 33). Секретарь парткома АзФАН С.Тевосов: «Мы знаем, что Зифельд в организационных делах профан» (то же дело, л. 37). Этнограф А.А.Климов в показаниях перед реабилитацией Зифельда-Симумяги свидетельствовал: «Как человек он был слабохарактерным, доверчивым, старался никого не обижать. Как администратор был слабым, в основном отдавался науке, мало интересовался хозяйственной жизнью института, передоверил ее другим ответственным работникам института — Зейналлы, Багирову Гуламу и др.» (л. 132).

И одна особенность отличала Зифельда-Симумяги от других бакинских профессоров нетюркского происхождения — знание азербайджанского языка и интерес к тюркским культурам. Большинство профессоров — русских, евреев и армян — не владело этим языком и мало общались с тюркскими коллегами вне служебных обязанностей. Артура Рудольфовича сближала с тюркской интеллигенцией сама урало-алтайская гипотеза, которой он был предан; он был если не «пантюркистом», как его называли на следствии, то по крайней мере тюркофилом. И на следствии, не признаваясь в «контрреволюционной деятельности», он не мог отрицать близкое знакомство с уже уничтоженными к тому времени Б.В.Чобан-заде, Г.С.Губайдуллиным, В.Хулуфлу, Х.Зейналлы, А.Таги-заде, Х.-С.Ходжаевым и другими (л. 24–29); те также называли его имя. Одним из «доказательств» необходимости его ареста послужило такое его высказывание, переданное Г.С.Губайдуллиным и, возможно, имевшее реальную основу: «Человек сразу не может сделаться марксистом-коммунистом. Восточный работник обычно приходит к коммунизму так: сначала он делается местным националистом, потом пантюркистом, пантуранистом и, наконец, интернационалистом» (л. 3). Сам Зифельд-Симумяги называл себя пантюркистом до 1924 г., после чего он от пантюркизма отошел (л. 46). Вероятно, он имел в виду то, что до 1924 г. он признавал родство тюркских языков, а потом под влиянием работ Н.Я.Марра изменил точку зрения. Но следствие, конечно, иначе интерпретировало его слова.

Вероятно, тесная связь Зифельда-Симумяги с тюркскими учеными сыграла роль в его трагической судьбе. Как мы уже упоминали, репрессии 1937–1938 гг. в Азербайджане мало затронули нетюркскую часть ученых и вообще специалистов. Характерно, что Институт истории, языка и литературы после окончания волны репрессий, во время которых пострадал весь его руководящий состав, возглавил уже упоминавшийся А.А.Климов,

русский этнограф, не владевший азербайджанским языком. Но Зифельд-Симумяги тяготел к тюркской части ученых...

Все же в первые кампании арестов он не попал: его не тронули ни в январе, ни в марте, ни в июне 1937 г. Но положение его стало ухудшаться после ареста в январе 1937 г. Б.В.Чобанзаде и Х.Зейналлы. Оба работали в возглавляемом им Институте языка и литературы, а Зейналлы был ученым секретарем этого института. В деле Г.Багирова подшит (л. 25–29, 31–38) протокол заседания парткома АзФАН от 14 февраля 1937 г. Зифельд-Симумяги в это время еще был членом парткома и вместе с другими критиковал своего заместителя Г.Багирова, исключенного на этом заседании из кандидатов в члены партии. Но в выступлениях других членов парткома уже заметна критика самого директора института. Его обвиняли в «либерализме», а также в отстранении от дел института, в результате чего там «орудовал Зейналлы» (л. 37). Всплыло и еще более серьезное обвинение. В январе 1937 г. Б.В.Чобанзаде и Г.Багиров вместе отдыхали в Кисловодске, где Чобанзаде был арестован. Еще не зная о последнем событии, Зифельд-Симумяги написал Багирову в Кисловодск и передал в письме привет Чобанзаде. На заседании был задан злобный вопрос: «Почему вы в письме Багирову написали привет Чобанзаде?» (л. 34). Тогда еще эта тема не получила развития, хотя на следствии об этом Артуру Рудольфовичу будут напоминать. Пока было заявлено: «У Зифельда есть либерализм, мы постараемся его перевоспитать и, если нужно будет, поставим вопрос резко» (л. 35).

Вскоре сильно уменьшившиеся в составе из-за арестов сотрудников два гуманитарных института были объединены. Зифельд-Симумяги несколько месяцев был директором объединенного института, но в сентябре 1937 г. «вопрос был поставлен резко» и его сняли с этой должности, хотя арестовали не сразу. К моменту ареста он был в филиале лишь «профессором-консультантом по истории Древнего Востока» (л. 13).

А затем, уже за рамками заверщенного дела № 12493, началось новое дело — о «вредительстве» в АзФАН СССР. В феврале–апреле 1938 г. по нему арестовали четверых: А.Р.Зифельда-Симумяги, его бывшего заместителя Г.Багирова, преемника по руководству институтом И.Гасанова (о них мы расскажем ниже) и химика, ученого секретаря всего филиала Д.А.Р.Кязимова. Из них первым был арестован Артур Рудольфович — 11 февраля 1938 г.

К тому времени на него были собраны показания многих его знакомых и сослуживцев, почти все из которых уже были рас-

стреляны в октябре 1937 г. или январе 1938 г. Не все из них называли его «членом организации», но и уже имевшихся материалов было достаточно. Отметим, что к моменту ареста профессора как раз произошла упоминавшаяся в разделе о Р.Ахундове чистка руководящего состава НКВД Азербайджана. В частности, в должности заместителя наркома арестованного Герасимова сменил Тимофей Михайлович Борщев, с этого времени очень тесно связанный с М.Д.Багировым. Как уже упоминалось, в 1956 г. их постигнет общая участь.

В справке на арест новый начальник 4-го отдела УГБ НКВД Азербайджана Рассказчиков сделал вывод о том, что Зифельд-Симумяги «достаточно изобличается» показаниями Б.В.Чобанзаде, Г.С.Губайдуллина и Али Назима Махмудзаде (л. 6). Далее идет постановление о мере пресечения, подписанное Борщевым (л. 7), ордер на арест за его же подписью (л. 8), протокол обыска от 11.02.1938 (л. 9) и личного обыска от того же дня (л. 12), где среди изъятых вещей назван «парсигар» (написание слова «портсигар» несколько раз оказывалось непреодолимым препятствием для авторов документов, нами изученных). В этой же части дела подшито и более позднее, от 29.03.1939, постановление об «уничтожении путем сожжения рукописей, писем и книг» (л. 10). Так что о неопубликованных работах ученого (а в 30-е годы он печатался мало) мы никогда уже не узнаем.

Вскоре после ареста, 20 февраля 1938 г., Зифельд-Симумяги был допрошен уже знакомым нам следователем Мустафаевым (л. 24–34). А затем в деле нет ни одного документа более чем за год. И лишь в конце марта 1939 г., когда, очевидно, решили закончить затянувшееся по каким-то причинам дело, протоколы допросов вновь появились. На протяжении суток с 26 по 27 марта 1939 г. следователем Дранишниковым составлены три протокола (л. 35–55). Зафиксировано, что допросы велись до 17 часов 26 марта, затем был перерыв до 23 часов, потом допрос продолжался всю ночь и закончился в 10.30 утра следующего дня (л. 43).

Зифельд-Симумяги за эти два дня подробно рассказал о своем богатом событиями прошлом, признался в былом «пантюркизме», перечислил «врагов», с которыми был знаком. Он покаялся в том, что в 1931 г., когда встал вопрос об увольнении «пантюркиста» Б.В.Чобанзаде, взял его под свою защиту на партсобрании и помог остаться на работе (л. 32). Еще одно покаяние было связано со словарем Махмуда Кашгарского: «Я признаю, что я недостаточно изучал эту книгу и рассматривал ее как редчайший экземпляр в лингвистике в отношении многих

мерших уже языков» (л. 47). Но главного — принадлежности к «организации» — ученый так и не признал, хотя его, несомненно, подвергали физическим методам воздействия (в отношении его самого у нас нет данных, но шедший по одному из этих дел Г.Багиров об этом свидетельствовал). В ответ на показания ранее осужденных Зифельд-Симумяги заявил, что все клеветают на него, так как он их разоблачал; при этом он не понимает, почему против него дал показания Губайдуллин, с которым у него были хорошие отношения (л. 51). Он пытался доказать, что его «Uralo-Altaica» направлена против пантюркизма и панисламизма, поскольку связывала одни тюркские народы с другими, мусульманские — с немусульманскими (л. 47).

Следствие не проявило интереса ни к эстонским корням профессора, ни даже к его эсеро-меньшевистскому прошлому. Своей молодости Зифельд-Симумяги явно рассказывал по собственной инициативе. Следствие же было запрограммировано на «контрреволюционную пантюркистскую организацию», все иное было неинтересно. Далее в деле (л. 58–108) подшиты показания на Зифельда-Симумяги. К показаниям 1937 г. добавлены показания Г.Багирова (два других однодельца не дали ничего нужного) и Я.Д.Козина, С.П.Тевосова и А.А.Климова, занимавших в 1938–1939 гг. руководящие должности в АзФАН. Трое последних не заявили ничего о «контрреволюционной деятельности» арестованного, подтвердив лишь организационные неполадки в руководимом им институте и его дружеские отношения с В.В.Чобан-заде, Г.С.Губайдуллиным, Х.Зейналлы и другими.

После допроса 27 марта 1939 г. был составлен протокол о его окончании. Здесь подследственный написал, что не согласен с обвинением и признает лишь, что «финансово-хозяйственную работу Ин. языка и литературы передоверил б. уч. секретарю Зейналлы», за что готов нести ответственность (л. 109). 1 апреля Дранишников и Мустафаев составили обвинительное заключение (л. 110–113), утвержденное новым заместителем наркома Керимовым. А.Р.Зифельд-Симумяги обвинялся в принадлежности к «организации», участии в переводе «пантюркистской книги автора М.Кашгарского» и «вредительском планировании научно-исследовательской работы АзФАН'а» (л. 110). Зафиксировано, что виновным себя не признал. Дела всех четверых было решено направить в Москву на Особое совещание — орган, рассматривавший заочно дела, признанные второстепенными, и не выносивший смертные приговоры. Для 1939 г., когда после снятия Н.И.Ежова с поста наркома волна репрессий пошла на спад, эта процедура была обычной.

Перед заседанием Особого совещания московский прокурор Кузьмин составил 03.05.1939 заключение, где писал: «Виновным себя Зифельд не признал, указав, что он к пантюркистам примыкал лишь до 1924 г., после чего от них отошел. Позднее лишь догадывался о наличии пантюркистской организации в АзФАН. На ряду (так. — *Авт.*) с этим Зифельд не отрицает, что действительно в 1931 г. брал под свою защиту пантюркиста Чобан-заде» (л. 123). Казалось бы, после таких слов прокурор мог задуматься, виновен ли арестованный. Но он делает вывод: Зифельда-Симумяги надо осудить на восемь лет лагерей. Такой приговор и вынесло Особое совещание 21.06.1939 (л. 126).

Жена Артура Рудольфовича Сарра Яковлевна Хованская позже писала, что 16 июня 1939 г., т.е. еще до вынесения приговора, он был вывезен из Баку, затем в конце ноября писал из Владивостока, что всех бакинцев (т.е. Г.Багирова, И.Гасанова и Д.А.Р.Кязимова. — *Авт.*) отправили на Колыму, а его и других «стариков» отправляют «в места с более мягким климатом» (л. 129). Из сопоставления этого документа с другими видно, что письмо было написано раньше, в конце ноября оно скорее всего пришло в Баку. Но ученого обманули: его отправили именно на Колыму, климата которой он не выдержал.

В деле есть медицинская справка, составленная в Баку 19 марта 1939 г., где сказано, что он практически здоров, к физическому труду годен, северный климат переносить может (л. 15). А дальше — акт о смерти, где сказано, что А.Р.Зифельд-Симумяги умер 6 декабря 1939 г. на лагерной базе, название которой написано неразборчиво (несомненно лишь, что оно начинается с буквы Х). Там же указано, что он прибыл на базу (где, видимо, была больница) 29 ноября из Нижнего Дебина (это именно Колыма) с диагнозом «старческая дряблость, истощение», а умер от «сердечной слабости» (л. 127). Не страдавший болезнями энергичный 50-летний человек после 16 месяцев тюрьмы и полугода этапов, пересылок и Колымы превратился в дряхлого старика и умер.

Реабилитационная часть дела начинается с заявления жившей в Баку (и как будто не репрессировавшейся) С.Я.Хованской от 7 декабря 1955 г. (л. 129). Все люди, вынужденно оговорившие профессора, тогда уже либо были реабилитированы, либо их дела готовились к реабилитации (л. 130). Повторно допросили бывших свидетелей А.А.Климова и С.П.Тевосова, оба дали покойному хорошую характеристику (л. 132–138). Заключение прокурора (л. 139–140) датировано 22.06.1956, протест в Верховный суд в порядке надзора (л. 141–144) — 27.06.1956, судебное определение о прекращении дела (л. 145) — 03.07.1956.

И.М.-З.Гасанов

Об участии азербайджанского языковеда Идриса Мешади-Таман оглы Гасанова свидетельствуют два следственных дела: дело 1938–1939 гг. № Пр 28306 и дело 1949 г. № Пр 37467 (далее д. 1 и д. 2 соответственно).

И.М.Гасанов родился в 1897 г. в Гяндже в семье кустика (д. 9), т.е. был ровесником и земляком А.М.Таги-заде. Однако ни в одном из дел не говорится об их особой дружбе; наоборот, есть данные о том, что они враждовали, по крайней мере по профессиональным вопросам. И.Гасанов до революции жил в родном городе и работал счетоводом в Обществе взаимного кредита. Лишь после революции он начал учиться и в 1924 г. окончил Азербайджанский государственный университет. В 1927–1931 гг. он жил в Москве, преподавал азербайджанский язык в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и учился в аспирантуре Научно-исследовательского института национальных культур народов Востока (д. 1, л. 93). По возвращении в Баку работал в Азербайджанском педагогическом институте, где был доцентом, а затем профессором. В 1935 г. ему была присвоена степень кандидата филологических наук. Работал он и в АзФАН, но там у него были, как мы увидим, конфликты с коллегами.

В Москве он работал в КУТВе на кафедре, которой заведовал до 1929 г. Е.Д.Поливанов. Как уже упоминалось, они совместно написали «Граматику азербайджанского языка» объемом 7–10 п. л. и работу о вокализме гянджинского говора (очевидно, родного для Гасанова) [Ларцев 1988: 314]. Эти работы не сохранились. Но и опубликовано было в 20–30-е годы 18 работ, список которых содержится в одном из дел (д. 1, л. 93–94). Среди них были заметные: «Склонение имен существительных в гянджинском говоре» (1926), «Инструкция по сбору материалов для словаря народных говоров» (1931), «Курс грамматики для педтехникумов» (1932–1934), «Орфография азербайджанского языка» (1936), «Грамматика азербайджанского языка. Морфология» (1936), «Грамматика азербайджанского языка. Синтаксис» (1937).

По вопросам литературного языка и его орфографии Гасанов занимал особую позицию, возможно связанную с влиянием идей Поливанова. Он призывал ориентироваться на народные диалекты, на язык писателей, максимально использовавших диалектизмы (Сабир, М.Мамедкули-заде), выступал против сближения азербайджанской языковой нормы с турецкой и использования арабизмов и туркизмов. В 30-е годы такая позиция

в наибольшей степени соответствовала позиции центра, однако большинство его коллег (Б.В.Чобан-заде, А.Таги-заде, Г.Багиров) придерживались иной точки зрения. Первоначально Гасанов был в меньшинстве. Скандалы в институте, руководимом А.Р.Зифельдом-Симумяги и Г.Багировым, отражены в делах. На уже упоминавшемся собрании, где исключали из партии Г.Багирова, его обвиняли, в частности, в увольнении из института Гасанова, формально за «непредставление продукции», фактически за позицию в вопросах языкового строительства (дело Г.Багирова, л. 26).

Такая позиция Гасанова, возможно, повлияла на то, что он поначалу не попал в число жертв репрессий. Более того, в сентябре 1937 г. наступает короткий пик его карьеры: его, несмотря на беспартийность, назначили вместо А.Р.Зифельда-Симумяги исполняющим обязанности директора Института истории, языка и литературы АзФАН. К тому времени значительная часть сотрудников уже была арестована или уволена. Неудивительно, что за несколько месяцев руководства Гасанова в институте не было выдано никакой «научной продукции», что потом стало одним из доказательств «вредительства» (л. 22–23). Другое обвинение в адрес Гасанова: «1937 г. институт закончил с большим недоосвоением средств: в доход казны списаны 43.644 р. 50 коп. как неосвоенные» (л. 22). В феврале 1938 г. (почти одновременно с арестом А.Р.Зифельда-Симумяги) Гасанов был понижен в ранге до заместителя директора, директором стал А.А.Климов. А арест был уже близок.

Первое следственное дело Идриса Гасанова начинается справкой, составленной в конце марта (указан месяц без числа) тем же Рассказчиковым (д. 1, л. 2), подготовленными им же ордерами на арест (д. 1, л. 3) и ордерами на обыск (д. 1, л. 4) от 2 апреля 1938 г. и протоколом обыска от 3 апреля (д. 1, л. 5–7). Имеется также акт об уничтожении книг и рукописей от 02.10.1938.

Основанием для ареста послужили показания Б.В.Чобан-заде, В.Хулуфлу и заведующего кафедрой Азербайджанского педагогического института Абдуллы Шарифова; последний назвал Гасанова лично им «завербованным». Как указано в деле (д. 1, л. 71), Шарифов 3 июля 1938 г. также был расстрелян.

После ареста Гасанова из НКВД в АзФАН был направлен запрос о его деятельности. Ответ, подписанный А.А.Климовым и новым руководителем отдела языка Кулиевым (д. 1, л. 18–23, без даты), несомненно прибавил следствию возможности для обвинения: сам Гасанов не признался, а другие показания против

его очень кратко. Обращает на себя внимание то, что Климов
ио щадил в аналогичных показаниях А.Р.Зифельда-Симумя-
и, а тут они с Кулиевым открыто безжалостны. Видимо, здесь
о влияли плохие отношения, сложившиеся у Гасанова со
многими сотрудниками в институте. В ответе сказано: «Бывший
р. и.о. директора ИИЯЛ Идрис Гасанов долгое время прово-
дил пантюркистскую и вредительскую работу в области азер-
байджанского языка» (д. 1, л. 18). Чуть ли не главный аргу-
мент, реально подтверждаемый, — цитата из давней работы о
клонении в гянджинском диалекте, где сказано о родстве тюрк-
ских языков. Признав, что «в 1931 г., когда Чобан-заде и дру-
гих врагов народа начали критиковать, И.Гасанов сделался бо-
лее осторожным» (д. 1, л. 19), Климов и Кулиев обвиняли его
в том, что он «пытался насаждать в своих работах по грамма-
тике азербайджанского языка османские формы» и что «его
грамматические работы браковались вследствие этих извраще-
ний» (д. 1, л. 20) (хотя год назад говорилось, что они брако-
вались по противоположным причинам); что «при выработке
орфографии азербайджанского языка И.Г.Гасанов вместе с дру-
гими ныне разоблаченными врагами народа (Чобан-заде, Таги-
заде и др.) проводил гнусную работу по засорению азербай-
джанского языка арабизмами, фарсизмами, османизмами и про-
водил линию ориентации на культуру капиталистических стран
Запада» (д. 1, л. 21). К этому добавились упомянутые выше и
не вызывающие сомнений в достоверности данные о плохой ра-
боте института во время директорства Гасанова и недорасходе
средств (вероятно, после массовых арестов деньги просто неко-
му было платить).

Протоколов допросов всего два: от 5 апреля 1938 г. (следо-
ватель Мустафаев), где речь идет лишь об анкетных данных, и
от 28 сентября того же года (д. 1, л. 32–36, подпись следовате-
ля неразборчива, скорее всего Петрунин), который более интере-
сен. Если А.Р.Зифельд-Симумяги и другие все-таки давали ка-
кие-то показания и признавались хотя бы в «ошибках», то тут
на пяти страницах ответы допрашиваемого однотипны: «Я не
запираюсь. К.-р. деятельностью я не занимался»; «Никакой
к.-р. работы я не проводил»; «Нет, не подтверждаю»; «Они
наклеветали на меня» и т.д. Среди всех изученных нами дел
в Азербайджане дело Гасанова — от 1938–1939 гг. — единствен-
ное в таком роде.

Не знаем, как «обрабатывали» Гасанова, но уже к концу
сентября 1938 г. его, по-видимому, решили оставить в покое,
хотя дело еще не было окончено и других привлеченных к нему

допрашивали и позже. В деле почему-то имеются два протокола объявления об окончании следствия: от 28 сентября и 26 декабря 1938 г. (д. 1, л. 63 и 64). Уже в декабре 1938 г. о Гасанове допрашивали свидетелей А.А.Климова, С.П.Тевосова и Я.Д.Козина. Все они (Климов, противореча тому, что подписывал несколькими месяцами ранее) не заявили ни о каком вредительстве, признав лишь, что Гасанов не справлялся с директорскими обязанностями. По словам Козина, он «не вывел институт из тяжелого положения» (л. 55), что в 1937 г. вряд ли могло быть в его силах.

Обвинительное заключение по делу Гасанова (д. 1, л. 66–67) подготовлено одновременно с заключением по делу Зифельда-Симумяги. В нем повторены формулировки институтского заключения, в том числе говорится о «практическом участии в составлении вредительской орфографии» (д. 1, л. 67). Последующие процедуры шли абсолютно идентично тем, через которые шло дело Зифельда-Симумяги, и в тот же день, 21 июня 1939 г., на том же заседании Особого совещания Гасанов также был осужден на восемь лет.

В медицинской справке от марта 1939 г. у Гасанова отмечен «хронический суставный ревматизм» (д. 1, л. 13) в отличие от признанного «практически здоровым» А.Р.Зифельда-Симумяги. Но как раз Гасанов сумел выжить на Колыме. Он отбыл восьмилетний срок день в день и был освобожден из лагеря в Сеймчане (Магаданская зона) 3 апреля 1946 г. (д. 2, л. 9). Его, однако, задержали на Колыме, уже в качестве вольнонаемного, и он работал кассиром (д. 2, л. 17). 8 ноября 1946 г. он все-таки покинул Колыму и выехал в Азербайджан. Имея судимость, он не имел права жить в Баку или Кировабаде. Поначалу он пытался остаться в Баку, где жила его семья, но в марте 1947 г. ему пришлось выехать в Шамхор (д. 2, л. 17). Однако в сентябре 1947 г. он каким-то образом сумел перебраться в родной Кировабад, где жила его сестра. С сентября 1947 г. два года он преподавал русский язык в трех азербайджанских школах, сначала жил у сестры, потом снимал комнату.

Однако в 1948 г. появилась секретная инструкция Л.П.Берии об отправке на вечное поселение в отдаленные районы СССР всех арестованных в 1937 г. и последующие годы по политическим делам, у кого к тому времени истек срок заключения. Эта инструкция, правда, с разной степенью строгости применялась к разным категориям бывших заключенных. Выше рассказывалось о судьбе нескольких жен «изменников родины», ни одна из них в это время не была вторично арестована, хотя жить

« Баку им по-прежнему не разрешали. Но с мужчинами посту-
пали по инструкции.

До начала 1949 г. на Гасанова, по-видимому, не обращали осо-
бого внимания: в МГБ Азербайджана даже не знали, где он живет.
11 января 1949 г. было принято постановление о взятии его под
агентурное наблюдение (д. 1, л. 110), его объявили в розыск (д. 1,
л. 111–112). Сначала его искали в Шамхорском районе и лишь
в марте установили, что он живет в Кировабаде (д. 1, л. 115). А сам
он и до и после этого писал письма с просьбами о восстановлении
в правах. В одно из дел подшиты его письмо тогдашнему предсе-
дателю Президиума Верховного совета СССР Н.М.Швернику от
21.06.1948 (д. 1, л. 97–104) и одинаковые письма Сталину от
05.09.1949. (д. 1, л. 105–110) и министру госбезопасности Азер-
байджана С.Ф.Емельянову от 06.09.1949 (д. 1, л. 93–96). Именно
в последних письмах он приводил список научных трудов, о кото-
ром мы упоминали выше. Везде он заявлял о полной невинности.

Последние письма были написаны им после увольнения из
школы (20 августа), видимо по наводке МГБ. 14 октября по-
следовал запрос на следственное дело Гасанова 1938–1939 гг.,
который «на основании директивы МГБ и прокуратуры СССР
№ 66/241-сс от 27.X.48 подлежит аресту и он нами установлен
проживающим в г. Кировабаде» (д. 1, л. 116). Но арест еще на
некоторое время задержался. Как позже рассказывал сам Гасанов,
15 октября ему сказали о возможности устроиться учителем
в сельском Касум-Исмаиловском районе. 24 октября он выехал
в Баку, где жил у родных. Он добивался устройства на работу
в Касум-Исмаиловском районе, но в связи с судимостью ему
отказали. 7 декабря он вернулся в Кировабад, где уже не имел
права жить у сестры. Видимо, его опять на какое-то время теряли
в МГБ, но по возвращении в Кировабад он был скоро найден.
20 декабря заместитель министра А.С.Атакишиев, служивший
в азербайджанских органах еще до 1937 г., послал по ВЧ записку
начальнику кировабадского ГУГБ Ермакову: «Гасанов подпа-
дает под директиву № 66, имеется санкция прокурора, арестуй-
те его и этапируйте в Баку» (д. 1, л. 117). В тот же день Гасанов
был арестован и допрошен майором Левкиным (д. 2, л. 13–14).
Формально лишь 29 декабря было открыто второе его дело, хотя
ряд документов датирован раньше. Некоторые документы явно
составлялись задним числом: арестованный еще 24 декабря был
доставлен в Баку, но ордер на арест датирован 26 декабря
(д. 2, л. 5), постановление об избрании меры пресечения —
28 декабря (л. 3), постановление о принятии дела к производ-
ству — 29 декабря (л. 1).

В Баку с 30.12.1949 по 16.01.1950 следователь Одинцов про- вел еще четыре допроса (д. 2, л. 15–18, 20–26). Гасанов вновь не признал себя виновным в прежних обвинениях. О Б.В.Чобан-заде, В.Хулуфлу и А.Шарифове он заявил, что у него с ними «на почве различных толкований принципов орфографии и терминологии азербайджанского языка существовала вражда. Видимо, поэтому они оклеветали меня» (д. 2, л. 24). Еще Гасанова обвиняли в нарушении паспортного режима: жил в Баку и Кировабаде без прописки. Он отвечал, что в Кировабаде имел устное разрешение начальника паспортного стола, а приехав в Баку, думал, что пробудет там лишь несколько дней (д. 2, л. 24).

16 января 1950 г. появились протокол об окончании следствия (д. 2, л. 28) и медицинская справка (д. 2, л. 29), где отмечены «годность к физическому труду и пребыванию на Севере», несмотря на невроз сердца. 17 января составлено Одинцовым, Гукасовым и Падаровым и в тот же день утверждено министром Емельяновым обвинительное заключение (д. 2, л. 30–32), где сказано: «Признав нахождение Гасанова на свободе социально опасным, он 21 декабря 1949 г. был арестован» (л. 30, сохраняется синтаксическая конструкция фразы). Данных об «антисоветских проявлениях» после лагеря получено не было, и Гасанов лишь вторично осуждался по обвинениям 1939 г. Дело пошло, как и 11 лет назад, на Особое совещание, которое 8 апреля 1950 г. вынесло стандартный для таких случаев приговор: вечное поселение (д. 2, л. 33). 9 мая «бывший кандидат наук», как сказано в обвинительном заключении (д. 2, л. 31), был отправлен в Красноярский край (точное место не указано).

На этом следы Идриса Мешади-Заман оглы Гасанова теряются. По-видимому, он не перенес ссылки. Даты смерти ни в одном документе нет, но пересмотр дела в 1957 г. начался по ходатайству дочери: ни самого Гасанова, ни его жены тогда, видимо, не было в живых. Дочь получила и справку о прекращении дела от 15 октября 1957 г. (д. 1, л. 130). Однако при этом забыли, что приговоров было два, и отменен был лишь приговор 1939 г. Приговор 1950 г., где повторялись те же самые обвинения, формально сохранял силу еще свыше 30 лет. Лишь после указа от 16.01.1989 о всеобщей реабилитации начали пересматриваться не прекращенные раньше политические дела советского времени; тогда 25 сентября 1989 г. наконец Гасанов был полностью реабилитирован. К тому времени дочери, видимо, тоже уже не было в живых, и нашли лишь младшего сына, родившегося в 1947 г., уже после Колымы; в 1989 г. он был рабочим ткацкой фабрики.

Г.К.Багиров

Гулам Керим оглы (Керимович) Багиров, как и И.Гасанов, представлен в архиве Министерства национальной безопасности Азербайджана двумя делами: 1938–1939 гг. и 1949 г. (далее д. 1 и д. 2). Однако они имеют один и тот же номер: № Пр 21729.

Г.К.Багиров (однофамилец М.Д.Багирова) был моложе (род. в 1904 г.) всех других языковедов, о которых мы здесь пишем, и принадлежал уже к послереволюционному поколению. Он был азербайджанцем, но родом из Иранского Азербайджана. В 1911 г. его семья переселилась в Нахичевань. Следствие особо отмечало то, что его давно умерший отец был иранским подданным, а тем самым таковым мог считаться и сам Г.Багиров. Еще до ареста одной из причин исключения его из кандидатов в члены партии была такая: «Установлено, что Багиров, не выходя из иранского подданства, незаконно получил советский паспорт, скрыв свое иранское подданство» (д. 1, л. 39). По собственным показаниям Г.К.Багирова 1949 г. (д. 2, л. 16–17), он учился в Нахичевани в русско-татарской школе, потом был учеником на кожевенном заводе, в 1920–1924 гг. учился в учительской семинарии, а в 1924 г. его направили на учебу в пединститут в Баку. В этом городе он жил до ареста. В 1927 г. перешел на восточный факультет университета, окончил его в 1929 г. и аспирантуру в 1931 г., одновременно в 1927–1936 гг. вел преподавательскую работу, в том числе в Азербайджанском комвузе. Вступив еще в Нахичевани в комсомол, он в 1931 г. был принят кандидатом в члены партии, но за шесть лет так и не был переведен в ее члены.

С 1934 г. Г.К.Багиров начал работать в АзФАН на руководящих должностях: сначала заведовал сектором языка, а после организации в 1935 г. Института языка и литературы стал заместителем директора А.Р.Зифельда-Симумяги. Есть данные о его тесных отношениях с Р.Ахундовым. Один из критиковавших его на собрании 14 февраля 1937 г. говорил: «Ни одного шагу нельзя было сделать в ИЯЛ, чтобы Багиров не спрашивал, „а как думает об этом Рухулла“» (д. 1, л. 26).

Сложными были отношения Г.К.Багирова с его учителем Б.В.Чобан-заде. Сам он во время проработки оправдывался: «Я первый стал разоблачать контрреволюционные работы Чобан-заде... Я по косточкам разоблачил все его труды» в 1930 г. (д. 1, л. 31). Другие выступавшие признали этот факт (д. 1, л. 28). Однако, когда учитель стал подчиненным своего ученика, трения между ними сгладились. Вместе они писали раздел языкознания в коллективной работе АзФАН «Наука в Азербайджанской

АССР за 15 лет» (1920–1935 гг. — *Авт.*). Эту публикацию мы уже упоминали в разделе о Х.-С.Ходжаеве. Факт такого соавторства стал потом для младшего из авторов источником неприятностей.

Но дальше произошло еще худшее. 11 января 1937 г. Багиров приехал на отдых в Кисловодск и был устроен в санаторий «Горняк». Спустя четыре дня туда же приехал Б.В.Чобан-заде, который попросил его направить в тот же санаторий и в ту же палату, где находился его сослуживец. Его просьба была удовлетворена. В ночь на 28 января Чобан-заде был арестован на глазах у младшего коллеги. Последнего тогда еще не взяли, но после возвращения из Кисловодска началась его проработка.

Мы уже упоминали протоколы заседания парткома АзФАН, где обсуждалось персональное дело Г.Багирова (д. 1, л. 25–38). Там его еще прямо не называли «врагом», но обвинений было достаточно. Задавался вопрос: «Случайно ли Гул. Багиров и Чобан-заде взяли отпуск в одно время и попали на один курорт, в одну санаторию и в одну палату?» (д. 1, л. 26). Поминали ему и связи с уже арестованным Р.А.Ахундовым, и «пантюристскую публикацию» о науке за 15 лет совместно с Чобан-заде (там упоминалось об общем происхождении турок и азербайджанцев), и «травлю» его будущего однодельца И.Гасанова: «Гасанова уволили за защиту живого азербайджанского языка, а Чобан-заде оставили» (д. 1, л. 36). И наконец: «Когда Ахундова арестовали, вы вместо того, чтобы разоблачать их (Ахундова и Чобан-заде. — *Авт.*), берете и уезжаете на курорт» (д. 1, л. 37). Собрание приняло решение исключить Г.Багирова из кандидатов в члены партии (д. 1, л. 38). Решение было 26 июня 1937 г. утверждено Ворошиловским райкомом партии, где секретарем тогда был Окиншевич, чья фамилия нам еще встретится. Здесь к прежним прибавилось обвинение в сокрытии иранского подданства (д. 1, л. 39).

Еще до окончательного исключения из партии Г.Багиров был уволен из института. Его назначили завхозом в Азербайджанский коммунальный банк, где он работал по день ареста (д. 2, л. 17).

Документы, предворяющие арест, идентичны аналогичным документам в деле Гасанова, только арестован Г.Багиров был 4 апреля 1938 г.

Протоколов допросов в деле 1 имеется пять. В двух первых, от 10 апреля (л. 40–41, следователь Мустафаев) и от 19 апреля (л. 42–44, следователь Каравелиев), Г.Багиров не признал себя виновным. Признался он в отличие от Зифельда-Симумяги и

Гасанова 10 мая, когда допрос вели Каравелиев и Бабаев (л. 45–49). Он заявил, что был «завербован» Вели Хулуфлу в сентябре 1936 г., что вел с Б.В.Чобан-заде, А.Р.Зифельдом-Симумяги и другими антисоветские беседы. В одной из них собеседники «утверждали, что игнорируются издания произведений классической азербайджанской литературы, а упор делается на переводную литературу с русского языка» (л. 45). Однако Г.Багиров отрицал связи по «организации» с кем-либо, кроме Хулуфлу, и заявил, что сам никого не завербовал. В предпоследнем протоколе от 11 октября (л. 58, следователь Каравелиев) речь идет лишь об иранском подданстве: Г.Багиров заявил, что своего происхождения никогда не скрывал. В последнем протоколе от 14 ноября (л. 59–62, также Каравелиев) речь шла об отношениях с давно расстрелянным Г.С.Губайдуллиным: подсудимый не признал каких-либо контрреволюционных связей с ним. Заметим, что в делах 1938–1939 гг. нам чаще встречаются азербайджанские фамилии следователей, чем в делах 1937 г.

Далее идут показания на Г.Багирова ранее арестованных и его однодельца Д.А.Р.Кязимова. Они невелики по объему, речь идет в основном о его контрреволюционных взглядах «в отдельных вопросах орфографии» (д. 1, л. 77) и о «вредительски составленной» с его участием азербайджанской орфографии (д. 1, л. 83). При этом произошла неувязка: Г.Багиров признал «незаконные связи» лишь с В.Хулуфлу, а тот как раз не показывал против него, о чем в деле есть специальная справка (д. 1, л. 63). О Багирове допрашивали А.А.Климова, С.П.Тевосова и Я.Д.Козина, также обвинивших подсудимого лишь в «развале трудовой дисциплины и финансово-хозяйственной деятельности института» (д. 1, л. 96). Впрочем, ссылаясь на вышеупомянутое заседание парткома, они подтвердили и связь его с Р.А.Ахундовым, Б.В.Чобан-заде и другими. Козин упомянул и «протаскивание в азербайджанский язык иранских, арабских и турецких терминов», и создание новых слов, «понятных лишь составителям» (д. 1, л. 97).

В деле также содержатся справка за подписью А.А.Климова о невыполнении институтом плана за время, когда Г.Багиров был заместителем директора (д. 1, л. 23–24), и постановление от 25.12.1938 о приобщении к делу в качестве вещественного доказательства книги «Наука в Азербайджанской АССР за 15 лет», поскольку в ней «обв. Багиров Г.К. ... стоит на контрреволюционных позициях по вопросам язык. строительства и протаскивал антимарксистские концепции и в оценке писателей Азербайджана» (д. 1, л. 22).

Протокол об окончании следствия датирован 11.07.1938 (д. 1, л. 105), но предъявлен Г.Багирову лишь 26.12.1938 (д. 1, л. 106). Багиров при этой процедуре заявил, что показания против него ложны, и просил приобщить к делу его заявления в НКВД и партийный контроль на А.Р.Зифельда-Симумяги, И.Гасанова и других. Ходатайство было отклонено с указанием, что разыскать эти заявления не представляется возможным (д. 1, л. 107). Обвинительное заключение составлено теми же лицами, что в двух предыдущих случаях, хотя подписано двумя днями позже — 3 апреля 1939 г. (д. 1, л. 108–110). Далее идут документы, совершенно идентичные тем, которые имеются в делах А.Р.Зифельда-Симумяги и И.Гасанова. В том числе вынесен в тот же день, 21 июня 1939 г., такой же приговор — восемь лет лагерей (д. 1, л. 124).

В медицинском освидетельствовании от марта 1939 г. у Г.Багирова зафиксированы «хроническая малярия» и «невроз сердца» (д. 1, л. 15). Однако он, как и Гасанов, выжил на Колыме. Судьбы двух азербайджанских лингвистов, и ранее неблизких друг к другу (один писал доносы на другого!), после 1939 г. никогда не пересекались, но долго шли параллельно. В 1949 г. Г.Багиров указывал, что он прибыл на Колыму 24 сентября 1939 г. и находился на общих работах на Дасканской электростанции (д. 2, л. 11). Освобожден он был, как и Гасанов, ровно через восемь лет после ареста, т.е. 4 апреля 1946 г. (д. 2, л. 8а). Он также был задержан на Колыме и работал счетоводом (д. 2, л. 12); покинул те края немного позже Гасанова — в январе 1947 г. (д. 2, л. 12). В отличие от своего однодельца Г.Багиров не пытался ни доказывать свою невиновность, ни работать по специальности, ни устроиться в крупных городах. Он сразу поехал в глубинку, Агдамский район, но ему не разрешили поселиться в Агдаме и отправили в еще более глухой городок Лачин (д. 2, л. 12), где он жил безвыездно до второго ареста, работая медстатистиком.

Тем не менее его, возможно из-за постоянного пребывания на одном месте, нашли после появления директивы № 66/241-сс почти на год раньше, чем Гасанова. 17 января 1949 г. появились постановление об избрании меры пресечения (д. 2, л. 1) и постановление на арест (д. 2, л. 2). Оба составлены начальником отдела МГБ Азербайджана подполковником Беловым, постановление на арест завизировано министром МГБ Емельяновым и прокурором Азербайджана Алиевым. Перечислены обвинения 1939 г. и сказано: «Нахождение Багирова на свободе социально опасно» (д. 2, л. 2). 19 января выписан ордер на арест (д. 2,

л. 3), который, однако, произошел лишь 21 января, в этот день составлен протокол обыска (д. 2, л. 4). В справке от 19 февраля сказано, что у арестованного «нищенностей, нивещей» (так. — *Авт.*) не было (Г.Багиров развелся еще до первого ареста и потом был одинок), поэтому его комнату не опечатывали (д. 2, л. 5а). В протоколе личного обыска упомянут «порцегар целолойд 1 шт.» (д. 2, л. 6) — за десять с лишним лет грамотность азербайджанских оперативников не повысилась.

Запротоколированы четыре допроса арестованного с 22.01. по 19.02.1949 (д. 2, л. 11–12, 14–19), их вел в Баку старший следователь капитан-лейтенант (почему военно-морское звание?) Голованов, один раз совместно с другим следователем, Поповым. Подробно рассказав биографию, Г.Багиров теперь в отличие от 1938 г. заявил: «В предъявленном обвинении виновным я себя не признаю, так как я никогда не состоял ни в какой контрреволюционной организации и не проводил никакой вредительской работы в области языка и литературы в АзФАНе» (д. 2, л. 14–15). Отрицал он и какую-либо антисоветскую деятельность после освобождения в 1946 г. (д. 2, л. 15).

Следствие, как и немного позже в отношении Гасанова, шло вяло, все было решено заранее. 20 февраля Голованов составил обвинительное заключение, утвержденное 2 марта Емельяновым и 4 марта Алиевым (д. 2, л. 21–23). Как и в случае с Гасановым, повторены старые обвинения, а «данных об антисоветских проявлениях со стороны Багирова после возвращения в Азербайджанскую ССР не добыто» (д. 2, л. 22). 22 февраля составлена врачебная справка, где зафиксированы нажитые на Колыме аортит и хронический бронхит; вывод — «годен к легкому физическому труду, северный климат переносить может» (д. 2, л. 21а). Впрочем, в отличие от лагеря в ссылке тяжелый физический труд не был обязателен. Пока шла бюрократическая процедура, Г.Багиров не менее двух с половиной месяцев содержался в тюрьме. Постановление Особого совещания о вечном поселении было вынесено 2 апреля 1949 г. (д. 2, л. 24).

На этом сходство судеб двух языковедов кончается. Г.Багиров был сослан в менее суровые условия Джамбульской области на юге Казахстана и выжил и во второй раз. 22 апреля 1954 г. он был освобожден из ссылки (д. 1, л. 131). Еще до того, 10.09.1953, узнав об аресте Л.П.Берии и М.Д.Багирова, он писал в Прокуратуру СССР, но тогда ему ответили, что он осужден правильно. Уже вернувшись в Азербайджан, он 22.07.1955 вновь написал на имя Генерального прокурора СССР Р.А.Руденко (д. 1, л. 133–135), на этот раз делу был дан ход. В деле

имеется также заявление Г.Багирова от 29.02.1956, где, в частности, рассказывается, как у него были получены признания: Каравелиев ставил его дважды на три дня; когда «я валялся на полу после стойки... Каравелиев, также другие из разных кабинетов приходили ко мне, ударяли меня по бокам, по ногам и по зубам, обзывали меня самыми похабными и скверными словами» (д. 1, л. 142). Как свидетели были допрошены вновь А.А.Климов и С.П.Тевосов, характеризовавшие Г.Багирова положительно (д. 1, л. 139–141). 18 апреля 1956 г. Г.Багиров был реабилитирован по обвинению 1939 г. (д. 1, л. 151–152), а через пять дней, 23 апреля, и по делу 1949 г. (д. 2, л. 29а).

Из всех бакинских ученых, чьи судьбы мы рассмотрели, Гулам Багиров оказался единственным, кому посчастливилось дожить до реабилитации. О его последующей жизни мы ничего не знаем, неизвестна нам и дата смерти.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Мы включили в нашу книгу данные о судьбе ряда видных азербайджанских писателей. Нам удалось просмотреть лишь три писательских следственных дела, но в них содержатся материалы и о некоторых других деятелях азербайджанской литературы.

Азербайджанская литература пострадала в 1937–1940 гг., может быть, несколько меньше, чем казахская, о которой мы будем говорить в следующей главе, но, пожалуй, больше всех литератур Закавказья. М.Д.Багиров произвел очень суровую чистку всей азербайджанской культуры, и более всего литературы. Жизнь и деятельность многих талантливых людей были оборваны. Репрессиям подверглись большинство писателей, сложившихся до революции, и некоторые из литераторов уже советского поколения. Помимо изложения данных, содержащихся в изученных нами следственных делах, нам хотелось дать читателю представление о том, кем были эти люди. Поэтому мы используем и биографический материал из книг и статей об этих писателях, не претендуя на какой-либо литературоведческий анализ их произведений. Эти книги и статьи появились в советское время, поэтому многие проблемы в них сглажены, а трагический исход жизни их героев, как правило, даже не упомянут. Тем не менее эти биографии и следственные материалы дополняют друг друга и в целом, как нам кажется, дают более или менее полную картину.

Ахмед Джавад

Первым назовем имя крупного азербайджанского поэта и переводчика Ахмеда Джавада. Его следственное дело — № Пр 22316.

Ахмед Джавад (его полное имя, согласно следственному делу, — Ахмед Джавад Мамед оглы Ахунд-заде; согласно БСЭ (изд. 3-е, т. 8: 182) — Джавад Мамедали оглы Ахунд-заде) родился в 1892 г. (месяц и число в деле не указаны) в Шамхоре (как сказано в деле) или в селе Сейфали Шамхорского района (так в БСЭ). Социальное положение — «из крестьян-середняков» (л. 13). В восемь лет потерял отца. В 1912 г. закончил с отличием мусульманскую духовную семинарию в Елизаветполе (л. 144).

Из всей дореволюционной деятельности будущего поэта следствие интересовал лишь один эпизод. В 1912 г. он отправился в Турцию, желая стать добровольцем с турецкой стороны в 1-й Балканской войне (которую Турция проиграла); он выехал из Батуми по чужому персидскому паспорту (л. 26).

По окончании Балканских войн осенью 1913 г. Ахмед Джавад вернулся на родину. До 1923 г. жил в Елизаветполе (затем — Гяндже) и работал учителем в школе. С 1913 г. печатался как поэт, в 1916 г. опубликовал первый сборник стихов.

С первого допроса, когда Ахмед Джавад еще не признал себя виновным, он тем не менее не скрывал свою принадлежность к партии «Мусават» с 1918 по 1924 г. (л. 13). Не отрицал он и связи с верхушкой этой партии: Рагимом Векиловым, Али Юсуф-заде, Мамед-Али Агамалиевым и другими (л. 14). Участие в вооруженной борьбе ему не приписывали даже следователи в 1937 г. Речь шла о том, что он был мусаватистским поэтом, чего Ахмед Джавад также не отрицал: он указал, например, что Р.Векилов и другие так его оценивали (л. 15). Но в 1937 г. ему приписывали самые крайние высказывания: например, арестованный Талыблы заявлял, будто в те годы Ахмед Джавад «призывал тюрок резать всех остальных» (л. 50). А Х.Зейналлы передавал слова поэта: «Считаю день советизации Азербайджана самым несчастливым днем своей жизни» (л. 2); это высказывание приведено в справке на арест Ахмеда Джавада.

Все эти слова, может быть, и вымышленны, но несомненно, что и после установления советской власти в 1920 г. Ахмед Джавад некоторое время оставался на прежних позициях. Упоминается о том, что в 1920–1923 гг. он входил в нелегальный ЦК «Мусавата» (л. 1). Во всяком случае в 1923 г. его в первый раз арестовали как участника подполья, но в том же году освободили, и он выступил с декларацией о прекращении политической

борьбы (л. 1, 13). После этого, как указывает Ахмед Джавад в первых и вызывающих наибольшее доверие показаниях (л. 15), он отошел от политики, хотя сохранял дружеские отношения с некоторыми видными мусаватистами вплоть до их ареста во второй половине 20-х годов.

В том же, 1923 г. Ахмед Джавад переехал в Баку. Он хотел завершить образование и поступил в Педагогический институт который закончил в 1926 г. (л. 146 об). Еще будучи студентом, вернулся к педагогической работе, на которой находился до 1935 г.: в 1923–1927 гг. преподавал в техникуме им. Нариманова (л. 153), потом в Азербайджанском сельскохозяйственном институте, где с 1930 г. заведовал кафедрой тюркского (азербайджанского) и русского языков (л. 150). В 1930 г. стал доцентом (л. 149). Преподавал также на рабфаке и в военном училище (л. 144).

Одновременно Ахмед Джавад вел активную литературную деятельность. В 1924–1926 гг. был ответственным секретарем Азербайджанского литературного общества. Во главе общества стояли коммунисты-литераторы Талыблы и Таги Шахбази, впоследствии разделившие его трагическую судьбу. В этом первом объединении азербайджанских писателей состояли и коммунисты, и бывшие мусаватисты. В общество был принят и упоминавшийся выше турецкий ученый Исмаил Хикмет (л. 20). Члены общества печатались в журнале «Моариф Медениет», издававшемся Наркомпросом Азербайджана; Ахмед Джавад входил в его редакцию (л. 23–24). Большинство членов общества были арестованы в 1937 г.

В 20-е годы Ахмед Джавад издал несколько сборников стихов, но ему не раз припоминали прошлое, и неприятностей было много. Об одной из них рассказал на допросе арестованный Эминбейли, тогда заведующий отдела «Азернешра» (центрального бакинского издательства): в 1926 г. был подготовлен к изданию альманах «Алар» («Пламя») под редакцией Таги Шахбази, Талыблы и Ахмеда Джавада (среди других его участников — Гусейн Джавид, о котором см. ниже). На обложке было нарисовано пламя. «Название альманаха „Пламя“ и рисунок на обложке были расценены агитпропотделом ЦК АКП(б) как символ пожара, направленного против соввласти, вследствие чего указанный альманах, по предложению ЦК АКП(б), не был допущен к выпуску» (л. 32).

Тот же Эминбейли рассказал и о другом эпизоде, впрочем вызывающем сомнения в достоверности. В 1928 г. Ахмед Джавад обратился к Эминбейли с просьбой издать сборник стихов.

Тот отказался, поскольку там не было произведений на современную тему. «Тогда Ахмед Джавад Ахунд-заде открыто заявил мне, что писать в советском духе что-либо он не может, так как его произведения будут читать не только в СССР, но они могут попасть и в Турцию, где бывшие его единомышленники, как Мамед Эмин Расул-заде и другие, вынесут впечатление, что он продался советской власти» (л. 31). Эминбейли утверждал, что сборник не вышел, но в биографиях Ахмеда Джавада упоминается сборник, изданный уже в следующем, 1929 г. И стихи «в советском духе» Ахмед Джавад писал, пусть не в 1928 г., но несколько позже; потом это использовали как главный аргумент люди, добивавшиеся его реабилитации. Достаточно назвать изданную в 1933 г. поэму «Хлопок», где он воспел героиню колхозных полей Басти Багирову.

В 1930 г. Ахмед Джавад вместе с сельхозинститутом переехал в Гянджу (с 1934 г. — Кировабад), в 1934 г. он представлял этот город на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей (л. 154). В 1935 г. он полностью переключился с педагогической работы на литературную и вернулся в Баку, где жил до ареста. Он был членом Союза советских писателей, переводчиком «Азернешра», работал по договорам с бакинскими театрами. Зейналлы в 1936 г. предлагал его кандидатуру на должность заведующего кабинетом иранской культуры АзФАН (л. 23), но из-за ареста Зейналлы, а затем Ахмеда Джавада это не осуществилось.

В 1930-е годы поэт продолжал печататься, издал поэмы «Хлопок» и «Москва», но главное место в его деятельности заняли переводы. Для Азербайджанского театра драмы он еще в Гяндже перевел «Отелло» Шекспира (л. 135), а уже в Баку — «Ромео и Джульетту»; в деле есть договор от 01.10.1935 между переводчиком и директором театра Г.П.Назарлы, потом также уничтоженным (л. 151). В роли Отелло блистал ведущий азербайджанский актер тех лет Аббас Мирза Шариф-заде, тоже расстрелянный 13 октября 1937 г. Как указывалось в период подготовки реабилитации Ахмеда Джавада, его переводы Шекспира «по сей день не сходят со сцены» (л. 168). Следовательно, его переводы за неимением других использовались и в 40–50-е годы без упоминания имени переводчика. К Пушкинскому юбилею 1937 г. Ахмед Джавад переводил Пушкина. Последним крупным его переводом стал «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. На следствии (л. 23) его заставили рассказать о полученном от Зейналлы в ноябре 1936 г. задании сорвать выполнение перевода, чтобы не успеть к юбилею Руставели (он дол-

жен был отмечаться в конце 1937 г.). Однако в процессе реабилитации было установлено, что перевод был закончен в срок и сдан за две недели до ареста переводчика (л. 145 об). Об этом переводе, кстати, сохранилось свидетельство сослуживца поэта по сельхозинституту Г.М.Мамаева, относящееся к периоду реабилитации: «На моих глазах он машинистке диктовал перевод отдельных глав поэмы Руставели... в стихах» (л. 168).

Уничтожение азербайджанской литературы началось на несколько месяцев позже разгрома азербайджанской науки: ни один из видных писателей не был арестован ранее июня 1937 г. В январе-марте 1937 г. М.Д.Багиров расправлялся прежде всего с окружением Рухуллы Ахундова по АЗФАН (среди арестованных были и члены Союза советских писателей, но лишь литературоведы). Затем очередь дошла до писателей, аресты первой группы которых в ночь на 4 июня шли параллельно с продолжавшимися арестами ученых (Х.-С.Ходжаев, А.Таги-заде). О ситуации в СП в те дни мы подробнее расскажем ниже.

Ахмед Джавад как бывший мусаватист был одним из первых кандидатов на арест. Еще 17 мая в газетах «Коммунист» и «Бакинский рабочий» появились статьи против Ахмеда Джавада, Гусейна Джавида и других писателей, отнесенных к «махровым мусаватистам, пантюркистам и националистам» (дело Гусейна Джавида, л. 16). К моменту ареста Ахмед Джавад уже был исключен из СП. А подготовка к аресту началась не позже 27 мая: в этот день уже упоминавшийся Цинман утвердил справку на арест, составленную сотрудником его отдела Клименчи-чем (л. 1-2). Помимо указаний о мусаватистском прошлом, там сказано: «По имеющимся в 4 Отделе УГБ НКВД АЗССР данным, Ахмед Джавад Ахунд-заде после 1923 г. не отказался от своих мусаватистских позиций и продолжал вести нелегальную мус. работу, обрабатывая в мус. духе группировавшихся около него молодых азербайджанских поэтов» (л. 1). Упомянуто и участие в «организации, идущей по делу № 12493» (л. 1).

Арест, однако, состоялся лишь через неделю, в ночь на 4 июня. В деле имеются постановление об избрании меры пресечения, утвержденное 3 июня Сумбатовым (л. 3), ордер на арест от того же числа за подписью Герасимова (л. 5), протокол обыска от 4 июня (л. 6), протокол личного обыска (л. 10). При обыске изъяты финский нож, два кинжала, книга К.Каутского, сочинения «врагов народа» Н.И.Бухарина, Х.Зейналлы, В.Хулуфлу, газета времен мусаватистов.

Первый допрос от 5 июня 1937 г. проводил не раз упоминавшийся выше Атакишиев. Ахмед Джавад признал былую

принадлежность к партии «Мусават» и личное знакомство с видными мусаватистами, под давлением следователя признал свою декларацию 1923 г. «двурушнической» (л. 18). Однако каковую-либо «контрреволюционную» деятельность в последующие годы отрицал.

О том, что было дальше (а между 5 июня и 25 июля в деле нет документов), мы знаем из короткого рассказа жены Ахмеда Джавада, также арестованной, но несколько позже. В тюрьме она встретила свою бывшую домработницу, арестованную за кражу. Та рассказала, что Ахмеда Джавада «привезли в Баилковский тюремный лазарет (в Баку. — Авт.) с забинтованной головой, оглохшего, с температурой 40» (л. 146).

«Обработка» впервые дала результаты на допросе 25 июля (л. 19–25), далее записаны еще два допроса от 20 (л. 26–28) и 25 сентября (л. 29). Все три раза их вел следователь Гвоздев. Теперь подследственный был вынужден говорить, что вся его деятельность подчинялась делу борьбы с советской властью. Вот пример: контрреволюционная деятельность в Азербайджанском литературном обществе «выражалась в том, что я принимал в общество только старых, дореволюционных писателей, главным образом из числа принадлежащих к мусаватистскому лагерю. Молодых же писателей в Общество не принимали, основываясь при этом на „академизме“ и требуя для принятия в Общество солидных трудов» (л. 20). Пришлось заявить и об участии в 1925 г. в конспиративном заседании руководства партии «Мусават», где в числе прочих был и Б.В. Чобан-заде (который в собственном деле напрямую не назван мусаватистом).

В деле подшиты и показания на поэта других людей (л. 30–60). Кроме того, что уже упомянуто, отметим и еще два показания Талыблы: Ахмед Джавад «до последнего времени пишет чисто турецким языком, совершенно чуждым азербайджанскому народу» (л. 50); его «контрреволюционное» стихотворение «Гёк-Гёль» (название горного озера) было опубликовано в журнале «Моариф Медениет», за что номер журнала был изъят (л. 55). Данное злосчастное стихотворение, как мы увидим, будет и дальше фигурировать в деле.

Протокол об окончании следствия (л. 63) датирован 25 сентября 1937 г., днем последнего допроса. В тот же день (торопились к приезду «тройки») было составлено Цинманом, утверждено Сумбатовым и прокурором обвинительное заключение (л. 64–66). Ахмед Джавад назван здесь членом «к.-р. троцкистско-националистической организации» и «кадровым мусаватистом» (л. 64). Неважно, что во всем деле о троцкизме ни разу

не сказано, так полагалось писать. Поэт обвинен по статьям 69, 70 и 73 УК Азербайджана (напомним, что статья 58 была лишь в РСФСР), дело признано требующим вынесения на Военную коллегия с рассмотрением на основе закона от 1 декабря 1934 г. Сказано: «Виновным себя признал полностью».

Судили его тоже 12 октября с 19.40. до 20.00 (л. 69–70). В деле подшита справка об исполнении смертного приговора 13 октября 1937 г. (л. 72).

Надо сказать о несчастьях, постигших семью поэта, состоявшую из жены и четверых детей, младшего из которых мать еще кормила грудью. В деле имеются заявления вдовы Ахмеда Джавада, аджарки по национальности Шукран Сулеймановны Ахунд-заде, от 22.06.1954 (л. 74–75), ее письмо председателю Совета министров СССР Г.М.Маленкову от 30.10.1954 (л. 80–81), а также протокол ее допроса в качестве свидетеля по делу о реабилитации ее мужа от 04.08.1955 (л. 144–147).

Как писала Ш.С.Ахунд-заде, «14 октября 1937 г. в два часа ночи были арестованы я и мои три сына, кроме старшего, которого не было дома» (л. 74). Самого младшего вскоре отобрали у матери и сначала отправили в детдом, а затем отдали 80-летней бабушке, лишенной пенсии. Мать и двух несовершеннолетних детей оставили в тюрьме, а в феврале 1938 г. арестовали и старшего, уже взрослого сына. Сыновей, правда, через несколько месяцев освободили и больше не трогали. А их мать была как «член семьи изменника Родины» осуждена на восемь лет и отправлена в лагерь в Северный Казахстан; как позже она писала, «во время заключения я потеряла зрение (частично) и трудоспособность» (л. 74 об.). Отбыв срок полностью, она в 1945–1955 гг. «десять лет скиталась по районам Азербайджана» (л. 146 об.). В 1952 г. приехала в Баку лечить обострение хронического конъюнктивита, но милиция приказала ей в 24 часа выехать из города. В 1954 г. она жила в селе Ленинкенд Шамхорского района (л. 80).

В первом письме вдова Ахмеда Джавада указывала, что ее муж арестован по указанию Багирова (л. 75), тогда уже репрессированного; это давало надежду на пересмотр дела, который реально начался лишь в июне 1955 г. Сначала была реабилитирована сама Шукран Сулеймановна; как сказано в заключении прокурора от 30 июня, она была осуждена 09.12.1937 как «член семьи изменника Родины», хотя «Ахунд-заде не был военным и акта измены Родине путем бегства за границу не совершил» (л. 127).

Реабилитационная часть дела Ахмеда Джавада по объему превосходит следственную. В нем, так же как и в деле Рухуллы

Ахундова, содержится много информации о том, что происходило в 1937 г. в НКВД Азербайджана. Кроме того, были допрошены люди, непосредственно знавшие поэта: его сослуживцы по Сельхозинституту, бывший главный режиссер Азербайджанского театра драмы А.А.Туганов, ставивший Шекспира в его переводах. Все дали погибшему положительную характеристику. Особое внимание Военной прокуратуры вызвало «контрреволюционное» стихотворение «Гёк-Гель». В дело были подшиты его азербайджанский текст (л. 182) и письмо в Главлит Азербайджана о нем (л. 183). В ответе Главлита от 13.08.1955 указано, что тираж номера журнала, где было напечатано стихотворение, никогда не изымался (л. 181). О том же стихотворении допрашивали и свидетелей. Уже упоминавшийся выше Г.М.Мамаев показал 17.08.1955, что это хорошие стихи, описывающие красоты природы (л. 168). Он же высказал предположение: «Его угробили переводчики и поэты, которым он мешал зарабатывать» (л. 181 об.). На деле, конечно, было не так: все решал Багиров.

На основании заключений военного прокурора от 19.08.1955 (л. 184–188) и Военной прокуратуры от 21.11.1955 (л. 196–200) 17 декабря того же года Военная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала Ахмеда Джавада (л. 201–202). Хотя он был реабилитирован одним из первых, его имя как бывшего мусависта и позже вызывало настороженность. Произведения Ахмеда Джавада в советское время не переводились на русский язык, по крайней мере отдельным изданием по-русски не выходили.

Микаил Мушфик

Этот талантливый поэт прожил очень короткую жизнь. Его следственное дело № Пр 22390 тоже очень коротко: всего 45 листов (без реабилитационной части). В отличие от Ахмеда Джавада его произведения представлены в русских переводах: имеется большое по объему издание [Мушфик 1973] с предисловием Я.Смелякова и «биографической справкой» Г.Гусейн-оглу. Среди переводчиков — П.Антокольский, Я.Смеляков, Ю.Мориц, А.Найман и другие.

Микаил Кадыр оглы Исмаил-заде (Мушфик — псевдоним) родился в Баку, где жил всю жизнь, в 1908 г. (месяц и число в деле отсутствуют). Он рано потерял отца, учителя. К 1937 г. были живы его мать, брат и сестра; о драматической судьбе последней мы расскажем в следующем разделе. В 1927–1931 гг.,

как сказано в биографии, он учился в Азербайджанском государственном университете, «затем около семи лет учительствовал в бакинских школах» [Гусейноглу 1973: 307]. Цифра «семь» (лет), видимо, преувеличенна: к 1937 г., как следует из дела, он уже был «поэтом, редактором» (л. 7) и не преподавал. Уже в 22 года Микаил Мушфик опубликовал первую книгу, к 1937 г. их было издано 10 и написана 11-я — «Водопад» [там же].

Микаил Мушфик, как свидетельствуют знавшие его люди, был поэтом не только по профессии, но и по складу личности. Вот что писал общавшийся с ним Ярослав Смеляков, тоже безвинно пострадавший, но выживший: «Во всех известных мне воспоминаниях о Мушфике рассказывается о том, как он мог часами читать стихи, свои и чужие, часами говорить о поэзии. Но как только речь заходила о житейских мелочах, о литературных пересудах, он умолкал» [Смеляков 1973: 7]. О поэте ходили легенды: рассказывали, как он, придя в парк в час закрытия, начал читать стихи не пускавшему его сторожу; тот, растрогавшись, будто бы сказал: «Приходите и уходите, когда вам будет угодно» [там же: 6]. О себе Микаил Мушфик говорил: «Поэзия — это моя жизнь» [там же: 10]; «Самые несчастливые минуты моей жизни — это минуты, проходившие без стихов» [там же: 11]. Поэт «создал новую форму стиха, называемую теперь „стихом Мушфика“» [там же: 12]. Его любили друзья, после реабилитации его некоторые стихи были ими восстановлены по памяти и напечатаны [Гусейноглу 1973: 313].

Микаил Мушфик принадлежал к поколению, вступившему в жизнь уже в советское время, по возрасту он не прошел период увлечения идеями «Мусавата» и, судя по воспоминаниям, искренне принимал строй, при котором жил. В 1955 г. азербайджанские писатели вспоминали: «Произведение М.Мушфика „Сталин“ было тогда самым сильным из всех стихотворений, написанных в то время о Сталине» (л. 91). Как и Ахмед Джавад, он переводил с русского на азербайджанский язык, например, «Цыган» Пушкина, «Демона» и «Смерть поэта» Лермонтова. Прекрасно знал и национальную поэзию: вспоминают, что он помнил наизусть всю лирику Физули [Смеляков 1973: 8].

Но в 1937 г. не пощадили и Микаила Мушфика. Надо отдать должное Ярославу Смелякову: в его статье вопреки официальным требованиям той эпохи все-таки хоть что-то сказано о судьбе поэта. Он пишет, что поэт стал «жертвой клеветнического доноса» [Смеляков 1973: 11]. Но указанная здесь же дата смерти — 12 марта 1939 г., как мы теперь знаем, вымышленна. На самом деле жизнь поэта оборвалась раньше.

Как видно из первых документов следственного дела, оно готовилось одновременно с делом Ахмеда Джавада. Справка на арест (л. 1), постановление об аресте (л. 2), ордер на арест (л. 4), протоколы обыска (л. 5) и личного обыска (л. 6) датированы теми же днями и в основном подписаны теми же лицами. В ночь на 4 июня 1937 г. оба литератора были арестованы и 5 июня первый раз допрошены. Михаил Мушфик, которому не надо было каяться в мусаватистском прошлом (в момент установления в Баку советской власти ему было 12 лет), не признал за собой никакой вины. Он лишь сказал, что в студенческие годы, в 1930 г., его пытались вовлечь в националистическую организацию какие-то студенты, которые вскоре были арестованы, но он отказался (л. 11).

Дальнейший ход следствия, однако, несколько отличался от следствия по делу Ахмеда Джавада. Михаил Мушфик держался дольше: до 20 октября 1937 г. (за период между 6 июня и 20 октября в деле нет ни одного документа). Именно поэтому его дело, как и А. Таги-заде, не включили в повестку заседаний октябрьской «тройки». Но 20 октября поэт все-таки не выдержал и тем самым подписал себе смертный приговор. В деле фигурируют протокол допроса от 20 октября (л. 13–17), его продолжение от 21 октября (л. 18–21) и дополнительный протокол от 27 октября (л. 22–23).

Михаил Мушфик был вынужден заявить, будто еще в последнем классе школы подпал под контрреволюционное влияние своего учителя (л. 13), затем дружил с писателями-националистами. Однако членом «организации» он признал себя лишь с 1935 г., когда получил от председателя Союза писателей Азербайджана Алекперли «задание протаскивать контрреволюционный национализм в произведениях» (л. 18). Выполняя «указания», поэт в стихотворениях «Песня вечности» и «Мингечаур» в замаскированной форме писал о тяжелом положении Азербайджана (л. 18). Его заставили дать список лиц, с которыми он вел «контрреволюционные разговоры об угнетении Азербайджана в СССР» (л. 14 об–15); около половины из поименованных им писателей арестованы не были (писатели его поколения в целом пострадали меньше, чем более старшие). Следствие, однако, требовало указать, кого Михаил Мушфик завербовал лично; сделать это он отказался. Далее в деле идут показания на поэта других лиц, которые начали собирать с апреля 1937 г. (л. 24–35). Алекперли рассказал о том, как завербовал Михаила Мушфика (л. 26); другой писатель заявил, что поэт в стихотворении «Бандитляр» («Бандиты») якобы восхвалял бандитов (л. 29).

Уже через неделю после признания следствие было окончено, протокол подписан 27 октября 1937 г. (л. 36). Обвинительное заключение составлено Цинманом 29 октября и подписано Сумбатовым 31 октября (л. 37–40). Теперь надо было ждать новой «тройки» из Москвы, той же, о которой мы писали в связи с Таги-заде. На ее заседания выносили дела тех, кто признался в октябре–декабре. Виза московского прокурора Розовского появилась на обвинительном заключении лишь 1 января 1938 г., видимо в день приезда «тройки» во главе с Ионой Никитченко. Судили Михаила Мушфика на три дня позже, чем Таги-заде, 5 января, заседание началось в 11.20. и окончилось в 11.40 (л. 43). Приговор — высшая мера (л. 44). Исполнен он был в тот же день, 5 января, о чем имеется справка за подписью всё того же Шевелева (л. 45).

Жена поэта Дильбар Гаджи кызы Ахунд-заде, как и другие жены осужденных к высшей мере, была арестована, но дальнейшая ее судьба оказалась иной. В тюрьме она заболела и вместо лагеря была отправлена в психиатрическую больницу (л. 121). В 1956 г. она все еще жила в Баку, но, по-видимому, была больна: в отличие от других вдова Михаила Мушфика не принимала участия в реабилитации мужа.

В данном случае надо отдать должное писателям Азербайджана, которые взяли инициативу на себя. В частности, в деле есть письмо членов президиума СП Азербайджана от 16.11.1955, которое подписали С.Рагимов, Мехти Гусейн, Мир Джалал, М.Ариф, И.Эфендиев, Б.Вагаб-заде (л. 91–92). Они дали прекрасную характеристику покойному и особо отмечали его стихотворение о Сталине (напомним, что это происходило еще до XX съезда). Письмо также было связано с уже созданной 10 ноября (л. 90) следственной комиссией по поводу упоминавшихся выше стихотворений «Песня вечности» и «Мингечаур». Писатели признали оба стихотворения советскими по идеям. Вообще, надо отметить разную позицию Союзов писателей разных тюркских республик СССР: если СП Казахстана, как мы увидим в следующей главе, иногда прямо мешал реабилитации погибших писателей, то СП Азербайджана помогал ей.

Заключение прокуратуры от 07.03.1956 (л. 112–114) было утверждено заместителем Главного военного прокурора СССР И.Максимовым 14 марта. Судебное постановление о реабилитации (л. 115) датировано 23.05.1956. В Баку ныне установлен памятник погибшему поэту, издано трехтомное собрание его сочинений.

Гусейн Джавид

Гусейн Джавид (настоящее имя — Гусейн Раси-заде, псевдоним Джавид значит «вечность») — один из старших по возрасту и, вероятно, самый авторитетный из арестованных в те годы азербайджанских писателей. О его жизни и деятельности немало написано по-азербайджански, а в год 100-летия со дня его рождения вышли две книги на русском [Джафар 1982; Караев 1982], из которых надо отметить первую, содержащую довольно подробный очерк его творчества. Однако в ней нет даже даты смерти писателя и лишь сказано, что его «зрелый период творчества... охватывает всего 26 лет (1910–1936)» [Джафар 1982: 3]. О том, что с ним было с 1937 г., мы можем узнать лишь из его следственного дела № Пр 18846.

Гусейн Раси-заде родился 24 октября 1882 г. в Нахичевани. Об отце писателя биограф сообщает, что он принадлежал к духовному сословию, но был известен как певец, знаток музыки и поэзии [Джафар 1982: 9]. Сам Гусейн Джавид говорил, что его отец «в дореволюционный период занимался духовной деятельностью» (л. 30), а Рухулла Ахундов назвал этого человека «известным муллой-плакальщиком» (л. 71). Он передавал и слухи о том, что будто бы сам будущий писатель в юности был «нов-хаханом» — певцом на празднике шахсей-вахсей (л. 71) (по другим показаниям, активным участником этого же праздника был и будущий следователь Атакишиев).

В детстве Гусейн ходил в местную мусульманскую школу, организованную на основе новых методов педагогики просветителем Мохаммедом Таги Сидги [Джафар 1982: 10]. Окончив школу, он уехал в Тебриз, крупнейший город Иранского Азербайджана, где в семинарии учился его старший брат; о его пребывании в Иране сказано и в следственном деле (л. 30), и в биографии [там же: 9]. Проучившись год в духовной школе, он вернулся в Нахичевань, где стал преподавать детям. Занимался также и торговлей, а первая его поездка в Турцию в 1903 г. была связана с тем, что он возил туда ковры (л. 30). В Стамбуле будущий писатель находился в течение года, потом отправился в Баку, а в 1905–1909 гг. вновь жил в Стамбуле. В свой первый приезд он учился в частной школе у поэта Резы Тевфика, во второй — по рекомендации Резы Тевфика — в Стамбульском университете. В следственном деле сказано, что Гусейн Джавид получил в Турции высшее образование (л. 1), но в биографии, что, вероятно, более точно, говорится, что он не закончил обучение по болезни [там же: 18].

В 1909–1911 гг. Гусейн Джавид вновь жил в Нахичевани, где открыл школу на дому. В эти годы он начинает печататься и пишет первую пьесу «Мать». О периоде 1911–1912 гг. у нас есть разные сведения. По данным самого писателя, он преподавал в Баку в школе для иранцев, где учились и азербайджанцы, но из-за материальных сложностей был вынужден переехать в Елизаветполь (Гянджу) (л. 30). Но, по данным биографии, он тогда находился в Тифлисе без постоянной работы и писал трагедию «Шейх Санан» [там же: 24]. Далее оба источника совпадают: в 1912–1913 гг. Гусейн Джавид живет сначала в Елизаветполе, где преподает в медресе, затем после увольнения едет в Тифлис, где преподает персидский язык. Сам он в показаниях добавлял, что по болезни затем уехал в Кахетию, где служил табельщиком на железной дороге, а после этого жил в Ессентуках (л. 31).

В 1914 г. в Тифлисе произошло событие, которому уделено внимание следствии: Гусейна Джавида вызывали в полицию, поскольку считали неблагонадежным. Видимо, это было связано с началом войны: Турция стала союзником Германии, и полицию заинтересовал человек, долго живший в Стамбуле. Следователь Мамедов задал в 1937 г. писателю вопрос: «Какие задания шпионской работы давал Вам начальник царской охраны в Тифлисе?» (л. 32). Писатель, признавая сам факт вызова в полицию, категорически отрицал, что получал какие-либо задания. Отметим, что примерно в то же время в Москве добывали у Е.Д.Поливанова показания о получении «шпионских заданий» у японцев против царской России, а в Баку, наоборот, интересовались «шпионскими заданиями», получаемыми от царской охраны. В Баку еще действовали по схемам, унаследованным от 20-х годов, а в Москве уже был иной подход.

В 1915 г. Гусейн Джавид переехал в Баку, где преподавал азербайджанский язык в школе «Сафа» (л. 31). По словам Рухуллы Ахундова, в те годы он стал популярен «в качестве поэта и новостильного преподавателя тюркского языка» (л. 71). Прославился он тогда и как драматург, автор прозаических мелодрам «Марал» и «Шуйда» и трагедии в стихах «Шейх Санан». Уже тогда он стал широко известен, и «каждый приезд Джавида в Баку специально отмечался в газетах» [Караев 1982: 5].

В 1918 г., в разгар Гражданской войны, писатель на два месяца отправился в Иран, затем уехал на родину, в Нахичевань (л. 31), видимо переживая события. В середине 1919 г. он вернулся в Баку [Джафар 1982: 29] и с тех пор жил там постоянно до ареста. До 1920 г. он, по собственным показаниям, преподавал

в семинарии, затем вел «закон божий» в женской школе (л. 31). В эти годы он окончательно выбирает для себя как жанр творчества стихотворную драму — «Пропасть» (1917), «Демон» (1919–1920).

В открывающей дело справке на арест Гусейн Джавид назван членом партии «Мусават» с 1918 г. Однако даже следствию 1937 г. не удалось подтвердить этот факт. Сам писатель, признавая сотрудничество в издававшихся мусаватистами журналах «Куртулуш» и «Яшил калам», категорически отрицал связи с самой партией (л. 31). Но и другие арестованные называли его самое большее «духовным мусаватистом». Рухулла Ахундов заявил, что «мусаватисты объявили его „классиком тюркского мира“, и за этот свой титул Джавид дрался до последнего времени», но при этом указал, что писатель официально не состоял в партии «Мусават» (л. 71). Он же привел свой разговор с Юсуфом Везириным (о нем см. ниже), в котором сказал, что Гусейн Джавид мусаватистом не был, на что Везиринов будто бы ответил: «Раньше не был, а потом стал» (л. 72). Таким образом, очевидно, что писатель не был мусаватистом, но и не выступал против этой партии, оставаясь в те годы вне политики, насколько это было возможно.

Такую же позицию Гусейн Джавид занимал и в первые годы советской власти в Азербайджане. В 1920–1925 гг. он преподавал в Азербайджанском государственном университете [Джафар 1982: 30]. Причины его ухода нигде не названы. Сам он в анкете арестованного указывал, что с 1926 г. не работал и получал пенсию (л. 10). Однако есть данные, что и после этого Гусейн Джавид преподавал в педагогическом училище и театральном техникуме [там же]. Преподавателем театрального техникума он числился и в момент ареста (л. 1). Однако ясно, что в 20–30-е годы его прежде всего занимала литературная деятельность. С 1925 г. он был членом Азербайджанского литературного общества, о котором говорилось в связи с Ахмедом Джавадом [там же: 112], а с 1934 г. — членом Союза советских писателей, из которого его, как и Михаила Мушфика, исключили заочно уже после ареста (л. 21). С 10 апреля по 1 октября 1926 г. Гусейн Джавид находился в Германии, куда был командирован Наркоматом просвещения Азербайджана «с целью изучения современной европейской литературы и для лечения» [там же: 30].

В 20-е годы Гусейн Джавид был знаменит прежде всего стихотворными трагедиями на литературные или исторические сюжеты: «Пророк» (о Мухаммеде), «Хромой Тимур». В них чувствовалась отстраненность от современности. Газеты того времени

писали о нем как о «самом известном и прославленном поэте Кавказа», «самом могучем поэте в Азербайджане», каждую постановку его пьес называли «великим праздником», отмечали, что, как только Джавид появлялся на сцене, раздавались бурные и продолжительные аплодисменты [Караев 1982: 5]. После опубликования драмы в стихах «Демон» его сравнивали с Пушкиным [там же: 18]. На следствии 1937 г. этой популярности приписывался тенденциозный характер; в деле Б.В.Чобан-заде, например, приводится высказывание Али Назима о Гусейне Джавиде как о «единственном на Советском Востоке неказенном таланте» (т. 1, л. 47–48).

Отстраненность от современной тематики вызывала нападки на писателя «пролетарских» поэтов и критиков. Об этом много лет спустя писали в таких обтекаемых формулировках: «В 20-е годы нередко романтические прозрения поэтического воображения Джавида... никак не вменялись в рамки текущей агиткампании и газетной пропаганды» [Караев 1982: 21–22]. Там же цитируется не самое злое высказывание критика 20-х годов: «Несмотря на свой замечательный талант, большой литературный вес, широкое литературное творчество, Джавид все же не является по-этом революционной эпохи» [там же: 6].

В деле об этом говорится куда жестче: пьесы Гусейна Джавида «полны панисламистским и пантюркистским духом... лирика его — сплошной мрачный пессимизм или безудержный упадочный эротизм» (л. 71); «Он по своему характеру не мог быть реалистом», считая, что «творчество должно быть вне политики и классово-борьбы» (л. 76); Гусейн Джавид «писал не из советской действительности... восхвалял османскую идеологию», говорил, что не может писать на современные темы потому, что «в СССР нет постоянных героев», они «ежедневно меняются» (л. 99). Писателя постоянно ругали за язык его произведений: «Был ликвидатором азербайджанского языка и проводником османского языка в школе, литературе и театре» (л. 71); «Все его произведения... по языку абсолютно негодны для Азербайджана, так как написаны в пышном турецком стиле» (л. 87). По-видимому, такая критика была сильнее всего в середине 20-х годов. И сам Гусейн Джавид признал на допросе, что в его произведениях до 1926 г. были «ошибки»: он был далек от советской тематики и «писал не на понятном народной массе языке» (л. 28).

Писатель далее сказал о том, что эти ошибки им в дальнейшем «исправлялись» (л. 28). И в биографии говорится о «переломе» в его творчестве именно с 1926 г. [Джафар 1982: 30].

Перелом проявился в дастане (традиционный жанр тюркской поэзии) «Азер», печатавшемся фрагментами с 1926 по 1936 г. («известно, что были и неопубликованные части» — пишет его биограф [там же: 123]), и в стихотворной мелодраме «Князь» (1929) о революции в Грузии и крахе эмиграции. Его последние пьесы в стихах (трагедии и драмы) — «Струнный саз» (1930), «Сиявуш» (1933), «Шехла» (1934), «Хайям» (1935), «Мечь Демона» (1936) — в той или иной степени отражали предъявляемые к Гусейну Джавиду требования.

Писатель был по-прежнему популярен, но обстановка стала более трудной, чем раньше. Пьесы «Струнный саз» и «Шехла» (единственная написанная-таки им пьеса на современную тему) были забракованы и не допущены к постановке на сцене (л. 35). О последней пьесе приводятся показания Али Назима: «Я лично пьесу „Шехла“ не читал, но, со слов Назарли Гаджи баба, Али Керимова, Али Алекперли, мне стало известно, что она забракована за то, что не отвечает советскому духу и малохудожественна» (л. 154). Пьеса «Сиявуш», в конечном счете поставленная и изданная, также подвергалась критике, в связи с чем ее автор заявил: «Я не сапожник и по заказу писать не могу». Эта фраза повторяется в показаниях разных лиц (л. 85, 99), и, видимо, в ее основе есть доля правды.

Высказывания писателя в те годы, разумеется, подаются в деле крайне тенденциозно, но в чем-то они могли соответствовать реальности. Свидетель Микаил Манаф оглы Рзакулиев передавал его слова о «затирании» национальных кадров и русификации азербайджанского языка, заключавшейся, например, в заимствовании «не соответствующего построению азербайджанского языка» суффикса «-ция»; также ему приписано высказывание о том, что иностранные слова надо заимствовать из языков-источников без посредства русского языка (л. 100).

Арестованный бывший нарком юстиции М.М.Талыблы показывал, будто Гусейн Джавид «жалуется, что его постоянно обижают как тюрка, преследуют, не дают работать и кормить свою семью. Мне лично он жаловался, что ему не дают заграничные командировки, в то время как писатели Грузии и Армении по несколько раз ездят за границу, что артист Папазян постоянно ездит за границу, а из тюркских артистов никого не посылают, хотя артисты Ульви и Шариф лучше играют, чем Папазян» (л. 87). Не будем сравнивать качества игры артистов, но все же заметим, что выдающийся армянский актер В.Папазян жил и играл еще много лет, а ведущие азербайджанские артисты Ульви Раджаб и Шариф-заде будут вскоре расстреляны по тому же делу № 12493.

Действительно, после 1926 г. Гусейн Джавид больше не выезжал за границу. По свидетельству Али Назима, в середине 30-х годов Рухулла Ахундов приглашал прекрасно владевшего персидским языком Гусейна Джавида в АЗФАН для перевода стихов Омара Хайяма. Тот соглашался только при условии командировки в Иран, которую не разрешили; проект не осуществился (л. 153).

Последнее из дошедших до нас сочинений писателя — антифашистская трагедия «Месть Демона» была написана в конце 1936 — начале 1937 г. [Джафар 1982: 160]. Ее издание стало возможным лишь спустя много лет. В это же время он приступил к работе над сочинением в новом для себя жанре — сценарием «Кёроглу» о герое народного эпоса, начинал «драму на патриотическую тему», приступил или собирался приступать к произведению о Ленине [Джафар 1982: 160, 164; Караев 1982: 24, 94]. Ничего из этого не сохранилось — архив был изъят.

О дальнейшем говорит следственное дело. Все его начальные документы идентичны тем, что содержатся в делах Ахмеда Джавада и Микаила Мушфика. Всех арестовали в ночь на 4 июня 1937 г., так же как еще нескольких писателей: Санылы, Мусаханлы и других.

В справке-основании для ареста сказано: «Поддерживает к.-р. связь с целым рядом мусаватистов, с коими ведет мусаватские беседы... Группирует вокруг себя к.-р. национал. настроенных молодых поэтов, коих обрабатывает в мусаватском духе» (л. 1). При аресте у Гусейна Джавида был изъят мешок со 115 книгами на турецком, арабском и персидском языках вместе с «корзиной рукописей» (л. 4).

Отметим, что в отличие от всех описанных выше дел, целиком оформленных на русском языке, часть материалов данного дела написана по-азербайджански, допросы вел следователь-азербайджанец Мамедов, а расписки подследственного написаны либо на двух языках, либо по-азербайджански. В отличие от более молодых Ахмеда Джавада и Микаила Мушфика, свободно владевших русским языком и много переводивших, Гусейн Джавид явно знал этот язык недостаточно.

Первый протокол допроса также датирован 5 июня 1937 г. и еще более краток, чем протоколы допросов двух других писателей. Помимо изложения биографии Гусейн Джавид показал, что мусаватистом не был, хотя имел знакомых среди мусаватистов (в их числе назван Ахмед Джавад), но сейчас с ними не связан (л. 26–27).

Однако далее пути арестованных писателей разошлись. В деле имеются еще три протокола допросов, охватывающие период в полтора года: продолжение допроса от 21 декабря 1937 г. (начала нет) (л. 28–29), протокол от 21–22 марта 1938 г. (л. 30–35) и протокол от 11 ноября 1938 г. (л. 36–37); все допросы вел тот же Мамедов. Большие временные разрывы и наличие лишь конца одного из протоколов указывают на то, что допросов было больше, но из-за отсутствия «признательных показаний» они не включались в дело. Есть также протоколы очных ставок с Али Керимовым 05.10.1937 (л. 101) и Али Назимом Махмудзаде 11.10.1937 (л. 102).

Ни в одном из документов Гусейн Джавид не признал себя виновным, пусть не в такой форме, как это сделал И. Гасанов. Он покаялся лишь в «ошибках» в произведениях, написанных до 1926 г. (л. 28), а из процитированных ему показаний других людей подтвердил, что действительно говорил Рзакулиеву о неорганичности для азербайджанского языка суффикса «-ция» (л. 33). Все прочее, включая «высказывания против русского языка и русской литературы» (л. 33), писатель решительно отверг. Отрицал он обвинения и на очных ставках.

В то же время в показаниях многих арестованных и единственного свидетеля Рзакулиева обвинений хватало. К уже приведенным добавим еще одно. Рухулла Ахундов передавал слова, якобы сказанные Юсуфом Везировым: «Турецким шпионом Джавид являлся еще при покойном Николае втором, а теперь он работает со мной» (л. 72) (заметим, что это говорилось задолго до ареста самого Везирова).

Но не было главного — признаний самого подследственного. Мы не знаем, каким пыткам подвергался Гусейн Джавид, но он не сдался. В тех условиях, соглашаясь подтвердить обвинения, подследственный в обмен на временное прекращение пытки отдавал жизнь. Количество признаний не играло роли: уже упомянутый Эминбейли признался лишь на одном допросе 31 августа 1937 г., потом отказался от признаний, а на суде заявил, что сознавался лишь потому, что Герасимов и Цинман его били; однако 13.10.1937 и его расстреляли вместе со всеми (дело Ахмеда Джавада, л. 175–177). А отказ от признаний в 1937 г. мог дать шанс если не на спасение (как мы увидим ниже, бывало и такое), то хотя бы на продление жизни.

Ни на первое, ни на второе заседание «тройки» дело Гусейна Джавида не вынесли и продолжали держать его в тюрьме. А дальше ситуация не совсем понятна. Весной 1938 г. новое руководство НКВД Азербайджана решило, по-видимому, подвести

под данным делом черту. 7 апреля был составлен протокол об окончании следствия (л. 103), 9 мая появилось заключение прокурора Пинкиса, в котором подсудимый объявлялся изобличенным по ст. 72 и 73 УК Азербайджана (л. 104), а 21 июля был подписан документ о пересылке дела на Особое совещание в Москву. Очевидно, было решено осудить Гусейна Джавида на заключение в лагере. Писателя уже собирались отправлять на Колыму (л. 230).

Однако по каким-то причинам Особое совещание не стало рассматривать в 1938 г. дело Гусейна Джавида. Видимо, по указанию Москвы в ноябре 1938 г. его допрашивали еще раз, он подтвердил отказ от признания своей вины. А дальше идет загадочный документ от 7 февраля 1939 г.: письмо из 1-го спецотдела НКВД СССР в НКВД Азербайджана. В нем сказано, что из Москвы в Баку возвращается следственное дело Гусейна Джавида с резолюцией: «В соответствии с приказом НКВД от 26/XI 1938 направляем на ваш запрос для оформления и направления по подсудности» (л. 106).

Мы не знаем, что это за приказ. Но вторая половина 1938 — начало 1939 г. в НКВД были временем больших перемен. Берия стал сначала заместителем наркома Ежова, затем наркомом. Особое совещание, куда попадали менее существенные дела, в эти месяцы нередко оправдывало подсудимых, в первую очередь тех из них, кто не признался. Возможно, что и данное дело было там сочтено недостаточно аргументированным. Однако азербайджанская ситуация отличалась от многих других: первым лицом в республике оставался все тот же Багиров, который к тому же был тесно связан с новым наркомом. Возвращение дела в Азербайджан означало возвращение его на решение Багирова, которое было вынесено еще в 1937 г.

При перепроверке дела в Баку были не только подтверждены прежние обвинения, но и к двум прежним статьям еще добавили статью 68 (шпионаж). Основанием для этого были не дошедшие до нас показания Рухуллы Ахундова, сделанные уже в Москве (л. 124). Впрочем, о расстреле, видимо, речь все равно не шла, так как накануне завершения следствия 8 марта 1939 г. была составлена медицинская справка, в ней сказано: 56-летний писатель болен склерозом сосудов, но к физическому труду годен и северный климат переносить может (л. 13). Заранее готовились к отправке Гусейна Джавида в лагерь.

В тот же день был составлен еще один протокол об окончании следствия, где подсудимый вновь заявил о невиновности (л. 107). 11 марта Мамедов составил обвинительное заклю-

чение, в тот же день утвержденное заместителем наркома Керимовым (л. 122–125). В нем, кроме всего прочего, сказано: «Следствием также установлено, что Гусейн Джавид долгое время проживал в Турции, а затем в Германии и, по данным НКВД, Гусейн Джавид предназначался для шпионской работы» (л. 125). Напомним, что писатель был в Германии лишь несколько месяцев. На обвинении резолюция прокурора Гусева от 17 марта: «На Особое совещание» (л. 125). Обвинения аналогичны тем, что предъявлялись казненным в 1937 г., но время было другое и наказание предусматривалось также иное.

Среди московских документов обращает на себя внимание заключение прокурора, где предлагается снять статью о шпионаже, поскольку есть лишь «подозрение по косвенным показаниям» (л. 132). Заключение составлено точно во вторую годовщину ареста — 04.06.1939. 9 июня появился приговор Особого совещания — восемь лет лагеря (такой же, какой через 12 дней был вынесен трем бакинским языковедам). Обвинение в шпионаже отсутствует.

Ввиду затяжки дела, а затем приговора не к высшей мере жена Гусейна Джавида арестована не была. 27.01.1941 она написала заявление с просьбой пересмотреть дело мужа. Этого заявления в деле нет, есть лишь заключение прокурора Алиева, утвержденное заместителем прокурора АзССР К.Селиверстовым: «Осужден правильно» (л. 136–137).

Тогда писатель еще был жив. Но, как сказано в реабилитационной части дела, «отбывая срок наказания, 5 декабря 1941 года Гусейн Джавид умер» (л. 241); ему было 59 лет. В другом месте сказано, что умер он в Заплаге (около Тайшета) (л. 249). Причина смерти в деле не указана. Эта дата смерти известна с 50-х годов и в отличие от ряда других, объявлявшихся в то время родственникам, оказалась верной. Однако, например, в БСЭ (изд. 3, т. 7: 461) обе даты жизни неверны (1884–1944). Автор одной из книг о Гусейне Джавиде писал: «Жизнь Джавида оборвалась в начале 40-х годов, в пору нового взлета творческих сил» [Караев 1982: 95]. Но это произошло еще в 1937 г., а далее были два с лишним года тюрьмы и еще два с чем-то года лагеря.

Реабилитация началась с заявления вдовы, которое, однако, в деле отсутствует. Есть лишь письмо исполняющего обязанности заместителя прокурора АзССР И.Исмаилова председателю КГБ Азербайджана А.М.Гуськову от 01.10.1955, где предлагается доследовать дело, в котором «по неизвестным причинам» два заключения об окончании следствия (л. 139–140). Здесь также указано: «Со слов заявителя — жены Гусейна Джавида,

дело ее мужа трижды слушалось гласным судом и откладывалось» (л. 140). Более трети всего дела занимают обзорные справки 1955–1956 гг. о лицах, дававших показания против писателя (л. 149–233). Их давно не было в живых, кроме единственного свидетеля, никогда не арестовывавшегося М.М.Рзакулиева (кстати, в 1939 г. его не передопрашивали). Он показал, что действительно его в 1938 г. вызывали на допрос, но своих показаний не помнит. Когда их предъявили, то он заявил: «Мой допрос от 13 марта 1938 г. был зафиксирован с искажением и были зафиксированы неточности» (л. 231). Теперь он показал: «Гусейн Джавид был крупным азербайджанским поэтом с буржуазной идеологией, поэтический язык которого был засорен турецкими словами» (л. 231), однако он «не любил заниматься политикой» и потому контрреволюционером не был (л. 230). Также запросили СП Азербайджана, который 8 февраля 1956 г. ответил столь же благожелательно, как и в случае с Михаилом Мушфиком (л. 235–237).

Заключение следователя (л. 238–242) датировано 23.02.1956, протест заместителя прокурора Азербайджана Бабаева (л. 243–245) — 28.02.1956. Решение о реабилитации было вынесено не в Москве, а в Баку — Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда АзССР 6 марта 1956 г. (л. 249–251). После этого произведения Гусейна Джавида снова стали печататься и ставиться на сцене.

Юсуф Везир Чемазминли

Следственное дело этого писателя нам не удалось изучить. Ряд обстоятельств его заключения мы не смогли выяснить. Но некоторые сведения о нем содержатся в делах Б.В.Чобан-заде, Гусейна Джавида, А.А.Ахундова, а также других. Значение в истории азербайджанской литературы заставляет рассмотреть биографию Ю.В.Чемазминли. Наряду со следственными материалами мы использовали и известные нам очерки его жизни и деятельности [Везир 1959; Гусейнов 1985].

Юсуф Мирбаба оглы Везиров (Юсуф Везир Чемазминли) родился 12 сентября 1887 г. в Шуше. Он печатался с 1907 г., сотрудничал в сатирическом журнале «Молла Насреддин». Как сказано в биографической справке, приложенной к изданию его рассказов, он в 1915 г. окончил юридический факультет Киевского университета, затем работал в Судебной палате Саратова и юрисконсультom в Одессе [Везир 1959: 178]. В 50–80-е годы

о его жизни и деятельности с 1918 по 1926 г. писали невнятно. В биографической справке 1959 г. — ни слова. В более странном очерке 1985 г. упомянута изданная в 1920 г. книга «Беглый взгляд на азербайджанскую литературу», а также сказано, что писатель «в 1922–1925 гг. жил в городе Клиши близ Парижа» [Гусейнов 1985: 12]. В 3-м издании БСЭ (т. 29: 62) сказано более подробно: «В 1919–1925 гг. жил в Стамбуле и Париже. В 1926 г. вернулся на родину».

Эти сведения дополняются материалами следственных дел, в том числе показаниями Б.В.Чобан-заде от 02.08.1937: они познакомились в 1920 г. в Стамбуле, где Юсуф Везир был представителем мусаватистского правительства; после падения этого правительства он переехал в Париж, а в 1927 г. с разрешения советского руководства вернулся на родину (дело Б.В.Чобан-заде, т. 3, л. 752). Как видно из других источников, датой его возвращения все-таки был 1926 г. Гусейн Джавид, чьим показаниям следует доверять, рассказывал, что познакомился с Юсуфом Везиром в 1933 или 1934 г., а о прошлом его знает лишь из его собственных рассказов: тот был представителем мусаватистов в Турции, после их падения оказался безработным, уехал в Париж, где работал на заводах, возвращению его на родину содействовал Рухулла Ахундов, бывший за рубежом в середине 20-х годов (дело Гусейна Джавида, л. 36–37). Инженер А.А.Ахундов, о котором будет говориться ниже, возивший в Париж в 1925 г. на выставку произведения азербайджанского декоративного искусства, показывал 20.10.1938, что на выставку приходил Юсуф Везир и просил помочь с переездом на родину. По пути из Франции А.А.Ахундов встретился в Германии со своим однофамильцем Рухуллой Ахундовым и передал ему эту просьбу (дело А.А.Ахундова, л. 60).

Возвращение на родину столь крупного мусаватиста и переход его на советские позиции были использованы азербайджанскими коммунистами в пропагандистских целях. Как сказано в биографии писателя, «после 1926 года начался новый этап в его многогранном творчестве... О нем много говорилось, высказывались всевозможные суждения: порой точные, правильные, порой противоречивые, спорные» [Гусейнов 1985: 5]. Эта противоречивость явно была связана не только с художественными пристрастиями: у Юсуфа Везира Чеменземинли были и покровители (в том числе, по-видимому, Рухулла Ахундов), недаром репрессии против бывших членов «Мусавата» во второй половине 20-х годов его не коснулись, но бывший активный мусаватист вызывал подозрения у «пролетарских» критиков.

В 20-е годы писатель публиковал рассказы, во многом автобиографические, вошедшие в сборники «Страницы прошлого» (1926) и «В поисках заработка» (1927). В 30-е годы он сыграл «важную роль в создании и развитии азербайджанского советского исторического романа» [Гусейнов 1985: 5]. События этих романов относились к разным эпохам. Юности Юсуфа Везира посвящен роман «Студенты», полностью изданный в 1935 г.; его продолжением стал роман «1917 год». Но писал он и романы о более далеком прошлом: «Девичий источник», посвященный 1-му Всесоюзному съезду советских писателей, и «В крови», о котором мы расскажем ниже [Гусейнов 1985: 443]. Также писатель издал сатирическую пьесу «Его высочество едет в Париж», в которой была отражена его жизнь во Франции, переводил с русского, в том числе произведения Л.Н.Толстого и И.С.Тургенева. Последним его сочинением стал написанный в 1937 г. на русском языке сценарий «Алтунсач» на современную тему; опубликован он, как и роман «В крови», будет лишь через много лет.

Последние прижизненные издания писателя относятся к 1935 г. Потом началась травля. В резолюции общего собрания азербайджанских писателей от 10–12 июня 1937 г., подшитом к делу Гусейна Джавида (о нем мы подробнее будем говорить ниже), Юсуф Везир назван в числе «махровых мусаватистов, пантюристов и националистов всех оттенков», которые «проникли и безнаказанно действовали в Союз советских писателей Азербайджана» (л. 19, сохранена формулировка дела. — *Авт.*). Его роман «Студенты» был назван «контрреволюционной» книгой (л. 21). Как видно из текста резолюции, к моменту собрания Юсуф Везир был уже исключен из СП (л. 21).

Казалось бы, после этого его сразу должны были арестовать. Но М.Д.Багиров по каким-то причинам решил не торопиться. Как сказано в обзорной справке из реабилитационной части дела Гусейна Джавида (л. 185–186), Юсуф Везир Чеменземинли (Юсуф Везиров) был по показаниям 1937 г. арестован 27 января 1940 г. Что он делал последние два с половиной года перед этим, мы не знаем. В той же справке говорится, что он не признал себя виновным, а Особое совещание 11 июня 1940 г. осудило его на восемь лет заключения в лагере. Все, кроме дат и более быстрого хода следствия, очень похоже на дело Гусейна Джавида, вплоть до того, что с него в Москве также было снято предъявленное в Баку дополнительное обвинение в шпионаже. К моменту составления справки (17.02.1956) его дело готовилось к пересмотру. Из лагеря Юсуф Везир Чеменземинли так-

же не вернулся. Дата и место смерти в справке не указаны. В биографиях писателя 50–80-х годов неизменно указывается 1943 г. без месяца и числа.

В заключение хочется особо остановиться на, вероятно, самом известном произведении писателя — романе «В крови», дважды издававшимся в русском переводе [Везир 1973; Чемеңземинли 1985]. Это добротное историческое повествование о не таком уж отдаленном от нас времени — последнем десятилетии XVIII в., эпохе, современной Великой Французской революции и непосредственно предшествовавшей присоединению Азербайджана к России. В центре — трагическая судьба крупного азербайджанского поэта и одновременно везира одного из местных правителей Молла Панаха Вагифа. Любопытно, что название романа не авторское, а дано уже в посмертных изданиях [Гусейнов 1985: 443]. Возможно, публикаторы начатого 15 декабря 1936, законченного 19 апреля 1937 г., но впервые изданного лишь посмертно в 1960–1961 гг. романа хотели подчеркнуть, что его автор разделил судьбу своих героев. Действительно, крови в романе льется много. Едва ли не все его герои — исторические лица — становятся жертвами кровавых междоусобиц, в которых мелкие тюркские ханства боролись и между собой, и с некогда могущественным, но постепенно слабеющим Ираном. И почти никто из героев не гибнет в бою: победители казнят побежденных, чтобы потом пасть жертвой других соперников.

И спустя 140 лет после событий романа намного ли в Азербайджане изменилась цена человеческой жизни? Юсуф Везир Чемеңземинли, начавший роман почти в день ареста Рухуллы Ахундова и закончивший его, когда уже не было на свободе Б.В.Чобан-заде, Г.С.Губайдуллина и многих других, сам ждавший ареста, мог вкладывать в свои строки актуальные мысли и чувства.

Говоря о 1937 г. в нашей стране, мы по привычке видим то, что было в России, связываем с событиями того времени процессы, начатые русской революцией. Но в Азербайджане на это накладывались и местные традиции. Вспомним рассказ Ф.Н.Шлёмовой о М.Д.Багирове как человеке с «восточной спецификой», жившем в семье, как в «старом мире». По всем данным, он среди более связанных с русской культурой азербайджанских руководителей выделялся традиционностью мышления. Вероятно, для него нормы поведения не очень отличались от нравов ханов и беков, описанных Юсуфом Везиром. Клянясь на трибуне именами Маркса и Ленина, он мог в душе считать себя ханом Северного Азербайджана, вассалом великого северного

шаха грузинского происхождения. И хан мог казнить или миловать везирей и поэтов с разрешения шаха. В 1956 г. новая власть в Москве велела казнить и его.

В 1790-х годах кровь лилась и в Азербайджане, и во Франции, хотя по разным причинам; трудно подсчитать, где погибло больше людей. Сталина устраивал Багиров, а более европеизированных интернационалистов вроде Рухуллы Ахундова (которого трудно себе представить в условиях Азербайджана XVIII в.) он решил уничтожить. Это соответствовало его политическому курсу.

Другие писатели и критики

Прежде чем перечислить других репрессированных деятелей литературы Азербайджана, вернемся к резолюции общего собрания членов и кандидатов в члены СП Азербайджана от 10–12 июня 1937 г. Она включена в дело Гусейна Джавида (л. 16–25).

Собрание было организовано в связи с опубликованием 8 июня в «Правде» статьи, посвященной ситуации в СП Азербайджана. Автором статьи был Григорий Ефимович Рыклин, это имя известно в истории советской журналистики: в 20–30-е — ведущий фельетонист «Правды», в 40-е годы — главный редактор «Крокодила». Но данная статья написана не в обычном для него жанре, что видно из ее названия «Ухищрения врага». Впрочем, писатели, уже объявленные «врагами», затронуты в статье лишь вскользь; огонь критики был обращен против тех, кто еще находился на том собрании и лишь ждал включения в число «врагов». Статья в центральной газете была воспринята в Баку как директива, многие ее формулировки дословно включены в резолюцию.

Вот выдержки из резолюции: «Руководство Союза в лице его Правления (Шамилов, Алекберли, Вургун и др.) страдало политической слепотой и беспечностью, считало вскрытые факты маловажными, никак на них не реагировало» (л. 16); в руководстве союза господствовали «гнилой либерализм и идиотская болезнь — беспечность» (л. 19); «одна из самых утонченных форм вредительства врагов в литературе» — отвлечение от работы склоками, такими, как «беспринципная групповая борьба» между Самедом Вургуном и Сулейманом Рустамом (л. 20).

«Общее собрание со всей решительностью отвергает грубую клевету на орган партии „Коммунист“ со стороны Самеда Вургуна, которую он признал в результате целого ряда разоблачений его выступлений. Несмотря на то что Самед Вургун при-

знал свою грубую политическую ошибку, собрание предлагает ему решительно порвать свои связи с социально чуждыми националистическими элементами и окончательно изжить зазнайство» (л. 20). Отчетный доклад председателя СП С.Шамилова признан «несамокритичным» (л. 20). Сам Шамилов обвинен в «благодарности, семейственности» (л. 21). В «несамокритичности» и связях с писателями-мусаватистами обвинен бывший (до 1936 г.) председатель СП Алекперли (л. 21). Вывод: «за неудовлетворительную работу и слабое руководство Союзом снять с работы председателя правления Сейфуллу Шамилова и ответственного секретаря Самеда Вургуна» (л. 21). Кроме того, И.Эфендиев был снят с должности руководителя секции критиков и выведен из правления (л. 22); Мехти Гусейн, который «потворствовал склоке между Самедом Вургуном и Сулейманом Рустамом», переведен из членов СП в кандидаты (л. 23). Итог: необходимо «быстрейшее выкорчевывание всех остатков троцкизма, национал-уклонизма, махрового мусаватизма и авербаховщины» (л. 24). На собрании из СП заочно исключили уже арестованных Гусейна Джавида, Микаила Мушфика и других.

После собрания каждый из упомянутых на нем писателей и критиков мог ждать ночного стука в дверь. С некоторыми так и случилось. Но все-таки столь массовых арестов, как 4 июня 1937 г., среди азербайджанских писателей уже не было. Из упомянутых в предыдущем абзаце погибли лишь Алекперли и Шамилов. Не были арестованы Сулейман Рустам, И.Эфендиев, Мехти Гусейн, а о судьбе Самеда Вургуна мы поговорим особо. Списки на арест НКВД не всегда совпадали со списками тех, кого прорабатывали на собраниях. Это относилось и к Москве и Ленинграду. В той же резолюции перечислена «шайка» «троцкиста и атамана по литературным вопросам» Авербаха: «Киршон, Бруно Ясенский, Афиногенов, Корабельников, Чумандрин и др.» (л. 18). Из этой «шайки» Афиногенова и Чумандрина в итоге не арестовали, а Корабельников дожил до 1996 г.

Ниже приведены содержащиеся в изученных нами делах сведения о репрессированных писателях, литературных критиках и литературоведах Азербайджана.

Гаджи Керим Саниев (Санлы), 1887 г. р., поэт. Член партии «Мусават», в годы правления мусаватистов — губернатор Казахстана. Перед арестом — преподаватель Института торговли и кооперации. Арестован 4 июня 1937 г.; исключен из СП заочно 10–12 июня 1937 г. Умер под следствием 6 сентября 1937 г. (дело Гусейна Джавида, л. 21, 184).

Ханиф (Ганиф) Баба оглы Зейналлы, 1896 г. р., литературовед и критик. В 1917 г. — эсер, с 1919 г. — член ВКП(б), в 1930 г. исключен из партии как «национал-уклонист», в 1932 г. восстановлен. В книге о Гусейне Джавиде назван «одним из серьезных исследователей» его творчества [Джафар 1982: 62]. Перед арестом — ученый секретарь Института языка и литературы АзФАН СССР, был тесно связан с Р.Ахундовым и Б.В.Чобан-заде. Арестован 28 января 1937 г. На следствии несколько раз подписывал признания и отказывался от них. В одном из заявлений, от 13 февраля 1937 г., просил «улучшить мне режим до полного выяснения того, что к этой своре изменников не принадлежу». Он же объяснял причины признания: «12 дней я твердил о том, что за старые грехи накажите меня, но с к.-р. организацией Рухуллы Ахундова я не связан... Всё это осталось голосом вопиющего в пустыне... 12 дней одиночной камерной жизни, полуголодного режима, нервных пререканий и, наконец, почти бессонных ночей». Расстрелян 13 октября 1937 г. Допросы вел Галустян, впоследствии расстрелянный (дело Р.Ахундова, т. 5, л. 131–137; дело Гусейна Джавида, л. 193–203).

Алекперли, 1905 г. р., литературный деятель. Член ВКП(б). Первый председатель СП Азербайджана в 1934–1936 гг., потом до ареста — директор азербайджанского «Партиздата». Арестован 5 августа 1937 г. по справке, подготовленной Х.И.Григорьяном. Ему инкриминированы 10 «контрреволюционных изданий», вышедших в свет во время его руководства СП, в том числе «Студенты» Юсуфа Везира, «Салаф» Ахмеда Джавада (героиня «списана с члена организации Хавер Караевой»), стихи Микаила Мушфика. Расстрелян 13 октября 1937 г. (дело Гусейна Джавида, л. 207–215).

Эфендиев (Кантемир), писатель. Исключен из СП до 10 июня 1937 г., на собрании 10–12 июня упоминался в числе «врагов». Однако арестован лишь 17 февраля 1938 г. Признал вину, но затем отказался от показаний. Дело разбиралось Особым совещанием 21 июня 1939 г. одновременно с делами трех бакинских языковедов. Также осужден на восемь лет лагерей, дальнейшая судьба не выяснена (дело Микаила Мушфика, л. 82).

Али Назим Махмуд-заде, 1906 г. р., литератор и критик. Научный сотрудник Института языка и литературы АзФАН. В 1936 г. исключен из кандидатов в члены партии за «рваче-

ские тенденции и плагиат». Арестован 18 марта 1937 г. одновременно с Г.С.Губайдуллиным. Его показаниями «на предварительном следствии скомпрометирован 51 человек». 13 октября выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР осужден на 10 лет. Это единственный известный нам случай, когда кто-либо на этой сессии был осужден не к высшей мере. В период реабилитации его уже не было в живых (дело Гусейна Джавида, л. 149–155; дело Р.Ахундова, т. 5, л. 148–149). По данным [Гришина, Васильков, Перченко 1990, с. 98], его жизнь оборвалась в 1941 г.

Гаджи Назарли, 1895 г. р., драматург. Обвинялся в том, что служил в армии мусаватистов. Член ВКП(б) с 1920 г. Был связан с РАПП, занимал руководящие посты, в том числе начальника Главреперткома Азербайджана. Арестован в Железноводске 16 июля 1937 г. Расстрелян 9 января 1938 г. (дело Гусейна Джавида, л. 86, 156–160).

Асад Насирбек оглы Ахундов, 1893 г. р., литературный деятель. Учился в Киеве, одно время примыкал к мусаватистам, с 1920 г. член ВКП(б). В 30-е годы директор издательства «Азернешр». На собрании 10–12 июня 1937 г. обвинен в покровительстве Юсуфу Везиру, Микаилу Мушфику и другим в издании их «контрреволюционных» произведений и исключен из СП. Арестован 25 июля 1937 г., назван членом «запасного центра», шпионом и террористом. Виновным себя не признал. Дело несколько раз рассматривалось в 1938–1939 гг., А.Н.Ахундов приговаривался к высшей мере, но затем дело направлялось на дополнительное рассмотрение. Последний раз приговор оставлен в силе Президиумом Верховного совета СССР 1 июля 1939 г., дата приведения приговора в исполнение не указана (дело Гусейна Джавида, л. 23, 161–163).

Салман Мумтаз Аскеров, 1883 г. р., писатель. Родился в Шемахе. Исключен из СП до 10 июня 1937 г., на собрании 10–12 июня назван «врагом». Арестован 10 октября 1937 г. 9 января 1938 г. осужден на 10 лет тюремного заключения. Умер 21 декабря 1941 г. в Соль-Илецкой тюрьме.

Таги Шахбази, писатель и критик. Член ВКП(б). В 20-е годы один из руководителей Азербайджанского литературного общества и главный редактор журнала «Моариф Медениет». Исключен из СП и, по-видимому, арестован до 10 июня 1937 г. Расстрелян 13 октября 1937 г.

В деле Гусейна Джавида (л. 78) приводятся такие показания Х.Зейналлы о Таги Шахбази: «...усиленно культивировал контрреволюционные националистические взгляды, утверждал, что детей надо отдавать только в русские школы, что азербайджанская школа ничего не может дать подрастающему поколению ввиду отсутствия своих кадров». Пример хорошо показывает формальный характер оформления допросов: подследственный пересказал высказывания Таги Шахбази, а следователь механически переписал их под рубрикой «националистические взгляды», как было положено, хотя слова по сути противоположны национализму.

Микаил Мюслюм оглы Талыб-заде (Талыблы), 1897 г. р., государственный и литературный деятель. Член ВКП(б) с 1918 г. В 20-е годы руководитель Азербайджанского литературного общества, позднее член Союза писателей. В 20-е годы занимал в Азербайджане руководящие посты: нарком юстиции, заместитель председателя Госплана, руководитель Бакинского горплана. С конца 20-х годов прорабатывался как «национал-уклонист». В 1936 г. исключен из партии как «неразоружившийся национал-уклонист»; есть сведения, что тогда же был арестован и осужден на пять лет. К концу 1936 г., однако, находился на свободе и заведовал отделом субтропических культур Наркомзема. Арестован 9 января 1937 г. Долго не признавал себя виновным, требовал, чтобы его дело разбирали в Москве, «сдался» в июле. Расстрелян 13 октября 1937 г. (дело Гусейна Джавида, л. 80–81, 115, 169–176).

В деле Ахмеда Джавада приводятся обширные показания Талыблы на него (л. 49–55), отрывки из которых приводились выше. Однако при проверке 1955 г. обнаружилось, что в деле Талыблы никаких показаний против Ахмеда Джавада нет (л. 186).

Эпизодически в делах упоминаются и некоторые другие репрессированные писатели: **Султан Меджид Муртаза-Али оглы Гани-заде** (1866–1937), **Сеид Гусейн**, **Курбан Мусаев**, **Зиннет Закиров** (все они были названы «врагами» на упоминавшемся собрании СП, дело Гусейна Джавида, л. 21), председатель СП Азербайджана в 1936–1937 гг. **А.Шамилов**. К сожалению, в делах, которые нам удалось изучить, нет точных сведений об обстоятельствах их трагической судьбы.

Самед Вургун

Включение Самеда Вургуна в данный список может вызвать недоумение: известно, что его деятельность после 1937 г. продолжалась. Но оказывается, что и его судьба была не столь безоблачной, как она выглядит в биографиях советского периода.

Самед Юсиф оглы Векилов, позже взявший псевдоним Вургун («Влюбленный»), родился 12 мая 1906 г. в селе Юхары-Салахлы, но с юности жил в Баку. Он учился во 2-м МГУ в Москве и в аспирантуре в Баку. В 30-е годы получил в своей республике известность как поэт. Он, как и бывший двумя годами его моложе Михаил Мушфик, принадлежал к всецело советскому поколению писателей. Эти два поэта ярко выделялись среди своих сверстников. В отличие от Михаила Мушфика, жившего только стихами, Самед Вургун тяготел и к общественной деятельности: в 1934–1937 гг. был ответственным секретарем СП Азербайджана.

При фабрикации дела № 12493 имя Самеда Вургуна упоминалось очень часто. Выше мы приводили жесткие формулировки вплоть до «клеветы на орган партии» на собрании СП. От таких обвинений оставался один шаг до ареста. Эти слова слышали многие, а в кабинетах НКВД Азербайджана тем временем записывали сведения о поэте как «контрреволюционере».

Еще 25 февраля 1937 г. бывший директор Азербайджанского театра драмы А. Керимов дал показания против Самеда Вургуна (дело Р. Ахундова, т. 3, л. 428). 9 апреля Р. Ахундов упомянул его в длинном списке «националистов вне партии» (т. 1, л. 48–61). Али Назим Махмуд-заде назвал его «контрреволюционером и мусаватистом» (дело Б. В. Чобан-заде, т. 3, л. 956). Талыблы уже 17 августа заявил, что Назарли «составил группу» из Самеда Вургуна, Мехти Гусейна, Расула Рза и Исмаила Хафиза (дело Гусейна Джавида, л. 86). Показания разных лиц против поэта мы находим несколько раз в деле Гусейна Джавида (л. 82, 91, 97), заставили в конце концов их дать и Михаила Мушфика (л. 14 об), есть они и в деле Ахмеда Джавада (л. 50). В последнем случае, однако, против фамилии Самеда Вургуна кем-то из сотрудников НКВД поставлен вопросительный знак.

Мы могли бы предположить, что арест поэта готовился, но по каким-то причинам не состоялся, хотя «материалов» для него хватало. Такое бывало тогда не раз. В разных изученных делах мы не раз встречаем показания против людей, которым в итоге повезло. Это писатели Абдулла Шаик (ближайший друг

Гусейна Джавида с 1905 г.), Сулейман Рустам, Мамед Рагим, Расул Рза, Мехти Гусейн, литературовед Микаил Рафили, композитор Узеир Гаджибеков, художник Азим Аслан оглы Азимзаде, актер Мирза Алиев и другие.

Приведем в виде примера несколько показаний. Али Назим показал, что в 1925 г. группа выпускников Бакинского педагогического техникума во главе с Сулейманом Рустамом решила бойкотировать Азербайджанский государственный университет как «проводник великодержавного шовинизма» и поступать в пединститут, чтобы учиться там у Б.В.Чобанзаде (дело Чобанзаде, т. 3, л. 956). Г.Назарли заявлял, что Сулейман Рустам уже в 30-е годы «требовал по существу изгнания всех русских из общественной жизни республики» (дело Гусейна Джавида, л. 97). И на собрании писателей 10–12 июня 1937 г. Сулейман Рустам был одним из наиболее жестоко критиковавшихся. Уже перечисленного было достаточно для расстрела писателя. Однако он уцелел, и судьба отпустила ему еще более полувека жизни (умер в 1989 г.). Еще пример. А.Керимов в тех же показаниях от 25.02.1937 среди артистов возглавлявшегося им Азербайджанского театра драмы «контрреволюционным националистом» № 1 назвал Мирзу Алиева, а на второе место ставил Ульви Раджаба (дело Р.Ахундова, т. 2, л. 433). Алиев выходил на сцену еще при мусаватистах, а Ульви Раджаб тогда был совсем молод (род. в 1903 г.). Тем не менее последний погиб, а Алиев остался в театре и впоследствии стал Народным артистом СССР. Кого-то «хан» Багиров и миловал.

Что же было с Самедом Вургунум? Данные противоречивы. В реабилитационной части дела Микаила Мушфика дважды отмечено, что он «к уголовной ответственности никогда не привлекался» (л. 83; 87). Но в деле Ахмеда Джавада имеется свидетельство, на которое следует обратить внимание.

Во время следствия по делу М.Д.Багирова был в числе прочих свидетелей допрошен 14 мая 1954 г. Павел Владимирович Хентов, много лет работавший в НКВД Азербайджана. Он многое рассказал о Багирове. Отметим, например, такие слова: «В случае, если арестованные меняли свои показания или вообще отказывались от показаний, ссылаясь на то, что их били, Багиров говорил: „Значит, мало били“» (л. 164). И он рассказал, что и Самед Вургун был арестован с санкции Багирова, который потом «выступил в роли „ангела-спасителя“» (л. 164), велел доставить арестованного в свой кабинет и там лично освободил из-под стражи. История выглядит как карикатура на Николая I, потребовавшего доставить к себе из Михайлов-

ского Пушкина и заявившего, что сам будет цензором его сочинений.

Этот факт документально мы не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть. Но выглядит он правдоподобно. Если это так и было, то мы не знаем ни точной даты (вероятно, вскоре после июньского собрания писателей), ни продолжительности ареста (вероятно, не слишком длительной). Во всяком случае начиная с осени 1937 г., когда Самед Вургун был выдвинут на первых выборах в Верховный совет СССР кандидатом в депутаты, он всегда находился под покровительством Багирова. Дело на него, надо думать, либо не заводилось вообще, либо было сразу уничтожено, поэтому в 1956 г. можно было лишь констатировать, что он к уголовной ответственности не привлекался.

Следуя историческим примерам царей, шахов и ханов, Багиров понимал, что поэтов нельзя только казнить, должны быть и придворные поэты, которым надо оказывать покровительство. Среди поэтов следовало выбрать действительно одаренного, а у Самеда Вургунга несомненно был талант. Инсценировка «спасения» не могла не привязать «спасенного» к «спасителю».

Были и другие, причем документально подтвержденные случаи, когда писатели в Азербайджане освобождались. Так произошло с Сулейманом Рагимовым, который, по показаниям упоминавшегося Т.М.Борщева, был с согласия Багирова в 1937 г. арестован, а затем освобожден (дело Р.Ахундова, т. 4, л. 102). В середине 50-х годов Рагимов возглавлял СП Азербайджана и активно участвовал в реабилитации писателей. Возможно, его позиция была связана с воспоминаниями о собственных бедах.

Судьба Самеда Вургунга после 1937 г. внешне выглядела благополучно. В конце того же года он стал депутатом Верховного совета СССР, в 1940 г. принят в партию, в 1941 и 1942 г. дважды удостоен Сталинской премии, в 1945 г. избран в Академию наук Азербайджана, имел звания Заслуженного деятеля искусств и Народного поэта Азербайджана, был награжден двумя Орденами Ленина. Придворный поэт!

Но случайно ли, что именно в том же, 1937 г. не только Юсуф Везир, но и Самед Вургун пишет о Молла Панахе Вагифе, только произведение другого жанра, драму в стихах? Не примерял ли он на себя судьбу придворного поэта и государственного деятеля XVIII в., кончившего жизнь на плахе? Впрочем, драма о Вагифе получила Сталинскую премию. Начиная с нее, Самед Вургун как бы принял эстафету от Гусейна Джавида, выступая в основанном последним в азербайджанской литературе жанре романтической стихотворной драмы. Одно из

таких произведений — «Ханлар» (в русском переводе «Восходит солнце») было посвящено революционной деятельности в Баку молодого Сталина.

В конце 40-х годов Константин Симонов написал стихотворение «Речь моего друга Самеда Вургунна на обеде в Лондоне». Впоследствии Симонов, принципиально отказавшись после XX съезда от перепечатки старых стихов о Сталине, жалел именно об этом стихотворении, считая его адекватно выражавшим его чувства тех лет. Речь в нем шла о том, как Самед Вургун «поехал к лордам» в составе парламентской делегации и выступил в соответствии с просьбой коллег («Испорти им, чертям, обед») с пламенной речью перед недоброжелательной западной аудиторией. Симонов описывает, как слушали «лорды» эту, надо думать, действительно яркую и искреннюю речь [Симонов 1952: 163–164]:

Им бы не слушать этот спич,
Им палец бы к курку!
Им свой индийский взвить бы бич
Над этим — из Баку!..
Сидеть и слушать его речь
В бессилье идиотском,
Сидеть и знать: уже не сжечь,
В петле не сжать, живьем не съесть,
Не расстрелять, как Двадцать шесть
В песках за Красноводском.

Стихотворение заканчивалось так [там же: 164]:

Стоит мой друг над стаей волчьей,
Союзом братских рук храним,
Не слыша, как сам Сталин молча
Во время речи встал за ним.
Встал, и стоит, и улыбается —
Речь, очевидно, ему нравится.

А в это самое время, как показал Хентов, по распоряжению Багирова министр госбезопасности Азербайджана Емельянов «разрабатывал» Самеда Вургунна вплоть до 1952 г. (дело Ахмеда Джавада, л. 164). Не знаем, делалось ли это с санкции Сталина.

Тот же Симонов, уже тяжело больной, в одном из последних стихотворений снова вспоминал из своих друзей именно Самеда Вургунна [Симонов 1992: 74]:

Вот тебе и семьдесят, Самед!
Молодому, дерзкому и нежному.
Всё не верю, вот уж двадцать лет,
Что нельзя обнять тебя по-прежнему.

Есть ушедшие давным-давно,
На кого и до сих пор надеемся,
С кем, с живым ли, с мертвым — всё равно —
По привычке хлебом правды делимся.

Видимо, было за что вспомнить среди умерших друзей именно его. А Самеда Вургуна тогда уже давно не было. В 1954 г. на 2-м Всесоюзном съезде советских писателей он делал основной доклад о всей советской поэзии. Спустя полтора года торжественно отмечалось его 50-летие. Но на юбилее его уже не было: он умирал от рака в бакинской правительственной больнице. Через две недели, 27 мая 1956 г., поэта не стало. По стечению обстоятельств он умер в тот самый день, когда в газетах появилось сообщение о казни Багирова.

«БРОСИЛА ГРАФИН В ТОВ. АНКИШЕВИЧА»

В Баку в 1937 г. страдали не только видные деятели культуры и науки. Жертвами репрессий становились и обычные люди, о которых тоже надо вспомнить. Вот одно рядовое дело. Осужденная по нему Баладжа Ханум Кадыр кызы Исмаилова-Шукюрли (так она именуется в деле) попала в поле нашего зрения потому, что была сестрой Микаила Мушфика. Однако ее столь же короткое, как и дело брата, следственное дело из 97 листов № Пр 28895, как нам кажется, любопытно и само по себе. История ее ареста — яркая картинка нравов той эпохи.

Баладжа Ханум, урожденная Исмаилова, родилась в Баку в 1906 г. и была на два года старше брата. Отец ее, который, как сказано в деле, «помер в 1914 г.» (л. 22), был учителем, как поначалу и брат; она тоже избрала семейную профессию. В анкетах в графе «образование» в одном месте написано «среднее», но затем отмечено, что как раз в 1937 г. (видимо, заочно) она окончила пединститут (л. 47). Преподавала азербайджанский язык и литературу в бакинских школах. Рассказывают, что Баладжа Ханум, как и брат, публиковала свои стихи, но это в деле не отражено. Ее муж Шукюр Шукюрли тоже был учителем, детей у них не было. До 1937 г. не привлекалась к суду, в партии не состояла и была вне поля зрения органов НКВД (в деле брата она специально не упоминается). С ней произошел тот редкий случай, когда человек сам способствовал своему попаданию под колеса репрессивной машины.

По показаниям на допросе самой Шукюрли, через три месяца после ареста брата утром 9 сентября 1937 г. она пришла на работу, но ее не допустили к занятиям: на ее месте уже был другой человек. Стало ясно, что ее уволили из-за брата. Как свидетельствует Баладжа Ханум, она «разнервничалась» и «била сама себя» (л. 23). В таком состоянии она побежала в районный отдел народного образования (РОНО) и зашла в кабинет заведующей Сакины Рустамовны Ахундовой, с которой, по-видимому, была знакома.

О дальнейшем рассказывают обе враждующие стороны, а также случайные свидетели. Отметим сразу, что данное дело, которое велось на самом низшем уровне, при этом на русском языке, которым большинство его участников владели слабо, отличается особенной безграмотностью почти во всех записях. Не в ладах с русской орфографией и стилистикой как следователи, так и свидетели вроде заведующей РОНО, собственно-ручно записавшей показания. Далее цитаты будут приводиться дословно, без правки.

Ахундова показала, что Шукюрли зашла в ее кабинет и спросила, кто снял ее с работы. «Я же ей сказала, что сработы тебя сняла я» (л. 3), не скрыв того, что ее «брат разоблачен и сидит» (л. 3). Тогда Баладжа Ханум «стала мне наносить разные угрозы и одновременно стала произносить разные антисоветские контрреволюционные слова... Стала стучать по столу кулаками, впоследствии схватила чернильницу. Хотела ударить в меня чернильницей, но в это время присутствующие у меня в кабинете... ее задержали. Ударить меня чернильницей ей не удалось» (л. 3-4). В это время Ахундову вызвал секретарь Ворошиловского райкома (очевидно, находившегося в том же здании) Окиншевич (таково, по-видимому, правильное написание этой фамилии, встречающееся и в других следственных делах; Ахундова везде называет его Анкишевичем). Шукюрли побежала за ней и ворвалась в кабинет секретаря. Затем, по словам Ахундовой, учительница стала спрашивать его, почему ее уволили, тот велел ей покинуть кабинет. Тогда, по показаниям заведующей РОНО, «она стала упоминать те же антисоветские контрреволюционные разговоры, тоже снова что и говорила в моем кабинете», а потом «как отъявленный хулиган и враг народа подняла дебош схватила состола наполненный сводой графин и бросила им на отмах в тов. Анкишевича. Не попала, графин разбился» (л. 4-5).

О последующем рассказала сама Баладжа Ханум, чьи показания записали следователи. Секретарь райкома вызвал двух

человек, которые увели ее в соседнюю комнату, положили на кушетку и стали бить. Окиншевич сказал, что бить не нужно, и велел вызвать милицию (л. 23). Учительницу прямо из здания райкома увезли в тюрьму, в тот же день появилось постановление о принятии дела к производству (л. 1).

На 13 страницах следственного дела (л. 6–18) собраны показания людей, находившихся 9 сентября в здании общественных организаций Ворошиловского района Баку. Все они более или менее единодушно свидетельствовали, что скандал был, что из кабинета доносились «истерические вопли», что Шукюрли «обзывала похабными словами» начальство, подтвердили и «антисоветские высказывания». Сама учительница не отрицала эпизоды с чернильницей и графином, но заявила, что никому не угрожала и антисоветских высказываний не произносила (л. 24).

Из всех изученных дел это единственное, которое не производит впечатления полностью сфабрикованного, хотя приводимые Ахундовой слова Шукюрли «Сдесь скоро будит сидеть Троцкий» (л. 4) вызывают сомнения в достоверности. Истерика явно была, сложнее — с «антисоветскими высказываниями». О них упоминали разные свидетели (в том числе, как увидим ниже, и в период реабилитации), но если исключить имя Троцкого, то во всех словах, переданных Ахундовой и другими, нет ничего антисоветского или антикоммунистического. Все записанные высказывания Шукюрли — антирусские или антисемитские (в отношении Окиншевича). Ахундова приводит такие слова: «Хотя мой брат сидит, но он работал для блага тюркского народа, а вы тюрки продались русским. Стала... говорить, что у нас есть Турция, Персия и мы вас уничтожим и ряд других контрреволюционных слов» (л. 3–4). Другие свидетели приводят ее фразы: «Вы имеете красный билет, и вы тюрки продали русским тамбовским» (л. 6); «Мы вам покажем... Вы под диктовкой русской нации» (л. 10); «Баку стал городом русских... Всех тюрк арестовали» (л. 14). Что-то в пересказе здесь, вероятно, добавлено, однако вряд ли все это придумали нарочно.

Этого было достаточно. Первоначальное следствие, проводившееся милицией, закончилось уже через четыре дня после ареста (см. протокол, л. 26). В тот же день появилось постановление о предъявлении обвинения (л. 20). Последнее в основном состоит из переписанных в той же орфографии показаний Ахундовой: «Схватила состола сводой графин и бросила им в тов. Анкишевича и стеми же антисоветскими контрреволюционными угрозами заявляя, что занами Турция, Персия и т.д., что видно из следствия... Привлеч... в качестве обвиняемой».

И Ахундова, и следователи милиции пишут с ошибками самые простые слова, но ни разу не сбились в слове «контрреволюционный»: тогда его писали часто.

19 сентября появилось обвинительное заключение (л. 27), в котором говорилось о направлении дела на рассмотрение Спецколлегии Верховного суда Азербайджана. Однако дело за тем пошло по второму кругу, вероятно, не из-за своего характера, а ввиду трений между разными ведомствами: милицией и прокуратурой. В результате дело было изъято из ведения милиции и передано в прокуратуру Ворошиловского района. 20 октября Баладжи Ханум еще раз допрашивал (на этот раз на азербайджанском языке) следователь прокуратуры Алекперов (л. 32–33). 21 октября было заново составлено обвинительное заключение (л. 36–38). По сравнению с прежним в нем появилось одно изменение: из документов исчезает фамилия Окиншевича, превратившегося в безымянного «секретаря райкома». Причину понять нетрудно, но в реабилитационной части дела А.А.Ахундова мы нашли и прямое ее подтверждение: Окиншевич упомянут в списке репрессированных (л. 214).

Спецколлегия Верховного суда Азербайджана заседала 31 декабря 1937 г. (в Москву дело за незначительностью не посылали). Дело разбиралось по невысокой категории, что выразилось, в частности, в приглашении свидетелей, в том числе Ахундовой. Все стороны подтвердили сказанное ранее. В приговоре записано: «Допустила контрреволюционную националистическую клевету по адресу народов СССР, восхваляла некоторые капиталистические государства, при этом высказывала пораженческие взгляды и восхваляла врагов народа» (л. 46). Итог: шесть лет лагерей без права на кассацию. Конфискация имущества приговором не предусматривалась, но оставшиеся у Шукюрли дома вещи пропали (л. 96–97).

Трагической оказалась судьба всей семьи. О гибели брата мы писали выше. Муж Баладжи Ханум Шукюр Шукюрли в момент ареста жены еще не был арестован. От Михаила Мушфика требовали в числе прочего признать, что он «завербовал в организацию» своего зятя. Однако именно это уже сломленный к тому времени поэт по каким-то причинам так и не признал, заявив 27.10.1937, что личные отношения у них были плохими и потому вербовки не было (л. 22–23). Но Шукюру Шукюрли это не помогло: в ноябре 1937 г. он был арестован и в 1938 г. расстрелян в Свердловских лагерях (л. 97).

Сама Баладжа Ханум Шукюрли шесть лет провела в лагере в Плесецке Архангельской области, часть этого времени прора-

ботав в госпитале; отбыв срок, она в 1947 г. вернулась в Азербайджан, без права проживать в Баку. Когда она там появилась, ее под конвоем отправили в Шемаху. После этого девять лет проработала медсестрой и фельдшером в сельских районах Азербайджана (л. 50, 62). Судимость с нее сняли 5 июня 1954 г., но лишь в 1956 г. она смогла переехать в Баку. 2 марта 1957 г., когда ее брат уже был посмертно реабилитирован, она направила заявление с просьбой о собственной реабилитации (л. 50–52).

Начали искать свидетелей. Фамилия Ахундовой среди них уже не фигурирует, и мы не знаем, постигла ли ее судьба Окиншевича. Но среди тех, кто слышал скандал и дал показания на следствии и на суде, несколько человек отыскали. Они в целом подтвердили собственные показания в 1937 г. Один из них, впрочем, сказал, что учительница находилась в истерике и не понимала, что говорит, поэтому он просит ее реабилитировать (л. 72–73).

В заключении Следственного отдела КГБ Азербайджанской ССР от 14.05.1957 сказано: «Не усматривается, что Исмаилова-Шукюрли... имела злой умысел на совершение контрреволюционного преступления... Из материалов дела и допросов проверки устанавливается, что Исмаилова-Шукюрли допустила измышления антисоветского характера без умысла, что эти ее деяния явились следствием стечения тяжких личных обстоятельств, вызванных незаконными действиями по отношению к брату и к ней... Полагал бы дело прекратить за недоказуемостью обвинения» (л. 75). Как бы мы ни относились к КГБ, но нельзя не признать, что здесь дана точная оценка.

Но это было еще не все. Дело было передано в Прокуратуру Азербайджанской ССР, которая заняла иную позицию. Исполняющий обязанности прокурора республики А.В.Полянский потребовал нового допроса свидетелей (л. 75–76). Он не дал ничего существенно нового. В итоговом заключении прокуратуры сказано, что «антисоветские высказывания» подтверждены и «не могут быть оправданы незаконными действиями к ней со стороны РОНО. Полагал бы: ходатайство Исмаиловой-Шукюрли Баладжа Ханум Кадыр кызы о ее реабилитации оставить без удовлетворения за отсутствием основания для пересмотра дела» (л. 91–92). Отметим, что в документе 1957 г. среди прочего указано: «разразилась руганью по адресу евреев» (л. 90).

Спорное дело было передано на рассмотрение Верховного суда Азербайджанской ССР, который 20 декабря 1957 г. согласился с мнением КГБ, а не прокуратуры. Дело было прекращено за недоказанностью обвинения (л. 93–94). О дальнейшей жизни Баладжи Ханум и дате ее смерти мы не знаем.

СЕКРЕТЫ БАКИНСКОЙ ЭЛЕКТРИЧКИ

В этой книге мы в основном пишем о гуманитариях. Но нельзя забывать и о тех представителях тюркских народов России, которые впервые осваивали точные знания. Расскажем лишь об одной судьбе: одного из первых азербайджанцев-инженеров Ага Абдул Налын оглы Ахундова, пострадавшего уже в конце волны репрессий (дело № Пр 23442).

А.А.Ахундов родился в 1882 г. в Шемахе в крестьянской семье (мы уже упоминали нескольких Ахундовых, как будто все они были лишь однофамильцами). Многие в его судьбе определялось случайными обстоятельствами. Вряд ли бы он смог стать инженером, если бы его дядя не служил на складе, принадлежавшем крупному бакинскому нефтепромышленнику Г.З.А.Тагиеву. Тот выхлопотал племяннику своего служащего единственную бесплатную вакансию в реальном училище (л. 171). Затем А.А.Ахундов решил стать инженером и поступил в Киевский политехнический институт, который, однако, не окончил (причины этого не указываются). В 1906 г. он уехал для завершения образования за границу. Два года учился в университете в Льеже (Бельгия) и окончил его в 1908 г. Затем год работал в Париже на заводе «Эрликон», затем еще раз ездил в Бельгию (л. 72). В 1910 г. А.А.Ахундов вернулся в Баку, где ему не удалось устроиться на работу по специальности. Тогда он вместе с товарищем по реальному училищу Агамирбеком Махмудбековым открыл частную электротехническую контору «Люмьер», просуществовавшую до 1920 г. (л. 139).

От политики в те годы А.А.Ахундов, по-видимому, был далек и, судя по всему, лояльно относился к каждой из сменявших друг друга властей. На одном из допросов он сказал, что при мусаватистах вступил в партию «Эхрар» (л.71), но потом в партиях не состоял. Однако в советское время А.А.Ахундов как один из немногих дипломированных инженеров коренной национальности стал выдвигаться на руководящие должности, и до 1938 г. его карьера была довольно гладкой. С 20-х годов его основной областью деятельности стала педагогическая — подготовка кадров для азербайджанской промышленности.

В 20-е годы А.А.Ахундов был директором техникума им. Нариманова, созданного для подготовки национальных технических кадров. На следствии один из бывших студентов техникума, допрошенный как свидетель, сказал, что в те годы А.А.Ахундов дружил с Ахмедом Пепиновым, который еще в 1930 г. был репрессирован как националист, что часть преподавателей техни-

кума тогда же «изъяли» как мусаватистов, а преподаватель Сеидбейли бежал за границу (л. 125–126). Отметим, что в этом техникуме преподавал языки и Ахмед Джавад.

В 1925 г. в жизни азербайджанского инженера произошло событие, потом подробно изучавшееся во время следствия. В Париже проходила Всемирная выставка декоративно-прикладного искусства, в которой принимал участие и Азербайджан. Везти экспонаты должен был профессор Довнар-Запольский, но Москва отвела его кандидатуру. Было решено послать азербайджанца, владеющего французским языком (л. 39). Выбор пал на А.А.Ахундова, выучившего язык в Бельгии, хотя он не имел отношения к декоративно-прикладному искусству. Он и отправился в Париж, а по дороге заезжал в Берлин, где изучал развитие электротехники на заводах «Сименс-Шуккерт» (л. 58–59).

В 30-е годы А.А.Ахундов перешел на работу в Индустриальный институт, состав которого был интернациональным. Обучение и преподавание азербайджанцев очень поддерживалось, но их было мало. Количество студентов-азербайджанцев с 1935 по 1938 г. там даже уменьшилось (в том числе, может быть, и из-за репрессий), что расценивалось как «вредительство» (л. 43–44). А.А.Ахундов как специалист коренной национальности первоначально ценился в институте высоко. В 1932 г. получил звание профессора, хотя был чистым педагогом-практиком и не имел «ни строчки написанных работ» (л. 27), что тоже потом расценили как «вредительство». В начале 1935 г. директором института стал азербайджанец, коммунист Ахунд-заде, брат работника ЦК Азербайджана. В деле неоднократно говорится о том, что он покровительствовал А.А.Ахундову, чуть ли не единственному в институте профессору-азербайджанцу, что выглядит правдоподобно. В том же, 1935 г. А.А.Ахундов выдвигается на должность декана механико-энергетического факультета. Как можно видеть, массовых арестов преподавателей института в 1937–1938 гг. не было, что было связано с их национальным составом. Лишь Ахунд-заде, как и его брат, был арестован и погиб. После этого положение связанного с ним А.А.Ахундова ухудшилось. С 1 февраля 1938 г. он был освобожден от должности декана и остался лишь профессором.

Еще в 1937 г. на А.А.Ахундова стали собирать досье, среди прочих на него дали показания Б.В.Чобан-заде 20–21 июля и Г.С.Губайдуллин 7 августа (л. 1–2). Но в НКВД Азербайджана на это тогда не обратили внимания. Решающими оказались показания «агента английской разведки» Зейнала Тагиева, данные

8 октября 1938 г. (л. 2). Эта личность сыграла зловещую роль в судьбах многих. «Сын персидской принцессы и миллионера» (л. 164), того самого, кто помог А.А.Ахундову получить образование, до 1937 г. — эксперт Торговой палаты, имел в Баку славу секретного агента ОГПУ-НКВД. Жена А.А.Ахундова в жалобе 1945 г. писала, что ее муж «оклеветан провокатором Зейналом Тагиевым» (л. 161). Т.М.Борщев после ареста показывал 14.09.1954, что «Тагиев был агентом» (л. 224). В реабилитационном заключении по делу А.А.Ахундова подводится итог: Тагиев, «будучи секретным сотрудником Аз. НКВД, был „штатным свидетелем“ и, разъезжая по судам вплоть до 1940 г., давал вымышленные показания на десятки честных людей» (л. 229). При этом сам Тагиев с 18.10.1937 г. был арестован и находился под следствием. Так продолжалось почти три года. Получив все, что требовалось, его судили и 26 июня 1940 г. расстреляли (л. 213). Показаний Тагиева от 08.10.1938 в деле нет, хотя есть показания, данные позже, уже после ареста А.А.Ахундова. Известно лишь, что Тагиев на первых допросах ссылаясь на показания уже расстрелянного Ибада Алиева, который, как выяснилось при подготовке реабилитации, ничего об А.А.Ахундове не говорил (л. 229).

Дело открывается справкой «о контрреволюционной деятельности», составленной начальником 3-го отдела УГБ НКВД Азербайджана Мещеряковым (л. 1–2). В датах полная путаница: протокол о личном обыске помечен 14 октября (л. 7), вышеупомянутая справка и постановление об аресте, подписанное наркомом Раевым (л. 3), — 16 октября, а ордер на арест — 22 октября (л. 4). Таким образом, точная дата ареста неясна, где-то в октябре 1938 г.: не раньше 8, но не позже 20 октября, когда прошел первый допрос.

Следствие в основном вел сотрудник 3-го отдела Коврыженко. Его фамилия появляется и в реабилитационной части дела Ахмеда Джавада. Там (л. 119) сказано, что этот лейтенант (что реально соответствовало майору) госбезопасности в 1937 г. служил в Кировабаде, куда был специально прислан для проведения массовых арестов. Там он давал указания об избииении подследственных. В 1938 г., когда после арестов многих сотрудников НКВД Азербайджанской ССР образовались вакансии, его перевели в Баку, и в данное дело включены показания бывшего заключенного Алиева о его зверствах (л. 220–223). Как мы увидим, били и А.А.Ахундова.

С подачи провокатора Тагиева, следствие начало разрабатывать прежде всего три эпизода из жизни А.А.Ахундова: связи

с Ираном в начале 20-х годов, поездку в 1925 г. за границу и «вредительство» в Индустриальном институте в последние годы. Дореволюционный период мало интересовал следствие, а членство в «Эхраре» и связь с мусаватистами в техникуме упомянуты вскользь. Уже на первом допросе 20 октября А.А.Ахундов был вынужден признать свою вину.

Его подробно расспрашивали о возможном знакомстве в 1921–1923 гг. с вице-консулом Ирана в Баку Мовсум Ханом. Арестованный сразу же решил признаться в том, что тогда передавал ему «шпионские» сведения о нефтяной промышленности в Баку (л. 52), но пытался доказать, что после отъезда вице-консула в Иран в 1923 г. его «шпионская деятельность» кончилась (л. 57). Но Коврыженко тут же потребовал сведения о «шпионской работе для германской разведки» (л. 58). А.А.Ахундову пришлось уже на первом допросе рассказать, как он в 1925 г. в Берлине передал сведения об электрической железной дороге в Баку (л. 59); к этому сюжету мы еще вернемся. На следующем допросе 22 октября он добавил, что и позже связывался с германской разведкой через жившую в Баку немку, жену доктора Шахсуварова (л. 66); эта женщина в 1937 г. уже уехала в Германию, и показания не могли ей повредить. Как до него Чобан-заде или Губайдуллин, Ахундов пытался как-то смягчить свои признания, говоря, что получал «задания» лишь по сбору сведений, но не по вербовке (л. 65). Но с каждым новым вопросом от А.А.Ахундова требовали всё большего: ему пришлось писать перечень переданных в Германию «шпионских сведений» (л. 75), составить список лиц, с которыми он встречался в Германии (л. 76–81); среди них он назвал «связанным с ним по шпионской работе» лишь заведомо арестованного Ибада Алиева, на что последовало: «Вы говорите неправду» (л. 80).

К концу ноября сведений о «шпионской деятельности» уже было достаточно и Коврыженко сосредоточился на «вредительстве» в Индустриальном институте. На допросе 23 ноября подследственный был вынужден заявить, что был завербован директором института Ахунд-заде в апреле или мае 1936 г. (л. 87). Требовали рассказать и об участии в «националистическом подполье» до 1936 г., но показаний об этом А.А.Ахундов так и не дал. Но он рассказал, что Ахунд-заде говорил с ним о «зажиге азербайджанских кадров» (л. 87), и в это еще можно поверить. А дальше идет явная фантастика: будто бы Ахунд-заде требовал от подчиненного ему декана специально задерживать выпуск студентов и уменьшать среди них число азербайджанцев, чтобы

усилить их недовольство (л. 90–92). Отметим, что не имеется никаких показаний Ахунд-заде, к этому времени, по-видимому, уже расстрелянного (даты в деле нет).

После этого следствие обратилось за добавочной информацией непосредственно в институт (похожую ситуацию мы уже видели в деле Г.Багирова). 8 декабря Коврыженко и Мещеряков подготовили постановление о создании в Индустриальном институте экспертной комиссии. К тому времени Раев уже был арестован прямо в кабинете М.Д.Багирова и вскоре будет расстрелян; постановление утвердил временно исполняющий обязанности наркома старший лейтенант (т.е. подполковник) госбезопасности Р.Маркарьян (его расстреляют вместе с Багировым в 1956 г.). Комиссии предписывалось начать работу с 7 декабря, т.е. со вчерашнего дня, и закончить 10 декабря (л. 13). В комиссию вошли три сотрудника института: судья по фамилиям, русский, еврей и армянин. Уже 9 декабря они подписали акт экспертизы, приобщенный к делу (л. 15–19).

Акт похож на те заключения, которые давали новые руководители Института истории, языка и литературы примерно в это же время по поводу деятельности А.Р.Зифельда-Симумяги и И.Гасанова. Перечислены многие недостатки факультета и кафедры, на которых работал профессор: нет четких учебных планов, работа кафедры не обсуждалась на факультетских совещаниях, плохо организована защита дипломных проектов, много прогулов и пр. Однако прямых свидетельств вредительства не найдено. Вывод обтекаем: налицо «преступно-халатное отношение Ахундова к обязанностям декана», но можно и «подозревать, что действия Ахундова на факультете преследовали вредительские цели» (л. 19). К делу также были приобщены критические материалы об А.А.Ахундове, относившиеся к периоду до ареста: выводы комиссии, действовавшей перед его снятием с должности декана, статья в многотиражной газете и др. (л. 20–31). Если не считать упоминания в многотиражке о том, что декан «взял под защиту махрового националиста — студента Насруллаева» (л. 22), то вся критика имела не политический, а чисто деловой характер, а партком института, принимая решение снять Ахундова с должности декана, не нашел в его действиях вредительства (л. 23–26).

Однако совершенно иные оценки содержатся в протоколе другого заседания парткома, созданного после ареста А.А.Ахундова (л. 32). Здесь сказано о «подрывной работе» профессора, направленной на «создание искусственного недовольства среди студентов», т.е. явно повторяются формулировки НКВД. Отме-

тим, что среди перечисленных в протоколе фамилий членов парткома и актива нет ни одной азербайджанской.

16.12.1938 Коврыженко, Мещеряков и Маркарьян оформили постановление о предъявлении обвинения (л. 12), где перечисляются те же отмеченные три пункта. К первоначальным ст. 64 и 73 УК АзССР добавлены ст. 68 и 69. Однако и 16, и 21 декабря 1938 г. Коврыженко все еще допрашивал А.А.Ахундова, показав ему, в частности, акт экспертизы, с которым подследственный в основном согласился (л. 102–106). К этому времени относятся и новые, теперь подшитые к делу допросы Тагиева, который, в частности, заявил, что уже ко времени поездки в Германию в 1925 г. А.А.Ахундов был связан с «националистическим подпольем» (л. 115–122).

Тогда же был допрошен и бывший компаньон А.А.Ахундова по «Люмберу» А.Махмудбеков, также находившийся в тюрьме, но еще с 1937 г. (л. 139–142). Его арестовывали и в 1932–1934 гг., после чего А.А.Ахундов перестал бывать у него дома. 17.12.1938 Махмудбеков давал показания по данному делу, а спустя четыре месяца в протоколе судебного заседания назван «умершим» (л. 155). Об А.А.Ахундове он ничего существенного для следствия не рассказал, заявив лишь, что тот до революции симпатизировал Германии.

Протокол об окончании следствия по делу А.А.Ахундова (л. 146) был подписан 21.12.1938, обвинительное заключение (л. 147–151) 26.12.1938 подготовлено Коврыженко и Мещеряковым и 28.12.1938 утверждено Маркарьяном. Ничего нового в этих документах нет. Суд, однако, состоялся лишь 16 апреля 1939 г., причины такой задержки нам не известны.

К тому времени волна репрессий пошла на спад: уже не вспоминали о постановлении от 1 декабря 1934 г., можно было соблюдать большее число формальностей вплоть до вызова в суд свидетелей. Выездная сессия Военного трибунала Закавказского военного округа заседала в Баку 16 апреля 1939 г. В качестве свидетелей выступали сослуживцы и студенты А.А.Ахундова, в том числе члены экспертной комиссии. Подсудимый отказался от всех показаний во время следствия, пояснив: «Давал показание после того, как меня избили»; «О шпионаже я наговорил на себя»; «Когда это писалось, я находился в таком состоянии, что говорил всё, чтобы только закончить следствие»; Тагиев — «известный лгун и провокатор» (л. 155–156). Свидетели не подтвердили ни одного из пунктов обвинения, а один из них заявил, что о «национализме» профессора ничего не знает; единственный признанный свидетелями факт —

дружеские отношения с ранее арестованным директором Ахундзаде.

Как мы помним, нередко отказывались от своих показаний подсудимые и в 1937, и в начале 1938 г. Для суда и сейчас никакого значения это не имело. Однако по тем же самым статьям Уголовного кодекса АзССР теперь давали иные наказания, к расстрелу приговаривали редко. Судьи Парсаданов, Вихляев и Стражкин утвердили ранее заготовленное решение: 15 лет лагерей (л. 158).

Следующие документы дела относятся к 1945 г. 1 марта оставшаяся на свободе жена А.А.Ахундова, уже почти шесть лет находившегося в лагере, подала жалобу в НКВД Азербайджана, в которой писала о невинности мужа, оклеветанного провокатором Тагиевым (л. 161). Она сообщила также, что ее муж сейчас — инженер технического бюро в Канске (Красноярский край) и даже «удостоен звания ударника». 29 мая того же года следователем НКГБ Азербайджана Белополовым составлено заключение по этому заявлению, утвержденное наркомом Емельяновым (в 1956 г. будет осужден на 25 лет). В заключении, где, между прочим, упомянуты показания Чобанзаде и Губайдуллина, определено: «Оставить без внимания» (л. 182–184).

Спустя еще три года уже сам А.А.Ахундов написал заявление на имя министра госбезопасности СССР В.С.Абакумова (будет расстрелян в 1954 г.). Заявление (л. 164–170) не датировано, но, судя по данным дела, написано между маем и октябрём 1948 г. В нем заключенный пишет, что ни в чем не виноват и оклеветан провокаторами, а оговорил себя под влиянием насилия и преступных методов следствия (л. 166). Он сообщает: «Надо мной применялись в самых разнообразных формах издевательства и физическое насилие» (л. 169). Упомянуто, что отдавший приказ о его аресте Раев и другие «уже получили возмездие» (л. 169). Один из аргументов: «Даже у нас разговорная речь в семье русский язык» (л. 165) (стало быть, я не националист).

О себе А.А.Ахундов пишет, что с самого начала был признан в лагере инвалидом, а 3 мая 1948 г. «заактирован», т.е. получил право жить вне территории лагеря (л. 170). Он жалуется на плохое здоровье и просит дать возможность «дожить свои последние дни советским гражданином» (л. 170).

И еще аргумент, обращающий на себя внимание. А.А.Ахундов пишет, что сведения, которые он якобы передавал немцам, никогда не имели государственной важности, а секреты бакинской электрички он в 1925 г. не мог выдать уже потому, что она

появилась позже (л. 166–167). В 1956 г. в деле появились специальные справки о том, что переданная им якобы секретная информация публиковалась в журнале «Электрические станции» (л. 225), а электрическая железная дорога в окрестностях Баку построена в 1926 г. (л. 219). Может быть, избитый на допросе профессор нарочно давал такие показания, которые, как он надеялся, потом можно было бы легко опровергнуть (подобное поведение известно по воспоминаниям некоторых бывших подследственных). Но ни в 1938, ни в 1948 г. эти «детали» никого не интересовали; получают они значение лишь после 1953 г.

29.10.1948 заявление А.А.Ахундова из всесоюзного министерства отправили в МГБ Азербайджана для проверки (л. 162), т.е. жалобу послали тем, на кого жаловался заключенный. Следственный отдел министерства составил заключение, утвержденное Емельяновым 04.12.1948 (л. 183–184).

А через год произошло непоправимое: 25 октября 1949 г. А.А.Ахундов умер. Ему было 67 лет, из них 11 он провел в заключении. В деле дважды сказано, что он умер «в заключении» (л. 185) и «в лагере» (л. 238). Значит ли это, что «активирование» было отменено и старика отправили умирать за колючую проволоку? Большого значения это уже не имело.

В период всеобщей реабилитации вдова и трое его взрослых детей снова начали хлопотать о восстановлении доброго имени А.А.Ахундова, теперь уже посмертном. Ситуация теперь была другой. 18 февраля 1955 г. семья отправила заявление на имя председателя КГБ Азербайджана Гуськова (л. 185). Но, вероятно, из-за большой очереди пересмотр состоялся лишь через год. Некоторые реабилитационные материалы мы уже приводили. Добавим еще, что нашли двух из трех членов экспертной комиссии 1938 г., оба продолжали работать в том же институте. Они признали, что указанные в акте недочеты в работе имелись, но они не были вредительскими и «многие из них продолжают иметь место и в настоящее время» (л. 228). Было письмо в архив МВД о том, зафиксирована ли шпионская деятельность А.А.Ахундова, на нем штамп: «Не обнаружено» (л. 226).

Этого было достаточно для реабилитации. На основании заключения прокуратуры от 7 апреля 1956 г. (л. 227–230) и письма из прокуратуры в Военную коллегия Верховного суда СССР (л. 231–234) 11 августа 1956 г. А.А.Ахундов был реабилитирован (л. 235–237).

А Коврыженко в середине 50-х годов здравствовал и имел звание полковника госбезопасности (дело Р.Ахундова, т. 4, л. 87).

Потери среди национальной интеллигенции в Казахстане были еще более значительными, чем в Азербайджане. Здесь было две волны репрессий: в 1929–1931 и в 1937–1938 гг.

В отличие от Азербайджана, где в годы гражданской войны позиции национальной интеллигенции были достаточно разными и многие стояли в стороне от политики, в Казахстане интеллигенция, менее многочисленная, чем в Азербайджане, была довольно единой, объединяясь вокруг национальной партии «Алаш». Деятели этой партии и образованного ей национального правительства «Алаш-орда» в 1917–1919 гг. воевали с коммунистами, но в 1919–1920 гг. в большинстве перешли на советскую сторону и некоторое время даже входили в руководящие органы Казахстана, а ряд алаш-ордынцев вступили в РКП(б). Однако к деятелям «Алаш-орды» власть относилась с недоверием, они скоро были отстранены от участия в реальной политике. В 1929–1931 гг. началась кампания против тех, кто ранее входил в партию «Алаш»; многие из них были арестованы, некоторые расстреляны, другие провели по несколько лет в лагерях и ссылках.

В 1937–1938 гг. прошла еще более страшная волна репрессий. Оставшиеся в живых видные члены партии «Алаш» были уничтожены. Но погибли и почти все более или менее видные казахские коммунисты. Почти целиком было уничтожено как старшее поколение деятелей национальной культуры, сформировавшихся еще до революции, так и первое советское поколение казахских интеллигентов, выдвинувшихся в годы революции и вскоре после нее. Гибли и жившие в Казахстане русские просветители. Если в Азербайджане М.Д.Багиров проводил некоторую «селекцию», то в Казахстане среди старшего и среднего поколения национальных интеллигентов уцелели лишь единицы. Меньше пострадало лишь самое молодое поколение, выросшее уже при советской власти и вступившее в жизнь в 30-е годы.

В 50-е годы репрессированные азербайджанские ученые и деятели культуры в большинстве были реабилитированы, а в Казахстане реабилитация была неполной, коснувшись в основном лишь погибших коммунистов. Крупные деятели культуры, связанные с «Алаш» и «Алаш-ордой», были реабилитированы

лишь в 1988–1992 гг. Сейчас в Казахстане именно их имена окружены наибольшим почетом.

Ф. Д. Ашнин мог изучать следственные дела лишь во время короткой командировки в 1997 г. в Казахстан. Он успел просмотреть лишь шесть дел. Некоторая информация была почерпнута из издаваемой в последние годы, в основном в Казахстане, литературы, которая, однако, иногда тенденциозна. И все же мы надеемся, что собранный материал поможет читателям понять общую ситуацию, сложившуюся в Казахстане в 30-е годы.

АХМЕТ БАЙТУРСУНОВ

Мартиролог казахской интеллигенции начнем с видного языковеда и просветителя Ахмета Байтурсунова. Его следственное дело № 09797 хранится в архиве Комитета национальной безопасности Казахстана.

Как сейчас установлено [Джусупов 1995: 8], Ахмет Байтурсунов родился 15(28) января 1873 г. в Тургайском районе (в ряде источников, включая следственное дело, встречаются и другие даты его рождения: в постановлении об аресте — 1875, в анкете арестованного и приговоре — 1870). Его отец и дядя провели по 15 лет на каторге за сопротивление полковнику царской армии. Окончив в 1889 г. двухклассное русско-казахское училище в Тургае, Байтурсунов поступил в учительскую школу в Оренбурге, основанную выдающимся казахским просветителем Ибраем Алтынсариним. Он не был прямым учеником Алтынсарина, поскольку в том же, 1889 г. тот умер, но заветы основателя школы продолжали там сохраняться. В открывающих следственное дело документах: справке о контрреволюционной деятельности (л. 1) и постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения (л. 2) — Байтурсунов тенденциозно назван человеком с «низшим образованием», но далее, начиная с анкеты арестованного (л. 5), образование именуется «средним», что соответствовало действительности лишь формально. Учительская школа давала весьма серьезное образование, знакомя учеников-казахов с русской культурой.

Окончив эту школу в 1895 г., Байтурсунов стал работать учителем. В 1907 г. он был арестован за участие в национальном движении и шесть лет пробыл в заключении и ссылке (в материалах дела весь этот период его жизни не отражен). Вернувшись из ссылки в начале 1913 г., Байтурсунов уже в марте того же года стал главным редактором начавшей выходить в Орен-

бурге газеты на казахском языке «Казах» и занимал эту должность до конца 1917 г. Хотя попытки публикации периодических изданий на казахском языке предпринимались и раньше [Казахская 1987], однако эта газета стала наиболее известной и влиятельной среди начинавшей тогда формироваться национальной интеллигенции. В советское время газета традиционно именовалась «реакционной» (см. [БСЭ, 3-е изд., т. 11: 166]); причиной было, надо думать, не столько ее содержание, сколько то обстоятельство, что ее редактор и основные авторы потом были активными членами партии «Алаш». Газета выступала с умеренной, но последовательной критикой национальной политики царизма, играла важную просветительскую роль. В ней публиковались многие видные казахские писатели, а также сам редактор: он был не столько литератором, сколько политиком и публицистом, однако, следуя старой традиции, даже публицистические статьи облачал в стихотворную форму [Садвакасов 1928: 6]. Именно тогда началась работа Байтурсунова по созданию нового казахского алфавита, в 1912 г. появилась его первая публикация на эту тему [Джусупов 1995: 3].

В эти годы Байтурсунов и его друзья занимались просветительской деятельностью и еще не поднимали вопрос о национальной независимости. Когда после Февральской революции общественная ситуация изменилась, сотрудники газеты начали заниматься политической деятельностью.

В следственном деле содержатся фактические данные о деятельности Байтурсунова в тот период. Во время первой попытки его реабилитации была подготовлена справка, датированная 10.08.1958 (л. 130–131), основанная на данных изданной еще в 1929 г. книги Н.И.Мартыненко «Алаш-орда. Сборник документов». В справке (л. 130) сказано:

Байтурсунов Ахмет на первом Тургайском областном киргизском съезде в гор. Оренбурге (2–8 апреля 1917 года) был председателем президиума съезда. На указанном съезде Байтурсунов в составе 8 человек был избран в состав бюро по организации и созыву общекиргизского съезда. Рассматривая вопрос об отношении «Алаш-орды» к войне, съезд принял решение «Помочь делу обороны родины всеми возможными средствами и тем содействовать доведению войны до победного конца»...

На всекиргизском съезде «Алаш-Орды» в гор. Оренбурге (21–28 июля 1917 года) Байтурсунов Ахмет был избран товарищем председателя съезда и депутатом в учредительное собрание от Тургайской области, что было подтверждено вторым тургайским областным киргизским съездом в гор. Актюбинске (20–25 августа 1917 г.)...

Как видно из протокола заседания общекиргизского съезда в Оренбурге 13–15 декабря 1917 года, Байтурсунов Ахмет значится одним из организаторов указанного съезда. На этом съезде Байтурсунову вместе с Дулатовым было поручено составить особое воззвание к населению с призывом к прекращению партийной борьбы и к единению...

Одним из составителей программы партии Алаш значится Байтурсунов Ахмет. (Напомним, что в те годы киргизами часто называли казахов. — Авт.)

Сформировавшаяся в 1917 г. партия «Алаш» (*алаш* — боевой клич тюрков-кочевников) в течение нескольких месяцев перешла от позиции поддержки Временного правительства и «войны до победного конца» к лозунгам национальной независимости казахского народа. Не признав советскую власть, члены «Алаш» в декабре 1917 г. на упомянутом съезде в Оренбурге создали «Алаш-орду», т.е. свое правительство во главе с А.Букейхановым (о нем см. ниже). Байтурсунов вошел в его состав. Была выдвинута идея объединения всего казахского народа на основе традиционной кочевой культуры; именно это имелось в виду в упомянутом в справке «призыве к прекращению партийной борьбы и к единению». Позже последовательный противник идей партии «Алаш» поэт-коммунист Сакен Сейфуллин в утрированной форме так передавал идеи Букейханова: «Зачем перед лицом беды делить народ на классы?.. А ведь казахи-степняки спокон веков едины» [Джансугуров, Сейфуллин 1973: 144]. В 1917–1919 гг. вокруг идей «Алаш-орды» объединились национально ориентированные казахские интеллигенты разных поколений, за единичными исключениями, к которым относились Шаймерден Альжанов (погиб в годы гражданской войны), Сакен Сейфуллин.

Но казахское национальное движение не могло развиваться изолированно. Началась Гражданская война. «Алаш-орда» оказалась зажатой между двумя противоборствующими сторонами: часть территории Казахстана оказалась под контролем Красной Армии, другую контролировали казаки под командованием атамана А.И.Дутова. Правительство «Алаш-орда» первоначально поддерживало Дутова, потом А.В.Колчака, на некоторое время захватившего большую часть Казахстана. Но в 1919 г. произошел перелом, и к началу 1920 г. весь Казахстан стал советским. В августе 1920 г. была образована Автономная Киргизская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР (позже она была переименована в Казахскую, а в 1936 г. стала союзной республикой).

К тому времени почти все видные члены партии «Алаш» разочаровались в белых, боровшихся за «единую и неделимую

Россию» и не склонных даже к национальной автономии казахов. Советская же власть гарантировала такую автономию и затем действительно ее предоставила, а с социалистическими преобразованиями среди казахского крестьянства в те годы не спешили. Поэтому Байтурсунов и многие другие деятели «Алаш-орды» перешли на советскую сторону. Байтурсунов стал здесь одним из первых, сменив позиции еще в марте 1919 г. [Джусупов 1995: 9]. О его дальнейшей деятельности сказано в вышеупомянутой справке (л. 130–131):

Как видно из протокола заседания Военно-Революционного комитета от 15 сентября 1919 г., Военревком в целях склонения на сторону советской власти уральских киргиз алаш-ордынцев во главе с Досмухаметовым, действующих на стороне белогвардейцев, уполномочил членов ревкома Байтурсунова и Тунганчина вести переговоры с Досмухаметовым от своего имени...

На объединенном заседании от 27 октября 1919 г. Военно-Революционного Комитета РВС туркфронта, особой турккомиссии и РВС первой армии, где решался вопрос об объединении киргизского народа и склонения его на сторону Советской власти, с участием Куйбышева, Зиновьева и других, выступил Байтурсунов.

Байтурсунов предложил предоставить киргизскому народу действительное автономное самоуправление, а не фиктивное, предоставить амнистию всем киргизам, боровшимся против советской власти, властям на местах проявлять самые благоразумные действия в целях обеспечения перехода киргиз на сторону Советской власти...

В декабре 1919 года член киргизского ревкома в Оренбурге Байтурсунов направляет послание в Западное отделение Алаш-Орды с извлечениями из постановления Реввоенсовета туркфронта от 4 ноября 1919 года об амнистии всем киргизам, борющимся против Советской власти на стороне белых, на случай перехода их на сторону Советской власти.

Итак, на последнем этапе Гражданской войны Байтурсунов был с красными, входил в состав Оренбургского ревкома. После окончания войны, как сказано в одной из книг советского времени, «некоторые члены „Алаша“ назначались даже наркомками» [Тибекин 1968: 16]. Здесь имеется в виду Байтурсунов, ставший в 1920 г. наркомом просвещения Казахстана.

К этому времени относится датированный 4 апреля 1920 г. документ, опубликованный в газете «Известия Киргизского края» (№ 16, 15 апреля 1920 г.) и включенный в 1958 г. в следственное дело. Напомним, что в 1920 г. Оренбург был столицей Казахстана.

После долговременного искания путей освобождения киргизского народа, находившегося в многовековом угнетении, я пришел к следующему убеждению:

- 1) Освобожденный киргизский народ может получить счастье только вместе со всей остальной угнетенной частью человечества, т.е. в мировой революции, в мировой федерации.
- 2) Никакая другая, кроме интернациональной коммунистической партии большевиков, ставящей своей прямой целью и отчасти осуществившей на деле полное освобождение классов и наций, не может делать этого.
- 3) Необходимой переходной ступенью к истинному трудовому демократизму является диктатура трудового слоя человечества в смысле полного политического и экономического господства пролетариата и полупролетариата.
- 4) Диктатура эта может утвердиться и действовать в интересах всего человечества только при том условии, если громадное большинство организованного трудового слоя человечества сознательно будет поддерживать ее, поэтому необходимо сплотить и киргизский трудовой народ под знаменем этой программы.
- 5) Программа РКП в области национальных отношений, а равно взгляд тов. Ленина на самоопределение наций, изложенный в итогах дискуссии по самоопределению и тактических соображениях, высказанных центральным комитетом РКП по отношению работы среди народов Востока, при правильном применении и проведении в жизнь может вполне обеспечить интересы киргизского народа как нации угнетенной.

В виду выше сказанного я решил вступить в Российскую Коммунистическую партию большевиков, чтобы помочь ей в деле осуществления ее программы вообще и в частности по восточному вопросу, почему прошу Комитет принять меня в число членов РКП.

Ахмет Байтурсунов

4 апреля 1920 г.

Тогда его приняли в кандидаты в члены партии. Но совпадение позиций Байтурсунова с позициями коммунистов оказалось непродолжительным. Как он писал на допросе 17 августа 1937 г., «я имел расхождение с коммунистами по ряду вопросов и через год был исключен из кандидатов ВКП(б)» (л. 10). В том же, 1921 г. Байтурсунов был снят и с поста наркома. Больше он никогда не занимал административных постов, хотя его научно-педагогическая деятельность продолжалась еще несколько лет.

Отношение к бывшим членам «Алаш-орды» в те годы у местных и присланных из центра коммунистов бывало различным. Даже после исключения Байтурсунова из партии в 1922 г. председатель Кирбюро РКП(б) В.Г.Юдовский бросил лозунг «Равняйтесь на киргизскую интеллигенцию!» [Тибекин 1968: 14], а она тогда почти полностью состояла из бывших членов «Алаш» или близких к ним по взглядам людей. Но вскоре Юдовского отозвали (в 1949 г. он станет жертвой «поздних» репрессий), а новое руководство бюро 9 апреля 1922 г. приняло решение не

допускать бывших членов «Алаш-орды» в ЦИК и правительство [там же: 15]. Но до их ареста еще было далеко.

Байтурсунов по-прежнему оставался видным деятелем национального просвещения. В 1921–1922 гг. он был председателем Академического центра при Наркомате просвещения Киргизии, в 1922–1925 гг. — председателем Научно-литературной комиссии при этом же наркомате. Одновременно он с 1921 г. до второго ареста преподавал: сначала в Оренбурге, затем с 1926 г. в Ташкенте, временно ставшем центром не только узбекской, но и казахской культуры, а с 1928 г. — в Алма-Ате. Его авторитет в Казахстане был высок. Свидетельством этого стал в 1923 г. его широко отмечавшийся 50-летний юбилей. Даже недавний идейный враг Байтурсунова Сакен Сейфуллин принял в нем участие, за что, правда, получил отповедь другого писателя-коммуниста Сабита Муканова [Какишев 1972: 171–172]. Во второй половине 20-х годов отношение властей к Байтурсунову оставалось в целом положительным. В 1928 г. один из его преемников на посту наркома просвещения писал: «А. Байтурсунов — ученый-словесник; автор первой (пока что единственной) казахской грамматики, реформатор казахской письменности и редактор первой казахской газеты, вышедшей в 1913 г. В настоящее время А. Байтурсунов занимается исключительно научной работой и пишет учебники» [Садвакасов 1928: 5].

20-е годы — период расцвета научно-педагогической деятельности Байтурсунова: он создает упомянутую выше грамматику, пишет учебники. Но наиболее известна его работа по реформированию казахской письменности. Именно благодаря ей имя Ахмета Байтурсунова стало известно русским языковедам, недавно появилась книга, специально посвященная этой теме [Джусупов 1995].

До революции казахи, как и другие тюркские народы, пользовались арабской письменностью в ее традиционном виде. Эта письменность создавалась для арабского языка, и ряд ее особенностей (консонантный характер, необозначение гласных, имеющее определенный смысл только для семитских языков, но никак не для тюркских) не подходил для языков иного строя. Новые алфавиты для тюркских языков разрабатывались еще в XIX в., первоначально русскими миссионерами. Представители тюркских народов занялись этим лишь в начале XX в. (идея специальных букв для обозначения гласных могла появиться лишь на основе сложившегося представления о гласных, которого в арабо-мусульманской традиции не было; для ее возникновения необходимо было знакомство с европейской, в том числе русской, наукой о языке). Именно в это время тюркские про-

светители разных национальностей выдвинули идею развития светской национальной культуры. Байтурсунов был в их числе. Еще интенсивнее алфавитная деятельность развивалась в 20-е годы, когда стремления национальной интеллигенции казахов и других народов временно совпали с политикой власти, направленной на распространение среди национальных меньшинств СССР светской европеизированной культуры, развитие всех языков, включая самые малые; см. об этой политике [Алпатов 2000].

И коммунисты, и национально ориентированные интеллигенты вроде Байтурсунова тогда отвергали как кириллицу, слишком связанную с политикой царизма (к концу 30-х годов она начнет вновь насаждаться, но это будет уже другая эпоха), так и традиционное, нереформированное арабское письмо как неудобное для тюркских языков и слишком связанное с мусульманской культурой. Первоначально оставались две возможности: латинский алфавит и реформа арабского письма. Если в Азербайджане, как упоминалось в предыдущей главе, сразу избрали путь латинизации (возможно, по примеру Турции), то в Казахстане, где связи с Турцией были не так значимы, а арабское письмо было самым привычным, казалось проще запомнить измененные написания слов, чем привыкать к совсем новому алфавиту [Джусупов 1995: 51–52]. Там, как и у татар, киргизов, крымских татар и др., предпочли путь реформирования арабского алфавита. Байтурсунов обосновал такой подход в докладе на 1-м Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку в 1926 г., в центре внимания которого был вопрос о письменностях. Доклад недавно переиздан [там же: 57–65].

А. Байтурсунов разработал принципы приспособления арабского алфавита к звуковой системе казахского языка. Его алфавит был хорошо продуманным и научно обоснованным. Особенно интересным оказался предложенный им способ обозначения гласных.

Как известно, в казахском и других тюркских языках (исключая литературный узбекский) действуют законы сингармонизма; если исходить из наиболее привычной трактовки этого закона, то в каждом слове гласные уподобляются по признаку ряда гласному первого слога (первому гласному корня); в слове выступают либо гласные переднего, либо гласные заднего ряда. Вследствие этого гласные, различающиеся лишь по ряду (например, *и-ы*), связываются в естественные пары. Байтурсунов предложил очень оригинальное решение: каждую пару обозначать одним и тем же знаком, но перед словом ставить особые знаки, графически схожие со знаками скрипичного или басового ключа: знак скрипичного ключа — при гласных переднего ряда,

знак басового ключа — при гласных заднего. Так можно было уменьшить количество букв и одновременно отразить в письменности системные свойства языка. Это решение Е.Д.Поливанов назвал «гениальным» [Поливанов 1928: 322–323]. Другой наш крупнейший языковед тех лет, теоретик построения алфавитов Н.Ф.Яковлев (тоже человек с трагической судьбой, хотя он не был арестован и прожил долго), специально отметил в своей знаменитой статье «Математическая формула построения алфавита» обоснованность «способа, интуитивно изобретенного одним из местных культурных работников-казаков, Байтурсуном» [Яковлев 1970: 144] (статья впервые опубликована в 1928 г.); в статье он рассматривает применимость своей формулы к байтурсуновскому алфавиту [там же: 146–148]. Высоко оценивают эту систему алфавита и видные зарубежные ученые: К.Менгес [Menges 1967: 79], Б.Комри [Comrie 1981: 23].

М.Джусупов, подробно описывая основные свойства байтурсуновского алфавита, спорит с Яковлевым, несколько снисходительно называвшим А.Байтурсунова «культурным работником», «интуитивно» создавшим свой алфавит: по его мнению, это был не просто работник культуры, а «ученый-лингвист с большой буквы» [Джусупов 1995: 33]. Он считает, что А.Байтурсунов еще в 1910–1920-е годы предвосхитил теоретические идеи сложившейся в 30-е годы Московской фонологической школы [там же], что в ряде вопросов он подходил к фонологии «глубже и последовательнее» Н.Ф.Яковлева [там же: 32]. Здесь есть, конечно, доля преувеличения, но нельзя не отметить, что не получивший высшего образования и лишь к концу своей активной деятельности установивший контакт с русскими языковедами Байтурсунов смог встать вровень с передовой наукой. Его алфавит стал на определенный период образцом и для некоторых других предлагавшихся в 20-е годы алфавитов, например киргизского. И даже после перехода на латиницу принадлежавший к более молодому поколению просветитель тюркских народов Назир Тюрякулов (также погибший в 1937 г.) пытался сохранить описанный выше способ передачи гласных и в проекте латинского алфавита для казахского языка [Яковлев 1970: 144]. А в только что написанной книге [Крылов, в печати] говорится о том, что трактовка сингармонизма у Байтурсунова и Тюрякулова повлияла на подход к этому явлению Н.Ф.Яковлева, А.А.Реформатского и других видных советских лингвистов. Таким образом, в целом точка зрения М.Джусупова верна.

Но в СССР во второй половине 20-х годов реформированное арабское письмо не имело перспектив. Оно отрывало му-

сульманские народы СССР от других народов страны; к тому же тогда еще ожидали мировую революцию, а мировым алфавитом мог быть только латинский; мог играть роль и пример Турции. За пределами СССР реформированные арабские алфавиты не получили распространения. На Тюркологическом съезде 1926 г. Байтурсунов и его единомышленники оказались в меньшинстве. После этого началась постепенная латинизация всех тюркских языков СССР, включая и те, где уже существовала кириллица. Этот же процесс шел и в отношении многих других языков. В марте 1929 г., еще до ареста Байтурсунова, все арабские алфавиты на территории СССР были запрещены. Попытки использования в латинице особых знаков вроде скрипичного или басового ключа, отражавших сингармонизм целого слова, успеха не имели (для кириллицы подобных попыток, кажется, уже не было): слишком они непривычны для этой системы письма. Все дальнейшие варианты казахской письменности были устроены традиционным: каждый из членов пары гласных обозначался отдельной латинской или кириллической буквой. Об истории письменностей тюркских народов СССР в 20–30-е годы см. [Мусаев 1993: 23–25; Алпатов 2000: 61–72]. Сейчас в Казахстане сохраняется кириллица, обсуждается вопрос о переходе на латиницу, но вопрос о восстановлении арабского письма и тем более письма, предложенного Байтурсуновым, реально не стоит.

Почти одновременно с запретом письменности, созданной просветителем, окончилась и его научно-педагогическая деятельность. Тогда же начались преследования бывших членов «Алаш-орды». В Казахстане до 1929 г. видные деятели культуры предреволюционного времени в основном еще работали (отметим, что, в отличие от Азербайджана или Татарстана, среди них мало кто эмигрировал, большинство в 20-е годы сотрудничало с новой властью). Теперь началось их преследование.

О том, что было потом с Байтурсуновым, кратко сказано в реабилитационной справке 1991 г.:

Байтурсунов Ахмет, 1870 года рождения (эта дата сейчас считается неточной. — Авт.), уроженец Кустанайской области (по современному административному делению. — Авт.), казах, образование среднее, беспартийный, работал преподавателем Казахского государственного университета, литературный и научный работник.

12 июня 1929 года Байтурсунов был арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. ст. 58-7, 58-11 и 59-3 УК РСФСР, обвинялся в том, что являлся одним из основателей и руководителей контрреволюционной националистической организации «Алаш» и правительства «Алаш-орды».

Коллегия ОГПУ СССР 13 января 1931 года приговорила Байтурсунова А. к расстрелу с заменой этого наказания лишением свободы на 10 лет.

4 ноября 1932 года Байтурсунов досрочно освобожден от отбытия наказания и направлен в ссылку на 3 года в Западно-Сибирский край. 4 июля 1933 года ему было разрешено проживать в д. Жуково Кривошеинского района ЗСК (ныне Томская область. — Авт.), где отбывала ссылку его жена, Байтурсунова Бадрисафар. В 1935 году он возвратился в Алма-Ату.

В другом документе дела, составленном еще в 1958 г., эта информация в одном из пунктов уточняется: «Заседание коллегии ОГПУ 4 апреля 1930 г. приняло решение расстрелять Байтурсунова Ахмета и других. Однако впоследствии коллегия ОГПУ в своих заседаниях от 8 января и 13 декабря 1931 года аннулировала свое прежнее решение в отношении расстрела Байтурсунова А. и других, заменила расстрел заключением этих лиц в концлагерь сроком на 10 лет» (л. 139). Таким образом, Байтурсунов девять месяцев находился на положении смертника. Отметим, что приговорен к расстрелу он был ровно в десятую годовщину своего заявления о приеме в партию.

В недавней публикации [Юридическая газета] указана другая дата ареста: 2 июня; мы не знаем, на каких источниках она основана. В книге М. Джусупова есть еще одно уточнение: освобождение Байтурсунова из ссылки произошло по ходатайству Е.П.Пешковой, вплоть до 1937 г. возглавлявшей Политический красный крест [Джусупов 1995: 9]. Эта книга, однако, не свободна от фактических неточностей: там говорится, что Байтурсунов сразу после ареста будто бы был отправлен в ссылку, что он вернулся в Алма-Ату в 1934, а не в 1935 г. [там же: 9].

В документе 1958 г., подписанном начальником следственно-го отдела КГБ при СМ Казахской ССР майором Сейтказиевым (л. 129–131), содержатся и данные из следственного дела 1929–1931 гг. Надо учесть, что в те годы формально никто не мог быть осужден только за действия времен Гражданской войны: в деле (л. 163) воспроизводится постановление Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. об амнистии к 10-летию Октября. Амнистия распространялась на все «контрреволюционные преступления, совершенные трудящимися до 1 января 1923 года». В 1937 г. не церемонились и часто во второй или третий раз осуждали за действия, формально подпадавшие под неотмененную амнистию. Но в 1929–1930 гг. требовалось искать «свидетельства» контрреволюционной деятельности после 1923 года.

В документе 1958 г. (л. 136–139) процитированы выдержки из обвинительного заключения 1930 г., где Байтурсунов идет первым в группе:

...Байтурсунов Ахмет: 53 лет (опять неточный возраст. — Авт.), казах, из баев, интеллигент, б. член ВКП(б) — исключен, основатель партии «Алаш», организатор и руководитель вооруженной борьбы «Алаш-Орды» с Соввластью в 1918–1919 гг.

Обвиняется:

1) В том, что после амнистии «Алаш-ордынцев» в 21 году вместе с Валиевым и Ермековым создал контрреволюционную организацию. «Будучи в Москве, Валиев, Байтурсунов и Ермеков сговорились о необходимости создания тайной организации» (показания Адилева). «В эту организацию (Оренбург) входили Байтурсунов, Букейханов, Сарсенов, Омаров Эльдес, Болгамбаев» (его же показания).

2) В том, что, будучи членом указанной организации, поддерживал связи с Валидовым, ведущим к.-р. борьбу. В этих целях он имел с Валидовым шифрованную переписку. Так, на собрании оренбургского центра, в марте 1921 года, «Байтурсунов стал читать письмо, полученное от Валидова... О важности момента Валидов писал шифром, который состоял из цифр... У Байтурсунова был отдельный ключ, которым он расшифровывал эти цифры» (показания Адилева).

3) В том, что после разгрома басмачества и бегства за границу Валидова Байтурсунов вновь принимает меры для восстановления связей с Валидовым, находящимся за границей. Так, в 1926 году на Бакинском тюркологическом съезде «...Байтурсунов и Байсеитов пытались переговорить с турецким профессором Купрелле Задэ, главным образом в отношении Валидова» (показания Адилева). Для переписки с Валидовым Байтурсунов в 1925 же году получил из Германии через ушащегося специальный шифр, который он и хранил у себя до 1928 года. «...В 1925 и 1924 г. из Германии возвратился Битлеуов Дамолла, который там учился кожевенному делу. Битлеуов мне рассказал (я говорю, что помню), показывая мне книгу с образцами кожи... в этой книге был записан шифр, привезенный Битлеуовым от Валидова... Этот шифр мною был переписан в мою тетрадь, которую я уничтожил в 1928 году, в Алма-Ата. Шифр я уничтожил во избежание какого-либо недоразумения. Больше я по этому вопросу ничего не помню» (показания Байтурсунова).

4) В том, что в связи с англо-советским разрывом и конфискацией байского имущества в Казахстане (27–28 г.) он принял участие в обсуждении вопросов подготовки вооруженного контрреволюционного восстания в степи. Так, в разговоре с Адилевым Дулатов говорил, что «...надо будет поднять всеобщее казакское движение, вооруженное движение...» (показания Адилева). Дальше Дулатов сказал «...что с ним согласны и собираются выехать из города в степь Испулов Мирза Газы, Байтурсунов и Габбасов Халиль» (там же). В своих показаниях на вопрос, «с кем вы совещались по вопросам организации вооруженного восстания в степи против Советской власти?», Байтурсунов ответил: «Никаких совещаний по вопросу вооруженного восстания у меня ни с кем не было. Разговоры же с Испуловым или Дулатовым, вернее Дулатовым, шли в плоскости ухода в степь на случай гражданской войны. Я со своей стороны полагал, что это должно быть так, как раньше при „алаш-ордынцах“» (показания от 3/II 30 г.).

Наконец, за день до ареста Байтурсунов, предвидя это,

«...заставляет своего зятя Абдулгафарова писать воззвание. Воззвание следующего содержания: „Советская власть падет в этом году (29)... Надо убедить население, чтобы не записывались в совхозы (видимо, в колхозы. — *Авт.*), ибо после колхозов будут коммунхозы и тогда своего ничего не будет, т.е. право собственности будет уничтожено совсем... В нынешнем легко добиться цели, ибо большевики нынче боятся сжимать протестующих строгими мерами из-за боязни повсеместного волнения со стороны кустанайских мужиков (русских), и одновременно с ними нужно действовать открыто, но осторожно, не убивая никого, ибо может нагрянуть войско и разогнать народ, тогда трудно будет организоваться“» (показания Карпыкова Казильды).

Упоминаемый **Валидов** — это видный башкирский политик и ученый-тюрколог Заки Валидов (Валиди). «Купреллю Задэ» — это крупный гурецкий ученый **М.Ф.Кёпрюлю**, уже упоминавшийся в предыдущей главе в связи с Г.С.Губайдуллиным. Он избирался иностранным членом АН СССР и был лишен этого звания в начале «холодной войны». В 1926 г. он действительно был на 1-м Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку и мог там встречаться с Байтурсуновым. Надо полагать, что детективные истории с шифром и «воззванием» — выдумка следствия; исключение, может быть, составляют вполне естественные для не потерявших связь с кочевым бытом казахов разговоры об «уходе в степь» при чрезвычайных обстоятельствах. Поскольку значительных фигур в казахской эмиграции не было, следствие связало Байтурсунова и его «однодельцев» с одним из наиболее известных эмигрантов — представителем другого тюркского народа.

После шести лет тюрьмы, лагеря и ссылки в 1935 г. Байтурсунов вернулся в Алма-Ату, однако нормальных условий для работы так больше и не получил. В анкете арестованного в графе «место службы» сказано: «Без определенных занятий» (л. 5). В протоколе допроса от 17 августа 1937 г. он перечислял свои встречи в 1935–1937 гг., в том числе с бывшими членами партии «Алаш»: «После возвращения из ссылки в Алма-Ата я был у Нурумова Габбаса, Касимова Альмухамеда, Ермекова Алимхана, Омарова Эльдеса и Джангильдина Алибая (не ордынец!). Был в Казнаркомпросе у Жургенева Темирбека (в те годы нарком. — *Авт.*). После этого был один раз в 1935 году по вопросу орфографии» (л. 15). Ученый был без работы, но его все же считали авторитетом по вопросам орфографии и иногда привлекали для консультаций (тогда еще действовала латиница, не раз

реформировавшаяся). Все здесь перечисленные люди, кроме воевавшего с «Алаш-ордой» старого большевика Алибая Джангильдина, были в 1937 г. репрессированы.

И была в это время еще одна встреча, использованная затем следствием. Об этом в прокурорском протесте в порядке надзора от 19.10.1988 сказано так (л. 191–192):

Байтурсунов... показал, что в 1937 году к нему на квартиру приходила незнакомая женщина и сообщила, что ее муж содержится в тюрьме за какое-то политическое дело, связанное с Японией.

Он ей ответил, что политическими делами не занимается, если Япония хочет воевать с Советской властью, то не спросит казахов.

Кабдалиева Г. показала, что она по предложению Касаева, привлеченного к уголовной ответственности вместе с ее мужем Абкиевым, обратилась за советом к Байтурсунову. Последний ответил, что от подобной работы отошел, поэтому никакого совета дать не может.

Возможно, Кабдалиева выполняла задание НКВД или просто отчаялась и решила обратиться к известному человеку. Во всяком случае о беседе сразу стало известно в органах НКВД. В обвинительном заключении она приобрела такой вид: «Связался с одним активным членом вскрытой в 1937 году в городе Алма-Ата контрреволюционной „Тюркской народной партии“ Кабдалиевой Гайнике, последняя 2 раза информировала Байтурсунова о существовании антисоветской организации, возглавляемой ее мужем Абикеевым Даиром, и о к.-р. работе, проводимой указанной организацией» (л. 103).

После этого можно было произвести арест. Дело № 09797 начинается с краткой справки «о контрреволюционной деятельности Байтурсунова Ахмета», где сказано: «Изобличается в участии в контрреволюционной националистической организации и ведении, по ее заданиям, активной контрреволюционной работы» (л. 1). Справка датирована 10 августа 1937 г. и подписана (неразборчиво) помощником начальника 3-го отдела УГБ НКВД Казахской ССР. Далее в деле подшито «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения» от 11 августа, утвержденное помощником наркома внутренних дел Казахской ССР майором ГБ Гильманом (л. 2), где перечисляются те же обвинения и говорится о привлечении А. Байтурсунова по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР с «содержанием под стражей в следственной тюрьме НКВД КССР». В это время Казахстан уже не входил в РСФСР, однако, видимо, Уголовный кодекс новой (с декабря 1936 г.) союзной республики еще не был утвержден, поэтому пользовались российским.

В тот же день, 11 августа 1937 г., Байтурсунова арестовали. В заполненной им 13 августа анкете арестованного сказано, в частности: «имущественное положение — не имеет имущества», «состояние здоровья — инвалид», «социальное происхождение — крестьянин-середняк» (л. 5). Напомним, что и до и после 1937 г. ему поминали «байское» происхождение. Впрочем, социальное разделение среди казахских крестьян было достаточно относительным.

В единственном подробном протоколе допроса от 17 августа (всего протоколов три) Байтурсунова расспрашивали о его деятельности времен «Алаш-орды» и о последующих контактах с ее членами. Ему также задавали вопросы о знакомстве с Заки Валидовым и Тураром Рыскуловым, видным казахским коммунистом, в 1926–1937 гг. заместителем председателя СНК РСФСР, к тому времени арестованным в Москве. Байтурсунов ответил, что знал Рыскулова со времени сближения с коммунистами в 1919 г. и до переезда Рыскулова в Москву в 1926 г., но содержание разговоров с ним не помнит.

На последнем из трех зафиксированных допросов, 20 ноября 1937 г., Байтурсунова спрашивали об уже расстрелянных к тому времени Б.В.Чобан-заде и Г.С.Губайдуллине (л. 21–23). Он и в этом случае ответил, что их знал, но никакой совместной контрреволюционной деятельности не вел.

В обвинительном заключении сказано о «частичном признании самого обвиняемого Байтурсунова» (л. 103). Арестованный не мог отрицать принадлежность к «Алаш-орде»; вынужден был каяться и в том, что «вел борьбу против латинизации шрифта» (л. 11). Однако участие в подпольных организациях во второй половине 20-х годов, а тем более в 1935–1937 гг., а также связи с «контрреволюционерами-пантюркистами» из других тюркских республик он отверг.

Следствие шло вяло: все было решено заранее, лишь ждали заседания «тройки». В данном случае речь шла не о приезде «тройки» из Москвы, а о «тройке» УНКВД по Алма-атинской области, заседавшей периодически по мере накопления дел. Перед заседанием 3-м отделом УГБ НКВД 21 ноября 1937 г. было составлено обвинительное заключение, утвержденное в день суда заместителем наркома майором (фактически генералом) госбезопасности Володзько. Там сказано (л. 101–102):

Байтурсунов Ахмет является организатором и руководителем контрреволюционной партии «Алаш» и правительства «Алаш-орды».

В 1917–1918–1919 гг. вел активную борьбу против большевиков и Советской власти, являлся организатором вооруженных отрядов

для борьбы с Соввластью и инициатором расстрела ряда коммунистов.

После восстановления Советской власти в Казахстане, в целях свержения ее, Байтурсунов, как непримиримый (так. — Авт.) враг Советской власти, создал к.-р. подпольную организацию, связался со Среднеазиатской к.-р. организацией, руководившей басмаческим движением.

В целях активной борьбы с Советской властью, вплоть до 1929 года держал связь с руководителями к.-р. организации в других союзных республиках, в частности с Валидовым Закием, Чобан-заде Бакиром и Губайдуллиным Г.

В 1926 году в городе Баку вошел в состав пантюркистского к.-р. центра и до своего ареста в 1929 году активно работал в нем.

Организовал вооруженное сопротивление мероприятиям партии и Советской власти — в вопросах землеустройства, передела сенокосных и пахотных угодий в 1927 году, конфискации имущества полufeодалов в 1928 году и т.д.

Имел к.-р. связь с руководителями к.-р. националистической повстанческо-террористической, шпионско-диверсионной организации Рыскуловым, Садвакасовым Смагулом, Ходжановым.

После возвращения из ссылки в город Алма-Ата в 1935–1936, 1937 гг. установил к.-р. связи с Нурумовым Габбасом, Омаровым Ельде-сом и другими... (далее идет уже приводившийся абзац о связи с Г.Кабдалиевой).

Можно видеть, что обвинения, переписанные из старого следственного дела, дополняются обвинениями в связях с впервые арестованными уже в 1937 г. казахами-коммунистами.

25 ноября 1937 г. состоялось заседание «тройки». В деле имеется лишь выписка из протокола заседания (л. 104), подписанная только секретарем суда, поэтому фамилии судей мы не знаем. В выписке в сокращенном виде перечислены обвинения из обвинительного заключения. В то же время на всех этапах дела 1937 г. обвинения предъявлялись лишь по статьям 58-10 (контрреволюционная пропаганда) и 58-11 (участие в контрреволюционной организации). Таким образом, амнистия 1927 г. формально учитывалась. Однако каждая из двух упомянутых статей не влекла обязательного смертного приговора (в отличие от таких статей, как 58-1 или 58-7). Привлечение человека в 30-е годы только по статье 58-10 обычно предполагало заключение в лагерь. И несмотря на это, Байтурсунова приговорили к высшей мере. Вероятно, «в уме» держалось его участие в «Алаш-орде», за которое формально не осуждали.

Как следует из документа о приведении приговора в исполнение (л. 105), Ахмет Байтурсунов был казнен 8 декабря 1937 г. В [Джусупов 1995: 9] сказано, что это произошло 6 декабря;

мы не знаем, на чем основана такая дата. Не знаем мы и причин того, что от вынесения до исполнения приговора прошло почти две недели.

29.03.1958 сестра покойного С.К.Бектемисова обратилась к Генеральному прокурору СССР с ходатайством о реабилитации брата. После этого в деле появились упомянутые выше справка о деятельности Байтурсунова в 1917–1919 гг., материалы дела 1929–1931 гг. и заявление Байтурсунова о приеме в РКП(б). В итоге было составлено представление, подписанное начальником следственного отдела КГБ при Совете министров Казахской ССР майором Ловягиным, на основе которого заместитель председателя КГБ при СМ Казахской ССР подписал заключение (л. 189–190). В нем сказано:

Произведенной проверкой установлено, что Байтурсунов А. являлся одним из основателей и руководителей к.-р. националистической партии «Алаш» и правительства «Алаш-Орда», ставивших своей целью свержение Советской власти в Казахстане, для чего создали вооруженные отряды, которые проводили карательные операции на территории Казахстана, в частности ими были убиты герой гражданской войны Амангельды Иманов и др., вступили в сговор и союз с к.-р. колчаковским правительством.

Проверкой также установлено, что Байтурсунов в 1930 г. органами ОГПУ был привлечен к уголовной ответственности и осужден за к.-р. деятельность в 1920–1929 гг., т.е. после амнистирования алашординцев.

Вывод: считать нецелесообразным пересматривать решение тройки УНКВД по Алма-атинской области от 25 ноября 1937 г. в отношении Байтурсунова А.

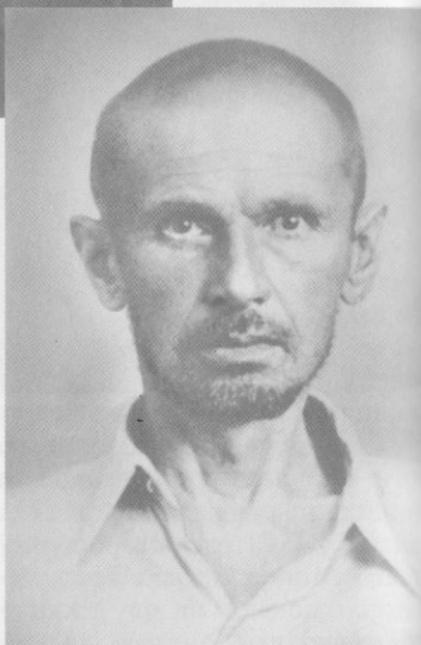
При проверке даже не стали обращать внимания на явно дутые обвинения о «контрреволюционной деятельности» Байтурсунова в 1935–1937 гг. Фактически из заключения следовало, что он дважды (в 1930 и 1937 гг.) был осужден за одни и те же действия, и это признавалось законным. Так поступали в 50-е годы, как мы увидим дальше, не всегда. Но дело Байтурсунова находилось в особо невыгодном положении по двум причинам. В 50–60-е годы пересмотрели большинство дел периода 1936–1953 гг., однако политические дела более раннего времени чаще всего оставались в прежнем виде. И крайне тяжело проходил, несмотря на формально не отмененную амнистию 1927 г., пересмотр дел бывших противников советской власти периода Гражданской войны. Как мы увидим ниже, среди членов партии «Алаш» не реабилитировали даже тех, кто не был судим до 1937 г.

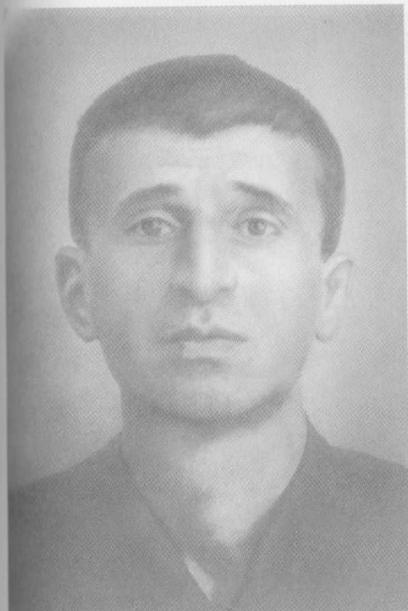
А. Н. Самойлович

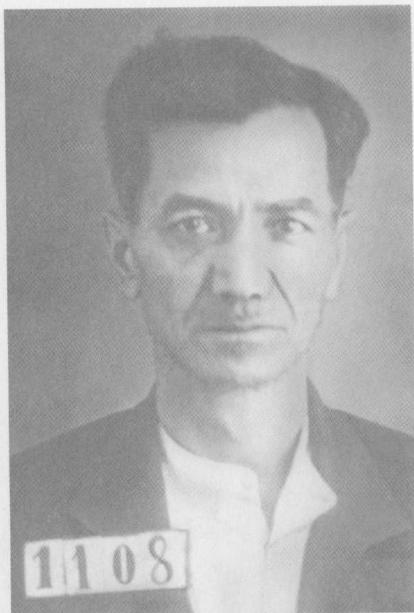
Е.Д.Поливанов. Фотография 1937 г. с автографом «30 лет тому назад я порвал бы карточку за кривой галстук, теперь обвыкся».

Е.Д.Поливанов

Рухулла Ахундов

Х.-С.Ходжаев

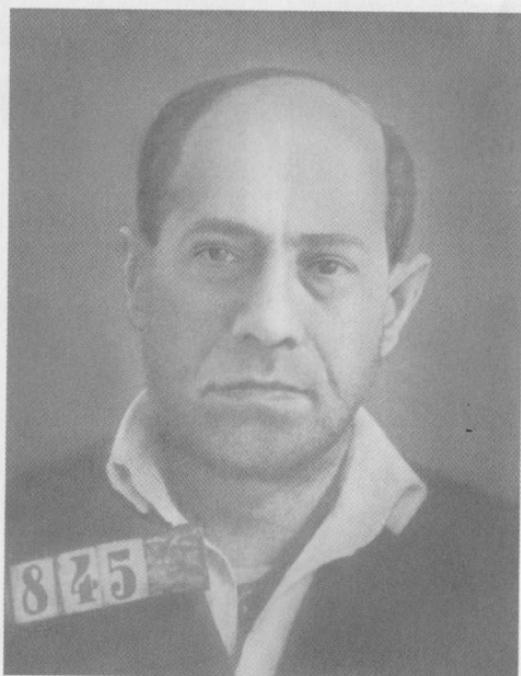
Б.В.Чобан-заде

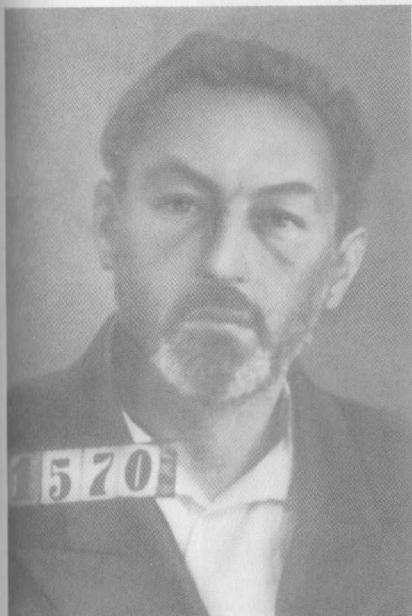
Б.В.Чобан-заде

Г.С.Губайдуллин (слева) и Гали Рахим

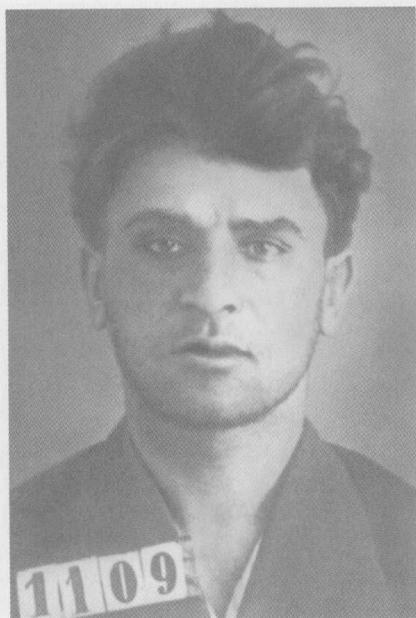
А.М.Таги-заде

А.Р.Зифельд-Симумяги

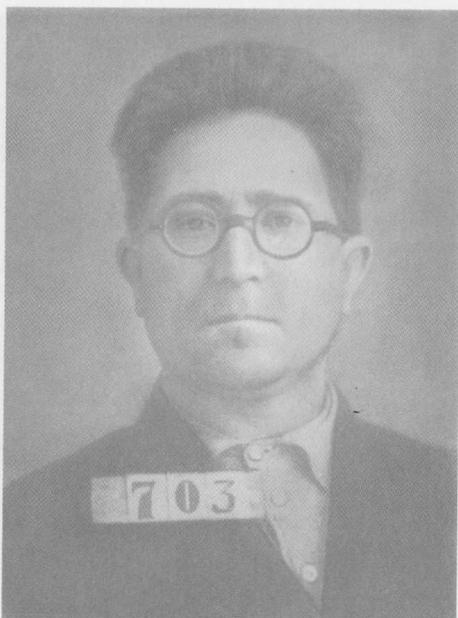
Ахмед Джавад

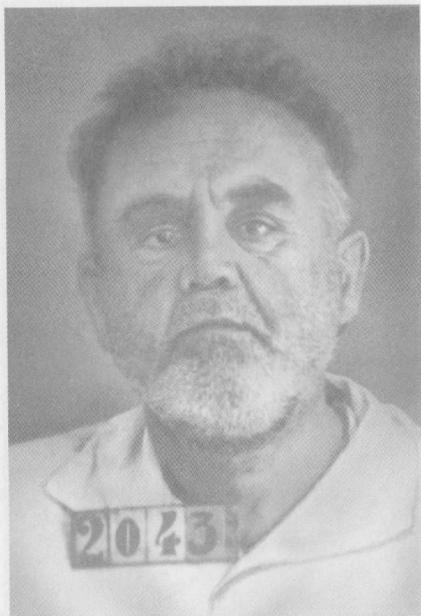
Микаил Мушфик

Х. Зейналлы

В. Хулуфлу

С.М.Аскеров

А.А.Ахундов (в центре)

М.Ф.Гаврилов

А.Токомбаев

После 1958 г. вопрос о реабилитации Байтурсунова не ставился три десятилетия. Поэтому не могло быть и речи об объективной оценке его деятельности. Упоминание его имени не в негативном контексте допускалось лишь изредка в перепечатке старых работ: статья Н.Ф.Яковлева «Математическая формула построения алфавита» была переиздана в книге [Реформатский 1970] без изъятия фамилии Байтурсунова. Но обычно его упоминали лишь как отрицательный персонаж: см. бисграфию Сакена Сейфуллина [Какишев 1972] или статью в 3-м издании БСЭ, где Байтурсунов причислен к «писателям откровенно националистич. направления, после Октября перешедшим в лагерь идейных противников Сов. власти» (т. 11: 186). Но даже в таком контексте энциклопедия упоминает о Байтурсунове только как о литераторе, хотя литература, как мы уже говорили, не была главной сферой его деятельности.

Лишь в годы перестройки снова встал вопрос о пересмотре данного дела. В 1988 г. Институт литературы и искусства АН Казахской ССР обратился в Прокуратуру Казахской ССР с ходатайством об этом. Затем 19 октября 1988 г. Прокурор Казахской ССР государственный советник юстиции 2-го класса Г.Б.Елеминов направил «Протест (в порядке надзора)» в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР (л. 191–192). Здесь сказано:

Байтурсунов виновным себя не признал и показал, что связи с какой-либо контрреволюционной партией не имел, хотя как председатель Казинпроса (так. — Авт.) высказывал свое несогласие с проводимыми отдельными мероприятиями Советской власти. В частности, такие расхождения имелись по вопросу латинизации казахского шрифта (далее следует уже цитировавшийся фрагмент о визите Кабдалиевой)

...Других данных, свидетельствующих о связи Байтурсунова с якобы контрреволюционными организациями, не добыто.

Кроме того, по делу допущены грубые нарушения уголовно-процессуального кодекса: расследование начато без возбуждения уголовного дела и оно проведено с явным обвинительным уклоном.

Байтурсунов был взят под стражу без каких-либо доказательств его вины, к этому моменту он даже не допрашивался. Обвинение ему предъявлялось без ссылки на норму уголовного закона.

По окончании следствия он не был ознакомлен с материалами уголовного дела и лишен защиты.

Дело в таком виде представлено на рассмотрение внесудебного органа, который затем вынес Байтурсунову А. «заочный приговор».

Таким образом, он необоснованно был привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 354–367 УПК Каз. ССР,

Прошу:

Постановление тройки УНКВД Алма-атинской области от 25 ноября 1937 г. отменить и дело в отношении Байтурсунова Ахмета прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

На основании протеста 4 ноября 1988 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР в составе Т.К.Айтмухамбетова (председательствующий), Е.Л.Грбарника и К.Т.Кенжебаева отменила приговор 1937 г. и отменила дело (л. 193–194).

Можно видеть, что теперь в протесте и постановлении суда два уголовных дела четко разделены и обсуждаются лишь вопросы, не дублирующие дело 1929–1931 гг. По последнему делу реабилитация шла параллельно, и постановление суда об этом было принято в тот же день, 4 ноября 1988 г.

После этого имя Ахмета Байтурсунова в Казахстане стало не только часто упоминаемым, но и во многом официально канонизированным, особенно после провозглашения независимости в 1991 г. Его именем названы одна из центральных улиц Алматы, Институт языкознания Национальной академии наук Казахстана. Однако из всей многообразной деятельности этого человека на первый план вынесено участие в «Алаш-орде», деятели которой считаются предтечами национальной независимости Казахстана. И уже через четыре года после распада СССР автор первой книги о Байтурсунове-лингвисте писал, что его общественная деятельность уже хорошо освещена в публикациях, а лингвистическая еще известна недостаточно [Джусупов 1995: 7].

Пример современного отношения к Байтурсунову в Казахстане — торжества по случаю 125-летия со дня его рождения, состоявшиеся 14 октября 1998 г. в новой столице Астане. Они почти совпали с визитом в Казахстан первого Президента России Б.Н.Ельцина, но в газете «Казахстанская правда» за 15 октября значительная часть первой полосы, вся вторая и половина третьей посвящены юбилею Байтурсунова (или Байтурсынова, как принято сейчас в Казахстане) и только внизу третьей полосы помещено коммюнике о визите Б.Н.Ельцина.

Президент Н.Назарбаев, открывая торжественное собрание, подчеркнул: «Мы все — ученики великого наставника Ахмета Байтурсынова». В докладе государственного секретаря Казахстана Абиша Кекилбаева о Байтурсунове сказано: «Он, и впрямь, словно свобода в ореоле восходящей утренней зари, представляется сегодня мифическим Хызыр Ильясом на белокрылом скакуне — тулпаре, спускающемся с высоты. Хочется побегать ему навстречу, поклониться ему, прикоснуться к его стремнам,

выразить чувство тоски по нему, передавшееся от отцов... От имени всех нас скажем бессмертному Учителю нашему: „Воистину так, Великий! Да сбудутся Ваши слова!“ — и низко поклонимся ему». В основном в докладе говорилось об «Алаш-орде» и почти ничего о научно-педагогической деятельности А. Байтурсунова. Зато подчеркнуто, что он боролся против «постулата о том, что культуры двух соседних народов (казахского и русского. — Авт.) развиваются в едином русле» (цит. по [КП. 15.10.1998]).

Из того, что печатается о Байтурсунове — языкеводе и педагоге, выделяется не раз упоминавшаяся нами вполне научная книга [Джусупов 1995]. Однако есть и публикации иного рода, например статья Ердена Хасенова [Юридическая газета, № 37–40, 41, 1995]. Справедливо высоко оценивая проект казахского алфавита, созданный Байтурсуновым, автор ставит знак равенства между ним и казахским алфавитом вообще, латинизацию казахского языка называет «лингвистическим Беломорканалом», а любые выступления в защиту алфавита не на арабской основе — «демагогической уловкой» и «неприкрытым политиканством», грубо дискредитируется видный лингвист 20–30-х годов А. М. Сухотин, сторонник латинизации. Столь же резко оценена казахская кириллица. Все происходившее с казахской письменностью после 1929 г. названо «чередой превращений, искусственно сфабрикованных в отношении казахской письменности». Подобные высказывания далеки от научности и объективности. А алфавит Байтурсунова, совершенный сам по себе, вряд ли имеет перспективы в современном Казахстане, где реальный выбор стоит лишь между кириллицей и латиницей.

Превращение Ахмета Байтурсунова в мифологического богатыря, разумеется, отражение политической конъюнктуры. Но, безусловно, надо отдать должное наследию этого серьезного лингвиста и выдающегося просветителя казахского народа.

ЛИНГВИСТЫ ШОНАНОВ И ЖУБАНОВ

В 1937 г. профессиональных лингвистов-казахов было крайне немного и почти все они (кроме самых молодых, только начинающих свою деятельность) были уничтожены. Мы рассмотрим судьбы двух, пожалуй, наиболее заметных из них после Ахмета Байтурсунова — Тельжана Шонанова и Худайбергена Жубанова.

Следственное дело **Тельжана Шонанова** № 12324 хранится в архиве Комитета национальной безопасности Казахстана.

Тельжан Шонанов родился в 1894 г. в ауле № 4, входившем в советское время в состав Иргизского района Актюбинской области, в крестьянской семье. В анкете арестованного (л. 4) в графе «образование» указано «высшее», однако, к сожалению, в деле нет точных сведений о том, в каких высших учебных заведениях он учился.

В 1918 г. Шонанов, как и большинство образованных казахов его поколения, примкнул к «Алаш-орде», а в 1919 г. он, как и другие его товарищи по партии, перешел на советские позиции. Работал в органах просвещения сначала в Семипалатинске, потом в Оренбурге. В 1921 г. был арестован за «антисоветскую националистическую деятельность» (л. 203), провел несколько месяцев под следствием, в 1922 г. его освободили и последующие 15 лет он репрессиям не подвергался. В дальнейшем Шонанов вел педагогическую деятельность в Оренбурге, затем переехал в Алма-Ату. С конца 20-х годов по день ареста был доцентом на кафедре языка в Казахском педагогическом институте. Ему принадлежит ряд учебников и научных работ, он был одним из создателей казахской терминологии. Как указывал директор Института языка и литературы АН Казахской ССР академик С.К.Кенесбаев в письме в КГБ Казахстана от 02.03.1960, Шонанов «был одним из ведущих казахских языковедов 1920–1930-х гг., перу которого принадлежит около 40 работ по различным вопросам казахского языкознания» (л. 214).

Летом 1937 г. начались аресты еще остававшихся на свободе людей, связанных с «Алаш-ордой». Хотя Шонанов избежал репрессий в 1929 и последующие годы, теперь его арестовали одним из первых. Дело начинается традиционными документами: справкой на арест от 19 июля 1937 г. с санкцией прокурора от 20 июля (л. 1), ордером на арест (л. 2), протоколом обыска (л. 3) и анкетой арестованного (л. 4) — все от 21 июля. В деле лишь три довольно кратких протокола допросов от 21 июля, 8 и 25 сентября, зато более 100 страниц занимают показания против Шонанова других арестованных.

Поначалу речь шла о стандартных обвинениях по статьям 58-10 (контрреволюционная пропаганда) и 58-11 (участие в контрреволюционной организации), даже не обязательно требовавших смертного приговора. Однако 31 октября появляется утвержденное уже упоминавшимся заместителем наркома Володзько постановление о том, что Шонанов «достаточно изобличен в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-2-7-8-11» (л. 8). Снятое

почему-то обвинение в «пропаганде» с лихвой перекрывалось обвинениями в «диверсиях» и «терроре», обязательно связанных со смертным приговором. 9 ноября появляется еще одно постановление, подписанное Военным прокурором пограничных и внутренних войск НКВД Казахской ССР военным юристом 1-го ранга Соколовым, в котором была добавлена еще статья 58-13, связанная с «непосредственным участием в расправе с революционными рабочими и крестьянами» в 1918–1919 гг. (л. 141).

Шонанов признался уже на первом допросе в день ареста, заявив об участии в «организации... имевшей целью отторжение Казахстана от СССР». На двух других допросах его в основном допрашивали об участии в «Алаш-орде». В отличие от дела Байтурсунова во время этого следствия никто и не вспоминал про амнистию.

1 ноября 1937 г. составлено обвинительное заключение, подписанное сотрудником 4-го отдела УГБ НКВД Казахстана Большаковым и утвержденное в тот же день Володзько и помощником Главного военного прокурора (подпись неразборчива). Шонанову приписали участие в «антисоветской националистической террористическо-повстанческой и шпионской организации», готовившей «свержение Советской власти, вооруженное отторжение Казахстана от СССР и создание казахского, буржуазного государства под протекторатом Японии» (л. 200). Руководителями организации были объявлены партийные и государственные деятели — казахи Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, С. Ходжанов и У. Кулумбетов.

Предъявленные обвинения делились на две части: более или менее конкретизированные обвинения, касавшиеся формально не подлежавших наказанию событий времен «Алаш-орды», и общие, бездоказательные формулировки, относившиеся к последующим годам. О годах Гражданской войны сказано: «В 1918 г. он вступил в буржуазно-националистическую партию „Алаш“, был одним из лидеров этой партии в г. Иргизе. В этом же году влился в алаш-ордынский военный отряд, в котором, совместно с белыми, участвовал в открытой вооруженной борьбе с красными частями. Состоя в руководстве алаш-ордынского отряда, свергал Советскую власть в г. Иргизе. Принимал активное участие (в составе следственной комиссии) в расправе над большевиками при ликвидации в гор. Иргизе Советской власти. При активном участии Шонанова в гор. Иргизе было расстреляно 5 человек за принадлежность к коммунистической партии. В начале 1919 года алаш-ордынским отрядом, в котором состоял Шонанов, было совершено убийство национального героя Амангельды

Иманова. В составе суда, по решению которого был убит Амангельды Иманов, участвовал Шонанов» (л. 201–202). А о последующем — по сути две фразы: «Антисоветскую деятельность Шонанов проводил в основном на культурно-идеологическом фронте в области литературы, языка, терминологии, в издании негодных учебников... Помимо этого, работая в Казахском педагогическом институте, Шонанов занимался вербовкой в указанную антисоветскую организацию новых членов из среды студентов» (л. 202–203).

Заключение кончается фразой «виновным себя признал» (л. 203). Однако тут же выясняется, что Шонанов признался лишь в бывшей принадлежности к «Алаш-орде» и в «издании негодных учебников», но два самых серьезных пункта обвинения — участие в суде над Амангельды Имановым и вербовку студентов — отверг.

Обычно в 1937 г. обвинительное заключение составлялось непосредственно перед судом. Может быть, предполагалось отправить Шонанова на то же заседание «тройки», где оформили уничтожение Байтурсунова. Но потом планы изменились, и подследственному жизнь была продлена на три месяца. К тому времени арестовали большую группу казахских руководителей, и ученого решили «подверстать» к их делу. Причин тут было, вероятно, две.

Во-первых, погибший от рук сторонников «Алаш-орды» борец с царизмом Амангельды Иманов был для советского Казахстана не менее «культовой» фигурой, чем Байтурсунов для современного. Важно было включить в крупное дело участников его убийства (вспомним, как Н.И. Бухарину приписывали связи с Фанни Каплан). А Шонанов был членом партии «Алаш» и в момент гибели Амангельды Иманова находился в тех же местах.

Во-вторых, другой арестованный языковед, Худайберген Жубанов, показал, что в 1934 г. Шонанов преподавал казахский язык первому секретарю ЦК Казахстана в 1933–1938 гг. Л.И. Мирзояну. Эта фамилия нам уже встречалась, поскольку в 20-е годы он же недолго возглавлял Азербайджанскую парторганизацию и враждовал с Рухуллой Ахундовым. Осенью 1937 г. он еще находился у власти. Отсюда версия: «Еще в 1934 году Кулумбетов и Жургенев (председатель КазЦИК и нарком просвещения соответственно. — *Авт.*) с целью совершения террористического акта над Мирзояном назначили Шонанова преподавателем казязыка к Мирзояну и только благодаря тому, что Мирзоян после нескольких уроков отказался от Шонанова, террористический акт остался несовершенным»

(л. 155). Так скромный языковед оказался привлечен к большой политике. А Мирзоян действительно будет в конце концов убит, но произойдет это в феврале 1939 г. по приговору Военной коллегии.

25–28 февраля 1938 г. в Алма-Ате заседала «тройка» из Москвы, к вынесенным ею приговорам мы еще вернемся. В те дни погибли очень многие казахские политические деятели, писатели, ученые. Приговор Шонанову был объявлен 27 февраля, и в тот же день его расстреляли.

Вопрос о реабилитации Шонанова был поднят в 1960 г. в упомянутом письме академика С.К.Кенесбаева, который «просил разрешения об опубликовании его трудов» (л. 214). Во время проверки в КГБ Казахстана нашли пятерых из тех, кто давал в 1936–1937 гг. показания о деятельности Шонанова в годы Гражданской войны. Все они «показали, что они об участии Шонанова в свержении советской власти в деревне Иргизе и убийстве 7 человек не знают, сами не видели» (л. 214). Не нашлось достоверных данных и о его участии в казни Амангельды Иманова. Тем не менее, как сказано в прокурорском заключении 1992 г., «помощник военного прокурора Туркестанского военного округа подполковник юстиции Никитин в своем постановлении от 19.09.1960, ссылаясь на признательное показание самого Шонанова, а также на показания... реабилитированных судом о том, что он состоял в „Алаш-Ордынском правительстве“, необоснованно отказал в вынесении протеста, а зам. военного прокурора ТУРКВО полковник юстиции Пастушенко утвердил незаконное постановление помощника» (л. 215). Несомненно, существовало общее решение не реабилитировать тех, кто участвовал в «Алаш-орде».

Потом о Шонанове просто забыли, в том числе и в 1988 г., когда реабилитировали Ахмета Байтурсунова и некоторых других. Лишь после распада СССР Генеральная прокуратура Республики Казахстан занялась его делом. Было подготовлено заключение, подписанное прокурором Отдела реабилитации репрессированных граждан старшим советником юстиции С.Оспановым и утвержденное 18.09.1992 начальником этого отдела старшим советником юстиции В.В.Роотом. Протицируем документ (л. 210–215):

Против Шонанова Т. уголовное дело не возбуждено. Несмотря на это, он... арестован... Постановление о привлечении в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР, вынесенное пом. опер. уполномоченного 4 отдела УГБ НКВД КСССР Садыковым 20.07.1937 года, объявлено Шонанову лишь 08.09.1937 года, а 31.10.1937 года объявлено Шонанову

новое постановление о переквалификации его действий на ст. ст. 58-2, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР... Причем в обоих постановлениях когда, где именно, с кем конкретно, какое преступление, каким способом, против кого совершал Шонанов контрреволюционные преступления: вооруженное восстание, вредительство, террористический акт — не указано, а также нет основания для привлечения по четырем статьям уголовного кодекса.

Постановления о привлечении Шонанова в качестве обвиняемого вынесены одними лицами, а допрашивали другие. Причем допрос проводили по 2–3 оперативных работника в течение нескольких дней, хотя протоколы допроса датированы одним числом. Шонанова допросили 4 раза 7 работников комитета Госбезопасности, всего в расследовании дела принимали участие 22 сотрудника комитета Госбезопасности, некоторые из них проводили допрос по нескольку раз. Никто из них дело к своему производству не принимал, по делу оперативно-следственная группа не создавалась.

За фальсификацию, грубые нарушения законности при расследовании дела Шонанова и других уголовных дел осуждены в 1939–1940 годах приговором Военной коллегии Верховного суда СССР Нарком внутренних дел Каз. ССР Залин Л.Б. и его заместитель Володзько П.В., руководившие расследованием, а начальник отделения НКВД Катков уполномочен из органов КГБ.

По данному делу допрошено всего 8 свидетелей (перечислены фамилии. — Авт.) помощником опер. уполномоченного СПО Актюбинского облуправления НКВД мл. л-том Госбезопасности Барок в течение 13, 14, 15 декабря 1937 года... которые приобщены к делу, хотя следствие было окончено и обвинительное заключение составлено 01.11.1937 года, а копии показаний обвиняемых (перечислены 11 фамилий. — Авт.), допрошенных по другим уголовным делам, приобщены к делу. Причем Джубанов, Бекжанов и Шонанов допрошены только 30 ноября, 15 декабря 1937 года и 6, 13 января 1938 года и копии протокола их допроса приобщены к материалам данного дела через 3 месяца после окончания следствия и составления обвинительного заключения, с которыми Шонанов ознакомлен не был.

В показаниях указанных 8 свидетелей и 12 обвиняемых, реабилитированных в 1958 году по решению судебных органов по другим делам, не содержатся конкретные факты контрреволюционной деятельности Шонанова, а последние 12 обвиняемых по делу Шонанова вообще допрошены не были. Дело рассматривалось без вызова и допроса свидетелей.

В материалах дела достоверных доказательств о существовании в Казахстане антисоветской националистической, террористическо-повстанческой и шпионско-диверсионной организаций, которые поставили своей целью вооруженное отторжение Казахстана от СССР под протекторатом Японии, не имеется. Нет данных о проведении кем-либо диверсионно-вредительской работы в промышленности и сельском хозяйстве и в применении террора против руководителей партии и правительства.

В деле отсутствуют данные об антисоветской направленности партии «Алаш-орды» («Алаш». — Авт.), ее программы и Алаш-Ординского правительства, а также не установлена конкретная их связь с троцкистами, зиновьевцами, Бухариным, Рыковым, направленных (так. — Авт.) против советской власти.

Шонанова обвиняли в том, что он состоял в составе правительства «Алаш-орды», несмотря на то что на основании постановления ВЦИК от 04.04.1919 года члены правительства Алаш-Орды реабилитированы, категорически запрещено преследование за прошлую их деятельность и рекомендовано их использовать на советской работе. Это же положение подтверждено на заседании Президиума ВЦИК от 03.07.1920 года...

Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 02.11.1927 года «Об амнистии» освобождены от уголовного преследования и наказания лица, совершившие все контрреволюционные преступления до 01.01.1923 года.

Обвинение Шонанова в свержении советской власти в городе Иргизе и казни 5 человек также необоснованно. Во-первых, по делу не установлено, когда, кем была установлена советская власть в деревне Иргизе, а не в городе Актюбинской области, когда, каким образом и кем именно свергнута эта власть; во-вторых, свидетели утверждают, что в деревне была белая армия во главе с полковником Могилевым и по решению его были расстреляны люди, но когда, кто именно был расстрелян, кто исполнял — не знают, это они слышали от других, но от кого именно, не помнят; в-третьих, был ли там Шонанов и какова его роль, никто сказать не может...

Нет оснований утверждать, что Шонанов проводил вредительскую деятельность в области литературы, языка, терминологии, в издании негодных учебников, конкретного факта и заключения эксперта-специалиста об антисоветской направленности его трудов в области литературы и языкознания в деле не имеется, кроме умозаключения самих судебно-следственных работников.

Таким образом, обвинения Шонанова были основаны на самоговорах, в которых он, отрицая участие в составе суда над Амангельды Имановым и убийстве жителей деревни Иргиза, признавал себя виновным и показывал, что в 1918 году, находясь под влиянием идеологов контрреволюционного казахского национализма Байтурсунова, Булатова (Дулатова. — Авт.) и других, он примкнул к буржуазно-националистической партии «Алаш-Орда», он вел активную борьбу против советской власти и вредительскую деятельность в области литературы и языкознания, терминологии. Указал как [на] членов антисоветской националистической организации на Рыскулова Турара, Кулумбетова Узакбая, Асылбекова Абдулла, Жургенева Темирбека, Жаманмурунова Тель и других, всего 39 человек, которые реабилитированы в 1958 году решениями Военной коллегии Верховного суда СССР, Верховного суда республики Казахстан, Карагандинской области.

Во всех признательных показаниях Шонанова нет ни одного конкретного факта совершения контрреволюционного преступления как в отношении себя, так и в отношении других 39 человек.

Не выяснили эти вопросы и работники следствия. Поэтому в деле нет данных о совершении Шонановым какого именно контрреволюционного преступления, когда, где, каким способом, с кем и т.д.

Все заседание суда продлилось 15 минут, по делу не был допрошен по эпизодам преступления сам Шонанов, свидетели не вызывались в суд вообще, не оглашены показания свидетелей и Шонанова в судебном заседании. В течение указанного времени был оглашен приговор.

Вследствие такого грубого нарушения закона судом вынесен незаконный приговор, Шонанов признан виновным за совершение контрреволюционных преступлений и расстрелян.

При изложенных выше обстоятельствах признать Шонанова виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-2, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР, оснований не имеется, он подлежит реабилитации за отсутствием состава преступления.

На основании изложенного и руководствуясь Указом Президента СССР «О восстановлении прав жертв политических репрессий 20-50-х годов» от 13 августа 1990 года Шонанова Телжана реабилитировать за отсутствием состава преступления.

Сделаем несколько пояснений. Путаница с названием Иргиз, видимо, связана с тем, что до революции Иргиз был центром уезда и тем самым автоматически имел статус города, но в советское время он был отнесен к сельским поселениям.

Большое число людей, участвовавших в следствии, вероятно, хотя бы отчасти связано с большими кадровыми чистками, происходившими в НКВД Казахстана в 1937-1938 гг. Читатели, может быть, еще помнят популярный в конце 80-х годов роман Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей», где описывается быт этого наркомата как раз в те самые месяцы. Все время кого-то арестовывали, кого-то увольняли, кого-то из подследственных даже отпускали, как это тогда произошло с самим Домбровским, но конвейер работал.

Из заключения видно, что Шонанов был осужден за участие в «Алаш-орде» после того, как трижды за это же амнистирован (а Байтурсунов был трижды амнистирован, а потом дважды осужден). Реабилитирован он был почти через 55 лет после гибели (самый большой из известных нам сроков). Отметим, что осудили Шонанова на втором году существования Казахской ССР по Уголовному кодексу другой союзной республики (РСФСР), а реабилитировали его почти через год после провозглашения независимости Казахстана по законам уже не существовавшего СССР.

Еще одним заметным казахским языковедом был **Худайберген Куанович Жубанов** (так его фамилию писали в 50-

80-е годы; встречается также, в том числе в следственном деле, написание Джубанов). Его дело № 04832 хранится там же, где и предыдущие.

Х.К.Жубанов родился в 1899 г. в ауле № 9, входившем в советское время в Джурунский район Актюбинской области. Он был земляком Шонанова, но на пять лет моложе, что во многом определило его биографию. По возрасту он не мог участвовать в «Алаш-орде», это ему не приписывали даже следователи 1937 г. В деле, впрочем, сказано (л. 201): «Еще с 1917 года Джубанов принимает самое активное участие в издательстве казахского националистического журнала „Тез“ и в последующем, состоя членом националистической группировки, издавал националистический журнал „Казгалдан“».

Но даже если юноша в 1917–1918 гг. испытывал влияние идей партии «Алаш» (что вполне вероятно), то позже он безусловно стоял на советских позициях. В 20-е годы он учился в Ташкенте, потом в Ленинграде. В 1930 г. вернулся на родину дипломированным специалистом-языковедом и начал преподавать в Казахском педагогическом институте. В том же, 1930 г. Жубанов был принят кандидатом в члены ВКП(б). В те времена (в отличие от более поздних) кандидатский стаж мог затягиваться надолго, и Жубанов так и не стал членом партии, оставаясь кандидатом вплоть до ареста (выше упоминалась аналогичная судьба Гулама Багирова).

В 30-е годы Жубанов активно работал, стал первым казахом, получившим звание профессора по языкознанию. Участвовал в реформе казахской письменности. Здесь также проявилось различие поколений: как языковед уже советской формации он выступал за латинизацию алфавита, и в то же время он был достаточно объективен по отношению к своим предшественникам, включая уже репрессированного Байтурсунова. Вот отрывок из публикации Жубанова [Жубанов 1966: 240–241]:

С 1912 года, когда впервые была выработана эта система и произошла реформа арабского алфавита, по 1930 г., когда арабский алфавит правительственным декретом был изъят, т.е. в течение 18 лет, казахские слова писались по этой системе, причем никаких недостатков, кроме таких, какие свойственны природе арабского алфавита, не ощущалось... Против введения этой системы могут быть выдвинуты два возражения:

1. Что авторство этой системы принадлежит классовому врагу казахских трудящихся Байтурсунову.
2. Что это будет возвратом к старому, пройденному этапу развития казахской письменности.

Нетрудно убедиться, что ни то, ни другое из этих возражений не серьезно и оба они далеки от марксистско-ленинского подхода к вопросу о «возврате к старому» и к вопросу о наследии...

Всякое культурное и иное достижение, оставленное нам нашими врагами, — это наше законное наследие. Отказываться от подобного наследия так же глупо, как было бы глупо отказываться от хороших фабрик, транспорта, университетов и других ценностей, оставленных буржуазией, и отказаться просто потому, что они до их национализации принадлежали классовому врагу. Мы не откажемся ни от чего, что составляет лучшее в творениях предыдущей истории, если оно в наших руках может быть полезно для нас.

В 30-е годы такие высказывания требовали определенной смелости. Кстати, данная аргументация очень похожа на ту, которую использовал Е. Д. Поливанов в полемике с марристами (см. [Поливанов 1931]). Исходя из этой точки зрения, Жубанов стремился сохранить в казахской латинице принципы, применявшиеся Байтурсуновым в реформированном арабском письме. Об отношении Жубанова к графической реформе Байтурсунова см. также [Джусупов 1995: 35].

В 30-е годы, когда Байтурсунов потерял возможность заниматься научно-педагогической работой, Жубанов, учившийся в Ленинграде у академика Самойловича, стал бесспорным лидером казахского языкознания. Он опубликовал ряд работ на казахском и русском языках, большинство из которых собрано в посмертной книге [Жубанов 1966]. К середине 30-х годов встала задача написания грамматики казахского языка. Х. К. Жубанов был единственным ученым, способным подступить к этой теме. Однако он считал, что рано писать цельную грамматику, пока работы «не могут не носить лоскутного характера» [Жубанов 1936а: 5]. Ученый решил для начала издать ряд выпусков, посвященных отдельным фрагментам казахской грамматики; эти выпуски основывались на читавшемся Жубановым в Казахском пединституте курсе казахского языка.

В 1936 г. вышли два первых выпуска [Жубанов 1936а; 1936б]. Они были посвящены порядку слов и сложному настоящему времени соответственно. Помимо описания современного языка выпуски содержали и экскурсы в историю, несвободные от традиционного для того времени влияния марризма; при этом, однако, привлекался и материал упоминавшегося выше Махмуда Кашгарского и др. Для своего времени это были серьезные работы.

Как сказано в предисловии к первому выпуску, «в ближайшее время» должны были выйти в свет выпуски III–X: «О частях

речи в казахском языке», «Двойные слова символического типа», «Возникновение фонематического различения глухих и звонких», «„Подражательные“ слова как особые формы словообразования», «Скотоводческие междометия казахов», «Элементы кинетической сигнализации (языка жестов. — Авт.) в женской речи казахов», «К природе и генезису залоговых форм в казахском языке». Тематика действительно «лоскутна», ряд тем имеет отпечаток марризма, но в целом эти выпуски должны были покрыть значительную часть синхронной и исторической грамматики языка. Мы не знаем, насколько профессор Казахского пединститута успел их написать: его деятельность прервалась 19 ноября 1937 г.

Следственное дело начинается стандартными документами: справкой на арест (л. 1), ордером на арест (л. 2), протоколом обыска (л. 3), анкетой арестованного (л. 4), постановлением об избрании меры пресечения (л. 5). Отметим, что ордер на арест выписан задним числом. Протоколов допросов всего два: от 30 ноября и 10 декабря 1937 г.; правда, первый из них занимает более 70 страниц (вероятно, допрос длился не один день). Поскольку Жубанов был арестован одним из последних среди привлеченных к делу, то следствие оказалось довольно коротким: уже через месяц с небольшим после ареста, 23 декабря, появляется постановление об окончании следствия (л. 197), а 24 декабря составлено оперуполномоченным 3-го отдела УГБ НКВД Казахской ССР Михайловым и спустя два дня утверждено наркомом Залиным обвинительное заключение (л. 199–204).

Все обвинения стереотипны. Сказано, что Жубанов «встал на путь контрреволюционной борьбы с первых дней Октябрьской Социалистической Революции» (л. 201), хотя ни о чем конкретном, кроме участия в издании двух журналов, не говорится. Впрочем, в отличие от двух описанных выше дел, главный акцент здесь делался на периоде 1933–1937 гг. Профессора-лингвиста включили во всё ту же «организацию» во главе с Тураром Рыскуловым и другими, о которой уже говорилось в связи с Шонановым. С большинством «диверсантов» Жубанов никак связан не был, но он действительно постоянно общался с наркомом просвещения Темирбеком Жургеновым. Отсюда формулировка (л. 200): «Как видно из личного признания Джубанова и других материалов следствия, участником антисоветской националистической организации Джубанов состоял с 1933 года, будучи завербован в нее бывшим Наркомом Просвещения Жургеновым Темирбеком, являвшимся одним из руководителей националистической организации».

Материалы дела заполнены стандартными голословными утверждениями о связи «организации» с Троцким, Зиновьевым, Бухариным и Рыковым, о деятельности Жубанова «по линии воспитания казахской молодежи в духе контрреволюционного буржуазного национализма, срыву учебных планов университета, срыву выпусков учебных пособий» (л. 202) и т.д. Останемся на двух единственных в деле «конкретных действиях», приписанных ученому.

Во-первых, Жубанов наряду с Шонановым обвинялся в «подготовке террористического акта над Секретарем ЦК КП(б)К тов. Мирзояном» (л. 203). Речь шла о том, что будто бы в апреле 1937 г. «центр нашей антисоветской националистической организации, персонально Кулумбетов, Жургенев и Кабулов, дали задание шонановской террористической группе во время первой демонстрации совершить террористический акт над Мирзояном выстрелом из нагана при подходе колонны КазПИ к трибуне, где должен находиться в то время Мирзоян» (л. 22). Жубанов якобы участвовал «в подготовке колонны КазПИ, которую необходимо было оформить таким образом, чтобы она не вызвала никакого подозрения и не говорила бы ничем о том, что эта колонна является колонной КазПИ» (л. 22).

Второе событие в отличие от первого имело реальную основу: в 1936 г. произошел пожар в здании Казахского государственного университета. В обвинительном заключении написано: «Джубанов в 1936 году по заданию центра антисоветской националистической организации являлся одним из организаторов поджога Казахского Государственного Университета в г. Алма-Ата, в результате которого университет пожаром был уничтожен» (л. 202). Жубанов работал не в университете, а в Педагогическом институте, но все равно его заставили признаться в том, что он давал инструкции непосредственному «поджигателю»: студентке 3-го курса биофака университета Шахзаде Шонановой.

С 25 февраля 1938 г. четыре дня в Алма-Ате заседали уже упомянутая выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР в составе председателя диввоенюриста А.Д.Горячева, членов, бригавоенюристов Г.А.Алексеева и А.И.Микляева, и секретаря военного юриста 3-го ранга Н.И.Шапошникова. В отличие от аналогичных выездных сессий в Баку здесь расстреливали в каждый день заседаний, и Шонанов пережил Жубанова на два дня. В вынесенном 25 февраля приговоре (л. 208) повторены обвинения в подготовке террористических актов «над руководителями ВКП(б) и Советского правительства» и организа-

ции поджога университета. Ученый обвинялся по статьям 58-2, 58-8, 58-9 и 58-11; в приговоре снята первая из четырех статей (шпионаж), но и трех других, особенно статьи 58-8 (террор), хватало для вынесения смертного приговора. В тот же день Худайберген Куанович был расстрелян.

Отсутствие в деле Жубанова обвинений в принадлежности к «Алаш-орде» не спасло его от гибели, но помогло при реабилитации. 8 февраля 1957 г. военный прокурор подполковник юстиции Лукьянов составил заключение, завизированное 14 февраля помощником главного военного прокурора СССР полковником юстиции Павловым (л. 210–212). К этому времени «руководители организации» уже либо были реабилитированы, либо готовились к реабилитации. О трудах ученого «были получены отзывы... от кандидатов филологических наук Махмудова и Сайкиева, доктора филологических наук Балакаева и зав. сектором искусствоведения Академии наук Каз. ССР Ерзаковича. Все эти ученые отзываются об опубликованных трудах Джубанова положительно и заявляют, что они имеют определенную научную ценность и не содержат никаких антипартийных или антисоветских идей или положений» (л. 211). Вывод: «Настоящее дело... внести на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР на предмет отмены приговора и прекращения дела в отношении Джубанова Худайбергена за отсутствием в его действиях состава преступления» (л. 212).

Заключение 03.04.1957 было утверждено заместителем Генерального прокурора СССР, а 03.10.1957 Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор 1938 г. (л. 213). Благодаря этому работы Жубанова вернулись в научный оборот намного раньше работ Байтурсунова и Шонанова; как уже упоминалось, главные из них в 1966 г. были переизданы.

А в 1937 г. казахское языкознание надо было создавать заново: никого из профессиональных лингвистов не осталось.

ПЕРВЫЙ КАЗАХ-ЕВРОПЕЕЦ

Говоря о жертвах репрессий среди казахской интеллигенции, нельзя не назвать сложную и неоднозначную, но безусловно очень значительную фигуру Алихана Букейханова, первого казаха, получившего образование в двух русских вузах, вождя и идеолога «Алаш-орды». Нам не удалось ознакомиться с его следственным делом 1937 г., хранящимся в Москве. Однако нельзя не сказать об этом человеке ввиду его особой роли в развитии

казахской культуры; к тому же его биография, сейчас хорошо известная в Казахстане, до сих пор редко рассматривалась в России. Мы опираемся на казахские публикации последних лет, прежде всего на статью, где использованы и следственные материалы [Аккулыулы 1995].

Алихан Букейханов (иногда встречается вариант Букейхан) родился 5 марта 1870 г. в ауле Токраунской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области (в 60–80-е годы XX в. это был Актогайский район Джезказганской области). В литературе иногда встречается и другая дата рождения — 1866 г. Он принадлежал к знатному роду: его предок Букейхан был одним из последних казахских ханов.

Окончив в 1879 г. медресе в г. Каркаралинск, Алихан поступил в местную начальную казахско-русскую школу, а затем — в городское профессиональное училище с четырехлетним курсом обучения, где осваивал сапожное дело. Сапожником, однако, не стал: в 1886 г. поступил в Омское техническое училище и окончил его в 1890 г. Уже тогда началась его публицистическая деятельность: он сотрудничал в одной из первых казахских газет «Дала уалаятынын газет» (приложение к «Акмолинским областным ведомостям»).

В 1890 г. юноша едет в Петербург и поступает там в Лесной институт как стипендиат киргизских (казахских) обществ. В то время для молодого казаха это был исключительный случай. В студенческие годы Букейханов, по свидетельству товарищей и Департамента полиции, примыкал к «крайней левой», увлекался марксизмом и участвовал в студенческих кружках. В 1894 г. получил диплом лесоведа. В том же году он экстерном закончил юридический факультет Петербургского университета (как В.И. Ленин за три года до этого). Получив два диплома, молодой специалист вернулся в Омск.

В первые годы после возвращения Букейханов преподавал математику в Лесном училище в Омске и работал в редакции русской газеты «Степной край», участвовал в двух научных экспедициях по изучению экономического положения крестьян Южной Сибири. В 1896 г. стал членом Императорского географического общества, после чего полностью посвятил себя исследовательской работе. В течение пяти лет участвовал в комплексной экспедиции Министерства земледелия и государственных имуществ для исследования киргизских (казахских) областей. Экспедицией руководил известный статистик народнического направления, впоследствии чл.-кор. Академии наук, затем эмигрант Ф.А. Щербина. В 1903–1904 гг. Букейханова включили

в состав еще одной экспедиции по экономическому обследованию прилегающих к Сибирской железной дороге районов. Материалы экспедиций были опубликованы, разделы, написанные Букейхановым, занимают там большое место. Он, в частности, определил естественноисторические районы Казахстана, изучил родовое строение казахского общества, составил карты расположения казахских родов, собрал сведения по состоянию животноводческих хозяйств северных казахов, написал монографию о казахской овце и казахском крупном рогатом скоте. Молодой ученый был первым казахом, изучавшим эти проблемы; о многих из них он вообще писал впервые. С 1904 г. Букейханов начал работать статистиком Омского переселенческого управления.

Отойдя от политики в первые годы после возвращения из Петербурга, Букейханов возвращается к активной общественной деятельности во время революции 1905 г. В июне 1905 г. при его участии была составлена «Каркаралинская петиция» — первые официальные политические требования казахского народа, которую подписали 14 500 человек. Петиция должна была быть отправлена царю, но почта отказалась ее принимать. После Манифеста 17 октября 1905 г. Букейханов пытался основать газету на казахском языке. В ноябре 1905 г. Букейханов ездил в Москву на Съезд земских городских деятелей, где сказал в своей речи: «Я являюсь представителем 4-миллионного киргизского народа, занимающего огромную территорию от Урала до Алтая, от линии Сибирской железной дороги до Омска... (так в цитируемом источнике. — *Авт.*). У нас тоже преследуется школа с киргизским языком, нас тоже давит цензура... Ближайшей нуждой киргизов является свобода в употреблении родного языка, особенно необходимая ввиду предстоящей выборной агитации, и я присоединяюсь к предложению тех товарищей, которые просили съезд высказаться за немедленную отмену всех ограничений в правах местных языков» (цит. по [Аккульгулы 1995]). Еще радикальнее высказывался он по возвращении в Омск: «Не умножайте свои преступления, могильщики старого строя, ваши дни сочтены!» Речь шла о чиновниках царской администрации. В январе 1906 г. Букейханов был первый раз арестован и провел в тюрьме три месяца. Даже в крайне к нему недоброжелательной литературе советского времени признавалось, что в 1905 г. он «полевел» [Какишев 1972: 95].

Но Букейханов уже отошел от политических идей, которыми увлекался в юности: в это время он примкнул к кадетам, пик радикализма которых пришелся на 1906 г. Тогда он был

избран в 1-ю Государственную думу «от киргизского населения Семипалатинской области». Администрация затянула выборы, и Букейханов прибыл в Петербург накануне роспуска Думы царем. Не успев принять участие в ее работе, он вместе с кадетскими и близкими к ним депутатами подписал резкое по тону Выборгское воззвание (10.07.1906). Вернувшись в Омск, редактировал местные кадетские газеты. Затем началось преследование «подписантов» Выборгского воззвания: в 1908 г. Букейханов вновь был заключен на три месяца в тюрьму, а после освобождения выслан из Омска в Самару, где жил до Февральской революции.

Все это время он активно участвовал в политической деятельности, неоднократно выступал в печати, а также на собраниях и съездах. Как следует из заполненной им в 1937 г. анкеты арестованного, с 1912 г. Букейханов являлся членом ЦК кадетской (Конституционно-демократической) партии, в 1914 г. был одним из активных участников Мусульманского съезда в Петербурге. С 1913 г. работал в упоминавшейся выше газете Байтурсунова «Казах». В годы Первой мировой войны Букейханов участвовал в деятельности Земского и Городского союзов, общественных организаций для помощи раненым (Земский союз возглавлял будущий глава Временного правительства князь Г.Е.Львов); незадолго до Февральской революции он возглавил так называемый «инородческий отдел» этих союзов. Авторитет Букейханова как специалиста проявился в числе прочего и в том, что его ввели в состав редакции по подготовке «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, издававшегося в 1911–1916 гг. (издание оборвалось на слове «Отто»).

В предреволюционные годы позиция Букейханова, как и других кадетов, стала гораздо более умеренной по сравнению с 1905–1906 гг. Речь шла о развитии казахской национальной культуры, свободном использовании казахского языка, освоении казахами русской и мировой культуры, мирных экономических преобразованиях. Вопрос об автономии и тем более о национальном государстве не ставился. Такой же была позиция и других сотрудников газеты «Казах». В 1916 г. они выступили против вооруженного восстания, поднятого Амангельды Имановым.

Ситуация резко изменилась после Февральской революции. Позиция Букейханова вновь стала еще более радикальной, однако его волновали не социальные, а национальные проблемы. Вскоре после событий февраля 1917 г. он был вызван в Петроград, где был назначен комиссаром Временного правительства в Тургайской области и членом Временного совета по управле-

нию Тургайским краем. В политической борьбе периода двоевластия последовательно выступал на стороне Временного правительства против Советов. С июля 1917 г. началось формирование партии «Алаш» во главе с Букейхановым как самым авторитетным казахским деятелем того времени. На выборах в Учредительное собрание от этой партии было избрано 43 депутата, в том числе сам Букейханов.

Октябрьскую революцию он и другие члены партии «Алаш» не приняли. В декабре 1917 г. II Всеказахский съезд постановил образовать территориальную автономию и включить в нее все области с преобладающим казахским населением. Если Байтурсунов был сторонником независимости, то более умеренный Букейханов отстаивал идею автономии в рамках России, но России без большевиков. Эта точка зрения тогда была официальной.

В дальнейшем позиция Букейханова не раз менялась: то он шел на переговоры с советской властью, то поддерживал вооруженную борьбу с ней. К концу Гражданской войны в Казахстане он, как и другие лидеры «Алаш-орды», пошел на признание власти Советов. В конце 1919 — начале 1920 г. он ездил в Москву во главе правительственной делегации, вел переговоры с В.И. Лениным и другими руководителями государства об условиях казахской автономии. В августе 1920 г. Букейханов участвовал в работе съезда, провозгласившего образование Киргизской Автономной Советской социалистической республики.

Однако в отличие от Байтурсунова и других бывший глава «Алаш-орды» не вошел в руководящие органы Казахстана. К нему как бывшему кадету, тесно связанному с Временным правительством, очевидно, относились особенно настороженно. Некоторое время Букейханов работал в Наркомате земледелия Казахстана, затем отошел от дел и уехал на родину, в Каркаралинск. Уже в 1922 г. он был арестован, но тогда все кончилось для него лишь высылкой из Казахстана. С тех пор он жил в Москве и не имел возможности работать на родине.

Поначалу Букейханов был еще востребован как специалист. В Москве первые годы работал литературным сотрудником казахской (киргизской) секции Центроиздата народов СССР, а в 1925 г. стал экспертом по Казахстану Особого комитета АН СССР и профессором Ленинградского государственного университета. В 1926 г. последний раз побывал на родине в качестве руководителя секции научно-исследовательской экспедиции Особого комитета. По завершении работ был вновь арестован, отправлен в Москву и 15 дней отсидел в Бутырской тюрьме,

затем освобожден. Его восстановили в прежней должности, но уже в октябре следующего, 1927 г. отправили на пенсию. О последующих десяти годах его жизни известно мало. Его долго не трогали в отличие от его бывших товарищей по партии, оставшихся в Казахстане, но и не выпускали на родину, ограничивали его контакты с соотечественниками. Видный ученый преждевременно потерял возможность продолжать свою деятельность.

А новая волна репрессий затронула Букейханова одним из первых. В июле 1937 г. он был арестован (не менее чем в пятый раз) в своей квартире в Большом Кисловском переулке, где жил с 1922 г. Следствие продолжалось всего два месяца. Помимо деятельности в «Алаш-орде» он обвинялся в связях с «контрреволюционными центрами в Казахстане и Москве» и «японофильстве». Давно отошедший от дел старый ученый вынужден был признать свою вину.

Военная коллегия Верховного суда СССР разбирала дело Букейханова 27 сентября 1937 г. и приговорила его к высшей мере наказания. В протоколе зафиксированы его последние слова: «Советскую власть не любил, но признал». В тот же день Алихан Букейханов был расстрелян.

Как и другие видные члены «Алаш-орды», он не был реабилитирован в 50-е годы. Поэтому долгое время замалчивалась не только его политическая, но и исследовательская деятельность, а упоминание его имени было возможно лишь в резко критическом контексте. Теперь в Казахстане его имя столь же чтимо, как и имя Ахмета Байтурсунова, прежде всего в связи с членством в партии «Алаш» и сформированном ею правительстве. Однако высоко оценивается и вклад Букейханова в развитие национальной культуры. Отмечают, например, что именно он стал первым биографом великого казахского поэта Абая, выступив вскоре после его смерти, в 1905 и 1907 гг., с первыми статьями о его жизни и деятельности [Тайжанов 1991: 93].

Алихан Букейханов был реабилитирован постановлением Верховного суда СССР 16 мая 1989 г. В 1937–1938 гг. погибли и два его брата, бывшие значительно его моложе (сводные братья по отцу?): Габдул-Хаким (1896–25.02.1938), начальник областного Земельного управления в Чимкенте, и Мухамбет (1890–01.12.1937), домбрист-импровизатор (оба реабилитированы еще в 1957 г.).

МАГЖАН ЖУМБАЕВ И ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ

Нам удалось изучить следственное дело одного казахского писателя — Магжана Жумабаева. Однако необходимо сказать и об общей ситуации, сложившейся в казахской литературе, которая в 1937–1938 гг. понесла еще более тяжелые потери, чем азербайджанская. Как уже было сказано, мы не претендуем на художественный анализ произведений авторов, о которых пойдет речь; это задача литературоведов.

В связи с этим любопытно сравнить несколько очерков казахской литературы, написанных (с советских позиций) в разные периоды. Как известно, обычно с течением времени количество упоминаемых имен в такого рода очерках возрастает: появляются новые писатели. Но авторы, писавшие о казахской литературе, были вынуждены поступать иначе: хотя новые имена, разумеется, появлялись, но одновременно исчезали те, которые ранее составляли основу очерков.

Вот наиболее ранний текст — предисловие к сборнику рассказов казахских писателей «Молодой Казахстан», вышедшему в 1928 г. в «Библиотеке „Огонька“». Автор — Смагул Садвакасов, выше уже упоминавшийся, тогда был наркомом просвещения Казахстана (в конце 1930-х годов и он погибнет в числе многих). Из предисловия видно, что он, будучи убежденным коммунистом, относился с уважением к бывшим деятелям «Алаш-орды» и старался объективно оценивать их вклад в культуру (такой подход вскоре назовут «садвакасовщиной», а автор предисловия будет снят с должности).

Отдавая должное давно умершему Абаю, автор говорит далее о «его первых последователях», к которым относятся «ныне живущие А.Байтурсунов, М.Джумабаев, М.Дулатов, покойные С.Торайгиров, Б.Кулеев, О.Карашев» [Садвакасов 1928: 4–5]. Указано, что Байтурсунов и Дулатов не столько писатели, сколько политические деятели и публицисты. Вполне положительная оценка А.Байтурсунова уже приводилась. О М.Дулатове сказано, что он отошел от литературы, «является квалифицированным журналистом, работает в редакции краевой казахской газеты» [там же: 5]. В прошлом он был автором первого казахского романа «Несчастливая Жамал» (1910), к которому сводилась казахская проза досоветского периода; правда, Садвакасов оговаривает, что есть сведения еще о двух сочинениях, написанных в подражание роману Дулатова, но о них мало что известно, и роли в развитии казахской литературы они не сыграли

(к этому высказыванию мы еще вернемся). О казахской поэзии сказано: «Что же касается М. Джумабаева, то он в одно время был властителем дум казахской молодежи. Среди поэтов-коммунистов наибольшей известностью пользуются Сакен (Сейфуллин. — *Авт.*), Муканов и многообещающий, талантливый Жансугуров. По части формы стиха Сакен куда слабее Жумабаева» [там же: 5].

Среди молодого поколения прозаиков выделены трое: Мухтар Ауэзов, Жусупбек Аймаутов и Беимбет Майлин (в сборнике «Молодой Казахстан» включены как раз их рассказы). «По содержанию своих произведений и мастерству слога М. Ауэзов является, пожалуй, наиболее крупной фигурой в современной казахской литературе... По своей идеологии М. Ауэзов является попутчиком» [там же: 6–7]. Аймаутов — поэт, пишущий и прозой, автор «прекрасного перевода „Интернационала“ и революционных песен, человек с „душой поэта“, чья проза похожа на стихи, тоже считается попутчиком» [там же]. Майлин — коммунист, более известный прозой, чем стихами, «сейчас самое популярное имя в Казахстане» [там же: 7].

Можно заметить, что деление на группы проводится не столько по возрастному (М. Жумабаев и С. Сейфуллин были почти ровесниками), сколько по идеологическому признаку: «первые последователи» Абая, т.е. члены «Алаш-орды» (о чем прямо не говорится), коммунисты и колеблющиеся между ними попутчики. Но должное отдается всем. Очерк этот сразу вызвал резко отрицательную оценку в органе РАПП — журнале «На литературном посту», автором погромной рецензии был А. Байдыльдин, о котором мы упомянем ниже.

Следующий очерк — предисловие к вышедшему в Москве в 1934 г. «Казакскому сборнику» (отметим, что его ответственным редактором был Валерий Тарсис, впоследствии диссидент, а одним из переводчиков — Арсений Тарковский). Предисловие не подписано, но поскольку составителем сборника был Габбас Тогжанов (тоже впоследствии расстрелянный, о нем мы еще будем упоминать), можно предположить, что он был его автором. Гипотезе о его авторстве не противоречит содержание текста: крайний социологизм и последовательно классовый подход при хорошем знании материала — все это очень похоже на другие публикации того же автора.

Если Садвакасов совмещал идеологические и художественные критерии оценки, то в этом очерке главенствует идеологический подход. В отличие от очерка Садвакасова здесь вся литература до времен «советизации» оценивается резко негативно.

Абай Кунанбаев, Байтурсунов, Дулатов, Омар Карашев названы «полуфеодальными писателями». Далее сказано: «В после-революционной алаш-ордынской, националистической литературе (Ауэзов, Джумабаев, Аймаутов, Турайгыров и др.) господствующими мотивами продолжали оставаться феодальные: идеализация казакских ханов, рыцарей, оплакивание феодального и кочевого быта и т.п. Такая литература соответствовала интересам байства» [Казакский 1934: 3].

Советская литература Казахстана началась с того, что в период военного коммунизма из старых националистических писателей переходит на сторону советской власти «т. Сейфуллин», а уже в годы НЭПа — «товарищи Майлин, Донентаев и Серкебаев». Появляются в литературе стоящие с самого начала на советских позициях «товарищи С.Муканов, И.Джансугуров, М.Даулетбаев, Бала-Кадиров». Но и у них долго сохранялся «народнический, общенациональный дух»; даже у наиболее свободного от этого Муканова было «идеалистическое понимание понятия „справедливость“» [там же: 4]. Больше всего, однако, заслуг не у Муканова, а у Сейфуллина — участника Гражданской войны, которому «принадлежит первая казахская Марсельеза»; но и у него содержались «неверные идеи» вроде борьбы трудящихся Востока с европейским империализмом, тогда как надо говорить о классовой борьбе без разделения на Запад и Восток. Далее говорится о «своеобразном народническом просветительском нигилизме» Майлина и Джансугурова, о «пессимизме» в духе М.Жумабаева в стихах Джансугурова первой половины 20-х годов [там же: 6]. Если Садвакасов считал «попутчиками» Ауэзова и Аймаутова, то в этом очерке к ним отнесены все писатели-коммунисты (и только они), как не выработавшие до конца 20-х годов пролетарскую идеологию и не отказавшиеся от национальных ценностей и традиций.

Новый этап, согласно предисловию, начался после происшедшего в 1925–1929 гг. «разгрома националистических группировок казахских коммунистов (садвакасовщина, ходжановщина, мендешевщина, рыскуловщина и сейфуллиновщина)» [там же: 8]. В эти годы заявляют о себе «новые писатели-комсомольцы», а «попутчики» тоже «начинают заметно выправлять свою политическую линию», хотя потом у них иногда были «рецидивы» [там же: 8–9]. Наконец теперь дело обстоит лучше, особенно с тех пор как «группа казахских писателей в письме т. Мирзояну как подарок восьмой казахстанской партконференции преподнесла художественные произведения» [там же: 11]. «Старые» «попутчики» преодолели ошибки, бывшие комсомольцы стали

коммунистами, а к ним прибавились «новые силы из низов» [там же: 10].

Не находилось места в казахской литературе лишь «полуфеодалным писателям» и создателям «соответствовавшей интересам байства литературы», т.е. всем тем, о ком писал Садвакасов, кроме писателей-коммунистов. В очерке 1934 г. эти люди еще хотя бы названы по фамилиям. Но судьба их к тому времени уже была трагична. Байтурсунов, Дулатов, Жумабаев находились в лагере или ссылке (жизнь Дулатова окончится в лагере в 1935 г.), а переводчик «Интернационала» Жусупбек Аймауытов, арестованный 20 мая 1929 г., был расстрелян 21 апреля 1930 г. по обвинению в шпионаже [ДН 1990, № 8: 213]. Он будет реабилитирован лишь 24 ноября 1988 г. Одновременно расстреляны еще трех деятелей казахской культуры: тюрколога Абдрахмана Байдильдина (незадолго до этого обличавшего Садвакасова в «примиренчестве»), директора Казахского национального театра Диньмухамеда Адилева и журналиста Ахмета Сафа Юсупова [Вечерняя Москва. 25.05.1992].

Было, однако, одно исключение, которое оговорено особо. Мухтар Ауэзов «в прошлом (с 1917 по 1931 г.) находился по ту сторону баррикады — был нашим политическим врагом. Но в 1932 году он делает „переоценку ценностей“ — публично отмежевывается от прежних политических друзей, сознает контрреволюционность прежней своей позиции и становится на путь советских писателей» [Казакский 1934: 11]. О том, что тогда было с этим писателем на самом деле, мы будем говорить ниже. Однако в сборник 1934 г. включен и его рассказ наряду с произведениями Майлина, Сейфуллина, Муканова и Джансугурова. Отметим, что ни писатели-комсомольцы, ни «новые силы из низов» в сборник не включены: видимо, составитель сборника понимал слабость их произведений.

Третий очерк — раздел «Литература» в статье «Казахская ССР» из 2-го издания БСЭ (авторы — В.Кабдулов и А.Л.Маловичко). Хотя том 19, где напечатана статья, вышел после смерти Сталина (подписан к печати 16 июня 1953 г.), но статья была написана примерно на год раньше (осенью 1952 г. уже шла корректура).

Из числа авторов, упомянутых в очерке Садвакасова 1928 г., в разделе названы (не считая умершего до революции Абая) лишь трое: скончавшийся в 1920 г. С.Торайгыров, С.Муканов и М.Ауэзов; литературная деятельность последнего, согласно очерку, началась лишь в 1942 г. (более ранние сочинения не упомянуты). Среди фигурировавших в очерке 1934 г. писателей,

работавших до революции или в 20-е годы, назван помимо перечисленных выше еще умерший в 1933 г. С. Донентаев, «преодолевший некоторые идейные колебания» [т. 19: 352]. Среди писателей двух следующих, уже советских поколений картина другая: из семи перечисленных в 1934 г. «новых писателей-комсомольцев» упомянуты четверо, из восьми представителей «новых сил из низов» — трое.

Причина исчезновения почти всех фамилий очевидна: упомянутые писатели были репрессированы. Исключение составляют лишь некоторые писатели самого молодого поколения, например «пионерский поэт» очерка 1934 г. Малик Габдулин, ставший позже на войне Героем Советского Союза.

Если в 1934 г. писатели, находившиеся «по ту сторону баррикады», хотя бы упоминались по фамилиям, то теперь всё заменялось глухой формулировкой: «реакционная группа буржуазных писателей-националистов» [там же: 351]. А о писателях-коммунистах 20–30-х годов, кроме С. Муканова, ни слова.

Правда, прибавились некоторые фамилии. В двух упомянутых выше очерках в число казахских писателей включались только те, которые были грамотны и писали свои сочинения. А здесь большое место занимает анализ творчества устных импровизаторов — акынов. Как раз в это время (по-видимому, под влиянием мнения самого Сталина) была сильна точка зрения, согласно которой творчество акынов — чуть ли не магистральный путь развития казахской литературы. Хотя и среди акынов были жертвы вроде упомянутого брата Букейханова, но в целом они пострадали меньше, чем собственно писатели. А в литературе предреволюционных лет наряду с вовремя умершими Торайгыровым и Донентаевым упомянут еще живой во время написания очерка С. Кобеев: он «в 1913 году издал первый в казахской литературе роман „Калым“, в котором осудил позорную куплю-продажу женщины» [там же]. Откуда новая фамилия? Выше упоминались слова Садвакасова о двух сочинениях в подражание появившемуся в 1910 г. роману М. Дулатова. Роман «Калым» — одно из них. Скромный сельский учитель С. Кобеев (Кубеев) после этого много лет не публиковался и, может, благодаря этому уцелел в 1937 г. Когда после окончания волны репрессий надо было заново писать историю казахской литературы, вспомнили об этом человеке, который по-прежнему учительствовал, приняли его в Союз писателей и объявили первым казахским прозаиком. И все равно картина была очень уж бедной.

В последнем, 3-м издании БСЭ том с очерком казахской литературы вышел в 1973 г. Часть прежде изъятых фамилий вос-

становлена: С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин; все они оцениваются очень положительно. Упомянута и деятельность М. Ауэзова в 20–30-е годы, она в отличие от очерка 1934 г. также получила высокую оценку. Но это (наряду с полностью позитивными оценками Абая) почти единственное отличие от очерка 1934 г.

Оценка писателей, связанных с «Алаш-ордой», очень похожа на ту, что была 20 лет назад: «Писатели откровенно националистического направления, после Октября перешедшие в лагерь идейных противников Советской власти (А. Байтурсунов, М. Дулатов, М. Жумабаев), связаны были с реакционной газетой „Казах“ (1913)» [т. 11: 166]. Многое тут не только тенденциозно, но и фактически неверно: газета «Казах» выходила не один год, а пять (до 1918 г.), все упомянутые люди были противниками советской власти лишь до 1919 г., а Байтурсунов некоторое время даже состоял в РКП(б). Но эти люди не были реабилитированы, поэтому писать о них по-другому было не возможно.

Лишь в конце 80-х годов ситуация изменилась: с началом реабилитации их творчество стало высоко оцениваться. Отметим одну из первых публикаций о них на русском языке — предисловие писателя А. Алимжанова к первой подборке переводов Магжана Жумабаева [ДН. 1988, № 12] и его же статью [ДН. 1990, № 8]. Впрочем, вскоре после распада СССР в России интерес к этим авторам сменился общим равнодушием к тому, что раньше называлось литературами народов СССР.

Одной из крупнейших фигур не только в казахской литературе, но и культуре в целом был поэт **Магжан Жумабаев** (иногда его фамилия, в том числе в следственном деле, пишется как Джумабаев). Мы смогли ознакомиться с его следственным делом № 07875 в Центральном архиве Комитета национальной безопасности Казахстана.

Магжан Жумабаев родился в 1893 г. (точная дата в деле отсутствует). Место рождения в деле указано по-разному: в анкете арестованного (л. 5) указан город Петропавловск, в реабилитационном определении (л. 155) — Бейнеткорский район Северо-Казахстанской области (центр области — тот же Петропавловск). Социальное происхождение в анкете арестованного обозначено как «из крестьян-скотоводов середняков — со слов» (л. 5 об.), а далее Жумабаев фигурирует как «сын бая»; как мы уже говорили, граница между баями и середняками в условиях Казахстана не была четкой.

О юности будущего поэта некоторые сведения содержатся в биографии С. Сейфуллина [Какишев 1972]: оба они учились в Омской учительской семинарии. Жумабаев был на год старше Сейфуллина, но учился на курс моложе [там же: 40], т.е. поступил в 1913 г., уже в 20-летнем возрасте. Он был одним из основателей просветительского кружка «Бирлик», печатался в газете «Казах». Если верить Т. Какишеву, среди других участников кружка, где состоял и С. Сейфуллин, Жумабаев отличался приверженностью казахским национальным традициям, ратовал за сохранение кочевой культуры [там же: 67].

В 1917 г. Жумабаев активно включился в политику. В анкете арестованного он указывал (л. 156): «С 1917 по 1923 г. состоял в партии „Алаш“» (л. 5 об.). А в реабилитационном определении сказано: «В декабре 1917 года был делегатом и участником второго общекиргизского съезда „Алаш-Орды“, на котором избран членом комиссии по просвещению правительства „Алаш-Орды“. Кроме того выставлялся от партии „Алаш“ кандидатом в депутаты Учредительного собрания по Акмолинскому округу. По материалам Северо-Казахстанского областного архива... значится в списках членов Киргизской партии „Алаш“... Посылался в Петропавловский уезд для набора джигитов в белую гвардию, скрывался в Омске и вел усиленную агитацию среди киргизов, натравляя их против революционной демократии и Советской власти. В своих показаниях... не отрицал свою роль в составе алаш-ордынской организации».

Но главным оружием Магжана Жумабаева в те годы было слово. Все до единого сходились на том, что именно он был первым поэтом «Алаш-орды», своими стихами поднимавшим на борьбу. Поэт-коммунист И. Джансугуров так весьма резко характеризовал его деятельность тех лет: «Алаш! Алаш! Наш день настал. // Назад дороги нет», — // захлебываясь, возвещал // националист-поэт. // К оружию призывал поэт // и страсти разжигал» [Джансугуров, Сейфуллин 1973: 143].

Однако после 1919 г. Жумабаев, как и большинство членов партии «Алаш», переходит на сторону советской власти. Это произошло не так стремительно, как в случае Байтурсунова: он, как упоминалось, заявлял о членстве в партии «Алаш» до 1923 г., а в РКП(б) никогда не состоял. Тем не менее, как позже вспоминал его друг, башкирский поэт Сайфи Кудаш, «он первым перевел на казахский язык „Историю коммунистической партии“, книгу „Маркс и Ленин“, произведения В.И. Ленина „Парижская коммуна“, „Девятое января“... Его перу принадлежит несколько учебников для казахских школ; им переведены

в 1924 г. на казахский язык произведения М.Горького, опубликованные под общим названием „Песня о Соколе“, Мамина-Сибиряка, В.Иванова и др. русских писателей» [ДН. 1988, № 12: 164–165]. И до второй половины 20-х годов Жумабаев издавал свои стихи. Как указано в следственном деле, поэт учился в Москве в Литературно-художественном институте, окончив его в 1925 г. (л. 5 об.). По свидетельству Сайфи Кудаша, один из профессоров института называл его «киргизским Пушкиным» [ДН. 1988, № 12: 165]. Сайфи Кудаш упоминает и о том, что в Москве Жумабаев был редактором в Центральном издательстве; речь, видимо, идет о киргизской (т.е. казахской) секции Центроиздата народов СССР, где в те годы работал и А.Букейханов. Окончив институт, Жумабаев вернулся на родину.

Выступал Жумабаев и по вопросам языка и языкового развития. В 1922 г. он издал в Оренбурге книгу «Педагогика», переизданную спустя год в Ташкенте. В ней он отстаивал идею единого языка для тюркских народов, считая, что основой для такого языка может послужить казахский [Landau, Kellner-Heinkele 2001: 127]. Конечно, такой подход был утопическим.

В 20-е годы поэт был очень популярен в Казахстане. Это, как упоминалось выше, признавал при всем расхождении позиций и коммунист Садвакасов. А Мухтар Ауэзов даже в 1929 г., когда над головой Жумабаева уже сгустились тучи, выступил со статьей «Люблю Магжана», где писал: «Из всех сегодняшних поэтов-писателей только он устремлен в будущее, и, несомненно, его слово бессмертно» (цит. по [Тайжанов 1991: 84]).

Но чем дальше, тем больше бывший поэт «Алаш-орды» подвергался травле. Даже в реабилитационном определении 1960 г. содержится фраза: «Сборник его стихов, контрреволюционных по содержанию, издавался в 1922 году в Татарской ССР (так. — Авт.), а в 1923 году в Ташкенте» (л. 156). Видимо, в Казахстане его издать было нельзя. А уже в 70-е годы, явно повторяя формулировки 20-х, казахский литературовед писал: «Поэт-националист М.Жумабаев представлял паровоз как необузданную железную стихию, которая уничтожает всё на пути и несет смерть кочевникам-казахам... Разочарованный в жизни, погруженный в тоску, Магжан Жумабаев изображал свою родную степь то в виде трупа, то в траурном одеянии» [Кирабаев 1973: 311]. И совсем был резок товарищ его юности, а затем политический противник Сакен Сейфуллин: «Батыров, и ханов, и биев одних // хвалили, кровавые славили дни. // И ложь убивала их песенный дар: // они не акыны — шаманы они! // Тот звался батыром, кто кровь проливал. // „Он самый достойный“, — акын

напевал. // А если был добрым и мирным казах, // акын его „бабой трусливою“ звал» (перевод Владимира Корнилова) [Джансугуров, Сейфуллин 1973: 539]. Под «акыном» здесь имелся в виду именно Магжан Жумабаев.

В обстановке травли 1927 г. поэт опубликовал стихотворение «Токсаннын тобы», где, как говорили в те годы, «отмежевывался» от политического прошлого: «Я осознал, что партия Алаш не нужна казахскому народу... Если Коммунистическая партия представляет 90 процентов народа, [то] Алаш — всего 10. Я защищаю 90, потому что всей душой отдавшись советской власти». В то же время он подчеркивал: «В прошлом... я ошибся. Однако я ошибся, служа своей отчизне» (подстрочный перевод, цит. по [ДН. 1988, № 12: 165]). Но, как свидетельствует Сайфи Кудаш, руководителями Казахской ассоциации пролетарских писателей это стихотворение «было воспринято как „приспособленчество“ и „маневр“» [там же].

Но худшее было впереди. В 1929 г. Магжан Жумабаев был впервые арестован. Ему инкриминировали и деятельность в «Алаш-орде», подпадавшую под амнистию, и участие в «подпольных организациях» в 20-е годы, и «воспевание феодализма» в стихах. В 1930 г. он по статьям 58-10 и 58-11 был осужден на 10 лет лагерей, «наказание отбывал в Соловецких и Сибирских лагерях» (л. 6). Об этом периоде его жизни Сайфи Кудаш писал: «Он честно трудится, сначала учителем, затем начальником объединенной санчасти нескольких лагерей. Он с помощью жены получает вузовские учебники по медицине и самостоятельно приступает к врачебному образованию» [там же]. В анкете арестованного в графе «профессия» он впоследствии писал «писатель и медфельдшер» (л. 5), последнюю профессию он явно получил в лагере.

Из лагеря поэта освободили досрочно, по некоторым данным, ему в этом помог М. Горький [ДН. 1990, № 8: 213]. Сайфи Кудаш называет годом его освобождения 1935-й, но в деле 1937–1938 гг. указан 1936 г. (л. 155), что, вероятно, точнее. Дальнейшая его жизнь до ареста, описанная Сайфи Кудашем [ДН. 1988, № 12: 165–166], — цепь скитаний и неудачных попыток вернуться к нормальной работе. Клеймо члена «Алаш-орды» сохранялось. Сначала Жумабаев вернулся на родину, в Петропавловск, и устроился на работу в техникум. В это время, как свидетельствует Сайфи Кудаш, «ему оказывает дружескую поддержку (в том числе материальную) С. Сейфуллин». Из Петропавловска поэт послал заявление о приеме в Союз писателей, ответ был вежливым (ему обещали создать условия

для творческой работы), однако отрицательным. Вскоре его уволили из техникума как «неблагонадежного», он переехал в Алма-Ату, там ненадолго устраивался на работу то в краеведческий музей, то заведующим медпунктом в пригородный совхоз, но его отовсюду изгоняли. Он продолжал творить и передал в Союз писателей свои стихи для публикации, но ничего издано не было, а после его ареста стихи пропали. Сайфи Кудаш писал о том, что поэт в это время пытался покончить жизнь самоубийством.

Так продолжалось более года. Казалось, об опальном поэте забыли. Уже были арестованы не только А. Байтурсунов, А. Букейханов и другие бывшие члены «Алаш-орды», но и С. Сейфуллин и другие писатели-коммунисты, а Жумабаев еще находился на свободе. Но, как видно из следственного дела, материал на него собирали с августа 1937 г. Наконец перед самым Новым годом, 30 декабря 1937 г., за поэтом, уже «безработным», как указано в деле, пришли.

Среди видных казахских интеллигентов Магжан Жумабаев был арестован одним из последних, но «опоздание» было компенсировано краткостью следствия: оно длилось немногим более месяца. В деле лишь два протокола допросов, несколько выдержек из показаний других людей и заявление самого следственного на имя наркома внутренних дел о «чистосердечном признании» в шпионаже в пользу Японии. Поэту приписывалось, что в агенты японской разведки его завербовал не кто иной, как А. Букейханов (тогда уже расстрелянный), в 1919 г. в Омске. В качестве «связующего звена» упоминался эмигрировавший в Китай член «Алаш-орды» Р. Марсеков, якобы по инициативе Букейханова установивший там связь с «японским резидентом»; участие в этой цепочке приписывалось и Т. Рыскулову. Также речь шла о «связях с Берлином» через Заки Валидова. Типичная фантастика 1937–1938 гг. Во всем остальном повторялись обвинения, по которым поэт уже был осужден в 1930 г.

Следователи даже не пытались создать видимость законности. Если в случае арестованных казахских коммунистов (и людей, «подверстанных» к ним, вроде Шонайнова) ждали приезда «тройки» из Москвы, то тут особо торопились. Дело вынесли на заседание местной комиссии НКВД. Обвинение было предъявлено по двум статьям: «антисоветская деятельность» и «шпионская деятельность», взятым почему-то из уголовного кодекса Узбекской ССР. В деле нет даже приговора, есть лишь выписка из акта о приведении его в исполнение (л. 153), из которой следует, что поэт погиб 11 февраля 1938 г. А обвинительное за-

ключение (л. 150–152) датировано почему-то 21 февраля 1938 г., т.е. составлено задним числом, через 10 дней после расстрела.

Вопрос о реабилитации в данном случае был поднят лишь в 1960 г. В деле содержится определение Военного трибунала Туркестанского военного округа (ТуркВО). Состав трибунала: генерал-майор юстиции Приймак (председательствующий), подполковник юстиции Ижиков и подполковник юстиции Старинец; определение основывалось на заключении помощника военного прокурора ТуркВО Никитина.

Определение имело половинчатый характер. С одной стороны, в нем было отмечено: «Обвинение Джумабаева (в следственных материалах его фамилия пишется так. — *Авт.*) в шпионской деятельности в пользу Японии было основано только на его показаниях, не проверенных органами следствия и объективно не подтвержденных. Джумабаев на следствии в 1938 году показал, что в качестве агента японской разведки его завербовал Букейханов, а затем он сам завербовал Байдильдина, Сейдалина и других, всего 14 человек. В органах госбезопасности и в архивах сведений о принадлежности к иностранным разведкам Букейханова, Байдильдина, Сейдалина, Сеитова и других лиц, названных в показаниях Джумабаева, не имеется» (л. 157). Далее сказано, что названные Жумабаевым в качестве «шпионов» лица либо реабилитированы, либо вообще к уголовной ответственности не привлекались. Исключение — А.Букейханов, однако оказалось, что как раз в шпионаже в пользу Японии он в 1937 г. не обвинялся (только в «японофильстве»). Таким образом, эта часть обвинения снималась.

Что касается обвинения в «антисоветской деятельности», то отмечено лишь одно: «Джумабаев за антисоветскую и националистическую деятельность был осужден в 1930 году к 10 годам лишения свободы, а по отбытии наказания за это же был необоснованно привлечен к уголовной ответственности в 1937 году» (л. 158). Однако, поскольку Жумабаев действительно был близок к «Алаш-орде», его деятельность тех лет была на основании цитировавшихся выше данных признана «антисоветской», несмотря на несколько амнистий.

И еще два обстоятельства помешали полной реабилитации поэта. Не раз при реабилитации писателей и других людей творческих профессий тогда делали запросы в соответствующие творческие союзы. Уже упоминалось, что Союз писателей Азербайджана помогал в реабилитации своих бывших членов, в том числе и тех, кто когда-то был связан с мусаватистами, вроде Ахмеда Джавада. Иной оказалась позиция Союза писателей

Казахстана. В определении читаем: «По заключению комиссии Союза советских писателей, данному 19 мая 1960 года, поэтическое наследие Джумабаева в своей идейной основе носило буржуазно-националистический, а следовательно, контрреволюционный характер» (л. 156). Само заключение в деле отсутствует.

И еще показание против: «Допрошенные в 1960 году в качестве свидетелей Курманбаев, Залалиев, Кыпчакбаев и Хакаев ранее знавшие Джумабаева, показали, что его отец был крупным баем, эксплуатировал (так. — *Авт.*) батраков и ряд лет при царском строе был волостным управителем» (л. 158). Речь шла о реабилитации сына, а не отца, который фигурирует в деле умершим в 1932 г. (л. 5), а как считалось даже при Сталине, «сын за отца не отвечает». Но и этот факт, видимо, повлиял на решение.

Итог был половинчатым. «Решение Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 11 февраля 1938 года» было отменено (л. 158), а приговор 1930 г. оставлен в силе, а там были все обвинения 1938 г., кроме обвинения в шпионаже в пользу Японии. Это повлияло на судьбу наследия классика казахской литературы в течение последующих трех десятилетий, о чем уже говорилось.

Были, однако, люди, добивавшиеся восстановления доброго имени поэта. Народный поэт Башкирии Сайфи Кудаш в 1969 г. обратился с письмом к Первому секретарю ЦК КП Казахской ССР Д.А.Кунаеву, Первому секретарю Башкирского обкома КПСС М.З.Шакирову и в Союз писателей Казахстана, предлагая дополнить «гражданскую» реабилитацию поэта (т.е. решение 1960 г.) «политической». Это письмо, отрывки из которого мы уже цитировали, было опубликовано в журнале «Дружба народов» лишь в 1988 г., еще при жизни автора, прожившего почти 100 лет.

Сайфи Кудаш также писал: «В ноябре 1968 г. в Казахском университете состоялось собрание, участники которого обратились с просьбой в соответствующие организации республики издать двухтомник произведений М.Жумабаева. Однако, как мне стало известно, ЦК КП Каз. ССР квалифицировало это собрание как политическую ошибку на том основании, что М.Жумабаев является выходцем из байской семьи, националистом, символистом, пессимистом и поэтом-мистиком» [ДН. 1988, № 12: 161]. В письме доказывалось, что Жумабаев — крупный поэт, с 20-х годов перешедший на советские позиции. Однако на письмо ответа не последовало, и ничего не изменилось. По свидетельству А.Алимжанова [там же], произведения М.Жумабаева в 60–80-е годы ходили в казахском «самиздате».

Лишь в 1988 г. вместе с А. Байтурсуновым, А. Букейхановым и другими Магжан Жумабаев был полностью реабилитирован. После этого журнал «Дружба народов» оперативно напечатал письмо Сайфи Кудаша и переводы стихов погибшего поэта на русский язык, сделанные А. Парщиковым, с предисловием А. Алимжанова. Вскоре появились и переводы из Жумабаева, выполненные Евгением Евтушенко.

Но в скором времени общественная ситуация вновь изменилась, и интерес русских читателей к творчеству поэта, как вообще к казахской литературе, снизился. Зато в Казахстане произведения М. Жумабаева уже многократно издавались.

Среди других репрессированных казахских писателей особо надо выделить трех создателей советской казахской литературы: поэта и прозаика **Сакена Сейфуллина**, поэта **Ильяса Джансугурова** и прозаика **Беимбета Майлина**, уже не раз упоминавшихся выше. Все они были ровесниками: родились в 1894 г. (т.е. лишь на год были моложе Магжана Жумабаева) и в юности испытали влияние национальных идей, но в отличие от Жумабаева довольно быстро, кто раньше, кто позже, увлеклись коммунистической идеологией, вступили в партию и активно боролись за построение общества на новых, порывавших с традициями началах.

Все трое были реабилитированы еще в 50-е годы, поэтому обстоятельства их жизни достаточно известны, а сочинения еще в советское время неоднократно издавались как на языке оригинала, так и в переводах: отметим большой том стихов Сейфуллина и Джансугурова в серии «Библиотека поэта» [Джансугуров, Сейфуллин 1973] и том сочинений Б. Майлина [Майлин 1984]. См. также [Джансугуров 1958; 1962; Майлин 1958; 1960; 1964]. Богата фактами, хотя и сильно приглажена в духе времени биография Сейфуллина в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) [Какишев 1972]; о нем на русском языке издана еще книга [Кирабаев 1964]; о Джансугурове тоже есть книга [Каратаев 1965]; много материала об обоих авторах содержится во вводных статьях (автор — С. Кирабаев) и комментариях к упомянутому изданию в «Библиотеке поэта»; о Б. Майлине на русском языке данных гораздо меньше, можно назвать лишь краткое предисловие к изданию 1984 г. [Каратаев 1984].

Во всех этих изданиях, однако, обходились молчанием последние, самые трагические месяцы жизни писателей. Например, биография Сейфуллина в ЖЗЛ завершалась описанием

торжественного празднования 25-летнего юбилея творческой деятельности поэта в июле 1936 г. (тогда он получил орден Трудового Красного знамени, его именем называли улицы в городах, библиотеки, дома культуры), после чего действие вдруг переносится «в наши дни», когда писателя уже давно не было в живых. Самое большее, биографы делали «глухие» намеки вроде: «Жизнь Б.Майлина оборвалась в расцвете творческих сил» [Каратаев 1984: 6]. Неясности были и с датами смерти. Обычно (видимо, на основании справок, выданных КГБ в процессе реабилитации) писали (в том числе в БСЭ), что Джансугуров умер в 1937 г., а двое других — в 1939 г. Видимо, в КГБ посчитали самым важным развести даты их смерти, поэтому Джансугурову даже убавили год жизни, хотя чаще годы прибавляли. А на самом деле даты жизни всех троих одинаковы: их расстреляли в один и тот же страшный для Казахстана день — 25 февраля 1938 г., уже упоминавшийся нами в связи с гибелью Жубанова. Реабилитировали их, однако, в разное время: Сейфуллина — 21.03.1957, Майлина — 16.04.1957, а Джансугурова — более чем на год позже, 28.07.1958.

В 50–80-е годы эти три писателя были популярны в Казахстане, именем Джансугурова даже назвали город, выросший на месте его родного аула. Сейчас они, наоборот, оказываются в независимом Казахстане в тени деятелей «Алаш-орды». Но из истории казахской культуры нельзя выбрасывать ни тех ни других.

И еще фамилии репрессированных в 1937–1938 гг. и погибших казахских писателей (и шире, людей, как-то связанных с литературой). О них у нас есть лишь самые краткие сведения. Безусловно список неполон.

Айбасов Бирмухамед. 1895 г. р. Главный редактор Партиздата Казахстана. Осужден 28.02.1938. Реабилитирован 22.02.1958.

Акпамбетов Чилимбай. 1899 г. р. Журналист, студент Коммунистического института журналистики. Осужден 01.02.1938. Реабилитирован 26.01.1991.

Алибаев Абат. 1905 г. р. Заместитель директора Казахского издательства. Осужден 27.02.1938. Реабилитирован 20.06.1957.

Альжанов Шарафи Есмухамедович. Заведующий кафедрой КазПИ. Осужден 10.11.1938. Реабилитирован 30.07.1959.

Давлетбаев Мажит. 1900 г. р. Писатель, сотрудник журнала «Литературный Казахстан». В 20-е годы член Казахской ассоциации пролетарских писателей. В 1935 г. в русском переводе

издана его книга «Партизан Алтынбай». Осужден 05.09.1938. Реабилитирован 31.12.1958.

Джулдубаев Мулдагали Джулдубаевич. 1897 г. р. Писатель-журналист, доцент КазПИ. Осужден 10.12.1937. Реабилитирован 20.09.1957.

Кольбаев Сеит-Касым. 1910 г. р. Студент IV курса литературного факультета КазПИ. Осужден 28.02.1938. Реабилитирован 24.05.1958.

Манаев Нугман Сарсенович. 1894 г. р. Редактор переводов произведений классиков марксизма на казахский язык. Осужден 07.03.1938. Реабилитирован 10.06.1957.

Омаров Ельдес. 1892 г. р. В прошлом связан с партией «Алаш». Педагог, писал научные работы. Работал с А.Байтурсуновым, упоминается в его следственном деле, в том числе говорится об их контактах в 1936 г. Осужден 01.02.1937. Реабилитирован 30.03.1989.

Тоганбаев Картножа Жананович. 1896 г. р. Переводчик, редактор Казахского института марксизма-ленинизма. Осужден 28.02.1938. Реабилитирован 25.02.1958.

Тогжигитов Шаймерден. 1901 г. р. Журналист. Осужден 25.11.1937. Реабилитирован 16.01.1959.

Утурбалиев Азиз (Газиз). 1904 г. р. Студент Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы в г. Алма-Ате. Осужден 05.09.1938. Реабилитирован 29.02.1964.

Упомянем также литератора — представителя другого тюркского народа:

Исмаилов Абдулла. 1896 г. р. Редактор-переводчик, уйгур. Осужден 31.12.1937. Реабилитирован 08.06.1957.

И еще раз надо назвать умершего в 1935 г. в лагере основоположника казахской прозы **М.Дулатова** и расстрелянных в 1931 г. **Жусупбека Аймаутова** и трех его товарищей. Об одном из них, **Абдрахмане Байдильдине** (1898–1931), бывшем, кстати, членом КазАПП, во время частичной реабилитации Магжана Жумабаева говорилось: «Данных о его привлечении за антисоветскую деятельность в 1937–1938 гг. нет». Их и не могло быть, так как расстрелян за «антисоветскую деятельность» он был гораздо раньше, а реабилитирован лишь 30.11.1990.

Еще одна зафиксированная в изученных нами материалах фамилия:

Болгамбаев Хайретдин. 1894 г. р. Журналист, литературовед, преподаватель техникума. Осужден 21.11.1931. Реабилитирован 24.08.1957.

Расскажем еще об одном писателе, более известном (по крайней мере в России), чем все предыдущие: это **Мухтар Ауэзов**. Судьба этого писателя, казалось бы, сложилась счастливее, чем перечисленных выше. Он не был расстрелян, получил широкую известность. Но и в его жизни было немало трудностей и испытаний. Отчасти она напоминает судьбу Самеда Вургуня, но он был на девять лет старше, что определило и различия их биографий.

Литература об Ауэзове обширна, но до конца 80-х годов ряд обстоятельств его биографии обходился молчанием. Писать о них стали лишь в последнее время [Тайжанов 1991; Мырзахметулы 1994].

Мухтар Ауэзов родился 28 сентября 1897 г. в урочище Чингистау Чингисской волости Семипалатинского уезда (до недавнего времени — Семипалатинская область, ныне упраздненная). Он был на несколько лет моложе Магжана Жумабаева, Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова, Беимбета Майлина, но начал писать почти одновременно с ними. Много в его жизни определилось тем, что он был земляком знаменитого Абая, с детства знал многих связанных с ним людей. Первоначальное образование будущий писатель получил в Семипалатинском пятиклассном училище, где учился на земскую стипендию. В 1917 г. он написал драму «Енлик-Кебек», потом долго сохранявшуюся в репертуаре казахских театров.

О жизни и деятельности Ауэзова в годы Гражданской войны даже в самых подробных биографиях написано мало. Очевидно лишь то, что в то время он был в родных местах и стоял на стороне «Алаш-орды». Вспомним формулировку из очерка 1934 г.: находился тогда и даже позже «по ту сторону баррикады». Позднее об этом писали более обтекаемо: «Не сразу встал на позиции научного социализма» [Тайжанов 1991: 4].

После установления советской власти в Семипалатинске (декабрь 1919 г.) Ауэзов, как и большинство казахских интеллигентов его поколения, переходит на сторону большевиков. В 1920 г. он пишет «Открытое письмо к казахской интеллигенции», где призывает работать вместе с новой властью [там же: 29]. В то время его позиция была близка к позиции Байтурсунова, хотя ни тогда, ни позже он не вступил в партию. Некоторое время он находился на государственной работе: в 1920–1921 гг. — ответственный секретарь КазЦИК, в 1921 г. — заведующий национальным отделением Республиканского суда [там же: 31]. Затем он навсегда уходит в литературу и литературоведение; видимо, это было связано с общим процессом изгнания

из органов власти всех, кто был связан с «Алаш-ордой». Однако тогда в области культуры этих людей просто нечем было заменить.

Выше мы приводили отзыв С.Садвакасова, свидетельствующий о большой авторитетности Ауэзова среди казахских писателей. В 20-е годы Ауэзов был широко известен не только как прозаик, но и как драматург. В то же время он тяготел к литературоведческим исследованиям, прежде всего изучению творчества Абая. Первую статью о великом земляке он опубликовал еще в 1917 г., а в 1924 г. готовил собрание сочинений Абая, которое тогда не удалось издать [Мырзахметулы 1994: 17]. Занимался и преподавательской работой: в 1922–1923 гг. в Ташкенте, в 1924–1925 гг. в педагогическом техникуме в Семипалатинске. Но, как и Жумабаев, он чувствовал неполноту своего образования и уехал учиться. В 1929 г. он окончил Ленинградский государственный университет. Среди его учителей отметим литературоведа и критика Р.Э.Куллэ, который по так называемому делу «Российская национальная партия» был арестован в январе 1934 г. и расстрелян в лагере в январе 1938 г.; о его несчастной судьбе мы уже писали [Ашнин, Алпатов 1994]. После ЛГУ Ауэзов стал аспирантом по кафедре тюркологии востокведческого факультета Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте (в те годы аспирантура существовала как вид обучения, но диссертации не писали). Его руководителем был доцент М.Ф.Гаврилов, о трагической гибели которого в 1938 г. мы скажем ниже. Аспирантуру Ауэзов закончил за год, в 1930 г.

А далее в биографиях писателя и литературоведа долго был пропуск, после которого случилось то, что в очерке 1934 г. именовалось «переломом». Даже в книге времен перестройки было лишь вскользь сказано о «машине», от которой Ауэзов «позднее едва сам не пострадал» [Тайжанов 1991: 162]. Здесь, видимо, речь идет о более поздних событиях. Но в начале 30-х годов Ауэзов от «машины» пострадал самым прямым образом. В одном из изученных нами дел имеется «Определение №22/015н Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР в составе: председательствующего Досанова А.Д. и членов тт. Абильжанова Ж. и Харламовой Т.О.» (л. 180–183). Приводим его с некоторыми сокращениями.

Рассмотрев в заседании от 28 февраля 1958 года уголовное дело по протесту прокурора Казахской ССР на постановление бывшей тройки при ПП ОГПУ в Казахстане от 20 апреля 1932 года.

1. Тынышпаев Мухамеджан, 52 года (ко времени осуждения), казах, беспартийный, бывш. Председатель Совета Министров Кокандского автономного правительства, инженер (далее повторяющиеся при каждой фамилии слова «ко времени осуждения», «казах» и (за одним исключением) «беспартийный» мы опускаем. — Авт.).
2. Досмухаметов Халиль, 48 лет... профессор КазГУ.
3. Досмухаметов Джаганша, 44 года... ст. экономист правления «Скотовода» в Москве, осуждены по ст. ст. 58-4, 58-7, 58-11 и 59-3 УК РСФСР к 5 годам высылки, каждый.
4. Мунайтбасов Абдрахман, 29 лет... образование незаконченное среднее, работал зав. пушно-сырьевым отделом Госторга КАО, осужден по ст. ст. 58-4, 58-7 и 58-11 УК РСФСР к 5 годам высылки.
5. Кеменгеров Кошмухамед, 37 лет... образование незаконченное высшее, работал преподавателем Сахипи в Ташкенте.
6. Буралкиев Мустафа, 30 лет... образование высшее, работал ассистентом Сахипи в гор. Ташкенте, осуждены по ст. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР к 5 годам высылки, каждый.
7. Кудерин Джумахан, 38 лет... образование высшее, работал в Кендыртресте.
8. Ходжамкулов Нашир, 25 лет... образование высшее, работал экономистом в научно-исследовательском институте, осуждены по ст. ст. 58-11 УК РСФСР к 5 годам высылки, каждый.
9. Акпаев Абдухамид, 29 лет... образование незаконченное высшее, работал управделами Казгосторга, осужден по ст. ст. 58-11 и 59-3 УК РСФСР к 5 годам высылки.
10. Акпаев Джакуп, 55 лет... работал членом коллегии защитников, осужден по ст. ст. 58-10 и 59-3 УК РСФСР к 5 годам высылки.
11. Кадырбаев Сейдазим, 47 лет... образование незаконченное высшее, работал старшим инспектором НКЮ, осужден по ст. ст. 58-7, 58-11 и 59-3 УК РСФСР к 5 годам высылки.
12. Тлеулин Джумагали, 40 лет... работал инспектором Лечпрофа при Окргздраве, осужден по ст. 58-2 к 5 годам высылки.
13. Мурзин Мухтар, 34 года... образование незаконченное высшее, работал инспектором кокса при СНК.
14. Умбетбаев Алдаберген, 32 года... образование высшее, ранее судим, работал конюхом Джаркентского совхоза «Пахта», осуждены по ст. ст. 58-7, 58-10 и 58-11 к 5 годам высылки.
15. Омаров Ашим, 34 года... образование незаконченное высшее, работал в центральном музее Казахстана, осужден по ст. ст. 58-7, 58-10 и 58-11 УК РСФСР к 5 годам высылки.
16. Ермеков Алимхан, 39 лет... образование высшее, работал доцентом КазГУ.
17. Ауэзов Мухтар, 34 года... образование высшее, педагог-журналист, осуждены по ст. ст. 58-7, 58-10 и 58-11 УК РСФСР к 3 годам условно, каждый.
18. Омаров Валихан, 43 года... работал преподавателем Павлодарской совпартшколы.

19. Сулеев Билял, 38 лет... член ВКП(б) с 1924 года, учитель.
20. Искаков Даниял, 33 года... образование высшее, осужденны Омаров Валихан и Сулеев Билял по ст. 58-11 УК РСФСР, Искаков Даниял по ст. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР сроком наказания до приговора фактически ими отбытого в местах предварительного заключения (Омаров с 30/III 1931 г., Сулеев с 27 сентября 1930 г. и Искаков с 20 марта 1930 г. по 20 апреля 1932 г.).

Протест принесен на отмену постановления тройки и прекращение дела в отношении всех осужденных за отсутствием в их действиях состава преступления.

Заслушав доклад члена Верховного суда КСССР Абиляжанова, заключение пом. прокурора Каз. ССР Мергалиева, поддержавшего протест, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

материалами предварительного следствия в вину вышеуказанных осужденных вменялось:

- 1) Участие в создании в 1921 и 1922 годах подпольной контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти.
- 2) Установление связи с Заки Валидовым, находящимся в Восточной Бухаре и руководившим басмачеством, а затем за кордоном.
- 3) Установление связи с басмачеством Ферганы.
- 4) Организация боевой группы молодежи для совершения террористических актов над ответственными работниками и подготовка этих актов.
- 5) Подготовка военных кадров из молодежи, организация кружков... с целью установления связи с байством.
- 6) Проведение срыва Советских кампаний и мероприятий в Казахстане по землеустройству, конфискации байского имущества, коллективизации хозяйств и по скотомясозаготовкам и стремление к использованию с этой целью руководящих работников Советского аппарата.
- 7) Подготовка к вооруженному восстанию против Советской власти, с целью ее свержения.
- 8) Проведение антисоветской агитации.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что после окончания следствия данное уголовное дело было направлено на рассмотрение ПП ОГПУ Союза ССР, откуда дело возвращено ПП ОГПУ Казахстана 2 марта 1932 г. с предложением прекратить уголовное дело производством с освобождением всех обвиняемых по делу из-под стражи...

Однако ПП ОГПУ Казахстана 4 и 20 апреля 1932 г. дважды телеграфировали в Москву зам. председателя ОГПУ Акулову дать соглашение (согласие. — Авт.) на то, чтобы большинство арестованных выслать из пределов Казахстана, мотивируя это тем, что «освобождение их на свободу активизирует каэр (контрреволюционный. — Авт.) националистический элемент, поднимет новую волну нападков на краевое руководство

и органы ОГПУ...». Таким образом ПП ОГПУ Казахстана добились осуждения указанных лиц к разным срокам высылки из пределов Казахстана...

На основании изложенного, соглашаясь с протестом и руководствуясь ст. 418 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР определила:

Постановление бывш. тройки при ПП ОГПУ в Казахстане от 20 апреля 1932 г. в отношении (перечисляются все фамилии. — Авт.) отменить и дело в отношении их производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Это одно из дел против казахской интеллигенции начала 30-х годов. Несколько раньше были расстреляны Ж.Аймаутов и другие, отправлены в лагерь А.Байтурсунов, М.Дулатов, М.Жумабаев. К делу привлекли национально ориентированную казахскую интеллигенцию: среди осужденных велик процент людей с высшим или незаконченным высшим образованием, а таких тогда среди казахов было совсем немного. Среди привлеченных было несколько видных деятелей «Алаш-орды», прежде всего братья Досмухаметовы. Именно они в 1918 г. выезжали в Москву для переговоров между «Алаш-ордой» и советским правительством [Аккулыулы 1995]. А выше мы упоминали, что в сентябре 1919 г. Байтурсунов уговаривал одного из них перейти на советскую сторону. В деле Байтурсунова 1937 г. также говорится о братьях Досмухаметовых и Тынышпаеве (Тынышбаеве) как о «руководителях ташкентской организации алаш-ордынцев» в 1921–1925 гг. Связан был с «Алаш-ордой» и А.Ермеков, хорошо знавший А.Букейханова и оставивший воспоминания о нем; эти воспоминания активно используются в публикации [там же]. Но среди осужденных по делу шли и люди, которые уже хотя бы по возрасту не могли состоять в «Алаш-орде».

Однако это следственное дело раскручивалось позже аналогичных ему, решение принималось уже в начале 1932 г. К тому времени активное преследование казахской интеллигенции и особенно «перегибы» при проведении коллективизации, осуществлявшиеся руководством автономии во главе с Ф.И.Голощекиным, стали вызывать массовые недовольства, вспыхивали волнения. Очевидно, по этой причине Москва решила переходить к более умеренной политике, вскоре Голощекин будет снят и отозван из Казахстана (расстреляют его уже во время войны, в октябре 1941 г.). Еще не законченное дело вопреки протестам ППУ Казахстана решили спустить на тормозах, однако казахская сторона настояла на компромиссе. В результате очевиден контраст между очень суровыми обвинениями и не соответст-

вующей им сравнительной мягкостью приговора: по статьям, за которые была возможна (хотя тогда еще не столь обязательна, как в 1937 г.) и высшая мера, всего лишь высылка за пределы Казахстана для 15 человек и освобождение для пяти, включая Ауэзова. Мы не знаем точную дату его ареста, но условное осуждение 20 апреля 1932 г. означало немедленное освобождение с разрешением остаться в Алма-Ате.

Разделение осужденных на группы, вероятно, сыграло роль в их судьбе. Судьба высланных оказалась трагической: братья Досмухаметовы, Тынышпаев и А.Омаров в 1937–1938 гг. были расстреляны. В частности, Мухамметжан (Мухамеджан) Тынышпаев, «инженер-железнодорожник, по призванию историк» (как его охарактеризовал нам член-корреспондент АН Казахстана Нурпеисов), участник строительства Турксиба, был осужден (как сказано в изданной в 1996 г. «Книге скорби» [Книга 1996]) к высшей мере НКВД Узбекской ССР 21 ноября 1937 г. Реабилитировали его 27 февраля 1979 г. В 1958 г. ни одного из этих 15 человек не нашли: постановление о реабилитации смогли вручить лишь родственникам некоторых из них: вдовам Х.Досмухаметова и Дж.Кудерина, брату В.Омарова. Живы были как раз осужденные условно: М.Ауэзов и А.Ермеков, в 1958 г. живший в Караганде.

После освобождения Ауэзов, как выше уже упоминалось, «публично отмежевывается от прежних политических друзей, осознает контрреволюционность прежней своей позиции». Теперь мы понимаем, чем это было вызвано. Сразу после этого его вновь начинают печатать, с 1934 г. ставятся его новые пьесы. Ему поручают готовить новое собрание сочинений Абая, которое в 1933 г. наконец вышло [Мырзахметулы 1994: 24]. Затем писатель начинает работать над эпопеей об Абае; первый ее том вышел в 1942, второй — в 1947 г. С 1946 г. Ауэзов — академик АН Казахстана, с 1949 г. — лауреат Сталинской премии за два тома романа «Абай».

Не пострадав в 1937 г., писатель снова имел неприятности в 1951 г., когда началась кампания по борьбе с «казахским буржуазным национализмом», о которой мы ниже будем говорить. Ауэзова начали жестко прорабатывать. До нового ареста дело не дошло, но ему пришлось на несколько лет переехать в Москву.

Лишь после смерти Сталина Ауэзов окончательно был признан крупнейшим казахским писателем. В 1956 г. он завершил четырехтомный роман об Абае. Но лишь в 1958 г. его реабилитировали (судимость, очевидно, была с него снята намного раньше).

ше). За «Абая» он в 1959 г. одним из первых среди советских писателей получил Ленинскую премию. Через два года, 27 июня 1961 г., он умер.

Из видных казахских писателей, попадавших во все вышеупомянутые очерки казахской литературы, не арестовывался, кажется, только один — писатель-коммунист Сабит Муканов (1900–1973). Почему ему так повезло, мы не знаем.

ИСТОРИКИ, ПУБЛИЦИСТЫ, КРИТИКИ

К 1917 г. казахская наука лишь начинала складываться. Деятельность Чокана Валиханова в середине XIX в. долго не имела продолжения, а затем А.Байтурсунов и А.Букейханов вновь стали первопроходцами. Многие гуманитарные дисциплины и все естественнонаучные сложились уже в советское время. Их создатели обычно были людьми уже советского мировоззрения, нередко состояли в коммунистической партии и занимали руководящие должности. Их идеология отличалась от идеологии партии «Алаш», они отрицательно относились к идее особого казахского государства, но объективно и у тех, и других было немало сходств во взглядах: они не были сторонниками ни сохранения традиционной культуры в чистом виде, ни ассимиляции казахов среди русских, они также стремились развивать национальное самосознание, приобщить казахов к мировой культуре, прежде всего европейской. Различия между ними отчасти были связаны с различием поколений: те, кто был старше, шли в «Алаш-орду», те, кто вступал в жизнь в 20-е годы, становились коммунистами. Некоторые из казахских коммунистов в молодости испытали влияние идей А.Букейханова и А.Байтурсунова, другие были коммунистами с самого начала. Все они тоже были просветителями казахского народа. Казахские коммунисты данного типа могут быть сопоставлены с Рухуллой Ахундовым и близкими ему людьми в Азербайджане (но не с М.Д.Багировым, совмещавшим лояльность Москве с консервативными традициями). А трагическая судьба объединила в 1937–1938 гг. идеологов национализма и национально ориентированных коммунистов.

Выше уже упоминался один из ученых последнего типа — языковед Худайберген Жубанов. Надо упомянуть еще некоторых. Мы не можем назвать всех видных коммунистов-казахов, ставших жертвами репрессий (подобную задачу мы не ставили и в связи с Азербайджаном). Расскажем лишь о тех, кто имел

публикации либо научного, либо хотя бы публицистического или литературно-критического характера.

В их числе был первый казах-историк **Санджар Джафарович Асфендиаров**. Его следственное дело № 06402 (в двух томах) хранится в архиве Комитета национальной безопасности Казахстана.

С.А.Асфендиаров родился 20 октября 1889 г. в Ташкенте, где его отец был переводчиком при Туркестанском генерал-губернаторе. Уже по рождению он принадлежал к наиболее русифицированной части казахов. В 1907 г. он уехал в Петербург учиться в Военно-медицинской академии, которую окончил в 1912 г., став одним из первых врачей-казахов. После этого работал по полученной специальности, а в годы Первой мировой войны был военным врачом на фронте и попал в германский плен. В 1917 г. вернулся в родные края. Его судьба в 1917–1919 гг. не очень ясна ни из материалов следственного дела, ни из известных нам биографий. В отличие от многих других подследственных Асфендиарову не инкриминировалась деятельность в «Алаш-орде», а в анкете арестованного (л. 6) он писал, что до ВКП(б) в других партиях не состоял. Однако в одной из книг недавнего времени Асфендиаров прямо упомянут среди деятелей казахской культуры, состоявших в партии «Алаш» [Тайжанов 1991], что, вероятно, соответствует действительности.

Во всяком случае в 1919 г. Асфендиаров окончательно перешел на коммунистические позиции, став в мае этого года членом РКП(б). В 1919–1925 гг. находился на руководящих должностях в Ташкенте: в 1919–1920 гг. — нарком здравоохранения Туркестанской республики, в 1920–1921 гг. — там же нарком земледелия, в 1921–1923 гг. — вновь нарком здравоохранения. С 1920 г. — член Президиума ЦИК, член бюро и секретарь ЦК Компартии Туркестанской республики. После реорганизации в 1924 г. системы власти в Туркестане Асфендиаров в 1924–1925 гг. работал в Среднеазиатском бюро ЦК РКП(б).

В 1925 г. его направляют в Москву. Он становится членом президиума и заместителем секретаря ЦИК РСФСР. Через два года его переводят на должность директора Московского института востоковедения имени Н.Нариманова, однако проработал он там лишь около года.

В 1928 г. Асфендиарова направляют в новую столицу Казахстана Алма-Ату (раньше он на территории собственно Казахстана, видимо, никогда не жил), где он и работал до ареста. Сразу же вошел в состав ЦИК Казахстана, а в 1930 г. стал кандидатом в члены крайкома ВКП(б). В 1931–1933 гг. Асфен-

диаров работал наркомом здравоохранения Казахстана, потом недолго заместителем наркома просвещения.

На примере С.Д.Асфендиарова можно видеть, как один из наиболее заметных коммунистов Казахстана постепенно отстранялся от руководящей работы. В 1933 г. он окончательно выпадает из номенклатуры, перестав состоять в правительстве, ЦИК Казахстана и в крайкоме ВКП(б). Его переводят в Казахский филиал АН СССР (Академия наук там, как и в Азербайджане, будет создана позднее); там он до ареста занимал должность заместителя председателя филиала (биография до деталей похожа на биографию Рухуллы Ахундова). Одновременно Асфендиаров был профессором истории в Казахском государственном университете.

К тому времени он окончательно оставил медицину и целиком посвятил себя истории, которой параллельно с государственной деятельностью начал заниматься еще в 20-е годы. Им были опубликованы книги «История Казахстана с древних времен» (т. 1), «Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане», «Материалы к изучению Востока», статьи в журналах «Новый Восток», «Историк-марксист», «Большевик Казахстана» и др. «Очерки истории Казахстана» остались в рукописи. Эти работы, какими бы они сейчас ни казались устаревшими, заложили основы исторической науки Казахстана, многие вопросы Асфендиаров поднял впервые. Ему приходилось заниматься и вопросами реформирования казахского языка и письменности: Асфендиаров входил в состав Комитета нового алфавита Казахской АССР [Тибекин 1968: 58]. Важное значение имела и его административная деятельность в академическом филиале.

Все это было прервано 22 августа 1937 г. Еще 16 августа была подготовлена справка на арест, где Асфендиаров назван «видным националистическим деятелем» и «членом антисоветской националистической организации, связанной с троцкистами и правыми» (л. 1). В справке, подписанной начальником 6-го отделения 4-го отдела УГБ НКВД Казахской ССР лейтенантом госбезопасности Катковым и утвержденной начальником 4-го отдела (подпись неразборчива), говорилось о необходимости «Асфендиарова арестовать и привлечь к судебной ответственности по ст. ст. 58-10 и 11 УК РСФСР». Лишь через шесть дней появился ордер на арест № 4528, на основе которого ученый был арестован. И только через месяц с лишним, 27 сентября, Асфендиарова исключили из партии. Отметим, что в Баку Б.В.Чобан-заде допрашивали по поводу связей с «врагом» Асфендиаровым еще в конце июня 1937 г.

Как и ряд других следственных дел, дело Асфендиарова постепенно обрастало новыми обвинениями. В обвинительном заключении, датированном 28.11.1937, говорится, что он «начиная с 1920 года и по день его ареста занимался шпионской деятельностью в пользу Германской, Японской и Английской разведок, сообщая указанным разведкам сведения о численности и вооружении воинских частей Красной Армии, а также об экономическом состоянии Казахской ССР»; никаких доказательств, разумеется, не приводится. Помимо «воспитания казахской учащейся молодежи в антисоветском духе» ему приписывалось создание террористических и диверсионных групп «из студентов и преподавателей учебных заведений Алма-Аты» и участие в упоминавшемся выше поджоге здания университета.

Как и многих других, Асфендиарова держали в тюрьме до приезда в Алма-Ату все той же выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. Как одного из «важных преступников», его судили в первый день сессии, 25 февраля 1938 г. По пяти статьям: 58-1а (измена Родине), 58-2 (шпионаж), 58-8 (террор), 58-9 и 58-11 — ему вынесли заранее предусмотренный смертный приговор (л. 351–352), исполненный в тот же день, о чем свидетельствует справка (л. 353), подписанная все тем же Шевелевым, имя которого мы встречаем в нашем повествовании очень уж часто.

Реабилитирован С.Д.Асфендиаров был постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР 27 мая 1958 г. (л. 359).

К новой, всецело советской казахской национальной интеллигенции относился и **Габбас Садвакасович Тогжанов**, данные о котором получены нами в Президентском архиве Республики Казахстан: ф. 141, оп. 1, д. 13138, л. 309–311.

Г.С.Тогжанов родился в 1900 г. в ауле Жукан (ныне Карагандинская область), отец его был аульным судьей (бием). Отец отправил его в гимназию в Омске, в городе, где в те же годы учились будущие видные деятели казахской культуры: Магжан Жумабаев, Сакен Сейфуллин и другие, организовавшие просветительский кружок «Бирлик». Тогжанов занял в кружке видное место. В 1917–1918 гг., как отмечается в биографии Сейфуллина [Какишев 1972: 126], Тогжанов занимал «колеблющуюся» позицию. По-видимому, это означает его временное сочувствие «Алаш-орде», в деятельности которой он (как и старший на год Жубанов) в силу юного возраста активного участия не принимал.

По окончании Гражданской войны Тогжанов полностью признал новую власть, в 1920 г. вступил в компартию, а в 1921–

1922 г. работал в Губчека. Затем в течение нескольких лет учился сначала на факультете общественных наук САГУ, а затем на экономическом факультете Московского института народного хозяйства им. Г.В.Плеханова. Однако учебу не закончил: в следственных анкетах в графе «образование» стоит «незаконченное высшее».

Со студенческих лет Тогжанов активно печатался. Среди его публикаций — «Новая общественность» (1924), «О критике Аймаутова и поэзии Магжана» (1926), «Беседа двух молодых казахов (националиста и коммуниста)» (1926). В них он резко выступал против деятелей казахской культуры, в прошлом связанных с «Алаш-ордой». В 1925 г. Тогжанов вместе с Ильясом Джансугуровым и другими подписал открытое письмо казахских студентов-москвичей руководителям Казахстана. В этом резком по тону письме, вызвавшем недовольство Ф.И.Голощекина и других руководителей республики, их политика критиковалась «слева», в том числе за лояльное в те годы отношение к бывшим деятелям «Алаш-орды» [Тибекин 1968: 10]. Находясь в Москве, Тогжанов не только учился, но и работал секретарем казахской секции Центроиздата народов СССР, а также инструктором Отдела печати ЦК ВКП(б); вероятно, из-за такой нагрузки он и не смог окончить институт.

В 1926 г. Тогжанов вернулся в Казахстан, сначала в Кызыл-Орду, затем при переносе столицы вместе с другими казахскими руководителями переехал в Алма-Ату. В 1926–1932 гг. занимал руководящие должности в сфере идеологии, в том числе заведовал отделом печати Казахского крайкома, был ответственным редактором газеты «Социалистический Казахстан». В 1927–1933 гг. — кандидат в члены бюро крайкома ВКП(б).

В эти годы Тогжанов по-прежнему активно выступал в печати. Названия его публикаций говорят сами за себя: «Дать отпор арабистам!» (1928), «Вопросы казахской литературы и критики» (1929), «О пролетарской литературе и пролетарских писателях» (1930), «Кто сопротивляется окончательному введению нового алфавита?» (1931), «О Байтурсунове и байтурсуновщине» (напомним, что этот просветитель в это время находился в заключении). Очевидно, что в области литературы Тогжанов занимал позиции, аналогичные позициям РАПП в РСФСР, и активно выступал за латинизацию алфавита. Среди казахских коммунистов тех лет он был одним из тех, кто занимал самую крайнюю позицию в национальном вопросе. Он заявлял, что революция пришла в Казахстан «на штыках русских солдат» и что ввиду отсутствия казахского пролетариата настоящих каза-

хов-коммунистов не было до 1925 г. Тем самым вообще вопрос о каком-либо положительном значении национальной казахской культуры снимался; с идеями Тогжанова не соглашались и многие казахские коммунисты [Тибекин 1968: 43].

Однако в начале 30-х годов его карьера, как и карьеры Асфендиярова и других, пошла на спад. Видимо, это было связано с перетряской кадров после того, как Ф.И.Голощекина сменил Л.И.Мирзоян. В 1932 г. Тогжанов был снят с должности ответственного редактора центральной казахстанской газеты, в 1933 г. выведен не только из бюро, но и из крайкома ВКП(б).

С 1933 г. до ареста занимался литературной и научной деятельностью: входил в состав Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА) и Комитета нового алфавита РСФСР, работал в Институте марксизма-ленинизма Казахстана. Активно выступал как литературный критик и литературовед, выше мы упоминали его участие в издании книги [Казакский 1934] и выдвигали гипотезу о том, что он мог быть автором предисловия к ней. Тогжанов, однако, вернулся и к специальности, по которой учился в Институте народного хозяйства им. Г.В.Плеханова. В 1935 г. существовавшая тогда в Москве Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем издала книгу Тогжанова «Казахский колониальный аул. Часть 1», его главную научную работу. Вторая часть никогда не увидела свет, и мы не знаем о ее судьбе: то ли рукопись уничтожили после ареста автора, то ли тот не успел ее написать. Книга получила отрицательную рецензию другого видного казахского коммуниста, Турара Рыскулова, в то время работавшего в Москве (он столь же плохо отзывался в печати и о книге Асфендиярова «История Казахстана с древних времен»). В следственном деле Жубанова сохранилось такое свидетельство, данное Жубановым на допросе: «В июне 1936 года, встретив Тогжанова на улице в Алма-Ате, я спросил его, как он реагирует на рецензию. Тогжанов сказал, что он написал такой ответ, который положит Рыскулова на обе лопатки» (л. 19). Был ли этот ответ опубликован, мы не знаем.

С середины 30-х годов, казалось бы, карьера Г.С.Тогжанова снова пошла вверх: он был назначен председателем Комитета по делам искусств Казахской ССР. Но занимал эту должность он недолго: на следующий день после шифрограммы об аресте Е.Д.Поливанова 26.07.1937 в Алма-Ату пошла другая шифрограмма: «26 июля проводим одновременно операцию делу пантюркистского центра». Среди лиц, кого «вам необходимо аре-

ствовать», упомянут Тогжанов Габбас. А дата его гибели всё та же: 25 февраля 1938 г. Реабилитирован Тогжанов был 26 декабря 1957 г.

Кратко расскажем еще о двух людях, оставивших след в казахской науке и культуре. Нам не удалось изучить их следственные дела, однако о них есть публикации.

Безусловно, одним из виднейших казахских государственных деятелей 20–30-х годов был **Турар Рыскулов**, занимавшийся и научно-публицистической деятельностью. В советское время о нем было написано несколько книг, среди которых отметим наиболее богатую фактами [Устинов 1988]. Но и в ней нет упоминаний об обстоятельствах гибели Рыскулова и даже не указана ее дата.

Турар Рыскулов родился 14 декабря 1894 г. в Восточно-Талгарской волости (недалеко от нынешней Алма-Аты) в крестьянской семье. В отличие от многих других он с самого начала был далек от партии «Алаш», а большевиком стал еще в сентябре 1917 г. Однако уже в 1920–1921 гг. он как председатель ЦИК Туркестанской АССР и председатель Краевого бюро мусульманских коммунистических организаций был обвинен в «политических ошибках национал-уклонистского толка». Тогда карьера его не оборвалась потому, что его перевели на работу в Москву. В 1921 г. Рыскулов стал заместителем наркома по делам национальностей (наркомом, как известно, был Сталин). Через год он вернулся в Ташкент уже на должность председателя Совнаркома Туркестанской республики, в 1923 г. на XII съезде РКП(б) стал членом ЦК, однако уже на следующем съезде переизбран не был. В 1924–1925 гг. Рыскулов — представитель Коминтерна в Монголии, о его деятельности в этой стране см. [Роцин 1996].

Из Монголии Рыскулов был быстро отозван, после чего еще год работал в Казахстане. Однако в мае 1926 г. его опять направили в Москву, и, как оказалось, он покинул Казахстан навсегда. О причинах этого существуют разные версии. Одна из них выдвигается в современном Казахстане, где к Рыскулову относятся в целом лучше, чем ко многим другим казахским коммунистам: «Было сломлено сопротивление крупных ответственных работников, не согласных с голощекинско-сталинской моделью „преобразований“ в Казахстане. Под различными предложениями в 1927–1929 гг. (точнее, в 1926–1929 гг. — *Авт.*) из республики были удалены такие видные государственные и общественные деятели Казахстана, как Т.Рыскулов, Н.Нурмаков, С.Шоджанов, М.Мырзагалиев» [Козыбаев, Баймаханов, Алда-

жуманов 1996: 7]. Однако биограф Рыскулова В.М.Устинов пишет иное: перевод Рыскулова на работу в Москву стал полной неожиданностью для Ф.И.Голощекина и его окружения [Устинов 1988: 12]. А Сталин, знавший Рыскулова по Наркомнацу, тогда скорее благоволил к нему.

Новое назначение казахского коммуниста не могло считаться понижением: он стал заместителем председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР (напомним, что в РСФСР до 1936 г. входил и Казахстан). На этой должности он оставался даже после отделения Казахстана от РСФСР вплоть до ареста в 1937 г. Рыскулов курировал не только проблемы национальных автономий, но и такие общероссийские вопросы, как коммунальное хозяйство, местная промышленность, общественное питание.

Если верить биографу Рыскулова, именно он сыграл ведущую роль в официальном осуждении «перегибов» при проведении коллективизации в Казахстане, приведших к массовой гибели людей: Рыскулов, по его данным, встретился со Сталиным и добился отзыва из Казахстана Ф.И.Голощекина и временного смягчения политики по отношению к казахскому крестьянству [Устинов 1988: 61–62]. Может быть, с этим связано и то, что временно, на несколько лет, прекратились и «чистки» среди казахской интеллигенции, а дело, по которому пострадал Мухтар Ауэзов, было спущено на тормозах.

Помимо административной деятельности Рыскулов занимался и научно-публицистической. В 1926 г. им была издана важная для своего времени книга «Из прошлого казахской интеллигенции», в которой отстаивалась идея единства казахского и русского народов; деятельность «Алаш-орды» осуждалась, но роль входивших в нее людей полностью не зачеркивалась. Работая в Совнаркоме, Рыскулов издал книги «Казахстан» (М.–Л., 1927), «Турксиб» (М.–Л., 1930), «Киргизстан» (М.–Л., 1935); не будучи собственно научными, эти книги способствовали распространению знаний о Казахстане и Киргизии. Следил он и за публикациями в Казахстане, выше мы упоминали его отрицательные рецензии на книги Асфендиарова и Тогжанова. В 1937 г. Рыскулов, по воспоминаниям его жены, заканчивал книгу по истории казахского народа [Устинов 1988: 148]; рукопись ее, очевидно, была уничтожена после ареста автора.

В книге В.М.Устинова приводится фотография последнего постановления Совнаркома РСФСР, подписанного в числе других Т.Рыскуловым [там же: 128]; датировано оно 10 апреля 1937 г. Тогдашнее руководство Совнаркома России во главе

с Д.Н.Сулимовым стало жертвой репрессий еще в первой половине 1937 г. Уже в июне 1937 г. Б.В.Чобан-заде в числе прочих допрашивали и о Рыскулове.

Живший в Москве и специально занимавшийся национальными проблемами Т.Рыскулов был объявлен «руководителем пантюркистского центра», якобы готовившего отделение от СССР всех тюркских народов. Мы уже упоминали, как против него брали показания у Б.В.Чобан-заде, Г.С.Губайдуллина и А.Байтурсунова. Его дело рассматривалось в Москве, где Рыскулов был осужден и расстрелян немного раньше, чем его товарищи в Алма-Ате: 8 февраля 1938 г. Реабилитирован он был также несколько раньше других казахских деятелей: 8 декабря 1956 г.

Упомянем еще одного казахского интеллигента советской формации: **Ильеса Юсуповича Кабулова**. Его биографии посвящена специальная книга [Тибекин 1968], уже не раз нами использовавшаяся как источник информации не только о нем, но и о других казахских деятелях культуры и науки. Из всех изданных в доперестроечное время в Казахстане книг по интересующим нас проблемам она выделяется наименьшей «приглаженностью» фактических данных.

Кабулов был моложе, чем люди, о которых мы говорили выше: он родился 18 октября 1904 г. недалеко от Кзыл-Орды в бедной семье и в детстве батрачил у бая. В годы «Алаш-орды» он еще был ребенком и для него в отличие от старших современников не было проблемы выбора: он не мог знать другой идеологии, кроме советской. Он стал комсомольцем, затем коммунистом; несмотря на физический недостаток (в детстве из-за несчастного случая потерял ногу), был очень активен. В 1925 г. Кабулов окончил Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в Москве, затем преподавал марксистскую философию в САГУ в Ташкенте, активно участвовал во всех политических дискуссиях тех лет, в том числе по национальным вопросам. Первоначально он вместе с Г.С.Тогжановым и другими примыкал к «молодым», занимавшим крайне левые позиции и спорившим с коммунистами более старшего возраста (Турар Рыскулов, Сакен Сейфуллин), среди которых деятели «Алаш-орды», несмотря ни на что, пользовались большим авторитетом. Однако после 1928 г. занял более умеренную позицию, выступая против «перегибов» по национальному вопросу Тогжанова и других, вообще отрицавших казахскую национальную культуру и все сводивших к классовым отношениям. Такая

«средняя» линия проявилась, в частности, по вопросу об образовании на русском языке. Если просветители старшего поколения, включая некоторых коммунистов, стремились его ограничить, то Кабулов настаивал на активизации обучения на русском языке; в то же время он называл такой процесс «временной мерой», необходимой ввиду низкой квалификации большинства преподавателей казахского языка и отсутствия полноценного обучения на казахском языке: если молодым казахам придется ехать учиться в русские вузы, то они должны владеть русским языком [Тибекин 1968: 34].

Биография Кабулова состояла из взлетов и падений: он то назначался после снятого Тогжанова заведующим отделом печати крайкома, то в 1929–1930 гг. отправлялся с явным понижением в Риддер (Лениногорск) (возможно, в связи с конфликтом с Ф.И. Голощекиным по поводу методов коллективизации). После нескольких лет работы в Москве (где он одно время заведовал кафедрой философии в КУТВ) Кабулов в 1933 г. вернулся в Алма-Ату, где Мирзоян сначала снова открыл ему путь наверх. В 1934–1937 гг. Кабулов заведовал отделом агитации и пропаганды крайкома, затем преобразованного в ЦК Компартии Казахстана. Одновременно заведовал кафедрой философии Казахского государственного университета, возглавлял коллектив, переведивший сочинения классиков марксизма на казахский язык, входил в руководство Союза писателей Казахстана. В 1934 г. он участвовал в 1-м Всесоюзном съезде советских писателей. В эти годы он много писал по вопросам казахской литературы, в том числе о признанном как раз тогда классиком Абае. Безусловно, он выделялся среди казахского руководства тех лет образованностью, но написать успел очень мало.

Асфендияров, Тогжанов, Кабулов различались взглядами, нередко спорили и враждовали друг с другом. Но их судьбы в итоге оказались одинаковыми. В биографии Кабулова можно было лишь стыдливо сказать, что его деятельность «оборвалась в конце 1937 г.» [Тибекин 1968: 73]. А дата его смерти — все тот же страшный для Казахстана день 25 февраля 1938 г. Ему было всего 33 года. Реабилитирован 25 мая 1957 г.

Упомянем еще несколько фамилий. Выше нами использовалась достаточно объективная статья о казахской литературе, автором которой был **Смагул Садвакасов**, одно время занимавший должность наркома просвещения, а потом отстраненный от нее. Позже этот пост занимал несколько раз упоминавшийся выше **Темирбек Жургенев** (1898–1938), связанный

с И.Ю.Кабуловым еще со времен САГУ. В упомянутой шифрограмме из Москвы от 26 июля 1937 г. также сказано о необходимости арестовать (помимо Тогжанова) «Жургенева Байтимира, если он не член ЦИК Союза, Дивеева Шакира и бывшего постпреда Казахстана Юсупова». По-видимому, имелся в виду Темирбек Жургенев (другой человек с такой фамилией среди руководящих деятелей Казахстана не зафиксирован). Добавление «если он не член ЦИК Союза» означало лишь одно: арест членов высшего законодательного органа страны производился, согласно процедуре, после получения формального согласия данного органа на арест. **Шакир Дивеев** (1886–1938), татарин по национальности, был в 1937 г. постпредом Казахстана в Москве, **Юсупов** был его предшественником на этой должности. Обоих тоже расстреляли 25 февраля 1938 г. Жургенев был реабилитирован 18.04.1957, Дивеев — 28.06.1958. Садвакасов в 30-е годы работал за пределами Казахстана и также погиб.

И нельзя не упомянуть **Назира Тюрякулова**, о котором уже говорилось как о последователе Байтурсунова в области реформирования казахского алфавита. Жизнь его сложилась так, что он не жил в Казахстане (по современному территориальному делению), но и он внес вклад в казахскую культуру. Ряд сведений о нем содержится в БСЭ [изд. 3-е, т. 26: 417].

Назир Тюрякулович Тюрякулов родился в 1893 г. в Коканде, т.е. в Узбекистане, но по национальности он казах. В 1916 г. там же окончил коммерческое училище. С 1917 г. был эсером, с 1918 г. — большевиком. В 1918–1922 гг. занимал высокие должности в Коканде и Фергане, затем в Ташкенте, в том числе одно время был председателем ЦИК Туркестана. В 1922 г. был послан в Москву, где сначала учился в Московском коммерческом институте (позднее — Институт народного хозяйства им. Г.В.Плеханова), а с 1924 г. возглавлял Центроиздат народов СССР, под его руководством публиковалась литература на языках народов и СССР и зарубежного Востока. К этому времени относится и его проект казахской латиницы, учитывавший преимущества алфавита Байтурсунова. В 1928 г. Тюрякулов перешел на дипломатическую работу и восемь лет провел на Ближнем Востоке, сначала генеральным консулом СССР в Хиджазе, а с 1932 г., когда Хиджаз и Неджд объединились в государство Саудовская Аравия, — полпредом СССР в Саудовской Аравии. Этот период деятельности Тюрякулова известен лучше всего, не раз отмечалось, что в деле налаживания отношений с этим арабским государством его заслуги очень велики. Когда в 1936 г. его отозвали, отношения нашей страны с Саудовской Аравией

прервались очень надолго. В 1936 г. Тюрякулов вернулся в Москву, перешел на научную работу, стал сотрудником московского Института языка и письменности народов СССР и ленинградского Института востоковедения АН СССР. Однако в 1937 г. его постигла судьба многих. Как сказано в изданной в 1996 г. «Книге скорби», Тюрякулов был расстрелян 3 октября 1937 г. (та же дата и в БСЭ), реабилитирован 28.01.1958.

РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

В те страшные годы гибели и русские специалисты, готовившие казахские национальные кадры. Из них особо надо выделить тюрколога и арабиста Михаила Филипповича Гаврилова, уже упоминавшегося как одного из учителей Мухтара Ауэзова. Нам удалось просмотреть его дело № 05099 (Центральный архив Комитета национальной безопасности Казахстана). Оно одно из самых коротких: 46 листов. Обыкновенная история убийства.

М.Ф.Гаврилов родился 10 октября 1884 г. в Ташкенте в семье купца, где затем прожил большую часть жизни. В деле нет данных о том, какое учебное заведение он окончил. Со времени основания САГУ (1918) он преподавал там, занимая должность доцента востоковедческого факультета, где учились не только узбеки, но и казахи (Казахский государственный университет был основан в начале 30-х годов). Опубликованы документы о том, как он руководил аспирантом Мухтаром Ауэзовым [Мырзахметулы 1994: 157–160].

В 1931 г. М.Ф.Гаврилова в первый раз арестовали и осудили по статье 38-10 УК Узбекистана (видимо, она соответствовала ст. 58-10 УК РСФСР — «контрреволюционная пропаганда»). Приговор был не очень суровым: административная ссылка на три года в Казахстан. Из ссылки был досрочно освобожден как больной бруцеллезом (л. 6). Он, однако, не мог или не захотел возвращаться в Ташкент и остался в Казахстане, переехав в Алматы. Там ему уже не разрешили преподавать, и он устроился научным сотрудником в Государственную публичную библиотеку Казахстана, где работал вплоть до дня второго ареста. Он также входил в состав Терминологической комиссии, занимавшейся вопросами разработки казахской терминологии.

Основное обвинение против Гаврилова записано уже в справке, составленной перед арестом: «Будучи антисоветски настроен,

в 1928 году английским агентом Машковцевым Алексеем Федоровичем был привлечен к шпионской деятельности в пользу Англии, которую проводил до дня ареста» (л. 1). Машковцев в 1928 г. также был доцентом САГУ, где преподавал английский язык. Арестованный как «английский шпион», он 10 ноября 1937 г. дал показания против Гаврилова.

В справке говорится о «дне ареста», хотя этот документ было положено составлять до ареста; очевидно, ее составили задним числом. Далее в деле идет постановление об избрании меры пресечения, датированное 7 февраля 1938 г. 8 февраля выписан ордер на арест, и в тот же день Гаврилов был арестован. К делу также подшиты анкета арестованного (л. 6), два протокола допросов от 12 и 19 февраля (л. 7–21), показания Машковцева (л. 22–42), обвинительное заключение (л. 43–45), т.е. лишь необходимый минимум документов. Гаврилов признал себя виновным. К приведенному выше короткому обвинению, так и не получившему никакой конкретизации, прибавлена еще «вредительская работа» в Терминологической комиссии Казахского наркомата просвещения вместе с «националистами» Жургуновым, Жубановым, Джантлеуовым.

Следствие провели еще в феврале 1938 г., но на местное судилище (аналогичное тому, где оформили приговор А.Байтурсунову) оно было вынесено лишь 2 сентября. Турколога судили по статьям 58-1 и 58-7 УК РСФСР (шпионаж и вредительство) и приговорили к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 19 сентября 1938 г. (л. 46).

После этого о Гаврилове не вспоминали более полувека, хотя он не имел отношения к «Алаш-орде». Скорее всего, сыграло роль его первое осуждение в 1931 г. А может быть, просто некому было ходатайствовать о его реабилитации. Лишь после указа Президиума Верховного совета СССР от 16.01.1989 «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х гг.» начался пересмотр дела. 28 июля 1989 г. заместитель начальника Следственного отдела КГБ Казахстана Закревский составил заключение, утвержденное Военным прокурором Туркестанского военного округа полковником юстиции А.Ф.Шатохиным 15.08.1989. Краткое заключение напечатано на стандартном бланке, где всего в нескольких фразах перечислены обстоятельства дела, а вывод состоит из одной фразы: «Учитывая, что доказательств его преступной деятельности в уголовном деле не имеется и решение по нему вынесено внесудебным органом, Гаврилов Михаил Филиппович подпадает под

действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.».

В рассмотренных нами делах нам встретились еще два имени (список, конечно, далеко не полный):

Вятч-Кириллов Аркадий Иванович. 1902 г. р. Уроженец Кировского края. Руководитель Казахского телеграфного агентства. Осужден 17 октября 1938 г. Реабилитирован 21 марта 1989 г.

Троцкий Николай Николаевич. Уроженец Ленинграда. Профессор-этнолог. Осужден 4 декабря 1937 г. Реабилитирован 30 мая 1989 г.

Как видим, о русских специалистах, работавших в Казахстане, вспомнили лишь после указа от 16.01.1989, потребовавшего массовой проверки еще не пересмотренных дел.

Как рассказал нам (Ф.Д.Ашнину) 4 декабря 1997 г. чл.-кор. Академии наук Казахстана Нурпеисов, основывавшийся на данных Президентского архива Казахстана (бывший Центральный партархив), по политическим мотивам в 20–50-е годы в Казахстане судебными и внесудебными органами осуждены более 103 тыс. человек (из них 367 человек — граждане зарубежных стран). На конец 1997 г. из этих 103 тыс. около 92 тыс. человек были реабилитированы (в большинстве посмертно). По неполным данным, подверглись репрессиям более 60 тыс. представителей казахской интеллигенции (по-видимому, в их число включены и работники государственного и партийного аппаратов), из них не менее 25 тыс. были расстреляны.

Глава 5

КИРГИЗИЯ

Наша командировка в эту республику в 1997 г. была краткой, мы сумели изучить лишь дело Касыма Тыныстанова. Однако в 1999 г. в ответ на запрос мы получили материалы из Министерства национальной безопасности Республики Кыргызстан. В письме Ф.Д.Ашнину от 06.07.1999 за подписью начальника подразделения Ч.Чинетовой сказано:

На Ваше любезное письмо и официальный запрос академика-секретаря Отделения литературы и языка Российской академии наук Чельшова Е.П. направляем справки, составленные по материалам уголовных дел архива МГБ Кыргызской Республики в отн[ошении] лиц, перечисленных в послании академика. Надеемся, эти документы помогут Вам и Вашим коллегам в благородной и плодотворной работе по подготовке и изданию книги... Сожалеем, что исполнение основных функциональных обязанностей не позволяет сотрудникам нашего архива уделять достаточно времени для исследовательской работы... Приносим извинения за качество и количество ксерокопий, краткость и скудость сведений интересующего Вас плана (литературная и профессиональная деятельность обвиняемых менее всего отражена в материалах дел, за редкими исключениями). (К письму приложены архивные справки и ксерокопии документов на 87 страницах.)

Мы в основном публикуем выдержки из полученных документов с необходимыми комментариями.

В Киргизии (которая, как и Казахстан, первоначально входила на правах автономной республики в РСФСР, а в 1936 г. получила статус союзной республики) ситуация в целом имела сходство с казахской, хотя волны репрессий не всегда были синхронны. Например, нам неизвестны масштабные аресты деятелей культуры в Киргизии в 1929–1931 гг., когда они происходили в Казахстане, но в Киргизии ряд деятелей национальной культуры пострадали в 1933–1934 гг., тогда как в Казахстане это были годы некоторой «передышки». А в 1937–1938 гг. вал репрессий обрушился уже на всю страну. И в обеих республиках новый период проработок и арестов национальной интеллигенции начался в 1949 г. и закончился со смертью Сталина.

«СОЦИАЛ-ТУРАНСКАЯ ПАРТИЯ»

Самый масштабный по тематике — это документ, полученный нами в 1999 г., — «Краткая обзорная справка о т.н. „Социал-Туранской партии“ (по материалам архивного уголовного дела № СУ-8143)», подготовленная сотрудником архивного отделения МНБ КР лейтенантом И.Бийалиевой. Речь в нем идет не столько о конкретных лицах, сколько об общей обстановке в республике. Приводим этот документ с небольшими сокращениями.

К моменту образования так называемой Социал-Туранской партии Киргизия представляла собой большое количество родов, распадающихся на колена с патриархально-родовым укладом. Исторически эти роды и племена вели между собой борьбу, в которой один род побеждал другой, жил за счет этого побежденного рода добавочными налогами и т.д.

Родовая борьба осложнилась организациями националистических группировок типа так называемых Алаш-Орда, Социал-Туранская партия и др. Социал-Туранская партия (СТП) была создана в 1929 году Курмановым Султаном, Шабдановым Аджиманом и Сопиевым Турды-Ахуном, которыми потом были завербованы Сыдыков Абдукерим и все остальные (Сыдыковская тридцатка). Данная антисоветская организация ставила своей целью вооруженное восстание против Советской власти в Киргизии, а при неудаче его — эмиграцию в Китай для продолжения там антисоветской деятельности.

Из материалов дела следует, что СТП имела свои филиалы в различных районах и распространение влияния контрреволюционной организации объясняется политической обстановкой, имевшей место в Киргизии в 1931–1932 годах, а именно:

а) не изжитое еще полностью к этому времени влияние бае-манаров и феодалов на неустойчивую часть населения, сохранившиеся родовые отношения, при которых старший в роде пользуется большим авторитетом;

б) засоренность партийно-советского аппарата лицами социально чуждыми и блокирующимися с родовыми авторитетами, искусственно поддерживающими их влияние среди населения;

в) события в Синьцзянской провинции Китая, поступление сведений об образовании там киргизами-эмигрантами «самостоятельного мусульманского государства» и слухи об агрессивных планах руководителей повстанцев против СССР;

г) массовые антисоветские вооруженные выступления бае-манарства в 1929 и 1932 годах на почве сопротивления мероприятиям, направленным на ликвидацию байства как класса, сопряженные [с] нападениями и убийствами совработников и красноармейцев пограничной охраны.

По показаниям целого ряда проходящих по делу лиц, установлено, что организаторы и руководители националистических контрреволю-

ционных филиалов, ведя подготовку вооруженного восстания, проводили усиленную антисоветскую агитацию среди населения, распускали явно провокационные слухи о скором падении Советской власти, о войне Китая с Советским Союзом, намечали мероприятия по сбору конного состава, снаряжения и оружия. В случае же неудачи предполагалась вооруженная эмиграция в Западный Китай.

Согласно материалам уголовного дела, в 1933 году Особым Отделом Среднеазиатского военного округа ПП ОГПУ были арестованы лица, входившие в руководящий центр СТП. В последующем были также арестованы члены существующих филиалов СТП в отдельных районах Киргизии. Таким образом следует, что СТП была полностью ликвидирована.

Однако споры о существовании партии не прекращаются и в настоящее время. Материалы архивного уголовного дела показывают, что уже неоднократно проводились анализы архивных уголовных дел, а также иных материалов, хранящихся в архиве КГБ-ГКНБ-МНБ республики и ряда документов партийного архива Института истории партии при ЦК КП Киргизии. Результаты исследований показали, что попытки внести ясность в вопрос существования и деятельности на территории Киргизии СТП предпринимались и ранее.

Впервые название Социал-Туранская партия стало упоминаться официально на допросах именно в материалах данного дела. Порядка приема в организацию, каких-либо прав и обязанностей, налагаемых членством, практически не было. В протоколах допросов обвиняемых в отношении вербовки в СТП показания изложены по упрощенной схеме: «Меня в СТП завербовал такой-то, а я завербовал еще ряд лиц...». Какое содержание вкладывалось в слово «завербовал», что это означало, где, когда, каким образом происходили вербовки, не указывалось, и это понять из материалов дела не представляется возможным.

В чем выражалась практическая деятельность организации СТП, кроме того, что они вербовали новых членов, из материалов дела также не видно. Правда, имеются единичные показания о том, что делались единичные попытки сбора денежных средств на нужды организации, имелись точки, где якобы хранилось оружие. Но о местах хранения, количестве, наименовании оружия и его изъятии никаких данных в материалах дела не имеется. Все это дало основание Военному трибуналу Туркестанского военного округа в 1958 году отменить Постановление Коллегии ОГПУ от 28 февраля 1934 года в отношении Сыдыкова А. и других за недоказанностью предъявленного им обвинения, и они были реабилитированы.

Кроме того, еще в 50-е и 60-е годы было реабилитировано подавляющее большинство членов СТП, как правило, за отсутствием состава преступления в их действиях. На 1 июня 1989 года все лица, обвинявшиеся в принадлежности к СТП, были реабилитированы.

Вышеизложенное дает возможность полагать, что Социал-Туранской партии, именно как партии, в Киргизии не существовало. Однако на основании признательных показаний обвиняемых по делу, подлинность и правдивость которых в настоящее время подтвердить или опровергнуть не представляется возможным, можно предположить, что имелась опре-

деленная группа лиц, которые в силу своего социального происхождения, негативного отношения к ним Советской власти не всегда поддерживали различные мероприятия партии и правительства, имели свое мнение о путях экономического и политического развития Киргизии. Это могло быть использовано органами НКВД как основа для обвинения их в принадлежности к так называемой тайной организации СТП.

Делая выводы о существовании или отсутствии организации, именуемой СТП, следует также учитывать различные мнения по этому поводу ведущих историков республики. Так, директор Института истории АН Киргизской ССР академик С. Табышалиев и директор Института [истории] партии при ЦК КП Киргизии Ж. Джунушалиев независимо друг от друга высказали соображение о том, что к СТП необходимо подходить не только с правовой точки зрения. Целесообразно исследовать и документально подтвердить проходящие в то время в республике социально-экономические преобразования и их влияние на различные слои населения, наличие межпартийных группировок и борьбы между ними за власть в республике, характер межродовых отношений и возможность их влияния на события, происходившие в республике.

По их мнению, только при комплексном, углубленном подходе к данному вопросу можно ответить с большей или меньшей степенью достоверности, почему определенные лица киргизской национальности, в том числе значительное количество руководящих работников республики, были безвинно репрессированы как члены так называемой СТП, как могло такое произойти и кому это было выгодно...

Список лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности за участие в к.-р. организации СТП:

1. Сыдыков Абдукерим — нач-к животнов. Сектора Госплана Кирг. АССР
2. Курманов Султан — преподаватель хлопкового техникума (г. Ош)
3. Шабданов Аджиман — учитель Мургабского интерната
4. Сопиев Турды-Ахун — препод-ль Высшей коммунист. школы Кирг. АССР
5. Солтоноев Джанек — ветврач овцеводч. треста
6. Лепесов Зайнитдин — приемщик кожсырья Охотсоюза (с. Гульча)
7. Шабданов Кемель — без опр. занятий
8. Ахметов Мустафа — нач-к РОМ (районное отделение милиции. — Авт.) НКВД (г. Мургаб)
9. Кашымбеков Хайретдин — препод-ль педтехникума (г. Андижан)
10. Кашымбеков Насретдин — зав. педкурсами (г. Андижан)
11. Камбаров Моске — зав. хлопк. сектором газ. «Кызыл-Пахта» (г. Ош)
12. Курманов Исхак — без опр. занятий
13. Канатов Карыпбай — без опр. занятий
14. Чолоков Али-Акбар — без опр. занятий
15. Курманов Самутдин — зав. торг. отделом (г. Мургаб)
16. Чолоков Али-Аскар — без опр. занятий
17. Тельтаев Касымбай — зав. адм.-хоз. отделом Кирводхоза
18. Чыныев Кокумбай — без опр. занятий

19. Маакеев Чортек — без опр. занятий
20. Иманкулов Джумадыл — председатель Наукатского РИК (райисполкома. — Авт.)
21. Токтомушев Чымындай — рабочий Нарынской погранкомендатуры
22. Майлыбашев Мамыт — бригадир к-за им. Калинина (Нарынской обл.)
23. Чанышев (Роковой) Хайдар — управляющий казахской краевой конторой «Совсиньторга»

По Сталинскому (ныне Московский) району привлекалось 116 человек, часть которых была освобождена за недостаточностью собранных доказательств для предания их суду (архивные уголовные дела №№ 7486-СУ, 4864-СУ, 3318-СУ, 2630-СУ, 1100-СУ, 8218-СУ и др.).

Был предан суду 61 человек (неграмотные или малообразованные люди, в основном дехкане, чабаны, связанные с вышеперечисленными руководителями СТП скорее всего узами родства или землячества) (их список опускаем. — Авт.).

В отношении остальных участников к.-р. организации СТП в количестве 127 человек дела велись отдельно по районам и рассматривались на заседаниях Тройки ПП при ОГПУ в Средней Азии.

Отметим разумность подхода, содержащегося в справке. Как мы отмечали прежде [Ашнин, Алпатов 1994: 52–54, 58], в период, когда фабриковалось данное дело, «профессионалы» из ОГПУ, отнюдь не пытаясь выявить истину, старались помещать самые фантастические обвинения в контекст реальных событий, встреч и знакомств, а зачастую использовали в своих целях действительное недовольство тех или иных людей политикой власти. В 1937–1938 гг. всё было гораздо проще и грубее, дела А.Н.Самойловича, Е.Д.Поливанова, М.Ф.Гаврилова — типичные примеры. А в Киргизии в годы коллективизации действительно были и вооруженные выступления против политики власти, и массовые попытки перехода китайской границы, сопровождавшиеся стычками с пограничниками. Сохранение родовых отношений и влияние «родовых авторитетов» — тоже реальность. И недовольство происходившим те или иные представители интеллигенции и даже часть руководителей не могли не высказывать. При этом недовольство могло быть весьма различным: кто-то не принимал коммунистические идеи в принципе, кто-то разочаровался в них в связи с коллективизацией, а кто-то мог оставаться коммунистом, но не был согласен с тактикой руководства. Все это сейчас уже трудно восстановить. Однако те или иные элементы реальности органы ОГПУ втискивали в жесткую схему, которая неплохо охарактеризована в приведенной выше справке.

Можно видеть, что среди привлеченных к делу были люди разного образования и социального статуса. Не обо всех из них мы имеем какую-либо информацию. Остановимся на тех, кто оставил след в развитии киргизской культуры.

АБДУКЕРИМ СЫДЫКОВ

Из приведенной выше справки видно, что центральной фигурой дела «Социал-Туранской партии» был определен Абдукерим (Абдыкерим) Сыдыков. Мы полностью приводим справку 1999 г. о нем, подписанную Ч.Чинетовой:

Сыдыков Абдукерим, 1889 г. р., уроженец с. Кара-Суу Ворошиловского р-на Киргизской ССР.

В 1911 г. закончил гимназию в г. Алма-Ата.

С 1912 по 1917 г. работал переводчиком в Пишпекском уездном управлении. Во время Февральской революции принимал активное участие в митингах и собраниях. До Октябрьской революции 1917 г. работал в Пишпекском уездном комиссариате заместителем комиссара и являлся членом киргизского комитета «Алаш». С 1918 по 1925 г. Сыдыков А. был членом ВКП(б), за участие в группе «Тридцатки» из партии был исключен.

С 1919 по 1922 г. работал в Алма-Ате в мусбюро (Мусульманское бюро. — Авт.), затем председателем Джеты-Суйского (Семиреченского. — Авт.) облисполкома.

С 1922 по 1932 г. проживал в Ташкенте, где работал в различных государственных учреждениях, с перерывами бывал во Фрунзе.

С 1932 по 1933 г. работал начальником животноводческого сектора Госплана Киргизской ССР.

9 мая 1933 года Сыдыков А. был арестован органами ОГПУ Кирг. ССР как организатор контрреволюционно-националистической организации, в феврале 1934 г. заседанием коллегии ОГПУ приговорен к расстрелу, который был заменен 10 годами лишения свободы.

В 1937 году Сыдыков А. был этапирован из мест заключения в распоряжение НКВД Кирг. ССР: ему было предъявлено обвинение как одному из организаторов контрреволюционной Социал-Туранской партии в Киргизии, ставившей целью отторжение Киргизии от Советского Союза путем организации вооруженного восстания при помощи бандглаварей, оперирующих в Синьцзяне.

10 февраля 1938 года «тройка» НКВД Кирг. ССР приняла решение о расстреле Сыдыкова А., которое было приведено в исполнение 18 февраля 1938 года.

21 сентября 1957 года заключением следственного отдела КГБ при СМ Киргизской ССР в реабилитации Сыдыкова А. было отказано.

Определением Военного трибунала Туркестанского военного округа от 28 июля 1958 года постановления Коллегии ОГПУ Кирг. ССР от

28 февраля 1934 года и тройки НКВД Кирг. ССР от 10 февраля 1938 года в отношении Сыдыкова А. были отменены и дело прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

Основание: архив МНБ Кыргызской Республики, фонд СУ, арх. уг. дело № 8143.

К справке приложено несколько документов из следственных дел: анкета, заполненная Сыдыковым в заключении 25.06.1933, анкета арестованного от 09.02.1938 (т. 1, л. 28), смертный приговор «тройки» (т. 3, л. 36) и справка о его приведении в исполнение (т. 3, л. 37). В последнем документе в отличие от других аналогичных указан не только день, но и час расстрела: 2 часа (ночи?). Приведем выдержки из двух анкет там, где они не противоречат данным, приведенным выше.

В 1933 г. подследственный, в частности, показывал: «Жена — Зейнаб, дочь — Нурджамал, сыновья — Иса, Берик, Эрик. Отец Сыдык Узбеков до революции в течение 3-х лет был волостным управителем и еще 3 года народным биём (судьей). После революции занимался скотоводством и частично хлебопашеством. В 1930 году суд приговорил его на 1 год ИТЛ „за невыполнение твердого задания полностью“. Последнее время жил у меня. Мать — Сыдыкова Эрке, домохозяйка. Старший брат Усман выселен в Казахстан, младший Ахмед на Украину.

У меня до революции был дом, который и до моего ареста находился в моем распоряжении. У родственников был скот в небольшом количестве. Часть скота сами разбазарили, часть была отобрана, были отобраны и земли.

Образование среднее, в порядке повышения квалификации окончил экономический цикл сельфака САГУ (сельскохозяйственного факультета Среднеазиатского государственного университета. — *Авт.*) в 1930 году...

С 1922 по 1932 г. в г. Ташкенте в различных учреждениях, в последнее время [в] Науч. Иссл. Институте Соц[иалистического] зем[леделия] при НКЗ (Наркомате земледелия. — *Авт.*) Уз[бекистана]...

В 1919–20 гг. принимал участие в ликвидации Северного семиреченского фронта, ликвидации банды казачества в столице Нарынколе Джаркентского уезда, ликвидации Нарынского востания».

В анкете 1938 г. в графе «место службы и должность или род занятий» стоит: «Срочно-заключенный с мая 1933 года Уч. Пех. Лаг.». Последнее сокращение трудно расшифровать: возможно, искажено хорошо известное наименование Ухтпечлаг,

т.е. Ухтинско-Печорские лагеря в Коми АССР. Там же сказано, что он «сын манапа», а до революции сам был манапом. Манапами называли представителей знати у северных киргизов, имевших право быть судьями и военными предводителями. В советское время, как видно из приводившихся выше документов, этот термин использовался как бранный. Но, судя по всему, среди первых киргизских интеллигентов действительно было немало людей манапского происхождения, что неудивительно: до революции они чаще имели возможность получить образование русского типа; но позже происхождение из манапов могло стать причиной многих бед. Указан состав семьи с возрастом сыновей: 19, 12 и 6 лет; дочь не упомянута (умерла к тому времени?).

В присланных нам из Бишкека документах также указано, что старший брат Абдукерима Сыдыкова — Усманылы (Усман), родившийся в 1875 г., имевший среднее духовное образование и в 1914–1925 гг. работавший учителем в религиозной начальной школе при мечети в Пишпеке (Бишкеке), был арестован 15.12.1930 и 13.03.1931 осужден на пять лет. В обвинительном заключении говорилось: «Будучи духовником и враждебно настроенным по отношению к советской власти и проводимым мероприятиям по социалистическому переустройству, вел систематическую антисоветскую агитацию, агитацию против хлебозаготовительной кампании и коллективизации, а также распространял провокационные слухи о якобы предстоящей скорой гибели советской власти». Его дальнейшая судьба в документах не раскрывается, известно лишь, что 27.05.1958 он был посмертно реабилитирован.

Об Абдукериме Садыкове в газете «Вечерний Бишкек» от 08.04.1998 опубликована статья с подзаголовком «Он стоял у истоков создания государственности Кыргызской». Приводимые в ней факты в целом соответствуют тому, что содержится в следственных делах (включая происхождение из манапов), однако кое-что к ним добавляют.

Дед Сыдыкова Узбек Бошкочев был сторонником сближения киргизов с Россией и имел несколько наград от царского двора; также он «прославился как меценат». Уже известный нам отец Сыдыкова «более десяти лет управлял Талкановской областью. Три года (1912–1915) работал бием (судьей) Пригородной волости Пишпекского уезда. Занимался предпринимательством». Сам А.Сыдыков до гимназии учился в мусульманской школе, а после окончания гимназии поступил на ветеринарный факультет Казанского университета, но скоро оставил учебу по болезни. Работая переводчиком и имея чин коллежского регистратора,

Сыдыков награждался Юбилейной медалью к 300-летию Дома Романовых, а в 1916 г. — орденом Станислава III степени «с мечом и бантом». Однако после Февральской революции он становится заместителем комиссара-представителя Временного правительства, создает пишпекское отделение партии «Алаш» (она объединяла не только казахов, но и киргизов), но вскоре переходит сначала к левым эсерам, затем к большевикам.

В статье (автор — К.Карабеков) приводятся слова Дмитрия Фурманова о А.Сыдыкове: «Эти отдельные прекрасные работники Сыдыков, Джандосов, что они поделают, песчинки в темном море невежества, глубочайшего, мрачнейшего суеверия, закоренелых традиций рабства и гнета?»

В 1922 г. А.Сыдыков стал председателем Оргкомитета по созданию Киргизской горной области, куда должна была войти нынешняя Киргизия (именно это имеется в виду под «истоками создания государственности»). Однако тогда эта идея не была поддержана Москвой, а киргизская автономия была оформлена лишь в 1924 г., уже без участия Сыдыкова, которого за «самодетельность» отозвали из Семиречья в Ташкент. В 1922–1925 гг. его трижды исключали из партии. Из статьи Карабекова мы узнаём, что представляла собой упоминавшаяся выше «тридцатка» (из обзорной справки может создаться ошибочное впечатление о том, что она существовала в 1929 г.). В июне 1925 г. 30 ответственных работников обратились в ЦК РКП(б) и в Средазбюро с письмом, осуждавшим стиль и методы работы первого секретаря Киргизского обкома М.Каменского. Сыдыков тогда уже не работал в Киргизии, но тоже подписал это письмо. Хотя Каменского скоро отозвали, но члены «тридцатки» пострадали. За подписание письма Сыдыков был окончательно исключен из партии. А потом, как отмечает Карабеков, почти все члены «тридцатки» были объявлены членами СТП.

В отношении периода 1933–1938 гг. статья добавляет лишь одно: в ней приводятся выдержки из заявления А.Сыдыкова, сделанного в период следствия по первому делу: «Ввиду моей одиозности в условиях Киргизии могут быть на меня разные баснословные доносы, не соответствующие действительности. Одиозность моя заключается в том, что я выступил в 1925 году в числе так называемой „30-ки“ против линии обкома ВКП(б) и отдельных членов бюро — Худайкулова и Бабаханова об искривлении линии партии... Ввиду того, что я был отозван из Киргизии и всё время с 1925 по 1932 год был в Ташкенте и согласно моего заверения САБ (Средазбюро) о том, что я не буду иметь связь с Киргизией, я совершенно порвал связи и

поэтому я не мог там создать или состоять в какой-либо контрреволюционной организации. Такая организация могла быть в Киргизии и помимо моего участия».

В 1937–1938 гг. людей, уже находившихся в заключении, нередко повторно судили и расстреливали по старым обвинениям без предъявления каких-либо новых. Так произошло и в случае А. Сыдыкова.

В наше время имя Сыдыкова как борца за автономию киргизского народа стало почетным на его родине (даже несмотря на то, что он был коммунистом). Статья Карабекова заканчивается словами: «В своем выступлении по случаю 70-летия Кыргызской Республики Президент Аскар Акаев заявил, что такие сильные личности, как Абдыкерим Сыдыков, „могли украсить любое правительство любой страны“».

К сожалению, нам почти ничего не известно о той научной деятельности, которую Сыдыков вел в конце своей жизни в Ташкенте, когда он был отстранен от руководящей работы.

АДЖИМАН ШАБДАНОВ

Наряду с политическими деятелями по делу СТП пострадали и первые киргизские ученые, в том числе лингвисты. Одним из них был Аджиман Шабданов. Приводим присланную нам в 1999 г. справку.

Шабданов Аджиман, 1905 года рождения, уроженец Чуйского района Киргизской АССР, гражданин СССР, по национальности киргиз, беспартийный, образование среднее, окончил педагогический техникум в г. Алма-Ата, лингвист, научный работник.

В 1929 году работал в качестве лингвиста в НИИ краеведения в г. Фрунзе. В августе 1932 года был уволен и направлен на преподавательскую работу на юг Киргизии, но в сентябре того же года выехал на Верхний Памир в поселок Мургаб, где работал преподавателем интерната и был арестован органами ОГПУ за активное участие в контрреволюционной организации, так называемой «Социал-Туранской партии» (СТП), целью которой являлось свержение вооруженным путем Советской власти на территории Киргизии с последующим созданием на этой территории буржуазно-демократического государства под протекторатом Англии.

Решением Судебной коллегии ОГПУ от 28 февраля 1934 года Шабданов Аджиман был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

28 июля 1958 года уголовное дело в отношении Шабданова Аджимана было пересмотрено Военным трибуналом Туркестанского военного округа и прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

Шабданов Аджиман полностью реабилитирован.

К справке также приложены анкета заключенного от 26 февраля 1933 г. (д. № СУ-8143, т. 4, л. 7), «Выписка из протокола Заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 28 февраля 1934 г.» со смертным приговором (т. 3, л. 55) и реабилитационное определение от 28 июля 1958 г., касающееся всех осужденных в 1934 г. (т. 7, л. 133–136). Документа о приведении приговора в исполнение среди того, что имеется у нас, нет, и точная дата нигде не указана. Из определения ясно, что из девяти первоначально приговоренных к расстрелу лиц расстрелян в 1934 г. был только Шабданов, остальным высшая мера была заменена лагерем.

ИШЕНАЛЫ АРАБАЕВ

Это имя отсутствует в приводившемся выше сводном списке, поскольку Ишеналы Арабаев не дожил до суда. Среди привлеченных по делу СТП он был одним из наиболее значительных: именно он считается основателем киргизского языкознания. Академик Киргизской академии наук Б.М.Оразбаева в разговоре с нами еще в 1989 г. подчеркивала, что среди репрессированных киргизских лингвистов его наследие наиболее важно. К сожалению, материалов по его делу у нас мало, они исчерпываются краткой справкой.

Арабаев Ишеналы, примерно 1870 года рождения, уроженец с. Катан Джумгалского р-на Тянь-Шанской области (то же, что Нарынская. — Авт.) Киргизии. При царизме в г. Уфе закончил высшее мусульманское учебное заведение, был влиятельным муллой.

До 1925 года состоял членом ВКП(б) и работал председателем научно-исследовательской комиссии при облисполкоме (вошел ли он в «тридцатку»? — Авт.). Руководящих должностей не занимал.

На основании показаний отдельных участников антисоветской организации, именуемой СТП, был необоснованно арестован органами ОГПУ 11 мая 1933 года как участник той же организации. Находясь под стражей в тюрьме г. Ташкента, 7 июня 1933 года покончил жизнь самоубийством путем отравления.

Постановлением Военной прокуратуры Туркестанского военного округа от 9 июля 1958 года уголовное дело в отношении Арабаева Ишеналы было прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

КУРМАНОВ, СОПИЕВ И ДРУГИЕ

Еще несколько полученных нами справок касаются деятелей науки и просвещения, пострадавших по тому же делу. Эти люди принадлежали уже к советскому поколению киргизской интеллигенции.

Курманов Султан, родился в 1905 году в селении Кызыл-Туу Сталинского района Киргизской АССР (здесь и дальше — по административному делению 1933 г. — Авт.) в семье манапа Лепесова Курмана. По национальности киргиз, беспартийный.

В 1921 году поступил в киргизско-казахский Институт просвещения в г. Алма-Ата, который окончил в 1925 году. В том же году Фрунзенским ОблОНО был командирован в г. Ош на должность заведующего Ошско-Джалал-Абадским педагогическим техникумом, где проработал до ноября 1927 года. Одновременно являлся преподавателем киргизского языка и литературы. Затем был отозван в Наркомпрос и на различных должностях проработал до 1929 года.

В мае 1933 года был арестован и привлечен к уголовной ответственности органами ОГПУ по необоснованному обвинению в участии в антисоветской националистической организации, т.н. СТП. На момент ареста имел семью в составе: мать Кульжан — 59 лет, брат Кемель — 17 лет.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 28 февраля 1934 года был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, которая затем была заменена заключением в ИТЛ сроком на 10 лет.

В 1937 году умер в местах заключения.

Сопиев Турды-Ахун, 1905 года рождения, уроженец села Ак-Терек Балыкчинского района Иссык-Кульской области, сын манапа, с высшим образованием, педагог, по национальности киргиз. В 1928 году исключен из кандидатов в члены ВКП(б) как выходец из социально чуждой среды. Работал преподавателем Высшей Коммунистической сельхозшколы в г. Фрунзе.

В 1933 году был арестован органами ОГПУ. Он необоснованно обвинялся в участии в контрреволюционной националистической организации, т.н. СТП, а также как один из организаторов и руководителей этой организации. На момент ареста имел жену Асыл 18-ти лет.

Решением Коллегии ОГПУ от 28 февраля 1934 года был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу с заменой заключением в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Даты смерти в документе нет, что означает то, что Сопиев дожил до освобождения. В реабилитационном заключении, приложенном к справке об Аджимане Шабданове, против данной фамилии записано: «Местонахождение не установлено».

Кашымбеков Хайретдин, 1905 года рождения, беспартийный, состоял членом Союза работников просвещения. Работал заведующим педагогическими курсами в г. Андижане.

На момент ареста имел жену Пембек Нину Абрамовну 21 года и сына Зигфрида 3,5 месяцев.

Тем же решением Коллегии ОГПУ был приговорен к 10-ти годам лишения свободы.

О смерти или нахождении где-либо в 1958 г. также данных нет.

В приведенных справках нами опущены одинаковые последние фразы о реабилитации 28.07.1958. Отметим, что в отличие от Казахстана, где реабилитация 50-х годов коснулась лишь тех, кто был впервые арестован в 1937 г., в Киргизии эта процедура затронула значительно более широкий круг лиц.

В реабилитационном определении 1958 г. имеются данные о судьбе части других осужденных. Мы узнаем, что были расстреляны по другим делам Хайдар Чанышев, он же Роковой (откуда такое прозвище?) в 1937 г. (на Соловках), Джумадыл Иманкулов в 1938 г., Зайнитдин Лепесов (дата не указана), Али-Акбар и Али-Аскар Чолоковы (оба в 1942 г.), умерли в заключении Джанек Солтонаев (родственник упоминаемого ниже Белека Солтонаева?) (дата не указана), Моске Камбаров (дата не указана), Насретдин Кашымбеков (брат Хайретдина) в 1934 г., Кокумбай Чыныев в 1934 г., Чортек Маакеев (родился в 1857 г., умер в 1934 г., лагерь ему был заменен ссылкой в Барнаул, но он умер до отправления туда), Исхак Курманов в 1941 г., Самутдин Курманов в 1934 г., Чымындай Токтомушев в 1934 г. (большинство из перечисленных умерли в первый же год после осуждения). Мамыт Майлыбашев отбыл срок наказания и пропал без вести во время Великой Отечественной войны, Кемель Шабданов и Карыпбай Канатов также отбыли срок и умерли в 1948 и 1953 гг. соответственно. Судьба остальных не установлена.

БЕЛЕК СОЛТОНАЕВ

Еще одним пострадавшим в 1933 г. ученым старшего поколения был Белек Солтонаев, о котором помимо архивной справки и приложенных к ней документов есть статья доктора филологических наук, профессора Качкынбая Артыкбаева, опубликованная 28.03.1989 в газете «Советская Киргизия». В справке сказано:

Солтонаев Белек, 1878 года рождения, уроженец Киргизской ССР, Кеминского р-на, селение Тегерменти, по национальности — киргиз, социальное положение — из бай-манапов, образование среднее не законченное, профессия — научный сотрудник. До революции занимал должность волостного управителя, после революции — служащий различных учреждений, на момент ареста — без определенных занятий.

С 1918 по 1922 г. состоял членом коммунистической партии. Исключен из партии за многоженство и социально чуждое происхождение.

На момент ареста имел семью в следующем составе: жена — Солтонаева Рапия; сыновья — Уланбек Белеков и Течен Белеков; дочери — Зайнахан Белекова, Зоя Белекова, Нюра Белекова и Роза Белекова.

В анкете арестованного (Архив МНБ Киргизии, дело № СУ-1523, л. 14, 15) образование указано как «нисшее», социальное положение — «научный работник», уточнено, что лицом «без определенных занятий» Солтонаев стал с 1935 г.

В статье К.Артыкбаева рассказывается, что будущий ученый и поэт родился в аиле Чок-Кемин в семье бедняка, а его отец умер до рождения сына. Белек учился арабской грамоте у муллы, потом недолго посещал русскую начальную школу в Караколе, а в возрасте 15 лет поступил в сельскохозяйственную школу в Пишпеке. Еще во время обучения в Пишпеке он собирал книги по истории киргизского народа. После неудавшегося восстания 1916 г. бежал в Китай, на родину вернулся уже после установления советской власти и первоначально принимал активное участие в общественной жизни: упомянуты его агитационная работа в Восточном Казахстане и назначение в 1920 г. «особоуполномоченным по организации отдельного Киргизского кавалерийского соединения». В 1921 г. Солтонаев был членом уездного ревкома, переводчиком в ЧК, воевал с басмачами. И в эти годы он писал стихи и переводил русскую поэзию.

В 1922 г., после не упоминаемого в статье Артыкбаева исключения из партии, Солтонаев перешел на научную работу. Уже в этом году его «с мандатом особоуполномоченного» направляли в разные районы Киргизии для изучения фольклора, в том числе он записывал эпос «Манас». Принимал участие и в разработке киргизской письменности. Первое время его, несмотря на исключение из партии, привлекали и к политической работе: Артыкбаев упоминает его командировку в 1924 г. в Синьцзян с целью организации возвращения на родину беженцев-киргизов. С 1930 г. и, по-видимому, до перехода в категорию «лицо без определенных занятий» в 1935 г. (Артыкбаев, однако, указывает дату — 1936 г.) Солтонаев работал в Киргизском научно-исследовательском институте краеведения, где принимал

участие в составлении терминологического словаря киргизского языка. Ему также принадлежат несколько оставшихся в рукописи работ по истории, этнографии, фольклору, в том числе большая книга «История красных киргизов (материалы по истории киргизского народа)» и работы по «Манасу». Как упоминалось в гл. 2, «Манасом» с 1934 г. занимался и Е.Д.Поливанов; мы не знаем, насколько их исследования соприкасались.

Солтонаев не оказался в числе арестованных по делу СТП в 1933 г., однако преследования начались еще до ареста, когда он потерял работу. А о дальнейшем сказано в справке 1999 г.:

17.09.1937 г. Солтонаев Б. был арестован органами УНКВД Киргизской ССР за то, что якобы являлся одним из организаторов и активным участником контрреволюционной националистической организации, впоследствии переросшей в Социал-Туранскую партию, занимался вредительством на фронте создания языка и письменности киргизского народа, а также на других участках культурного строительства.

Постановлением «тройки» НКВД Киргизской ССР от 10 февраля 1938 года Солтонаев Б. был приговорен к высшей мере наказания (расстрелу). Приговор приведен в исполнение 14.02.1938 года.

Таким образом Б.Солтонаев был осужден в один день с А.Сыдыковым, а казнен почему-то на четыре дня раньше. В обвинительном заключении (л. 20) выделена упоминавшаяся поездка в 1924 г. в Западный Китай, характеризующаяся, естественно, как организованная «центром» «для шпионских связей». Там также указано, что в 1929 г. Солтонаев находился под следствием и в том же году «бежал от репрессий в Казахстан», а перед арестом проживал не во Фрунзе, а в селе Тоймат Кантовского района.

Среди присланных нам документов также имеется заключение от 15.10.1955, на основании которого спустя три дня Солтонаев был реабилитирован (то же дело, л. 45–46) (в архивной справке 1999 г. явная опечатка — 18.10.1995). Здесь, в частности, отмечается, что в деле нет ни постановления об аресте, ни санкции прокурора, а единственный зафиксированный там документ датирован днем судебного постановления.

Хотя Солтонаев был реабилитирован еще в 1955 г. (раньше, чем пострадавшие в 1932–1934 гг.), но его имя долго замалчивалось. К.Артыкбаев отмечает, что он в 1968 г. составил сборник стихов Солтонаева, но их не разрешили печатать, а сама его статья была также написана еще в 60-е годы, но была допущена к публикации лишь в 1989 г.

КАСЫМ ТЫНЫСТАНОВ

Ученый, имя которого тесно связано с Е.Д.Поливановым, привлекал наше особое внимание. Поэтому именно с его следственным делом мы постарались в Бишкеке познакомиться в первую очередь. Это дело также хранится в Архиве МНБ Киргизской республики, № СУ-7692. Оно состоит из трех томов, но все ссылки в данном разделе — на первый том.

Касым Тыныстанов родился в 1901 г. в селе Чирпекты (в советское время — Бадыкчинский район Киргизской ССР) (л. 4). В анкете арестованного он указал происхождение «из крестьян-бедняков» и в графе «социальное положение до революции» — «батрачил» (л. 4), однако в других документах дела (л. 2, 7 и др.) сказано, что он — «сын бая» или «сын бая-манапа» (обычная перекалфикация в подобных делах). В начале 20-х годов Тыныстанов учился в САГУ и закончил его в 1924 г. (в анкете арестованного сказано: «учился до 1924 года, после работал»). Вероятно, с тех пор он и был знаком с Е.Д.Поливановым, тогда преподававшим в университете. В графе «служба в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против Сов. власти» указано: «В 1922–1923 год. нациналистом в гор. Ташкенте» (л. 4 об.) (анкета, заполненная со слов Тыныстанова сотрудником НКВД Киргизии Жуковым, отличается особым количеством грамматических ошибок). Видимо, в студенческие годы он привлекался к какому-то делу о национализме, однако по делу 1937 г. он проходил как ранее не судимый.

После 1924 г. Тыныстанов, один из первых киргизских профессиональных лингвистов, ведет активную просветительскую и научную деятельность, пишет учебники и работы по грамматике, участвует в разработке проекта использования латиницы для киргизского алфавита. С 1926 г. — член ВКП(б). В 1927 г. был назначен председателем Научной комиссии областного отдела просвещения. В конце 20-х — начале 30-х годов Тыныстанов занимал руководящие должности во Фрунзе, в том числе в 1927–1930 гг. был наркомом просвещения Киргизии. С 1930 г. — директор Киргизского научно-исследовательского института языка и письменности. Был известен как литератор, прежде всего поэт.

И в 20-е, и в 30-е годы в партийно-советском руководстве Киргизии (как и Азербайджана, Казахстана и т.д.) шла постоянная борьба за власть, в которую оказался втянут и Тыныстанов. Он был тесно связан с Юсупом Абдрахмановым, бывшим в начале 30-х годов председателем Совнаркома Киргизской АССР.

Из показаний арестованного Джолдошева от 26.08.1937: «Тыныстанов не топчется на одном месте. Он прогрессирует дальше. Он от „пантюркизма“ переходит к позиции узкого национализма. Тыныстанов пишет в этот период поэму „Джаныл мырза“, данная поэма является сплошной идеализацией и восхвалением прошлой феодальной Киргизии и противопоставлением феодальной Киргизии современной Советской Киргизии... В этой поэме Тыныстанов настолько глубоко сошелся с Абдрахмановым в вопросе идеализации родового строя феодального быта, оправдывая и отрицая хищническую эксплуатацию манапов и баев, что трудно определить, кто кого перещеголяет в данной клевете... Поэтому совершенно не случайно, что Абдрахманов Ю. в Киргизии признавал только одного „поэта“ Тыныстанова и что, наоборот, Тыныстанов признавал его „единственным государственным деятелем“» (л. 132–133).

В 1933 г. Юсуп Абдрахманов был снят с должности председателя Совнаркома Киргизии, исключен из партии и отправлен на низовую работу в Самару, затем в Оренбург (4 апреля 1937 г. он будет арестован в Оренбурге, этапирован во Фрунзе, а затем расстрелян в один день с Тыныстановым). Вслед за ним пострадало и его окружение. В 1935 г. Тыныстанова исключили из партии как «буржуазного националиста» (л. 206). С работы его, однако, не уволили: он остался сотрудником Киргизского научно-исследовательского института языка и письменности, а в 1936 г. получил звание профессора. В этом же институте с 1934 г. работал Е. Д. Поливанов, которого Тыныстанов пригласил во Фрунзе и с которым Тыныстанов находился в тесном научном контакте. Их и арестовали в ночь на 2 августа 1937 г.

Данное дело открывается постановлением (л. 2), составленным оперуполномоченным 3-го отдела НКВД Киргизской ССР сержантом госбезопасности Титовым, подписанным помощником начальника того же отдела лейтенантом госбезопасности Титовым (видимо, однофамилец предыдущего) и утвержденным наркомом внутренних дел Киргизской ССР капитаном госбезопасности Четвертаковым (две последние фамилии уже известны по делу Поливанова); имеется также санкция прокурора Киргизской ССР (подпись неразборчива). Все подписи датированы 1 августа. Тыныстанов в постановлении именуется «членом ВКП(б)» и «директором научно-исследовательского института в г. Фрунзе», хотя из партии был исключен и директором к моменту ареста не был. Сказано: «Имеющимися в деле следственными данными Тыныстанов Касым в достаточной степени изобличается в участии в контр-революционной националисти-

ческой и организационной деятельности в Кир. ССР, т.е. в преступных деяниях, предусмотренных ст. ст. 58-11 УК РСФСР... Тыныстанова Касыма арестовать с производством тщательного обыска». Показания против Тыныстанова действительно к тому времени уже были собраны (в отличие от показаний против Поливанова). Как и в Казахстане, в Киргизии, ставшей союзной республикой менее чем за год до этого, продолжал действовать Уголовный кодекс РСФСР.

Далее идут документы об аресте и обыске и анкета арестованного, где его профессия названа «язуковец» (л. 4). В протоколах допросов идет речь всё о той же «Социал-Туранской партии», по делу которой Тыныстанов не привлекался в 1933 г. Теперь же к ее членам, помимо тех, кого мы упоминали выше, отнесены и партийные и советские работники-киргизы, в том числе Юсуп Абдрахманов, председатель ЦИК Киргизии Абдукарим Уразбеков, второй секретарь ЦК КП Киргизии Хасан Жиенбаев, Торекул Айтматов (отец писателя Чингиза Айтматова) и другие. А имя Тыныстанова как одного из «руководителей» СТП фигурирует и в деле Белека Солтонаева.

Через полгода после ареста, 1 февраля 1938 г., появилось постановление о предъявлении обвинения (л. 7), составленное заместителем начальника ОМЗ НКВД Киргизской ССР лейтенантом госбезопасности Машниным и утвержденное начальником 3-го отдела НКВД Киргизской ССР капитаном госбезопасности Ивановым (Четвертаков уже был арестован). В постановлении сказано, что Тыныстанов «начиная с 1921 г. состоял активным членом к.-р. националистической организации „Алаш-Орда“ и впоследствии по день ареста членом к.-р. националистической организации „Социал-Туранской партии“. Будучи в составе руководящего центра этих к.-р. организаций, вел активную пропаганду и агитацию, а также и практическую работу за свержение вооруженным путем Соввласти в целях отторжения Киргизии от СССР и создание буржуазно-националистического государства под протекторатом одного из иностранных капиталистических государств, ведя организационную деятельность по сношению с разведывательными органами этого капиталистического государства, т.е. совершил деяния, предусмотренные ст. ст. 58-1а, 2, 4, 7, 10 и 11 УК РСФСР». Арестованный лишь по статье 58-11 (участие в контрреволюционной организации), Тыныстанов теперь уже обвинялся по шести статьям, первые четыре из которых обязательно предусматривали высшую меру. В конце постановления — подпись Тыныстанова с указанием на то, что постановление ему предъявлено 22.02.1938. Затем более полугода —

Заседание, как указано в протоколе (л. 211), началось 5 ноября 1938 г. в 0.55 и закончилось в 1.25. Там же записано: «Подсудимый ответил, что он виновным себя не признает и от своих показаний на предварительном следствии отказывается. Он в антисоветской организации не состоял. Не отрицает своего участия в антисоветской алаш-ордынской группировке». В ответ на оглашенные выдержки из показаний восьми лиц (именно поэтому заседание длилось целых 30 минут) «подсудимый утверждает, что все эти показания в части его принадлежности к антисоветской „СТП“ являются ложными... В последнем слове подсудимый просит вынести справедливый приговор».

Как всегда, показания подсудимого в расчет не принимались, приговор был готов заранее. Суд продолжал игру и снял еще один пункт 58-4, но остальных хватало для смертного приговора, который и был вынесен (л. 212). А дальше подписанная всё тем же Шевелевым справка о расстреле в тот же день, 5 ноября (л. 213).

И следующий лист 214 — реабилитационное определение Военной коллегии Верховного суда СССР в составе полковника юстиции Костромина (председательствующий), подполковника юстиции Ухванова и подполковника юстиции Смирнова от 01.10.1957 (по заключению военного прокурора полковника юстиции Логинова): «Дополнительное расследование установило новые обстоятельства, свидетельствующие о том, что Тыныстанов осужден необоснованно». Вывод: отменить приговор от 05.11.1938 «по вновь открытым обстоятельствам» и прекратить дело «за отсутствием состава преступления».

ОСМОНКУЛ АЛИЕВ, БАЗАРКУЛ ДАНИЯРОВ

Среди киргизских просветителей, занимавшихся вопросами языка и пострадавших в конце 30-х годов, отметим еще двух.

Об Осмонкуле Алиеве нами была получена следующая архивная справка:

Согласно материалам архивного уголовного дела № СУ-7748, **Алиев Осмонкул**, 1903 года рождения, уроженец Киргизской ССР, Калининского р-на, села Чолок-Арык, по национальности — киргиз, социальное происхождение — из бедняков, образование — среднее. С 1919 по 1923 год учился и окончил в Ташкенте Киргизский Институт Народного Просвещения, также с 1919 года являлся членом союза рабочих, с 1935 года (в справке — «с 1925 года», явная опечатка. — Авт.) и на момент ареста занимал должность Народного Комиссара Просвещения Киргизской ССР.

С 1925 по 1937 г. состоял членом ВКП(б).

На момент ареста имел семью в следующем составе: жена — Танина Мискина Муслимовна, племянник — Алиев Долат.

08.08.1937 г. Алиев О. был арестован органами УГБ НКВД Киргизской ССР за то, что он, с 1921 года войдя в антисоветскую националистическую организацию Алаш-Орда, проводил вербовочную работу. В период с 1927 по 1937 г. уже как участник объединенной националистической организации Социал-Туранская партия создал контрреволюционную националистическую группу в Киргизском Национальном кавалерийском полку, а также проводил активную контрреволюционную вредительскую подрывную деятельность в народном хозяйстве и на культурном фронте.

Приговором Военной коллегии Верховного суда ССР от 5 ноября 1938 года Алиев О. был приговорен к высшей мере наказания (расстрелу). Приговор приведен в исполнение 05.11.38 г. Сведений о захоронении в материалах дела не имеется.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 09.08.57 приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 05.11.38 в отношении Алиева О. отменен и дело производством прекращено.

Алиев О. полностью реабилитирован.

К справке приложены анкета арестованного от 08.08.1937 (т. 1, л. 11), приговор (л. 95) и справка о приведении его в исполнение (л. 156); содержащаяся в них информация повторена в справке. Мы к ней можем добавить немного. Из дела К.Тыныстанова следует, что Тыныстанов и Алиев были хорошо знакомы еще со времен учебы в Ташкенте. Обвинение в совместной принадлежности в те годы к каким-то запоздалым ответвлениям «Алаш-орды» предъявлялось обоим, а Тыныстанов в «момент истины» на суде, отрицая все прочие обвинения, именно это признал. В этом не было ничего удивительного: в начале 20-х годов хотя «Алаш-орда» уже не существовала, но ее идеи еще оставались влиятельны, в том числе среди молодежи. Но потом оба киргизских просветителя безусловно отошли от этих идей и честно служили советской власти, что в 1938 г. их не спасло. А что касается «Социал-Туранской партии», то, как упоминалось выше, в 1933–1934 гг. ее «формирование» в ОГПУ относил к 1929 г., в 1937–1938 гг. оно уже было перенесено на 1927 г.

Другой репрессированный просветитель с несколько иной судьбой (вместо расстрела — лагеря) — Базаркул Данияров. Архивная справка сообщает следующее:

По материалам архивного уголовного дела № СУ-5354, **Данияров** Базаркул, 1897 года рождения, уроженец Киргизской ССР, Кеминского района, села Чон-Кемин, по национальности — киргиз, социальное

происхождение — из крестьян-середняков, образование — высшее незаконченное, профессия — преподаватель.

С момента Киргизского восстания 1916 года Данияров Б. пребывал в эмиграции в Китае. По возвращении из Китая в 1917 году поступил в мусульманскую семинарию в 1918 году.

В 1919 году поступил в Казахский Педагогический институт в городе Ташкенте. Окончил — в 1924 году.

С 1925 по 1935 г. состоял членом ВКП(б). Исключен из членов ВКП(б) за националистическую деятельность.

В 1932 г. был назначен секретарем партийной ячейки при Народном Комиссариате Просвещения Киргизской АССР.

В 1935 году, будучи заместителем Начальника школьного отдела при Народном Комиссариате Просвещения Киргизской АССР, принимал активное участие в редактировании ряда литературных произведений и учебников на киргизском языке.

С 1936 по 1937 г. работал преподавателем Ошского полеводческого техникума.

До ареста имел семью в следующем составе: жена — Даниярова Гафифа; дочь — Даниярова Кутпа.

09.08.1937 года Данияров Б. был арестован органами УНКВД Киргизской ССР по необоснованному обвинению в принадлежности в 1921 году к контрреволюционной националистической организации Социал-Туранская партия, а также за то, что якобы проводил контрреволюционную агитацию, направленную против советской власти при переводе и редактировании ряда учебников с русского на киргизский язык.

25.05.1939 года решением Уголовной судебной коллегии Ошского Округного суда Киргизской ССР Данияров Б. был приговорен к 15 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет.

21.11.1939 г. решением Уголовной судебной коллегии Ошского Округного суда Киргизской ССР срок наказания Даниярова Б. был снижен до 10 лет с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет.

Постановлением Верховного суда Киргизской ССР от 24 апреля 1959 года решение Уголовной судебной коллегии Ошского Округного суда от 21.11.39 г. отменено, дело в отношении Даниярова Б. производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Данияров Б. полностью реабилитирован.

К справке приложены анкета арестованного от 08.08.1937 (т. 1, л. 4), обвинительное заключение, составленное 04.09.1939 и утвержденное 07.09.1939 (т. 1, л. 208–209), и окончательный приговор от 21.11.1939 (т. 1, л. 237–238). Во всех документах дата ареста — 8 августа (тот же день, что и у Алиева), хотя в справке 1999 г. по каким-то причинам — 9 августа.

В анкете, в частности, указано социальное происхождение «из крестьян-кулаков», а в пункте о судимости сказано: «сужден

(так. — Авт.) в 1930 г. за халатность к работе. Приговор суда — 1 год условно». В чём тогда было дело, нам не известно. В графе «образование» стоит «среднее»; видимо, Педагогический институт в Ташкенте (на самом деле что-то вроде педагогического техникума) давал именно такое образование, однако потом в деле оно каким-то образом было переквалифицировано в незаконченное высшее.

В обвинительном заключении Даниярова написано, что «в 1921 г., будучи студентом Казакского педагогического института в г. Ташкенте, был завербован в антисоветскую националистическую организацию „Алаш-Орда“»; также упомянуты Тыныстанов и Алиев, с которыми он был в те годы связан. Далее говорится: «В 1922 году Данияров совместно с Алиевым и Тыныстановым выехал из Узбекистана в Киргизию для вербовочной работы и создания филиалов антисоветских националистических организаций на местах. Находясь в Таласской долине Кир. ССР совместно со своими сообщниками, оказывал активное содействие басмаческим бандам, оперировавшим против Сов. власти в районе Таласской долины. В городах: Фрунзе и Караколе проводил нелегальные сборища в целях подготовки вооруженного выступления...

В 1935 г., будучи заместителем начальника школьного отдела при Наркомпросе Кир. ССР, принимал участие в редактировании ряда литературных произведений и учебников на киргизском языке, в которых протаскивал к.-р. националистические толкования по вопросу скотоводства в Киргизии...

В 1936–37 учебном году, работая преподавателем Ошского полеводческого техникума, среди педагогического состава восхвалял старую бае-манапскую жизнь, рисуя дореволюционную Киргизию богатой и нищенской при Сов. власти».

Далее говорится о привлечении Даниярова к суду по статьям 58-2, 58-7, 58-10 (ч. 1) и 58-11 все еще действовавшего в Киргизской ССР Уголовного кодекса РСФСР. Отмечено: «Данияров Базаркул частично виновным себя признал».

Фиксируется также пункт, который в рассмотренных нами делах заполнялся редко: «Вещ. доказательство по делу: начальная грамматика на киргизском языке, автор Идрисов и букварь на кир. языке, автор Наматов — к след. делу прилагаются».

В имеющемся в нашем распоряжении втором приговоре анкетные данные частично меняются по сравнению с 1937 г.: образование названо «высшим», зато происхождение из середняков заменено на «из семьи бая». Полностью повторены пункты прежнего обвинительного заключения, но более подробно

сказано о том, в чём признался подсудимый: «Допрошенный по делу в качестве обвиняемого Данияров виновным себя признал только в состоянии им с 1921 по 1922 год членом „Алаш-Ардинской“ (так. — *Авт.*) к.-р. организации, а в остальной части виновным себя не признал». Всё совпадает с тем, что заявлял на суде Тыныстанов: видимо, какая-то студенческая организация в Ташкенте действительно была.

У нас нет полных материалов следственного дела, поэтому мы не знаем, почему дело Даниярова пошло иначе, чем другие. Может быть, он долго ни в чём не признавался, что всегда затягивало следствие; может быть, сыграло роль то, что следствие шло в Оше, а не во Фрунзе. Во всяком случае, в отличие от его друзей студенческих лет Тыныстанова и Алиева, его не включили в число тех, чьи дела рассматривала страшная «тройка» в ноябре 1938 г. В 1939 г. решили закончить все оставшиеся дела, но машина тогда работала уже иначе, и по статьям, в 1937–1938 гг. обязательно предполагавшим расстрел (58-2, 58-7), уже могли выноситься иные приговоры. Примечательно и двойное разбирательство: как мы ниже увидим, в 1939 г. в Киргизии проходила кампания пересмотра дел и кое-кто был освобожден. Может быть, стоял и вопрос об освобождении Даниярова, но в итоге старые обвинения (по крайней мере их основная часть) были подтверждены, только приговор «15 лет лагерей» был заменен на «10 лет» (такие ситуации в 1939–1940 гг. бывали, например, приговор С.П.Королеву в это время был изменен с 10 на 8 лет).

Дальнейшая судьба Базаркула Даниярова нам не известна. В справке не указана дата смерти, что наводит на мысль о том, что он дожил до освобождения из лагеря: смерть в местах заключения обычно в деле фиксировалась. Однако, по данным его дочери, он умер в 40-е годы.

РУССКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Как и в Казахстане, в Киргизии большую роль в становлении национальной культуры играли русские интеллигенты, постоянно проживавшие в республике. В целом они пострадали от репрессий меньше, чем национальные кадры, но гибли и они. Мы рассмотрим лишь судьбу одной семьи, о которой нами также была получена архивная справка.

Касаткин Леонид Леонидович, 1895 года рождения, уроженец г. Балашова Саратовской области, гражданин СССР, по национальности

русский, сын мелкого чиновника, беспартийный. Окончил реальное училище, в 1916 году художественное училище в г. Ленинграде (так. — Авт.) и 1-й курс гуманитарного факультета. С 1920 по 1922 год состоял членом Читинской организации партии СР (социалистов-революционеров, эсеров. — Авт.).

В 1922 году арестовывался, после 3-х лет лагеря был в ссылке.

Имел жену Мину Германовну, с которой познакомился в Соловецких лагерях, где оба отбывали сроки наказания, и сына Леонида.

В г. Фрунзе он прибыл в конце января 1926 года. В 1930 году был вторично арестован за антисоветскую деятельность и был осужден на 1 год. В начале 1932 года Касаткин Л.Л. вернулся в г. Фрунзе и проживал до 5 июня 1937 года, когда был арестован органами НКВД Киргизской ССР по необоснованному обвинению в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации. Решением Тройки УНКВД Киргизской ССР от 29 ноября 1937 года Касаткин Л.Л. был приговорен к высшей мере наказания, к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 8 декабря 1937 года.

В 1955 году уголовное дело в отношении Касаткина Л.Л. было рассмотрено Верховным судом СССР и Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 8 июня 1955 года дело прекращено производством за отсутствием состава преступления.

Касаткин Леонид Леонидович полностью реабилитирован.

Касаткина-Опескина Мина Германовна, 1903 года рождения, уроженка г. Одессы, гражданка СССР, по национальности еврейка, беспартийная, образование среднее, по специальности — музыкальный работник, проживала в поселке Калиец. Последнее место работы — музыкальный работник детского дома калийного комбината.

Привлекалась к ответственности в административном порядке в 1923 году на 2 года заключения, в 1927 году на 3 года ссылки в Соловецких лагерях (в документе явная неточность; видимо, следует читать: „на 2 года заключения в Соловецких лагерях и 3 года ссылки“. — Авт.), после отбытия срока заключения была сослана в г. Пишпек (Фрунзе, ныне Бишкек), где находилась с января 1926 года и работала в концертном бюро пианисткой при Союзе работников искусств.

В 1937 году по необоснованному обвинению в участии в организации контрреволюционной эсеровской группы и антисоветскую агитацию была осуждена Тройкой НКВД Киргизской ССР 29 ноября 1937 года к 10-ти годам лишения свободы.

На момент ареста имела семью в составе: муж — Касаткин Леонид Леонидович и сын Леонид — 10 лет.

26 ноября 1948 года была арестована органами МГБ Молотовской области в г. Соликамске (где проживала на момент ареста). Ей были предъявлены необоснованные обвинения в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Решением Особого совещания при МГБ СССР от 9 февраля 1949 года Касаткина-Опескина М.Г. была сослана (без указания срока) на поселение в г. Красноярск (Красноярский край. — Авт.).

Постановление Тройки НКВД Киргизской ССР от 29 ноября 1937 года было отменено 8 июня 1955 года определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР и данное дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 9 февраля 1949 года было отменено также за отсутствием состава преступления тем же Верховным судом СССР 28 декабря 1955 г.

Касаткина-Опескина Мина Германовна полностью реабилитирована.

К справке приложены копии документов: приговор в отношении Л.Л.Касаткина (дело СУ-8143, т. 1, л. 328), приговор в отношении М.Г.Касаткиной-Опескиной (дело СУ-1092, т. 2, л. 340), анкета арестованного, заполненная М.Г.Касаткиной-Опескиной в 1948 г. (там же, т. 1, л. 7), выписка из протокола заседания Особого совещания от 09.02.1949 (там же, т. 1, л. 45) и реабилитационное определение в отношении ее от 28.12.1955 (там же, т. 1, л. 48-49). В приговоре Л.Л.Касаткину сказано, в частности, что он принадлежал к эсерам с 1917 г., помимо судимостей 1923 и 1930 гг. указана еще одна судимость 1928 г. (видимо, не повлекшая за собой перемен в статусе). Касаткин «обвиняется в том, что с 1927 г. связан с активным эсером Ромодиным и проводил нелегально эсеровские (одно слово не пропечатано. — *Авт.*) через организацию музыкальн. (одно слово не пропечатано. — *Авт.*)». В аналогичном приговоре М.Г.Касаткиной-Опескиной указано, что она попала в Соловецкие лагеря за принадлежность с 1920 г. к меньшевикам, а арестована была 31 октября 1937 года. В 1937 г. ее вместе с мужем осудили за «эсеровскую деятельность», а в постановлении 1949 г. фигурирует уже «принадлежность к меньшевистской организации».

Необходимо привести и фрагмент из реабилитационного определения: «Проверкой архивно-следственного дела в отношении Касаткиной-Опескиной и других обвиняемых, произведенной в 1955 г., установлено, что дело против них в 1937 г. было сфальсифицировано бывшими работниками НКВД Киргизской ССР». Отметим, что столь четкие формулировки мы находим лишь в наиболее ранних по времени реабилитационных документах (не позднее начала 1956 г.), например в документах в отношении Рухуллы Ахундова и Ахмеда Джавада. Позже, где-то с весны 1956 г., наблюдается явный компромисс: прокурорские заключения и судебные постановления ограничивались реабилитацией ранее осужденных, но никак не затрагивали вопрос о причинах их осуждения.

Приведенные нами документы ничего не говорят о культурной деятельности Касаткиных в Киргизии. Кое-что мы смогли

узнать от их сына, тоже Леонида Леонидовича Касаткина, ныне доктора филологических наук, заведующего отделом диалектологии Института русского языка РАН. Он рассказал, что его отец в Чите занимал должность товарища министра просвещения Дальневосточной республики и был арестован сразу после того, как на территорию «буферной республики» вошли войска Красной Армии. Из Соловецких лагерей он в 1925 г. был отправлен в тюрьму Троицка на Южном Урале и уже оттуда попал в Пишпек, а его арест в 1930 г. был связан с организацией кассы взаимопомощи ссыльнопоселенцев. Он также говорит, что его отец вместе с жившим тогда в Киргизии известным художником Семеном Афанасьевичем Чуйковым (избежал репрессий) организовал Союз художников Киргизии и стал директором картинной галереи во Фрунзе, где выставлял свои работы, одновременно он преподавал в школе живописи. Его жена работала концертмейстером Киргизского театра оперы и балета. После последнего ареста она была отправлена на «вечное поселение» в поселок Мотыгино в нижнем течении Ангары, очень глухое и отдаленное от городов место. Как видно из документа от 28.12.1955, она после реабилитации по первому приговору уже жила в Бабушкине Московской области, теперь это Москва. Последующие годы она проживала в Москве, где работал ее сын. Умерла Мина Германовна в 1973 г.

ТЕ, КОМУ ПОВЕЗЛО

Все главы нашей книги посвящены почти исключительно людям, которые были расстреляны, погибли в лагерях или тюрьмах либо вернулись (меньшинство) после многих лет страданий. Единственные исключения — Самед Вургун и Мухтар Ауэзов, чьи судьбы сложились особым образом. Однако в Киргизии некоторые люди оказались на свободе сравнительно скоро.

Особое место среди них занял писатель **Аалы Токомбаев**. Есть архивная справка 1999 г., очень краткая. Однако в реабилитационной части дела Тыныстанова, где дается и информация о людях, упомянутых во время следствия, мы нашли более подробный документ (т. 2, л. 26): «Выписку из постановления следчасти НКВД Кирг. ССР в лице Гончаренко от 1 июня 1939 г. по делу № СУ-4700: Токомбаев Аалы».

Аалы Токомбаев родился 7 ноября 1904 г. в селе Чон-Кемин. В 1924 г. он опубликовал первые стихи, от которых потом было

принято вести отсчет киргизской литературы в собственном смысле слова (до революции стихи слагали лишь импровизаторы — акыны). Впрочем, выше мы упоминали о поэтической деятельности Белека Солтоноева и Касыма Тыныстанова; по крайней мере первый из них писал и печатался до 1924 г. Однако уже в 30-е годы Токомбаев выдвинулся как наиболее видный киргизский поэт. В 1927 г. он окончил САГУ, в том же году вступил в ВКП(б). В 1934 г. он стал первым председателем Союза советских писателей Киргизии. Как сообщил нам В.М.Плоских, жена Е.Д.Поливанова в следственных показаниях называла Токомбаева одним из наиболее близких к ее мужу в Киргизии людей (наряду с И.А.Батмановым, которого мы упомянем ниже, и дунганским поэтом Шивазой, которого не арестовывали). А потом поэта постигла судьба многих, которая, однако, имела не слишком обычное для того времени продолжение.

Приводим документ из следственного дела Тыныстанова, в котором изложено, что «нашел» в июне 1939 г. следователь Гончаренко:

Токомбаев Аалы, 1904 года рождения, ур. Кеминского р-на киш. Чон-Каинды Кирг. ССР, из крестьян-середняков, б. чл. ВКП(б), до ареста 16.10.37 предс. Союза Советских писателей Киргизии.

Токомбаев Аалы арестован 16.10.37 и привлечен к ответственности по ст. 58-4, -6, -7, -10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР.

Произведенным по делу расследованием инкриминируемые статьи обвинения не подтвердились, т.к. имеющиеся в следственном деле показания Джиенбаева, Шамуршина, Джумаева и др. не говорят о прямой принадлежности Токомбаева к СТП. Кроме того, следствию в процессе расследования стало известно, что Токомбаев на протяжении длительного времени вел активную борьбу по разоблачению к.-р. националистического охвостья. Так, им разоблачались... (приводятся фамилии. — Авт.), которые, как установлено материалами следствия, оклеветали Токомбаева...

Выдвинуто ими второе обвинение, что Токомбаев как поэт якобы использовал свое положение в литературе, восхваляя врагов народа, опошляя в своих трудах вождей партии и советские законы.

Проверкой литературных трудов Токомбаева, на которые был сделан упор как на антисоветские труды, комиссия в составе: Мансурова А.М. — штатный лектор ЦК КП(б) Киргизии и Шукуров Д. — директор Института языка и литературы — в своем заключении от 29 мая 1939 г. не установила к.-р. извращений.

Обвиняемый Токомбаев Аалы в предъявленном обвинении виновным себя не признал, в своих показаниях никого не оклеветал.

Исходя из изложенного и руководствуясь ст. 24 п. «б» УПК РСФСР,

Постановил:

Уголовное преследование в отношении Токомбаева А. производством прекратить и из-под стражи освободить. Дело № 4700 сдать на хранение в архив 1-го спецотдела УГБ НКВД Кирг. ССР.

Настоящим постановлением уведомить прокурора Кирг. ССР.

Старший следователь спецчасти НКВД *Гончаренко*

«Согласен»

Нач. спецчасти *Анашкин*

«Утверждаю»

Нарком Внутренних Дел Кирг. ССР капитан г/б *Абушенко*

4 июня 1939

Архивная справка 1999 г. в сокращенном виде повторяет данные документа, уточняя лишь, что уже в день составления заключения, до завершения всех формальностей, Токомбаев был освобожден из-под стражи.

Человеку повезло. Видимо, главной причиной было то, что Токомбаев «виновным себя не признал». До нас дошло немного свидетельств о пытках подследственных в этих республиках, но можно не сомневаться, что их было не меньше, чем в Азербайджане. Косвенные данные есть в деле Тыныстанова: медицинская справка, составленная накануне суда и расстрела, констатировала очень плохое физическое состояние обвиняемого. Но шанс получали прежде всего те, кто ни разу не признавался. По материалам азербайджанских дел видно, что их не ставили на заседания приезжавших из Москвы «троек»; видимо, и дело Токомбаева по той же причине не разбирали на заседании 5 ноября 1938 г. А в 1939 г., когда Ежова сменил Берия, по всей стране шел частичный пересмотр дел. Ситуации в Азербайджане и Киргизии оказались разными: в Азербайджане по-прежнему все решал Багиров, который руководил репрессиями в 1937 г., а новый нарком Берия был с ним много лет связан, а в Киргизии в 1937–1938 гг. руководство республики сменилось по крайней мере дважды и никого из отдававших команды об аресте в живых уже не было. Нарком Лоцманов (известный тем, что обвинял первого секретаря ЦКГ КП Киргизии М.К.Аммосова в произнесении на демонстрации 7 ноября 1937 г. лозунга «Долой коммунизм!») был также расстрелян вслед за своим предшественником Четвертаковым. Поэтому, в отличие от Гусейна Джавида, так и не вырвавшегося из репрессивной машины, Токомбаева решили освободить.

Токомбаев был восстановлен в партии и должности председателя Союза советских писателей Киргизии. Его ждала долгая

жизнь: он умер в июне 1988 года. Но пережитое наложило на него свой отпечаток. Двое из нас были знакомы с выдающимся тюркологом, академиком Киргизской академии наук Константином Кузьмичом Юдахиным (1890–1975), фамилия которого нам уже встречалась в связи с реабилитацией Е.Д.Поливанова. Юдахин, человек весьма независимый в своих суждениях и поведении, рассказывал Ф.Д.Ашнину, что Токомбаев, с которым он дружил много лет, был в сложных ситуациях чрезмерно осторожен и нередко боялся защищать тех, кто подвергался несправедливой критике.

Вопрос о признании или непризнании вины мог тогда оказаться значимым не только в Киргизии. Вот еще показательный пример, относящийся, правда, не к СССР, а к Монголии, где тогда копировали советский опыт слишком во многом. Среди многих репрессированных в этой стране был и выдающийся писатель и филолог **Цэндийн Дамдинсурэн** (1908–1986). Ему, однако, повезло больше, чем другим: арестованный в ноябре 1938 г., он в январе 1940 г. был освобожден и вернулся к работе. Как он позже писал: «Я вышел из МВД, оставив там несколько зубов при побоях, вышел нервнобольным и обовшивевшим» (цит. по [Яцковская 2002: 157]). А в 1998 г. его дочь А.Д.Цендина рассказывала на заседании в Институте востоковедения о встрече, которая произошла в 1981 г. Ц.Дамдинсурэн, к тому времени академик и Народный писатель Монголии, поехал в Хэнтэйский аймак. «Порог юрты переступил, опираясь на палку, старый человек. Он пришел из соседнего стойбища, где узнали, что в их края приехал Ц.Дамдинсурэн... Он не видел Дамдинсурэна с тех черных дней, когда они вместе сидели в тюрьме. „Ты спас мне жизнь, — сказал старик, не стыдясь своих слез, — и еще всех тех, кто последовал твоему совету не признавать вины“» [там же: 154].

Помимо К.К.Юдахина вклад в развитие Киргизии внес и другой **Юдахин**, инженер **Николай Петрович**. В архивной справке сообщаются следующие сведения. К ней также приложены анкета арестованного от 20 мая 1938 г. (д. № СУ-3061, т. 1, л. 35) и постановление о прекращении дела от 16 сентября 1939 г. (т. 1, л. 576–577).

По материалам архивного уголовного дела № 3061-СУ **Юдахин Николай Петрович**, 1904 года рождения, уроженец Казахской ССР, г. Аулие-Ата, ныне г. Джамбул, по национальности русский, социальное происхождение — из семьи служащего, образование — высшее техническое, профессия — инженер-ирригатор. Беспартийный.

В 1931 году окончил Московский институт инженеров водного хозяйства и мелиорации. В конце января 1931 года, по прибытии в распоряжение Киргизского водного хозяйства, Юдахин Н.П. был назначен старшим техником Южного отделения Киргизводхоза. По прибытии в Южное отделение Киргизводхоза Юдахин Н.П. был назначен прорабом нового строительства объекта «Найман» в Наукатском районе Киргизской ССР.

Летом 1931 года Юдахин Н.П. приступил к разработке проекта канала «Янги-Сузак».

1933 году Юдахин Н.П. был назначен старшим инженером строительного отдела Ирригационного управления Наркомзема Киргизской ССР.

В 1933 году Юдахин Н.П. был назначен начальником строительства «Узгенстрой».

В 1935 году Юдахин Н.П. был откомандирован в г. Ош для разработки проекта «Янги-Арык».

До ареста работал старшим инженером строительного отдела Ирригационного управления Наркомзема Киргизской ССР.

На момент ареста имел семью в следующем составе: жена — Юдахина Ольга Ивановна, дочь — Юдахина Мая Николаевна, сын — Юдахин Николай Николаевич.

17 мая 1938 года Юдахин Н.П. был арестован органами УНКВД Киргизской ССР по необоснованному обвинению в активном участии в контрреволюционной организации, в проведении систематической контрреволюционной вредительской деятельности, направленной на срыв строительства ирригационных сооружений.

Постановлением Следственной части НКВД Киргизской ССР от 16.09.39 г. уголовное преследование в отношении Юдахина Н.П. производством прекращено, а сам обвиняемый из-под стражи освобожден.

В анкете арестованного упомянуто, что один из братьев Юдахина, Василий Петрович, 1906 года рождения, арестован органами НКВД в Чимкенте, а за границей, в Чехословакии, живет его тетка. «Постановление о прекращении дела производством» очень похоже на аналогичный документ, подготовленный тремя с половиной месяцами раньше в отношении Токомбаева. Составил его следователь следственной части НКВД Киргизской ССР сержант госбезопасности Бородулин. Он «нашел» следующее:

Обвиняемый по данному делу Юдахин Николай Петрович арестован 17-го мая 1938 года в связи с поступлением в НКВД Киргизской ССР материалов о его принадлежности к контрреволюционной вредительской организации в Ирригационном управлении Наркомзема Киргизской ССР. Эти материалы заключаются в том, что обвиняемый по этому же делу Полоцкий в показаниях от 20-го апреля 1938 года говорит, что Юдахин, будучи участником контрреволюционной вредительской организации в Ирригационном управлении Наркомзема Киргизской ССР, вредитель-

ски провел трассу канала «Янги-Сузак» в Джалал-Абадском районе. Вредительство это заключалось в том, что Юдахин под непосредственным руководством инженера Буянова эту трассу провел по крутому косогору, по слабым, бесструктурным грунтам. В результате этого последовали прорывы канала.

Аналогичные показания о Юдахине дал Босомыгин от 20 мая 1938 года. Однако обвиняемый Босомыгин о Юдахине как участнике контрреволюционной организации не говорит.

От 4-го ноября 1938 года обвиняемый Ефремов говорит, что Юдахин является участником контрреволюционной вредительской организации в Ирригационном управлении Наркомзема Киргизской ССР. Об этом ему известно от активного участника этой организации Буянова. Остановливаясь на практической деятельности, Буянов говорит, что Юдахин вредительски построил канал «Найман» (на юге Киргизии)...

Впоследствии эти обвиняемые от ранее данных ими показаний отказались, заявив на предварительном следствии, что показания даны ими ложные, при помощи созданной на следствии обстановки с применением мер понуждения. Допрошенный по делу Юдахина свидетель Егоров Александр Григорьевич в показаниях от 14 марта 1938 года говорит, что объект Янги-Сузак был построен Юдахиним вредительски. Это вредительство заключалось в том, что Юдахин под руководством Полоцкого, Басамыгина, Буянова и других трассу этого канала провел через старое кладбище.

Свидетель Негоденко Борис Иванович в показаниях от 8-го мая 1938 года говорит, что Юдахин строил канал «Акджар», который построил с дефектами и при сдаче от комиссии по приемке это скрыл. Кроме того, что Юдахиним проводилось осушение болот «Арк-Ясы», «Читбай», «Мирзахи» в Узгенском районе и «Бостон» в Куршабском районе, на которые были затрачены большие средства, но по эксплуатации этой территории себя не оправдали.

Допрошенный в качестве свидетеля Фесенко Афанасий Митрофанович в показаниях от 29/IX 1938 г. говорит, что Юдахин вредительски построил объект «Янги-Сузак», вредительство заключается в том, что трасса этого канала была проведена по крутому косогору и слабому грунту, который в 1938 году местами подвергался разрушению.

Свидетель Петрушев Михаил Федорович на допросе от 1-го декабря 1938 года указывает, что обвиняемым Юдахиним недоброкачественно был произведен ремонт канала «Янги-Сузак» и также указывает на недоброкачественное составление технического проекта по каналу «Янги-Ош».

Свидетель Сосновский свои показания поставил под сомнение, ссылаясь на то, что якобы в его показаниях перечислено ряд фактов (так. — Авт.), о которых он не говорил.

В целях документации всех фактов вредительской деятельности и выявления конкретных виновников 8-го июля 1939 года была создана техническая экспертиза.

Техническая экспертиза в своем акте от 29-го июля 1939 г. отмечает ряд фактов и конкретных виновников, однако причастность Юдахина во

вредительстве сооруженных объектов в период его работы в Кир. Вод. Хозе Наркомзема не устанавливает.

Обвиняемый Юдахин свою принадлежность к контрреволюционной вредительской организации в Кирводхозе в показаниях от 3-го июня 1938 года признал, но затем от показаний отказался, заявив, что показаниям даны ложные, при помощи извращенных методов со стороны следствия.

Исходя из вышеизложенного, преступная деятельность Юдахина следствием не устанавливается. А поэтому —

П о с т а н о в и л:

Уголовное преследование в отношении обвиняемого Юдахина Николая Петровича 1904 г. рождения — производством прекратить, следственные материалы в отношении обвиняемого Юдахина выделить из спецдела № 4595 и сдать на хранение в архив 1-го Спецотделения УГБ НКВД Киргизской ССР, а обвиняемого Юдахина из-под стражи освободить. О чем копией постановления уведомить Прокурора Киргизской ССР. (Постановление утверждено уже упоминавшимся Анашкиным.)

Если Токомбаева спасла скорее всего его стойкость, то Н.П.Юдахина, первоначально всё признавшего, видимо, сравнительно поздняя дата ареста. До снятия наркома Ежова и начала пересмотра ряда дел следствие в отношении его еще не было закончено, а затем при «новой метле» первоначально даже было выгодно собирать показания об «извращенных методах со стороны следствия».

Дальнейшая судьба Николая Петровича нами не выяснена.

Следует назвать и самого видного из живших тогда в Киргизии тюркологов молодого поколения — **Игоря Алексеевича Батманова** (1909–1968). Он был самым близким из коллег Поливанова во Фрунзе и соавтором по нескольким работам, см. об этом [Ларцев 1988: 117–118]; есть данные о том, что именно он «переманил» Поливанова во Фрунзе [Ларцев 1988: 119]. Его наряду с Токомбаевым упоминала и жена Поливанова, тоже называя его арестованным. Батманов также работал в Научно-исследовательском институте киргизского языка и письменности и был арестован через несколько дней после Поливанова и Тыныстанова; затем в институте проходили собрания, во время которых выявляли связи остальных сотрудников с «врагами народа» Тыныстановым, Поливановым и Батмановым. Судьба последнего, однако, оказалась иной: он довольно скоро (дату и обстоятельства мы не знаем) был освобожден. Уже в 1939–1940 гг. вышли три тома его «Грамматики киргизского языка». Впоследствии И.А.Батманов стал известным языковедом-тюркологом, автором многих работ, был избран академиком Киргизской академии наук.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Казалось, что после 1939 г., когда Аалы Токомбаев и некоторые другие были освобождены, массовые репрессии в отношении киргизской национальной интеллигенции ушли в прошлое. Действительно, на некоторое время они прекратились. Потом начались совершенно другие бедствия, о которых мы здесь не говорим: война унесла многие жизни. Но в конце 40-х годов, когда, казалось бы, жизнь стала налаживаться, аресты возобновились.

Сейчас уже всем известны «Ленинградское дело», «Дело Антифашистского еврейского комитета», незаконченное «Дело врачей». Гораздо меньше знают (по крайней мере в России) о репрессиях в отношении всё еще тонкого слоя национальной интеллигенции в Казахстане и среднеазиатских республиках в 1949–1952 гг.

Эти репрессии были частью общей кампании против «буржуазного национализма», т.е. стремления тех или иных народов СССР активно или чаще пассивно противостоять общей политике распространения русского языка и русской культуры, единых для всей страны привычек и традиций, основанных на русской истории, русском быте и др. Если в Москве эта кампания больше всего затронула еврейскую интеллигенцию, то в республиках она была направлена против национально ориентированной части интеллигенции коренных народов. Особенно суровый характер она приобрела в недавно присоединенных к СССР регионах: Прибалтике и Западной Украине. Однако и в среднеазиатских республиках (за исключением Таджикистана) и в Казахстане она затронула ряд интеллигентов.

В этих республиках кампания приняла вид борьбы с «феодално-байскими пережитками», т.е. с той частью национальной культуры, которая сложилась до присоединения этих территорий к России. Наиболее связаны с этой частью культуры были ученые-гуманитарии, специально ей занимавшиеся. Именно против них были направлены репрессии. Пострадали еще немногочисленные в это время историки, литературоведы, в меньшей степени языковеды, иногда писатели. Сейчас трудно установить, насколько среди них на самом деле были распространены националистические настроения. Биографии репрессированных специалистов скорее свидетельствуют о том, что они были уже людьми всецело советской формации (иных в этих республиках после 1937–1938 гг. почти и не было). Однако для власти важно было искоренить даже потенциальные возможности проти-

вопоставления традиционной национальной культуры русской и интернациональной.

В 20–30-е годы общая политика государства в целом способствовала развитию национальных языков, литературы на национальных языках, а формула «национальная по форме и социалистическая по содержанию культура» позволяла сохранять ряд традиционных элементов национальной культуры. В частности, в 30-е годы, а затем после войны появились довольно полные издания эпических сказаний ряда народов СССР. Первоначально эти издания были положительно встречены в Москве, им была обеспечена хорошая пресса. Но затем мнение власти (видимо, лично Сталина) изменилось.

В 1949–1952 гг. (где несколько раньше, где несколько позже) начались проработки ученых и писателей, «идеализировавших феодально-байские отношения», затем часть этих людей была арестована. Смертных приговоров, кажется, не было, но далеко не все из этих людей вернулись в науку. В Казахстане пострадали ведущие историки Е.Б.Бекмаханов, Б.С.Сулейманов, Е.М.Исмаилов. В Узбекистане были арестованы писатель Максуд Шейхзаде и другие. В Туркменистане в 1951 г. началась кампания проработок в связи с публикацией «реакционного» эпоса «Коркуд-Ата», а затем его издатели были осуждены на длительные сроки заключения. Менее масштабной кампания была в Азербайджане, но и там видный историк Г.Гусейнов был лишен Сталинской премии и покончил с собой.

Иной характер ситуация приобрела лишь в единственной нетюркской республике региона — Таджикистане: там в этот период никто не был осужден. Основная заслуга принадлежит тогдашнему руководителю республики — Бободжану Гафурову (впоследствии академик, директор Института востоковедения АН СССР). Как рассказывали на торжественном заседании памяти Гафурова в посольстве Таджикистана в Москве в январе 1999 г., он, уже получив из Москвы распоряжение об аресте нескольких ученых, дал указание временно ограничиться домашним арестом до выяснения обстоятельств, поехал в Москву, добился приема у Сталина и сумел спасти этих людей. Но Гафуров — фигура уникальная в истории среднеазиатских республик: чиновник и просветитель, создатель национальной истории своего народа в одном лице; недаром память о нем и сейчас жива в Таджикистане. В других республиках не было своего Гафурова.

В Киргизии жертвами репрессий стали три специалиста-гуманитария, о делах которых мы располагаем архивными справ-

ками. Сначала процитируем их начальные части, посвященные периоду до ареста.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

по материалам уголовного дела № СУ-6039
в отношении Байджиева Ташима Исаковича

Байджиев Ташим Исакович, 1909 года рождения, уроженец Киргизской ССР, Тюпского района, села Тепке, по национальности — киргиз, социальное положение — из крестьян-бедняков, образование — высшее, профессия — педагог-литератор.

В 1925 году Байджиев Т.И. поступил во Фрунзенский Педагогический техникум, который окончил в 1930 году.

В 1940 году окончил Киргизский Педагогический институт.

С 1930 по 1931 г. работал заведующим детского дома в селе Гульча Гульчинского района, Ошской области, и работал учителем начальной средней школы (так в тексте. — Авт.).

С 1933 по 1935 г. занимал должность заведующего учебной части в Педагогическом техникуме города Джалал-Абад.

С 1941 по 1942 г. работал преподавателем в Педагогическом институте.

В 1942 был призван в Советскую Армию для прохождения воинской службы, участвовал в боях и был назначен командиром взвода 143 кантовской стрелковой дивизии (видимо, от названия поселка Кант в Киргизии. — Авт.). За заслуги перед родиной в Великой Отечественной войне был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

В 1944 году, после тяжелого ранения был отправлен в тыл, и ему было присвоено воинское звание — лейтенант запаса.

С 1944 по 1949 г. Байджиев Т.И. работал старшим преподавателем Киргизского Педагогического института.

С 1946 по 1949 г. работал научным сотрудником сектора «Манас».

В 1947 году был назначен на должность заведующего сектором «Манас».

В период с 1933 по 1950 г. перевел с русского на киргизский язык следующие произведения: «Чапаев» — Фурманова, «Кавказский пленник» — Лермонтова, «Повести Белкина» — Пушкина, «Бесприданница» — Островского, «Любовь Яровая» — Тренева и другие.

В период с 1938 по 1950 г. отредактировал более 40 произведений художественной, учебной и массово-политической литературы. Разработал и издал ряд учебной литературы для начальных классов: грамматика киргизского языка, грамматика и правописание киргизского языка. В соавторстве с Бектеновым З. разработал хрестоматию и учебник по киргизской литературе (фольклор).

До ареста работал преподавателем Киргизского педагогического института.

На момент ареста имел семью в следующем составе: жена — Байджиева Марья; дочери — Байджиева Рая и Байджиева Алтын; сыновья — Байджиев Мир (в анкете арестованного читается Нир. — Авт.) и Байджиев Мар.

В анкете арестованного (д. № СУ-6039, т. 1, л. 35–36), приложенной к справке, указано, что Байджиев с 1945 г. до ареста был кандидатом в члены партии (в 30-е годы такой срок кандидатского стажа, как уже упоминалось, встречался часто, но в 40-е годы гораздо реже); сказано также, что отец Байджиева умер, а мать проживала в той же деревне, где родился ее сын.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

по материалам архивного уголовного дела № СУ-6039
в отношении Бектенова Зияша

Бектенов Зияш, 1907 года рождения, уроженец Киргизской ССР, Туюпского района, села Кен-Су, по национальности — киргиз, социальное положение — из бай-манапов, образование — высшее, профессия — литературовед.

В 1916 году, после киргизского восстания, эмигрировал в Китай с семьей.

По возвращении из Китая в 1921 году и по 1925 год занимался хлебопашеством.

В 1925 году Бектенов З. поступил во Фрунзенский Педагогический техникум, по окончании которого, в 1930 году, был назначен на должность заведующего райОНО, по совместительству работал редактором Киргосиздата и преподавателем в средней школе и Педагогическом техникуме.

В 1936 году поступил во Фрунзенский Педагогический институт, который окончил в 1940 году.

В 1948 году защитил диссертацию и получил звание кандидата филологических наук.

В 1935 году был арестован органами ОГПУ Киргизской ССР (в то время НКВД Киргизской АССР. — Авт.) по необоснованному подозрению в националистической деятельности и в участии в контрреволюционной организации. После 3-х месячного содержания под стражей был освобожден за недоказанностью состава преступления.

С 1940 по 1941 г. работал заместителем директора по учебной работе в Пржевальском Педагогическом институте.

С 1941 по 1942 г. работал преподавателем во Фрунзенском Педагогическом институте.

В 1942 году был мобилизован в Советскую Армию и направлен в Иран, где находился в составе воинской части до конца 1945 года, а за заслуги перед родиной был награжден медалью «За победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг.».

С 1946 по 1950 г. работал научным сотрудником КирФАНа Академии Наук СССР.

С 1949 по 1950 г. занимал должность заведующего сектором фольклора и эпоса «Манас» в Институте языка, литературы и истории КирФАНа АН СССР.

В период с 1931 по 1950 г. Бектенов З. работал и опубликовал ряд учебной литературы: хрестоматия по киргизской литературе, в соавторстве с Байджиевым Т.И. выпустил учебник по грамматике киргизского языка, учебник по литературе. Также написал полный сюжет трилогии эпоса «Манас», включая поэмы: «Семетей» и «Сейтек».

До ареста занимал должность заведующего сектором фольклора и эпоса «Манас» в Институте языка, литературы и истории КирФАНа СССР.

На момент ареста имел семью в следующем составе: жена — Бектенова Ракия; сын — Бектенов Эмиль; дочери — Бектенова Гульхаир и Бектенова Айнура.

В приложенной анкете арестованного (т. 1, л. 48–49) уточняется, что Бектенов был «сыном волостного старосты», мать умерла в 1916 г. (видимо, погибла во время восстания), отец — в 1919 г. (т.е. в Китае), а два старших брата в 1950 г. жили в Китае, очевидно не вернувшись оттуда после 1916 г. Из троих ученых он единственный был беспартийным.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

по материалам архивного уголовного дела № СУ-6039
в отношении Саманчина Тазабека

Саманчин Тазабек, 1909 года рождения, уроженец Киргизской ССР, Кеминского района, села Джанги-Джер, по национальности — киргиз, социальное положение — из крестьян-бедняков, образование — высшее, профессия — педагог.

В 1925 году Саманчин Т. поступил во Фрунзенское Педучилище, которое окончил в 1929 году. После годичной учительской работы в г. Джалал-Абаде был направлен на учебу в Московский педагогический институт им. В.И.Ленина, который в 1934 году окончил.

С 1934 по 1935 г. работал на педагогической работе в г. Фрунзе. С 1936 по 1938 г. учился в аспирантуре Центрального института языков народов СССР в г. Москве и работал переводчиком «Ведомостей Верховного Совета СССР».

С конца 1938 года по 1949 год работал научным сотрудником [Института] Киргизского языка, литературы и истории в г. Фрунзе.

С 1942 по 1943 г. проходил службу в рядах Советской Армии.

В 1940 году было издано полное собрание сочинений Токтогула с предисловием и комментарием Саманчина Т.

С 1943 по 1949 г. состоял членом ВКП(б).

В 1943 году была издана книга «Очерки истории киргизской литературы» при участии Саманчина Т.

В 1944 году было издано собрание произведений Тоголок Молдо с комментарием и предисловием Саманчина Т.

В 1944 году была написана пьеса Саманчина Т. «За горами».

В 1946 году была написана работа Саманчина Т. о жизни и творчестве Калыча, которая в дальнейшем по разрешению Министерства просвещения Киргизской ССР была издана в качестве пособия для преподавателей средних школ.

В 1946 году был издан сборник рассказов Саманчина Т. под названием «Братья», посвященный теме дружбы киргизского народа с русским народом.

В 1947 году Саманчин Т. защитил диссертацию и ему было присвоено звание кандидата филологических наук.

В 1949 году был издан учебник для 9 класса, составленный Саманчиным Т.

В 1947 году Саманчин Т. принял участие в редактировании и переводе эпоса «Манас».

На момент ареста Саманчин Т. имел семью в следующем составе: жена — Даниярова Гульбара; дочь — Саманчина Бермет; сын — Саманчин Бектош.

В приложенной анкете арестованного (т. 1, л. 22) сказано, что к моменту ареста Саманчин занимал должность старшего научного сотрудника в Институте языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР (он преобразовался в Академию наук Киргизии позже, в 1954 г.); о родителях говорится, что они умерли, без каких-либо уточнений.

В архивных справках ничего не сказано о кампании проработок, шедшей до ареста этих людей. Велась она прежде всего по двум направлениям. В 1946 г. вышел первый том эпоса «Манас» в русском переводе, называвшийся «Великий поход». Поначалу эта публикация получила высокую оценку. Одновременно во Фрунзе шла работа по собиранию текстов эпоса (очень значительного по объему) у профессиональных сказителей — манасчи, в то время еще довольно многочисленных. На ее основе шла подготовка академического издания эпоса, в конце концов завершенная: трехтомный «Манас» вышел в 1958–1960 гг. Но вскоре «Великий поход» вызвал жесткую критику из Москвы (можно предположить, основанную на оценках Сталина). В нем нашли «идеализацию феодально-байского быта», «воспевание пиршеств феодалов» и т.д. Попутно началась ревизия и готовившегося издания эпоса на языке оригинала. Было заявлено о том, что «Манас» «народен в своей основе», но нужно очистить его от «феодально-байских наслоений» в ряде его частей, в частности в той, которая была названа «Великий

поход». Под удар попали те специалисты, которые занимались изданием «Манаса», прежде всего Байджиев и Бектенов.

Другая волна критики была связана с творчеством упомянутого в последней справке Калыча, т.е. акына Молдо Кылыча (1866–1917). Если в 30-е годы и в большей части 40-х годов он причислялся к классикам киргизской литературы, то в конце 40-х была произведена «селекция» творчества киргизских акынов. Если другие акыны, обозначенные в справке: Токтогул, Тоголок Молдо, — были отнесены к «поэтам-демократам» (оба жили и в советское время и были лояльны к новой власти), то Молдо Кылыч и еще некоторые акыны стали именоваться «реакционерными». Такие оценки сохранялись потом долго: см. 3-е изд. БСЭ 1973 г.: «Идеализировали патриарх. отношения, ратовали за чистоту мусульм. религии» (т. 12: 172). Саманчин как автор работы об этом акыне, где его творчество характеризовалось положительно, попал под огонь критики.

О дальнейшем узнаем из справок. Отметим, что аресты в Киргизии были одними из первых в регионе. По крайней мере, в Казахстане и Туркменистане они происходили позже, в 1951–1952 гг.

Первым был арестован Саманчин: 19 ноября 1949 г. Черед Байджиева пришел 10 января 1950 г., Бектенова — 4 мая 1950 г. Все трое были подключены к одному и тому же делу № СУ-6039. Органам МГБ легко было сфабриковать групповое дело: все трое безусловно давно и хорошо знали друг друга еще со времен, когда в 20-е годы в одно время учились в педагогическом техникуме. Байджиев и Бектенов выступали и как соавторы.

Во всех архивных справках дана одинаковая формулировка: «Арестован органами МГБ Киргизской ССР по необоснованному обвинению в участии в антисоветской националистической группе и враждебной деятельности на идеологическом фронте»; различны лишь даты ареста. Все трое были привлечены по статьям 58-10, ч. 2 и 58-11. Особое совещание при МГБ СССР 5 августа 1950 г. приговорило всех троих по этим статьям к одинаковой мере наказания: десяти годам лишения свободы.

Далее, однако, судьбы оказались разными. В справке о Ташиме Исхаковиче Байджиеве сказано: «18.02.52 года, находясь в заключении, умер». Ему было 42 или 43 года. Двое других дожили до реабилитации.

К архивным справкам приложены копии «Выписки из протокола заседания Центральной Комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и нахо-

дящихся в ссылке на поселения» от 19 сентября 1955 г. (то же дело, т. 2, л. 831 — Саманчин, л. 832 — Байджиев, л. 833 — Бектенов). На этом заседании приговоры каждому из осужденных были отменены, их дела прекращены. Двоих оставшихся в живых было предписано «из-под стражи освободить».

Людей реабилитировали, но официальная оценка истории киргизской литературы, сделанная в 1949 г., продолжала сохраняться. Может быть, поэтому в статье «Киргизская ССР» в 3-м издании БСЭ в перечне киргизских литературоведов ни одна из трех фамилий не упоминается. По-видимому, ни Бектенов, ни Саманчин после освобождения уже не смогли восстановить в киргизской науке прежние позиции. Зато в энциклопедии упомянуто имя сына погибшего Байджиева, писателя Мара Байджиева, выдвинувшегося в 60-е годы. Он получил всесоюзную известность, его пьеса «Дуэль» в переводе Василия Аксенова ставилась во многих театрах СССР. Даты смерти Бектенова и Саманчина нам выяснить не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

- Аккулыулы 1995 — *Аккулыулы А.* Судьба Букейханова // Юридическая газета. Алматы. 1995, № 35–36, 37–40, 41.
- Алпатов 1996 — *Алпатов В.М.* Николай-Николас Поппе. М., 1996.
- Алпатов 2000 — *Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. М., 2000.
- Ашнин 1963 — *Ашнин Ф.Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Народы Азии и Африки. 1963, № 2.
- Ашнин 1967 — *Ашнин Ф.Д.* Бекир Вагапович Чобан-заде // Народы Азии и Африки. 1967, № 1.
- Ашнин 1978 — *Ашнин Ф.Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
- Ашнин, Алпатов 1994 — *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
- Ашнин, Алпатов 1998 — *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело профессора Б.В.Чобан-заде // Восток. 1998, № 5.
- Бакинский рабочий — газета, Баку.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е и 3-е. М.
- Везир 1959 — *Везир Юсуф (Чеменземинли).* Рассказы. Баку, 1959.
- Везир 1973 — *Везир Юсуф (Чеменземинли).* Избранное. Баку, 1973.
- Вопросы 1937 — Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937.
- Гобэйдуллин 2002 — *Газиз Гобэйдуллин.* Казань, 2002 (на татар. и рус. яз.).
- Горбаневский — *Горбаневский М.В.* Конспект по корифею // Литературная газета. 25.05.1988.
- Гришина, Васильков, Перченко 1990 — *Гришина А.М., Васильков Я.В., Перченко Ф.Ф.* Репрессированное востоковедение // Восток. 1990, № 5.
- Гусейнов 1985 — *Гусейнов Г.* Предисловие // *Чеменземинли Ю.В.* В крови. Баку, 1985.
- Гусейноглу 1973 — *Гусейноглу Г.* Биографическая справка // *Мушфик Микаил.* Избранное. Стихи и поэмы. М., 1973.
- Джансугуров 1958 — *Джансугуров И.* Рассказы и фельетоны. Алма-Ата. 1958.
- Джансугуров 1962 — *Джансугуров И.* Стихи и поэмы. М., 1962.
- Джансугуров, Сейфуллин 1973 — *Джансугуров И., Сейфуллин С.* Стихотворения и поэмы («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1973.
- Джафар 1982 — *Джафар Мамед.* Гусейн Джавид. Баку, 1982.
- Джусупов 1995 — *Джусупов М.* Фонемография А.Байтурсунова и фонология сингармонизма. Ташкент, 1995.
- ДН — Дружба народов, журнал. М.
- Елм — газета, Баку.

- Жубанов 1936а — *Жубанов Х.* Из истории порядка слов в казахском предложении (вып. 1). Алма-Ата, 1936.
- Жубанов 1936б — *Жубанов Х.* Заметки о сложных и вспомогательных глаголах. Заметка первая. Сложное настоящее (вып. 2). Алма-Ата, 1936.
- Жубанов 1966 — *Жубанов Х.К.* Статьи по казахскому языкознанию. Алма-Ата, 1966.
- Земляной 2001 — *Земляной С.* Двойные агенты бога и дьявола-2 // Независимая газета. 28.06.2001.
- Зифельд-Симумяги 1927 — *Зифельд-Симумяги А.Р.* Uralo-Altica. Кн. 1. Баку, 1927.
- Зифельд-Симумяги 1930 — *Зифельд-Симумяги А.Р.* Тюркологические этюды. Баку, 1930.
- Иванов 1957 — *Иванов Вяч.Вс.* Лингвистические взгляды Е.Д.Поливанова // Вопросы языкознания. 1957, № 3.
- Икрамов 1991 — *Икрамов К.* Дело моего отца. М., 1991.
- Казакский 1934 — Казакский сборник. М., 1934.
- Казахская 1987 — Казахская литература и культура в дореволюционной периодике. Обзор. Алма-Ата, 1987.
- Какишев 1972 — *Какишев Т.* Сакен Сейфуллин («Жизнь замечательных людей»). М., 1972.
- Караев 1982 — *Караев Я.* Гусейн Джавид (к 100-летию со дня рождения). Баку, 1982.
- Каратаев 1965 — *Каратаев М.* Ильяс Джансугуров. Алма-Ата, 1965.
- Каратаев 1984 — *Каратаев М.* Предисловие // *Майлин Б.* Рыжая полосатая шуба. Алма-Ата, 1984.
- Кирабаев 1964 — *Кирабаев С.* Сакен Сейфуллин (к 70-летию со дня рождения). Алма-Ата, 1964.
- Кирабаев 1973 — *Кирабаев С.* Поэзия Сакена Сейфуллина // *Джансугуров И., Сейфуллин С.* Стихотворения и поэмы («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1973.
- Книга 1996 — Книга скорби. Расстрельные списки. Вып. 1. Алма-Ата, 1996.
- Козыбаев, Баймаханов, Алдажуманов 1996 — *Козыбаев М., Баймаханов М., Алдажуманов К.* Навечно в памяти народа // Книга 1996.
- Кононов 1973 — *Кононов А.Н.* Из истории отечественной тюркологии // Советская тюркология. 1973, № 1.
- Конрад 1937 — *Конрад Н.И.* Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937.
- КП — Казахстанская правда (газ.). Алма-Ата.
- Крылов — *Крылов С.А.* Морфонология современного монгольского языка (в печати).
- Ларцев 1988 — *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.
- Леонтьев 1983 — *Леонтьев А.А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983.
- Леонтьев, Ройзензон, Хаютин 1968 — *Леонтьев А.А., Ройзензон Л.И., Хаютин А.Д.* Жизнь и деятельность Е.Д.Поливанова // *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

- Майлин 1958 — *Майлин Б.* Повести и рассказы. М., 1958.
- Майлин 1960 — *Майлин Б.* Повести. М., 1960.
- Майлин 1964 — *Майлин Б.* Берень. Повести. Алма-Ата, 1964.
- Майлин 1984 — *Майлин Б.* Рыжая полосатая шуба. Алма-Ата, 1984.
- Маяковский 1987 — *Маяковский В.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1987.
- Мусаев 1993 — *Мусаев К.М.* Языки и письменности народов Евразии. Алматы, 1993.
- Мушфик 1973 — *Мушфик М.* Избранное. Стихи и поэмы. М., 1973.
- Мырзахметулы 1994 — *Мырзахметулы М.* Восхождение Мухтара Ауэзова к Абаю. Алматы, 1994.
- Плоских 1991 — *Плоских В.М.* Приговор // Слово Кыргызстана. 14.09.1991.
- Поливанов 1928 — *Поливанов Е.Д.* Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. Кн. 23–24. М., 1928.
- Поливанов 1931 — *Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. М., 1931.
- Поливанов 1968 — *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов 1991 — *Поливанов Е.Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
- Поппе 1933 — *Поппе Н.Н.* Лингвистические проблемы Восточной Сибири. Москва-Иркутск, 1933.
- Реформатский 1970 — *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Решетов 1995 — *Решетов А.М.* Павел Иванович Воробьев. Судьба человека и ученого: к 100-летию со дня рождения // Journal de la Société Finno-ougrienne, 86. Helsinki, 1995.
- Рошин 1996 — *Рошин С.К.* Уполномоченный Коминтерна (Турар Рыскулов в Монголии) // Восток. 1996, № 4.
- Садвакасов 1928 — *Садвакасов С.* Предисловие // Молодой Казакстан. Библиотека «Огонька». № 370. М., 1928.
- Симонов 1952 — *Симонов К.* Собр. соч. Т. 1. М., 1952.
- Симонов 1992 — *Симонов К.* Заканчивая путь вещей... 1970–1978. М., 1992.
- Смеляков 1973 — *Смеляков Я.* Предисловие // *Мушфик М.* Избранные стихи и поэмы. М., 1973.
- Старостин 1991 — *Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- Тайжанов 1991 — *Тайжанов А.Т.* М.О.Ауэзов — мыслитель. Алма-Ата, 1991.
- Тибекин 1968 — *Тибекин И.* Ильяс Кабулов. М., 1968.
- Труды 1936 — Труды Азербайджанского филиала АН СССР. Т. 30. Баку, 1936.
- Устинов 1988 — *Устинов В.М.* Зампред Совнаркома Российской Федерации. Алма-Ата, 1988.
- Чеменземинли 1985 — *Чеменземинли Ю.В.* В крови. Баку, 1985.
- Шкловский 1966 — *Шкловский В.* Жили-были. М., 1966.
- Юридическая — Юридическая газета. Алма-Ата.

- Яковлев 1970 — Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Яцковская 2002 — Яцковская К.Н. Поэты Монголии XX в. М., 2002.
- Comrie 1981 — Comrie B. The Languages of the Soviet Union. Cambridge, 1981.
- Kokugogaku 1955 — Kokugogaku-jiten. Tokyo, 1955.
- Landau, Kellner-Heinkele 2001 — Landau J.M., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States. L., 2001.
- Menges 1967 — Menges K. People, Languages and Migrations // Central Asia. A Century of Russian Rule. N. Y.—L., 1967.
- Otar 1999 — Otar Ismail. Kırmırlı türk şair ve bilgini Bekir Sidki Çobanzade. İstanbul, 1999.
- Poppe 1983 — Poppe N. Reminiscences. Bellingham, 1983.

Список публикаций по теме книги*

1. Смерть «Обыкновенного гения» // Радикал, 1990.
2. «Дело» академика А.Н.Самойловича // Восток. 1996, № 5.
3. Из следственного дела Е.Д.Поливанова // Восток. 1997, № 5.
4. Гибель профессора Губайдуллина // Altaica. II. М., 1998.
5. Дело профессора Б.В.Чобан-заде // Восток. 1998, № 5.
6. Казахский ученый и просветитель Ахмет Байтурсунов // Altaica. III. М., 1999.
7. Дело Рухуллы Ахундова // Восток. 2000, № 2.
8. Судьбы азербайджанских писателей (по материалам следственных дел) // Восточный архив, № 4–5. М., 2000.
9. Забытый востоковед. Артур Рудольфович Зифельд-Симумяги // Восток. 2001, № 1.
10. Халид-Саид Ходжаев // Восток. 2002, № 3.

* 1 — автор Ф.Д.Ашнин, 2–9 — авторы: Ф.Д.Ашнин, В.М.Алпатов, 10 — авторы: Ф.Д.Ашнин, В.М.Алпатов, Д.М.Насилов.

СПИСОК УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ

Центральный архив ФСБ (Москва)

Дело № Р-9502 (А.Н.Самойлович), дело № Р-27748 (Е.Д.Поливанов).

Центральный архив Министерства национальной безопасности Азербайджана (Баку)

Дело № Пр 16229 (Р.А.Ахундов), дело № Пр 18846 (Гусейн Джавид), дело № Пр 21729 (Г.Багиров), дело № Пр 22316 (Ахмед Джавад), дело № Пр 22326 (А.Р.Зифельд-Симумяги), дело № Пр 22390 (Микаил Мушфик), дело № Пр 23442 (А.А.Ахундов), дело № Пр 25993 (Г.С.Губайдуллин), дело № Пр 26762 (Х.-С.Ходжаев), дело № Пр 26926 (Б.В.Чобанзаде), дело № Пр 28306 (И.Гасанов, дело 1938–1939 гг.), дело № Пр 28388 (А.Таги-заде), дело № Пр 28895 (Б.Исмаилова-Шукюрли), дело № Пр 37467 (И.Гасанов, дело 1949 г.).

Центральный архив Комитета национальной безопасности Казахстана (в 1997 г. находился в Алма-Ате)

Дело № 04832 (Х.К.Жубанов), дело № 05099 (М.Ф.Гаврилов), дело № 06402 (С.Д.Асфендиаров), дело № 07875 (М.Жумабаев), дело № 09797 (А.Байтурсунов), дело № 12324 (Т.Шонанов).

Центральный архив Министерства национальной безопасности Кыргызстана (Бишкек)

Дело № СУ-1092 (М.Г.Касаткина-Опескина), дело № СУ-1523 (Б.Солтонаев), дело № СУ-3061 (Н.П.Юдахин), дело № СУ-4700 (А.Токомбаев), дело № СУ-5354 (Б.Данияров), дело № СУ-6039 (Т.Байджиев, З.Бектенов, Т.Саманчин), дело № СУ-7692 (К.Тыныстанов), дело № СУ-7748 (О.Алиев), дело № СУ-8143 («Социал-Туранская партия»).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 2002 г.	3
Предисловие	5
<i>Глава 1. Архивные документы о гибели А.Н.Самойловича</i>	7
<i>Глава 2. Следственное дело Е.Д.Поливанова</i>	21
<i>Глава 3. Разгром тюркской интеллигенции в Азербайджане</i>	51
Дело Рухуллы Ахундова	51
Дело профессора Чобан-заде	75
Гибель профессора Губайдуллина	86
Халид-Саид Ходжаев	94
Бакинские языковеды	106
Абдулла Таги-заде	106
А.Р.Зифельд-Симумяги	110
И.М.-З.Гасанов	119
Г.К.Багиров	125
Азербайджанские писатели	130
Ахмед Джавад	131
Микаил Мушфик	137
Гусейн Джавид	141
Юсуф Везир Чеменземинли	150
Другие писатели и критики	154
Самед Вургун	159
«Бросила графин в тов. Анкишевича»	163
Секреты бакинской электрички	168
<i>Глава 4. Казахстан</i>	176
Ахмет Байтурсунов	177
Лингвисты Шонанов и Жубанов	195
Первый казах-европеец	207
Магжан Жумабаев и другие писатели	213
Историки, публицисты, критики	234
Русские просветители	245
<i>Глава 5. Киргизия</i>	248
«Социал-Туранская партия»	249
Абдукерим Сыдыков	253

Аджиман Шабданов	257
Ишеналы Арабаев	258
Курманов, Сопиев и другие	259
Белек Солтонаев	260
Касым Тыныстанов	263
Осмонкул Алиев, Базаркул Данияров	267
Русские интеллигенты	271
Те, кому повезло	274
После войны	281
Литература	289
Список публикаций по теме книги	292
Список упомянутых в книге следственных дел	293

Научное издание

Ашнин Федор Дмитриевич
Алпатов Владимир Михайлович
Насилов Дмитрий Михайлович

РЕПРЕССИРОВАННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор С. В. Веснина
Художник Э. Л. Эрман
Технический редактор О. В. Волкова
Корректор И. Г. Ким
Компьютерная верстка Е. В. Катыхева

Подписано к печати 26.11.02
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 18,5+0,5 (вкл.). Усл. кр.-отт. 19,0
Уч.-изд. л. 19,2. Тираж 800 экз.
Изд. № 8057. Зак. № 6962

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

AA
N
K
E
L
O
P
3
5

Althrop
Cyrus
Cyrus

51
55
75
88
94
106
108
110
119
125
130
131
137
141
150
154
159
163
168
170
177
190
207
210
21
24
24
24
25

